

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 6 ЭКОНОМИКА

№ 4 • 2016 • ИЮЛЬ–АВГУСТ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в два месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Аузан А. А. Обращение к читателям	3
Третьяков И. А. Рассуждения о причинах изобилия и медлительного обогащения государств как у древних, так и у нынешних народов (1772)	4
Десницкий С. Е. Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имения в различных состояниях общежития (1781)	9
Васильев Н. С. Об успехах и настоящем состоянии политической экономии (1835)	22
Бабст И. К. О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала (1857)	35
Чупров А. И. О современном значении и задачах политической экономии (1874)	61
Булгаков С. Н. Введение в «Краткий очерк политической экономии» (1906) ...	72
Слущкий Е. Е. К теории [сбалансированного] бюджета потребителя (1915)	86
Первушин С. А. К вопросу о ценностных сдвигах в 1922 году (1922)	112
Цаголов Н. А. Предисловие к третьему изданию «Курса политической экономии» (1973)	122
Валентей Д. И. О системе демографических знаний (1973)	134
Татур С. К. История развития экономического анализа (1974)	149
Хачатуров Т. С. Экономика природопользования: введение (1982)	161
Попов Г. Х. Экономический механизм управления (1987)	167
Майминас Е. З. Социально-экономический генотип общества (1989)	186

Научная жизнь

Пахалов А. М. «Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика»: новейшая история (дайджест публикаций журнала за 1991–2016 гг.)	205
Герасименко В. В. Научные исследования экономического факультета: структура, динамика, приоритеты развития (к 75-летию экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова)	218

CONTENTS

Auzan A. A. Editorial	3
Tretyakov I. A. Discourse on the Causes of Wealth and Slow Enrichment of Ancient and Modern Societies (1772)	4
Desnitsky S. E. Juridical Discourse on the Views of Various Nations Concerning Property and Various Forms of Social Relationships (1781)	9
Vasilyev N. S. On the Achievements and Current State of Political Economy (1835)	22
Babst I. K. On Several Conditions Contributing to a Multiplication of National Capital (1857)	35
Chuprov A. I. On the Modern Meaning and Problems of Political Economy (1874)	61
Bulgakov S. N. Introduction to A Short Essay of Political Economy (1906)	72
Slutsky E. E. On the Theory of the Budget of the Consumer (1915)	86
Pervushin S. A. Towards an Issue of Shifts in Price Relations in 1922 (1922)	112
Tsagolov N. A. Preface to the Third Edition of «Textbook of Political Economy» (1973)	122
Valentei D. I. Population Knowledge System (1973)	134
Tatur S. K. History of Economic Analysis (1974)	149
Khachaturov T. S. Environmental Economics: Introduction (1982)	161
Popov G. Kh. Economic Governance Mechanism (1987)	167
Maiminas E. Z. Socioeconomic Genotype of a Society (1989)	186
<i>Academic Life</i>	
Pakhalov A. M. «Moscow University Economics Bulletin»: Contemporary History (Review of Journal Publications 1991–2016)	205
Gerashenko V. V. Researches of the Economic Faculty: Structure, Dynamics, Development Priorities	218

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Экономический факультет — название из XX в. — относится к явлению, возникшему задолго до самого названия, — к преподаванию экономических наук в Московском университете.

Поэтому научную историю факультета справедливо и законно числить с XVIII в., когда Иван Третьяков и Семен Десницкий привезли в Россию идеи основателя классической школы политической экономии Адама Смита и прочли первые в российской истории и в истории Московского университета лекции по политической экономии. Наша история — от Адама, что символично.

XVIII, XIX, XX вв. дают Московскому университету плеяду блестящих экономистов... Александр Иванович Чупров, известнейший русский экономист XIX в., на которого Карл Маркс ссылаясь в своем «Капитале», преподавал в Московском университете и руководил кафедрой. Евгений Евгеньевич Слуцкий — самый цитируемый русский экономист XX в. — защищал в Московском университете диссертацию. Научные результаты таких людей, образующие славу Московского университета, его экономического факультета и страны в целом, собраны в специальном издании «Вестника», которое предлагается вашему вниманию.

Нетрудно заметить, что это люди очень разных взглядов. Здесь и марксист Николай Александрович Цаголов, и христианский консерватор Сергей Николаевич Булгаков; здесь экономисты, представлявшие разные школы, многие из которых зародились в стенах экономического факультета МГУ.

Усилиями этих людей во второй половине XX в. возникает та полифония, которая связана с образованием научных школ в экономических науках, имея в виду не только политическую экономию и математические методы анализа экономики, но и демографию, природопользование, управление, экономический анализ и так далее. По существу, это тот фундамент, на котором стоит нынешний факультет, из которого выросли действующие ныне поколения его студентов, преподавателей и выпускников.

Можно надеяться, что и XXI в. предложит миру самого цитируемого российского экономиста, который также будет работать на экономическом факультете Московского университета, а также новые научные школы и направления.

Главный редактор журнала,
доктор экономических наук, профессор,
декан экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
А. А. Аузан

Иван Андреевич Третьяков

Иван Андреевич Третьяков (1735–1776) — российский ученый, юрист, экстраординарный профессор Московского университета, исследователь проблем правовой науки. Родился в Тверской губернии, окончил Тверскую духовную семинарию. После учебы в семинарии принят в Московский университет. Позднее переведен в Петербург, откуда, после подготовки в Академическом университете к поездке за границу, выехал вместе с С. Е. Десницким в 1761 г. в Глазго. Изучал там в университете философию и юриспруденцию, слушал курсы химии, математики, посещал лекции Адама Смита. По возвращении из заграничной командировки И. А. Третьяков был назначен экстраординарным профессором Московского университета с возложением обязанностей преподавать историю права. Это был первый профессор на юридическом факультете, который читал лекции на русском языке. В 1772 г. И. А. Третьяков опубликовал «Рассуждения о причинах изобилия и медлительного обогащения государств как у древних, так и у нынешних народов». В этой работе автор защищал право государства на вмешательство в экономическую сферу общества, а также критиковал крепостное право.

РАССУЖДЕНИЯ О ПРИЧИНАХ ИЗОБИЛИЯ И МЕДЛИТЕЛЬНОГО ОБОГАЩЕНИЯ ГОСУДАРСТВ КАК У ДРЕВНИХ, ТАК И У НЫНЕШНИХ НАРОДОВ¹

К изобилию и обогащению государств, слушатели, принадлежат *дешевизна и довольство*, кои между собою друг от друга ничем не разнятся. Вода для того дешева, что мы ею изобильны, в местах безводных и часто в походах ее дорого покупают; драгоценные камни для того дороги, что их немного. Для показания самого ближайшего пути к достижению сих выгод требуется сперва знать, в чем состоит довольство. При вступлении к сему я должен показать естественные нужды рода человеческого, которые требуют исправления и в чем общее мнение различествует; а по крайней мере моего внимания изъясню причины.

...Здесь, слушатели, открывается пространнейшее и едва пределами объемлемое поле разных изобретений, произведенных сильным могуществом души человеческой. Ее качествами произведен ученый свет и все то, что ныне под именем слывет наук и художеств.

Сии плоды и произведения души человеческой, умножаясь постепенно, возросли до толикого величества, что наконец единому оных и разумом объять возможности не было. От сего последовало оное многочисленное разделение, какое примечаем в науках ныне и художествах. Польза сего разделения сколько важна для обогащения государств, о том и сомневаться не должно. Ибо по толикому разделению наук и художеств делается разделение и самих трудов

¹ Текст публикуется по: Рассуждения о причинах изобилия... / Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в. — М., Т. I. 1952. С. 353–360.

человеческих; а разделением сих последних, как всякому небезызвестно, всякая вещь приводится в совершенство и с большою удобностию. В противном случае, если б такого разделения не было в трудах человеческих, никакой бы ремесленник своим трудом не токмо не разбогател, но ниже бы и довольное пропитание себе не мог снискать. Так, например, если бы часовой мастер или фабрикант последней вещи, иглы, один собою все принадлежавшее до совершенства таких и подобных сему вещей сам отправлял, то он едва бы в состоянии был сдавать в год одни часы, а в день одну иглу, когда, в противном случае, через разделение трудов на разные руки множество таких вещей в один день совершается и достается дешевле обществу.

Таким образом, показав сии две настоящие государственного обогащения причины, то есть разделение трудов и изобретение художеств, к другим приступаю.

Сколь выгодно, слушатели, учреждение банков для коммерции, которая также обогащает всякое государство, и сколь счастливое за собою ведет следствие, цветущее состояние Англии, Голландии и других премногих областей доказывает очевидно.

Многие писатели политические вооружились опровергать сие преположенное учреждение, поставляя, что *подрыв банков вреден и что государственное сокровище состоит во множестве сребра и злата*; однако Англия находит, что их подрыв не столь вреден, как обыкновенно воображали некоторые. Убыток, правда, понести могут, но немногие, ибо количество ходячей монеты в пропорции всего стяжания и богатства, кои народ в домах содержит, весьма маловажно, да и богатству целого государства от того важного ущерба не причиняется, потому что и самая часть сокровища государственного не состоит в злате и серебре; деньги к изобилию целого государства пропорции не имеют. Итак, ущерб того не столько страшен, как обыкновенно представляют писатели. Есть средство, и только одно, к отвращению худых следствий, происходящих от подрыва банков, и оно состоит в том, чтобы не позволять пользоваться банками одному, но ободрять умножение оных сколько возможно. Где банков много, там вселяется ревность, которая беспрестанно нечаяемо и неожиданно переносит аглинские ассигнации и в тот банк и другой, почему банкосодержатели остерегаются и принуждены предусматривать, как бы по принесении ассигнаций немедленно и безотговорно наличною монетою в том соответствовать.

Что до другого возражения принадлежит, то есть что государственное богатство заключается во множестве злата и сребра, заблуждение оное примечанием можно изъяснить следующим. Человеческое трудолюбие есть такое средство, которое и имущество и деньги усугубляет, хотя не всегда в одинаковой пропорции. Стяжание человеческое всегда и неусыпно стремится и готово свой труд приложить к тому, что есть предмет желаний и прихотей человеческих; и дела столько умножены могут быть, сколько человеческая сила в состоянии к тому приложить труда. Хлеба и подобных сему припасов всегда и большим изобилием иметь можно, нежели достать злата, сребра, драгоценных камней и проч., ибо одно в ближайшем находится достижении для человеческого трудолюбия, нежели другое. Почти всякую часть земной поверхности можно привести к тому, чтоб производила хлеб, лен и проч., но злато лежит сокровенно

в земных недрах, и к получению малого количества его требуется много времени, труда и иждивения.

Для сих причин монета никогда не доходит до такого количества, до каких умножаются другие вещи. И, следовательно, деньги становятся дороже или дешевле по рассмотрению, сколько какое государство трудолюбивее.

У народов невежественных деньги ужасно цену имеют высоку. Причиною тому есть то, что у них денег других не находится, кроме тех, кои могут достать грабежом; ибо знания нужного, как их ввезть в свое отечество, они не имеют. От сего-то и происходит, что у них и цена высока. Но когда какая земля приходит до некоторой степени знания в науках, цена монеты ниспадает. Тогда-то уже люди начинают проникать в земные недра, доставать руды и преобразовать из них некоторые в монету.

Со времен падения Римской империи до обретения Западной Индии монеты цена чрезмерно была высока и непрерывно возвышалась, потом чувствительно ниспадала.

Мнение о богатстве и государственном изобилии, состоящем в одних деньгах, поелику неосновательное, подало причину в некоторых государствах, а особливо в Англии, ко многим о том прениям. Из многих о некоторых здесь предложу.

Не что другое, как предрассуждение сему причинею, что вывоз монеты вне государства там запрещен. Такое запрещение чрезмерно вредно той земле, ибо, в каком бы государстве ни находилась какая часть денег сверх обращения, почитать ту должно точно за мертвое сокровище, в земле сохраненное.

Сие-то запрещение главнейшею причинею убожества было в Испании. Когда испанцы завладели рудокопными заводами мексиканскими, количество золота и серебра у них чрезмерно умножилось, ибо сии драгоценные металлы оставались у них без всякого употребления. Между тем иностранные цену своих товаров возвысили и тем самым испанцев принудили покупать вдвое и втрое те вещи, в коих они недостаток претерпевали. И от сего они мало-помалу начали приходить в чувствительный упадок.

Бедность страны никогда не произойдет от торгов с иностранцами, только бы оные управляемы были с осторожностью и благоразумием. Причины суть тому другие и те же самые, которые всякого приводят в убожество. Человек, если издерживает больше, нежели снискивает трудом, должен обнищать; равным образом в стране, когда она больше издерживает, нежели производит трудами внутри, а купечеством извне, нищета следует неизбежно.

Причины, кои препятствовали обществам достигнуть до такого цветущего состояния, в каком находятся нынешние государства, были или натуральные препятствия, или различные обстоятельства политические.

В первоначальном гражданстве разделение трудов и могло быть известным. Чрез долгое время люди, упражняясь в работе разных дел, едва могли доставить себе пропитание. Прежде нежели труд разделен быть мог, потребно было иметь избыток вещей. Недостаточный ремесленник без сего средства не может и приступить к заведению фабрик и мануфактур, ибо прежде, нежели человек сделается земледельцем, необходимость требует запастись ему по крайней мере на год съестными припасами, потому что он не прежде пожинает плоды

своего труда, как по окончании лета. Вследствие сего во всяком непросвещенном обществе не может никто оставить обыкновенного ремесла, которым занят и которое подает ежедневное пропитание, доколе он не снабдит себя потребностями так, чтобы оставалось и впредь на содержание себя и для начатия нового ремесла. Притом всякому небезызвестно, сколь трудно и в совершеннейшем состоянии народов снискать себе умеренный достаток. И ежели сие с толиким затруднением соединено в возвышенном состоянии рода человеческого, то несравненно с большим трудом и самая дневная пища снискиваема была при начинающемся обществе народов, которые, не имея заготовленного впредь, едва только в состоянии были плодами своих трудов из году в год пропитание иметь.

По сей причине и неудивительно, что такие народы везде долго закоснели в скудном состоянии. В нынешние просвещеннейшие веки и последний земледелец несравненно большими пользуется выгодами, нежели народы, рассыпанные по степям, без утвержденных жилищ кочующие. Такой, будучи снабжен и простыми орудиями, несравненно с большим успехом и с большею удобностию отправляет свои дела, нежели другой, не достигший до его состояния человек.

Другая тому поставляемая причина зависела от обстоятельств гражданских. Во всяком первоначальном гражданстве правительство примечается весьма слабым и не имеющим довольной власти к восстановлению благоучреждений в обществе, и потому оно не могло покровительствовать, ниже ободрять, а менее еще защищать оное от наглости и похищений соседних народов, ибо такие благоучреждения в правительстве производятся сильным могуществом и множеством веков совершаются.

В таких обстоятельствах между прочими многоразличными художниками и земледельцы, не имея от правительства надлежащего защищения и ободрения, делаются нерадивыми и неспособными к произведению обильных плодов своими трудами. От сего також обстоятельства часто рождается повсеместная в народе унылость духа и великое отвращение от трудолюбия: праздность на место ревностных подвигов больше в народе вселяется, от которой рождается большее число туенядцев, толь вредных обществу и не токмо не служащих подпорю государства, но более еще отягощающих оное и съедающих и последние плоды трудящихся немногих.

Но когда правительство и возымело довольную власть и силу к утверждению своего величества и к восстановлению благоучреждений внутренних, однако еще не в состоянии было защитить свои пределы от внешних нападений окрестных народов, которые в варварские веки своим завоеванием ужасные везде причиняли разорения. Нынешнее в европейских державах наблюдаемое равновесие, *balance de pouvoir*, тогдашним народам совсем не было известно; и потому победители, состав наподобие ветренной бури и овладев побежденными, земли их опустошали и самих их вконец разоряли. Доказательством сего суть арапы и другие премногие варварские народы, которые многочисленными ордами, не будучи другими державами от толикой наглости и свирепства воспрещаемы, другие земли вконец истребили. Кратко сказать: в тогдашние вре-

мена и при таких правления обстоятельствах едина война не меньше зла причиняла, как и оные два главные наказания Божие, то есть глад и мор.

Нередко также бывает препятственным обогащению государств и народный вкус, происходящий от особливых обстоятельств. Как, например, у римлян художества и другие упражнения, необходимо нужные к благоденствию отечества, оставлены были единственно для того, чтоб их стремление было больше к военному упражнению. Ибо в таких обстоятельствах, что большая часть народа за лестное и величественное признает, к тому и все свои желания обращают, оставя другие премногие, не меньше ж полезные для отечества упражнения, яко подлые и их внимания недостойные.

По сей причине у римского народа земледелие оставлено было в великом небрежении. Клавдий и Калигула воинам своим отдавали земли за ничто, на тот конец, чтобы те оные обрабатывали. А как солдат, по своему воспитанию, к такому делу совсем не сроден, того ради чувствительных успехов в его земледелии не оказалось.

Сии суть причины, препятствующие скорому обогащению государства.

Семен Ефимович Десницкий

Семен Ефимович Десницкий (ок. 1740–1789) — российский ученый, автор работ в области права, социологии и экономики, ординарный профессор юриспруденции Московского университета, член Российской академии. Родился в городе Нежин, окончил духовную семинарию Троицкой лавры. Учился в Московском университете, в 1761 г. был направлен вместе с И. А. Третьяковым в университет Глазго (Шотландия), где получил ученую степень магистра, а затем доктора права. В 1768–1787 гг. преподавал в Московском университете, был первым русским профессором права. В курсе римского и российского права в разделе «О благоустроении гражданском» Десницкий освещал экономические проблемы развития мануфактурной промышленности, торговли, сельского хозяйства, денег, кредита, государственного бюджета, налогов. В апреле 1781 г. выступил в университете с одной из самых известных своих речей — «Юридическим рассуждением о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имущества в различных состояниях общежителъства». В этой работе им была выдвинута теория эволюции права собственности в «четырех состояниях рода человеческого»: звероловческом и собирательном, скотоводческом, хлебопашеском и коммерческом.

ЮРИДИЧЕСКОЕ РАССУЖДЕНИЕ О РАЗНЫХ ПОНЯТИЯХ, КАКИЕ ИМЕЮТ НАРОДЫ О СОБСТВЕННОСТИ ИМУЩЕСТВА В РАЗЛИЧНЫХ СОСТОЯНИЯХ ОБЩЕЖИТЕЛЪСТВА, ГОВОРЕННОЕ АПРЕЛЯ 21 ДНЯ 1781 ГОДА*

Когда мы рассуждаем исторически и философски о различных преуспева-
ниях рода человеческого в различных знаниях и понятиях вещей и когда мы,
спускаясь с превознесенного нашего состояния, проникаем в самые отдален-
нейшие от нас и кажущиеся пред нами низверженными и не восстающими на-
роды, то не находим, слушатели, сего умозрительного народов созерцания для
нас удивительнее, приятнее и полезнее. Ибо если мысленно себе представим
испещряющегося искусством галла¹, сокровиществующего богатством батава²
и пролетающего небеса, моря и земли и своих Невтонах и Ансонах³ британца;
и если сравним сих, возносящихся толь несравненным своим состоянием на-
родов с камчадалами, готтентотами и обитающими в северных и южных пре-

* Напечатано впервые в типографии Московского университета в 1781 г., откуда воспроизводится в настоящем издании в сокращенном виде (опущены хвалебная часть вступления и заключение). Перепечатано затем в сборнике «Речи, произнесенные в торжественных собраниях Императорского Московского университета русскими профессорами оного» (ч. IV, М., 1823. С. 367–398).

делах народами, которым в наследие глад и хлад или и один токмо палящий зной природа оставила и на которых еще ни благодати божией, ни учения человеческого свет не воссиял, то сколь чудным, сколь удивительным и сколь приятным и научительным нашему взору представляется такое исследование рода человеческого, а особливо если к оному присовокупим еще и оное прежде бывших преславнейших народов воспоминание, в котором римлянина, поражавшего тьмы галлов и германцев⁴, и грека, некогда покорявшего все страны Асийские⁵, ныне лишь только одно имя у нас отзывается.

Сии толь чувствительные, прискорбные и чудные перемены рода человеческого многих уже великодушных и мужественных испытателей природы заставляли думать, что нет в наших ни рассуждениях, ни в испытаниях доказательных оснований, по которым бы можно сию вселенную утверждать вечною, не прменяемою или вреду какому не подверженною. Непрестанное, говорят они, и порывчивое движение всей видимой нами атмосферной материи, стремительные земли обращения, за которыми все части колеблются, примечаемые на небе перемены, простые к тому ж знаки не меньше, как и самые исторические предания Всемирного потопа или повсемственного стихий восколебания, — все сии приключения свету доказывают смертность мира сего и его видимое с одного состояния в другое переходение. Из таких наблюдений великими испытателями природы заключения нередко выводимы были уже и такие, что свет сей должен иметь свое отрочество, юность, мужество и престарелость так, как и свои, из которых состоит, не секомые и далее не разделяемые части⁶. И весьма уповательно, что человек, равномерно как и все животные и растущие на земле вещи, из всех таких всеобщих свету перемен исключен быть не может. В цветущем мира состоянии, может быть, род человеческий имел большую крепость в душе и теле, вожделеннейшее здравие, долговременнейшую жизнь и большую склонность и силу к порождению; однако если повсемственный порядок вещей и обществ человеческих течение имеют такие степенно восходящие и нисходящие обращения, то их весьма нескоро можно приметить и отличить в столь кратком веке, каков в летописях и преданиях начинается жизни человеческой. Возраст и крепость тела, долготы жизни, острота и пространство разума доказываются нам и во всех почти веках бывшими природными роду человеческому. И в таком нашем мнении о сем уверяют нас те самые искусства и науки, кои заподлинно процветали в одни веки и в другие упали; и хотя они при таких своих переменах и повсемственно исчезали в одном народе, однако в последовавших за оным других народах паки возникли и размножились по всему почти свету. Итак, сколько нам известно и сколь далеко чинимые нами о сем наблюдения могут простираться, то мы не можем еще приметить никакого ущерба в естестве человеческом и потому не можем и измерять различные рода человеческого преуспевания, возвышения и низвержения по оным приписываемым свету отрочествам, юностям, мужествам и престарелостям, по которым, как утверждает великий философ и историк аглинский [*Г. Лом* в философических и политических сочинениях], вотще принимался исследывать многолюдство древних и малолюдство нынешних народов излишествующий в своих о сем писаниях Воссий.

Но, к счастью наших времен, новейшими и рачительнейшими испытателями природы человеческий открыты нам несравненно ближайšie средства к исследованию народов в различных преуспеваниях по таким обстоятельствам и состояниям, по которым они, начинаясь от первобытного своего общежителъства со зверьми, восходили до высочайшей степени величества и просвещения. Таковых состояній роду человеческому полагаѣли и древние писатели четыре, из которыхъ первобытнымъ почитается *состояніе* народов, живущихъ *ловлею* зверей и питающихся *плодами саморождающимися* на землѣ; вторымъ — *состояніе* народов, живущихъ скотоводством, или *пастушеское*; третьимъ — *хлебопашественное*; четвертымъ и последнимъ — *коммерческое*. По симъ состояніямъ преславнѣйшіе писатели римскіе Юлій Цесарь, Тацитъ и Саллюстій измеряли различные преуспеванія не токмо своего народа, но и другихъ премногихъ [примечаніе по-латыни опущено], и по ихъ всеобщему описанію доказывается кратко, ясно и неоспоримо: «Что первобытные вездѣ народы, кои отъ греческаго языка и на латинскомъ прозваны *aborigines*, были грубые, дикіе и непросвещенные; в ловлѣ дикихъ зверей и в собираніи плодовъ, кои земля безъ удобрения рождала, всю жизнь препровождали; изъ зверскихъ кожъ ихъ одеянія, и изъ пещеръ земныхъ ихъ дома были; и не долго такіе народы на однихъ мѣстахъ пребывали, но по всемъ неутвержденнымъ жилищамъ скитались безъ всякихъ законовъ, безъ правительства, свободны и распутны. Некоторые изъ сихъ, будучи между собою в соседствѣ, иногда добровольно, а иногда и по принужденію, для удобнѣйшаго пропитанія и для отраженія всеобщихъ себѣ непріятелей, в общежителъство сошлись и семейства у себя и селенія завели, в которомъ соединеніи нужда научила ихъ хлебопашеству и оградленію себя стѣнами для защищенія отъ непріятелей. После чего законы, права и правительства у нихъ начали происходить. Такимъ образомъ сошедшимся в общежителъство народамъ надобно было некоторыми природными правами поступиться, а особливо когда необходимость того требовала, чтобы и частныхъ людей силы соединяемы были съ силами общества для отраженія всеобщаго непріятели. Но и при семъ теснѣйшемъ соединеніи первобытные народы упорно за собою удерживали свои персональные права и природную вольность и не прежде, какъ по прошествіи долговременности, оными поступились правительству. Отъ сего обстоятельства и самыя первоначальныя обществъ народныхъ правительства примечаются столько слабыми и неустроенными, что в оныхъ судьи, кромѣ медиаторской или посредственнической, никакой другой почти силы, ни власти надъ частными людьми имеющими не доказываются»⁷.

Такое происхожденіе и возвышеніе обществъ человеческихъ есть сродно всемъ первоначальнымъ народамъ, и по онымъ четвероякимъ народовъ состояніямъ мы должны выводить ихъ исторію, правленіе, законы и обычаи и измерять ихъ различные преуспеванія в наукахъ и художествахъ. Сими восхожденіями достигалъ римлянинъ до необъемлемыя имперіи, и подобными симъ достиженіями превзошли римляне нынѣшніе европейскіе народы и на развалинахъ ихъ имперіи, какъ уверяетъ г. Робертсонъ, утвердили свои несравненно просвѣщеннѣйшіе науки и обогащенныя художествами державы.

При семъ воспоминаніи и сравненіи народовъ воззрите, превознесенные подъ благословенную державою Екатерины российскіе потомки, на своихъ отдаленнѣйшихъ предковъ и при всерадостнѣйшемъ торжествѣ рожденныя нынѣ на про-

свешение и преуспевание толиких народов монархини вспомните, от каких малых начатков происходили российские первобытные народы aborigines и до колкого ныне они достигли величества, славы и могущества!..

Итак, сообразуясь высочайшим намерениям великой предводительницы просвещения и преуспевания народного, елико времени и вашей благосклонной, п[отченнейшие] с[лушатели], терпеливости достанет, краткое предложить намерен *рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имени в различных состояниях общежителства.*

Собственность по самому высочайшему понятию нынешних просвещеннейших народов заключает в себе:

1. Право употреблять свою вещь по произволению.
2. Право взыскивать свою вещь от всякого, завладевшего оною несправедно.
3. Право отчуждать свою вещь, кому кто хочет, при жизни и по смерти.

Каким образом разные народы и в различных состояниях натурально и постепенно достигают до понятия сего права собственности, о том теперь следует рассуждение.

I. СОСТОЯНИЕ НАРОДОВ, ЖИВУЩИХ ЛОВЛЕЮ ЖИВОТНЫХ И ПИТАЮЩИХСЯ ПЛОДАМИ, САМОРОЖДАЮЩИМИСЯ НА ЗЕМЛЕ

1. Когда человек честным образом овладеет какою вещию, то чрез такое овладение он делается к ней паче прочих пристрастнейшим и приобретает чрез то ошутительное ожидание к беспрепятственному употреблению завладенной им вещи. Вследствие такого пристрастия и натурального ожидания, рождающегося в человеке к овладению вещи [Г. Блэкстон⁸, коего сочинения ныне и на российский язык переводятся, утверждает из священного писания, что по оному слову божию: «раститесь, множитесь и наполняйте землю, и обладайте ею» (Бытия, кн. 1, гл. 1, с. 28), живущий на свете сем человек только может и собственности иметь над внешними вещьми. Но как о сем толь важном предмете имеются у разных аглинских, равномерно как и у других европейских писателей, новейшие рассуждения, того ради таковых мнения и я вознамерился здесь подробнее исследовать], и мы, посторонние зрители, почитаем лишение такой вещи несносным для человека, а особливо, когда он лишается ее насилем и обманом другого человека, ибо мы взираем на всякое такого роду покушение и посягательство не инако, как на самое величайшее бесчеловечие и внутренно чувствуем себя расположенными к наказанию такого злодея и к прекращению таких пороков в обществе. При таком несправедном похищении вещи, приобретенной честным образом, нам представляются обстоятельства похитителя и владателя совсем несходственными, в которых владеющий вещию кажется нам имеющим несравненно большую связь с оною, нежели другой, похищающий ее; и владатель нам представляется больше претерпевающим от лишения своей вещи, нежели похититель, когда он правосудием принуждается быть без нее.

От сего пристрастия и ожидания, какое мы получаем при завладении вещи, рождается у нас самопростейшее и первое понятие о собственности, и в силу оного мы почитаем, что лишать человека владения или препятствовать ему

в употреблении своя вещь есть явное беззаконие и что владеющий оною имеет право употреблять ее по своему произволению и исключать прочих всех от владения и употребления своя вещи.

Но в первобытные времена и в первоначальном естественном состоянии, когда народы получают главнейшее пропитание ловлею диких зверей и собираемых плодов саморождаемых на земле, мы не видим такого ясного понятия о собственности, какое ныне примечается установленным между народами просвещеннейшими. Ибо когда люди живут в сем первоначальном состоянии и получают все свое прокормление от ловли зверей в воде и на земле, тогда они не имеют довольного случая к приобретению великого понятия о собственности, потому что, будучи незнающими, каким образом сохранять пищу от нетления, они никогда и не помышляют о скоплении оной в великом количестве на будущее время. В таком состоянии и обрабатывание земли бывает мало им известно и внимательно; но как скоро народы узнают питательнейшую пищу, приготавливаемую из животных, то они и предпочитают оную пище, приготавливаемой из растений, поколику первая вкуснейшею представляется диким народам, нежели последняя. По сей причине редко случается у таких народов, чтоб они прилагали старание к великому и собиранию плодов земных на пищу. Сверх сего, и самое одяение у диких народов бывает весьма простое и немногое и состоящее по их климату из кож животных и рубищ самопростейших. Здания же, в коих дикие народы укрываются от зноя и от стужи, состоят в самопростейших хижинах, пещерах и вертепах, сделанных природою или и немногим искусством и трудом человеческим. Ниже притом такие у них жилища снабжены великим множеством сосудов, орудий и приборов домашних по той причине, что у них никакого к тому изобретения и искусства не имеется, и орудия их самонужнейшими почитаемые суть те, которые необходимо нужны на уловление и приготовление зверей в пищу.

Сии сами собою простые и немногие вещи составляют всю собственность имения у народов, живущих ловлею зверей и питающихся плодами саморождаемыми на земле. А поколику они имеют весьма немногие и недрагоценные у себя во владении вещи, того ради и собственность сих редко у них бывает подвержена татьбе и похищению. Ниже при том и находящиеся у них вещи пребывают в долговременном их владении, ибо, когда живущий в таком состоянии человек убьет или поймает какого дикого зверя, то он тотчас его съедает или приносит в дом на скорейшее съедение своим домашним. Следовательно, в толь краткое время владения он не имеет случая пристраститься к такой вещи больше других людей и, употребив немного труда при завладении вещи, он малочувствует и несправедливости в похищении оной другими людьми у него.

Сверх сего, и то надобно примечать, что у народов, живущих ловлею зверей, и самое употребление вещей бывает по большей части нераздельное и общее всем. Ибо как они живут все в одной хижине или пещере, то оных жилищ имеют совокупное и нераздельное владение и употребление; и как они едят все вместе, то их и съестные припасы бывают всем общи, а по недостатку даже и самые одяения у них, точно как и у наших крестьян, бывают носимы и обоим полом одинакие и нераздельные.

Итак, когда у народов, живущих ловлею зверей и питающихся плодами саморождающимися на земле, не имеется в вещах раздельного владения, то им и различие того, что *твое* и *мое*, весьма мало вразумительно. Сходственно с сим заключением, когда Колумб впервые прибыл к американцам, то они испанцам невозбранно дозволяли брать и употреблять у себя все, что ни было у них; но когда американцы равным образом стали брать у испанцев, что им нравилось, и встречены были с явным отказом им во всем, то они такому испанскому с ними поступку не могли довольно надивиться и почли такое обхождение крайне странным и неслыханным прежде в их отечестве (*смотри Путешествие Колумба, гл. 2, стр. 44, на аглинском*).

2. А поколику народы, живущие ловлею зверей, не имеют довольно ясного понятия о праве собственности к употреблению вещи раздельному и особенному каждого человека, то они еще и меньше имеют понятия о праве взыскивать свою вещь от всякого, завладевшего оною по потере и похищении, ибо сия вторая часть права собственности им еще и паче невразумительною бывает потому, что оное ожидание к беспрепятственному употреблению владения вещи у таких народов весьма умалывается и почти исчезает, пак скоро вещь и соединенное с нею владение теряется. Сие примечание весьма прилагательным может быть у таких народов во всех их движимых вещах, в каковых у них и все почти имение состоит. Ибо когда у питающегося ловлею животных человека пойманный зверь уйдет, то надежда у него к сысканию ушедшего зверя натурально прекращается, как скоро из рук его животное вырвется. Равным образом, когда такой человек потеряет владение и движимой какой вещи, то его надежда к отысканию и употреблению оной скоро умалывается; и нашедшие оную его товарищи нимало не сочтут за обиду потерявшему прибрать такую вещь себе и употребить в свою пользу, потому что у таких народов владения не утверждены и не защищаемы бывают ни правительством, ни законами. Итак, у всех первоначальных народов, имеющих во владении одни только движимые вещи, *право собственности* примечается совсем нераздельное с владением, то есть продолжающееся только, пока вещь во владении имеется; и такое понятие о праве собственности приметил уже и французский путешественник Шарлевуа народов северных американских, у которых, по примечанию сего писателя, всякая вещь, хотя бы и на малейшее время потеряна была, невозвратно становится во владении нашедшего оную; и сие он доказывает нижеследующим случаем: «Некоторая американская старуха, имеючи только и пожитков, что одно ожерелье, ценою до 10 французских эку, около 11 рублей с четвертью, которое она в работное время на поле принуждена была повесить на дереве; что приметя другая женщина, как скоро удалась хозяйка, прибежала к дереву и, похитив сумку, вскричала, сколь счастливо ей удалось найти такую драгоценную вещь! Бедная старуха, взглянув на свою вещь, тут же говорила, что она была ее, что она ее повесила тамо и не потеряла, не позабыла, и хотела снять, идучи домой. Во многом споре между сими двумя женщинами, у которых, однакож, никаких укоризненных слов в воровстве по происходило, дело дошло до начальника деревни, который по рассмотрении всего говорил, что по сущей правде найденная вещь принадлежит тому, кто нашел; но если нашедшая сумку женщина не хочет прослыть корыстолюбивою, то она должна

возвратить ее взыскивающей старухе и быть довольною некоторым за то подарком, который старуха ей по совести обязуется дать».

Такого неразрывного права собственности со владением и теряемого с потерянной владеемой вещи много примечается происходящего от сих обстоятельств и продолжавшегося и в законоположениях таких народов, кои уже и просвещенными почитались, а именно: по старинным законам римским, когда человек закладывал свою вещь за долг, то собственность закладываемой вещи всегда предполагаема была в законе приносимо заимодавцу, который оную собственность возвращать по уплате долгу закладчику обязывался и контрактом. По сей самой причине и по тем же старинным законам римским, если человек отдавал вещи другому по обещанию, исторгнутому насилеи, то он уже не почитался владельцем исторгнутых таким образом у него вещей, и имел *персональную челобитную*⁹ на претерпенные чрез то убытки, которая челобитная (*actio metus causa*) у римлян и подаваема была в случае исторгнутых страхом или насилеи вещей лишь только на одного похитителя, а до других, перекупивших оную, не простиралась, до которых она распространена была гораздо после и переименована *персонально-вещественною челобитною* (*actio personalis sed in rem scripta*). Подобное ж понятие о собственности примечается бывшим и у всех древних германцев, у которых по старинным законам, если человек давал свои вещи на время, то потерянных не мог вещественною челобитною отыскивать у другого, завладевшего оными несправедливо. Сие обыкновение, как утверждает Гейнекций, и поныне почитается законом в Любеке, Гамбурге, Пруссии, Швеции и Голландии (*Heineccii ad tit. d. de rei vindicat*) [*Гейнекций, глава о законах востребования по иску вещей из его труда «История гражданского права римлян и германцев»*].

3. В заглавии сего рассуждения у нас было сказано, что по самому высочайшему народов понятию о собственности, владеющий вещию человек имеет право и отчуждать оную всяческим образом при жизни и по смерти. Сие право собственности рождается в человеке от прежде описанного права, по которому он имеет власть и к употреблению владеемой вещи по своему произволению. Ибо если в воле хозяина состоит истреблять свою вещь употреблением, то он может и бросить и поступиться оною кому хочет; оставленную и отказанною таким образом от него вещию может другой овладеть точно так, как бы она и никогда первому не принадлежала. Из сего натуральное следует заключение, что овладевший вещию по отчуждению хозяин имеет такое же право употреблять оную по произволению, какое имел и отчуждивший ее хозяин. Ибо возымевши над отчужденною вещию равномерную власть, он может равномерно ее и употреблять по произволению и, получив ее честным образом и по добровольной уступке, он не имеет и причины сомневаться, чтобы такое завладение вещи могло причинять прежнему хозяину оной или другому кому-нибудь какое-либо беспокойство и досаду. Сим уравнительным одного права с другим мы снискиваем понятие и о последнем, третьем, праве, по которому владеющий вещию уполномочивается отчуждать оную добровольно при жизни и по смерти.

Но сколь бы сего права происхождение ни было ясно и вразумительно для нас, однако оному ни малейшего уважения не делается у непросвещенных, а особливо у живущих ловлею зверей народов, по той причине, что у них мало

бывает и случая к отчуждению вещей в таком бедственном и недостаточном состоянии, в котором они, не имея никаких художеств, не имеют для продажи и обмена никаких и вещей. У таких народов рукоделия бывают весьма простые и немногие, и потому всеми частными семействами везде и производятся не с излишеством, но сколько надобно для себя самих. Почему у таких народов коммерции или мены вещей никакой почти не примечается; и для того живущие в сем состоянии народы не могут иметь понятия о таком праве, для употребления которого они и случая почти не имеют. Да хотя бы в таком состоянии кто и отважился отчуждать или променивать свою вещь, но одним словесным своим произволением он того сделать не может по той причине, что в таком состоянии народы бывают весьма вероломны и не соблюдающие своих обязательств и договоров. И мы видим из путешествия г. Нордена по Нилу реке, что у народов, обитающих там, в вышнем Египте, отчуждение вещей, чинимое по купле и продаже, обыкновенно разумеется не совершенным даже и тогда, когда вещь отдана бывает и заплачена, как то явствует из следующего Нордена там приключения, а именно: когда слуга его купил в тамошнем месте овцу, припаленную одним из обывателей к их судну для продажи, то по долгом и хлопотливом торговании продавец оставил овцу покупателю за два севилана¹⁰ и, взяв деньги за оную, отошел от него; но не более как чрез полчаса возвратился опять к покупателю и, отдавая ему деньги, требовал возвращения своей овцы. Огорченный покупатель таким поступком продавца не хотел нарушить своего договора, тем менее, что ему надобна была овца для пищи; но продавец упорно настоял и сделал такой крик при сем случае, что многие из его одноземцев, сбжавшись толпами, требовали непременно возвращения овцы; чего ради покупатель, дабы не дойти до великой крайности, принужден был взять деньги свои обратно и возвратить ему овцу. Но при всем том она комедия еще не кончилась, ибо продавец по немногом времени вторично пришел к нему с овцою, за которую требовал уже трех севиланов. Не рад будучи продавцу и товару такому, покупатель отогнал его прочь; но сей, приметя, что он не хотел купить у него овцу, старался упорно принудить его взять оную за первую цену, то-есть за два севилана. По многим хлопотам напоследок с обеих сторон покупателем взята была овца за один севилан и за небольшую меру хлеба, ко-его цена, однакож, была гораздо меньше севилана. В государстве, Мондиго называемом, лежащем по внутренней стране Африки между реками Серрелиона и Сенегал, обыкновением установлено дозволять человеку, продавшему что-нибудь поутру, уничтожать свой договор до захождения солнца, возвратя назад цену. Сие странное обыкновение, говорит г. Норден, великим было поводом к обманам, ибо в таком случае, если бы кто купил птицу или яйцо, то великая из того опасность следовала есть оное, не дождавшись другого дня, поколику покупатель принужден бы был заплатить за оное вдесятеро, в случае если бы он, съевши купленное, при требовании не в состоянии был возвратить назад (смотри о сем нынешнюю Универс. истор. на аглинском языке, т. 17, стр. 275)¹¹. Сия самая трудность, происходящая от недостатку понятия о праве отчуждения собственности, была причиною введения толиких форм и обрядов, кои у народов непросвещенных обыкновенно наблюдаются при всяком заключаемом обязательстве.

II. СОСТОЯНИЕ НАРОДОВ, ЖИВУЩИХ СКОТОВОДСТВОМ, ИЛИ ПАСТУШЕСКОЕ

Когда народы поправят свое состояние приучением и разведением у себя диких зверей домашними, то они натурально возвышаются и в своем понятии права, принадлежащего до собственности. В сем состоянии они владеют именьями несравненно в большем и многообразнейшем количестве, нежели народы, живущие ловлею диких зверей. Ибо, изобилуя стадами различных животных, они имеют великое приумножение имений и, будучи оными в недостатках своих удовольствованы, имеют спокойнейшую и прохладнейшую жизнь, отчего и сами они делаются расположенными больше к людскости, человечеству и к наблюдению правоты в обществе. Словом, в сем состоянии пастушеском и скотоводственном народы примечаются имеющими больше понятия о собственности потому, что в оном начинают владеть большим множеством вещей прочнейших и долговременнейших, нежели в первом состоянии; и, живучи в пастушеском состоянии прохладнее, выгоднее и в большем обществе, они бывают благосклоннейшими и обходительнейшими. Сверх сего, и самая польза, происходящая от утверждения всякому частному человеку собственности, начинает быть в сем состоянии гораздо больше известною. Ибо в сих обстоятельствах каждый начинает довольно чувствовать, что и он равным образом будет обижен, если обидимого не будет защищать.

1. Но, невзирая на все вышесказанные и благоприятствующие к утверждению собственности выгоды, есть и в сем состоянии препятствие, не дозволяющее и живущим народам скотоводством доходить до совершеннейшего понятия о праве собственности к употреблению вещей по произволению; и в достижении до такого понятия о сем праве они воспящаемы бывают по причине их совокупного и нераздельного имения, каковое у них примечается общественным в семействах и в соседствах.

Разные семейства в юртах и ордах кочующих и живущих скотоводством народов хотя и многолюднейшие бывают, однако имеют владения у себя общие и наблюдают тесное между собой общежительство. Живущие скотоводством народы часто собираются обществом и пируют вместе; их стада пасутся вместе и на общей всем земле и присматриваются совокупным надзиранием всех семейств людьми.

Таким образом живут в обществе, простирающемся в каждой юрте до трех, четырех и до пятисот обывателей, готтентоты; таким же образом живут африканские ж народы, кочующие при берегах рек Сенегала, Цестры и Серрелионы (*смотри о сем нынешнюю Универ. истор., кн. 15, стр. 498, и кн. 17, стр. 257, на аглинском*). Подобным образом, как утверждает Ксенофонт, живали в старину и спартанцы.

2. Живущие скотоводством народы еще и менее имеют понятия о праве собственности, принадлежащем к отыскиванию вещи от всякого завладевшего оною потому, что они не имеют собственности в земле и, пресмыкаясь с места на место, не могут пристраститься довольно к одному утвержденному жилищу. А поколику они еще не имеют собственности ни в чем другом, кроме как токмо в одних движимых вещах, того ради и непонятным для них представля-

ется то, чтоб их собственность оставалась ненарушимую, когда владение движимых вещей потеряется. Для сих причин у скитающихся и живущих в пастушеском состоянии народов не примечается не токмо никакой собственности в земле, но ниже и разделения оной никакого не бывает. Сходственно с сим заключением, когда Авраам патриарх вознамерился отделиться от Лота, своего родственника, тогда и говорил к нему так: «Не се ли вся земля пред тобою есть; отлучися ты от мене: аще ты налево, аз надесно; аще же ты надесно, аз налево» (Бытия, гл. 13, стр. 9). Такое понятие о праве отыскивать свои земли имели народы и в оном незлобивом и святом пастушеском состоянии, из которого довольно и ясно доказывается, что они тогда ни собственности, ни разделения в земле не присвоивали.

3. Но если живущие в пастушеском состоянии народы не имеют довольно понятия о праве отыскивания своей собственности, то они и несравненно меньше иметь должны понятия о праве отчуждения своей собственности по причине их совокупного и общественного владения, которое, как и выше сказано, единожды затвержденное у всех, не дозволяет частному человеку отчуждать своего имения ни при жизни, ни по смерти.

III. СОСТОЯНИЕ НАРОДОВ, ЖИВУЩИХ ХЛЕБОПАШЕСТВОМ

Когда народы преуспеют столько в хлебопашестве, что могут от одного получать главнейшее свое пропитание, тогда они выгоднее для себя находят поселиться на избранной ими одной земле для непререваемого жилища. От долговременного их на одном месте пребывания самая их земля делается больше удобренною; и народы, живущие на одном непререваемом жилище, больше могут запастись плодами земными и надобными орудиями для удобрения земли и снятия плодов с оныя. Сверх сего, от долговременного пребывания на одном месте и обрабатывания оного народам также открывается и та польза, что их земля способнейшею делается и для паствы скотов. В таком хлебопашественном состоянии каждый человек обрабатывает землю, прикосновенную к своему жилищу, и натурально желает получить на владение оныя исключительное и всегдашнее право собственности. А поколику и всякий обыватель имеет к тому одинаковое желание и как в таком состоянии земли довольно имеется для всех, того ради в таком приобретении не может быть и препятствия никому и немного может быть и споров в разделении земель. Следовательно, в первоначальном хлебопашественном состоянии всякий обыватель занимает для себя столько земли, сколько ему надобно и сколько он в состоянии обработать оныя; отчего у таких народов и самое количество земли примечается почти равномерным у каждого хозяина.

Итак, когда человек приложит довольно трудов к обрабатыванию особливої части земли, тогда лишить его оныя покажется всякому делом бесчеловечным и несправедливым; вследствие чего он будет всякому представляться имеющим большее, нежели другой кто, право ко снятию и употреблению плодов, которые он посеял на ней. По окончании жатвы у первоначальных хлебопашцев и вся привязанность их к земле разрушалась; но когда посевы хлеба наступали, тогда

паки каждый обыватель, обрабатывая свою прежнюю землю, чувствовал к ней новую привязанность на будущий год, и чем долее кто обрабатывал одну и ту же самую часть земли, тем большее отчасу к ней чувствовал пристрастие и ожидание в беспрепятственном оныя владении и употреблении впредь. В продолжение такого прилагаемого каждым обывателями к своей земле обрабатывания, напоследок всякий хозяин получает и всегданнее право к употреблению занятой им сначала земли. Таким образом, когда народы довольно успеют в хлебопашестве, тогда они и землю начинают употреблять к различным надобностям и получают совершенное и исключительное на владение оныя право, вследствие которого и самые земли их начинают быть разделяемыми сперва между обывателями, а потом и между семействами и соседями.

При сем надобно примечать, что иногда понятие собственности, состоящей в земле, некоторым образом умножается чрез понятие собственности в движимых вещах; и хотя сие последнее понятие собственности бывает и всегда предыдущим первому, однако понятие собственности в движимых вещах не меньше иногда умножается и чрез понятие собственности, заключающейся в земле, а особливо когда такая собственность обыкновением введена бывает в употребление. Ибо если понятие права к употреблению вещи по произволению, во-первых, движимый рождается оттого, что движимая вещь по существу своему удобнее снискивается людьми, и в которых всякий в состоянии движимую вещь захватить руками и удержать оную собственными силами во владении, то от сего в человеке рождается больше пристрастия и ожидания к овладению и употреблению движимой вещи, когда вопреки земля хотя по существу своему неудобная и не объемлемая силами человеческими во владении, однако по взятому понятию от движимых вещей понятие собственности человек не меньшее приобретает и в недвижимой земле. В другом случае земля обыкновенно представляется вещию долговечнейшею и драгоценнейшею и производит в человеке большее пристрастие и ожидание к овладению и употреблению; почему человек, лишенный такой вещи несправедливо, больше представляется всем претерпевающим и обиженным. От сих обстоятельств право употреблять свою вещь по произволению, взятое от движимых вещей, сделалось напоследок понятнее и в недвижимых.

Право отчуждать свою вещь при жизни и по смерти, кому угодно, в хлебопашественном состоянии не примечается совершенным. Ибо как земля по своему существу не может быть переносима с места на место, то не может и подать первоначальным хлебопашцам понятия к отчуждению ее; однако и сие понятие, как ее отчуждать другим, натурально рождается у людей от предыдущего понятия собственности в движимых вещах, которые по своему существу ранее начинают быть отчуждаемы и переносимы другим во владение. Такое совершенство права собственности происходит от введения хлебопашества, и в сем состоянии собственность понимается совсем отделенною и отличною от владения.

IV. СОСТОЯНИЕ НАРОДОВ КОММЕРЧЕСКОЕ

Напоследок, когда хлебопашество получило довольно приращение и приведено было в некоторое совершенство, тогда художества и рукоделия начали

постепенно умножаться и в совершенство приходить. При таком первоначальном появлении художеств всякий человек занимался всеми почти искусствами, какие напоследок начали производиться особливими и нарочитыми мастерами. От сего обстоятельства получили народы несравненно совершеннейшее:

1. Понятие о праве собственности, по которому дозволяется человеку употреблять свою вещь по произволению. Сие право получает несравненно большую силу (а) от введения многих новых собственности в разных вещах, (б) оное увеличивается от преумножения в народах просвещения нравов, (с) напоследок получает оное свою большую силу от большего понятия общепольности, происходящей от утверждения собственности. Сия последняя причина, то есть общепольность утвержденной собственности, имеет свой успех и во всех выше показанных состояниях, однако больше действует в коммерческом состоянии народов.

2. Право отыскивать собственную вещь от всякого завладевшего оною несправедно человека в большее также совершенство приходит в коммерческом состоянии для вышесказанных же причин.

3. Право отчуждать свою собственность другим, по которому коммерческое состояние больше, нежели какое другое, отличается, получает свое совершенство оттого, что многие народы в сем состоянии имеют больше случаев менять и продавать свои вещи. Право отчуждать свои вещи уповательно скорее в употребление принято в тех вещах, которые человек собственным трудом сам приобретал, нежели в маестностях, принадлежащих к семейству или фамилии; отчуждение же семейственных маестностей при жизни постепенно ввело право отчуждать оные и по смерти в завещаниях [При описании состояния народов *пастушеского, хлебопашественного и коммерческого* краткость речи не позволяет столь подробно исследовать, сколько и первоначальное народов состояние. В противном случае сие рассуждение могло бы сделаться безмерно обширным, а особливо если бы к оному присовокуплено было исследование собственности феодалной европейской с уравнением притом и собственности землевладельческой российской, каковая у нас в древние времена была].

Сие посильное и прекращенное для необременения вашей, почтеннейшие слушатели, благосклонной терпеливости рассуждение я предоставляю иностраннейшему исследованию собственности по всеобщей системе юриспруденции. Начало и происхождение собственности в возвышенном состоянии народов соединено с непосредственным происхождением и самых правлений государственных, и от введения собственности в земле родились оные древние европейские баронские и маркграфские чиновничества, которые в старину равнялись и царским достоинствам и которые междоусобными враждами к благополучию народному разрушились, и на их разрушениях возникли ныне благоустроенные и процветающие державы европейские. Словом, от сего начала происходило во всех первоначальных европейских государствах фонда лито правление, о мудрости которого хотя и многие многообразно мудрствуют, однако оное в самой вещи было не иное что, как сущее правление аристократическое, состоящее из вельмож и имеющее над собой государя не полномощного. Сие феодалное и происходящее от различного введения собственности в землях правление, хотя и всем первоначинающимся государствам сродно, но

как оно по причине своих неустойств бывает подвержено великим и натуральным переменам, того ради и показание точных всему причин требует пространнейшего исследования юридического и исторического, к совершению которого откроет нам со временем и глубокая древность обстоятельнейшее сведение обо всех оных древних собственности землевладениях российских, коих число по разным послужным, местническим и окладным спискам¹² простиралось в России с лишком до пятидесяти родов. Много такой драгоценной древности у нас содержится в разных книгохранилищах, и издано уже во свет оныя немало, которая общепользность премного послужит к объяснению древней истории и политики российской...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Галл* — в данном случае француз.

² *Батав* — голландец.

³ *В своих Невтонах и Апсонах* — то есть и своих ученых и мореплавателях.

⁴ *Римлянина, поражавшего тьмы галлов и германцев.* — Имеются в виду завоевания Юлия Цезаря.

⁵ *Грека, некогда покорявшего все страны Азийские.* — Имеются в виду завоевания Александра Македонского.

⁶ По представлению автора, неразделяемыми частями являются атомы.

⁷ Десницкий использует здесь труды древнеримских историков: Саллюстия «О заговоре Катилины», Юлия Цезаря «Записки о Галльской войне», Тацита «Германия», Юстина Марка Юстиниана «Скифы», Аммиана Марнеллина «О гуннах и аланах» и др.

⁸ Сочинения Блэкстона переводил на русский язык сам Десницкий. Характерно, что Десницкий считает совершенно неудовлетворительными попытки обоснования так называемого права собственности доводами Священного Писания и указывает, что он намерен научно исследовать вопрос на основе «новейших рассуждений» ученых.

⁹ *Персональная челобитная* — судебный иск.

¹⁰ *Севилян* — старинная французская монета.

¹¹ Ученые записки, издававшиеся при Кембриджском университете в Англии.

¹³ *Местническим и окладным спискам.* — Списки земельных угодий, пожалованных в собственность лицам, занимавшим государственные должности в порядке так называемого местничества — замещения должности по признаку родовитости и знатности. Окладные списки — списки земельных угодий, розданных в счет жалования за службу.

Николай Семенович Васильев

Николай Семенович Васильев (конец 1790-х — после 1855) — российский ученый, профессор Московского университета. Учился на отделении нравственных и политических наук Московского университета (с 1815 г.), в 1826 г. удостоен был степени магистра, в 1828 г. утвержден в звании адъюнкта по кафедре политической экономии и дипломатии, в 1833 г. назначен ординарным профессором по этой же кафедре. Ординарный профессор кафедры законов о государственных повинностях и финансах (1835—1845), декан (1836—1843) юридического факультета. Область научных интересов: политическая экономия, правописание. На торжественном собрании университета произнес речь «Об успехах и настоящем состоянии политической экономии» (1835), которая является его единственным печатным трудом.

**РЕЧЬ ОБ УСПЕХАХ И НАСТОЯЩЕМ
СОСТОЯНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ,
ПРОИЗНЕСЕННАЯ ОРДИНАРНЫМ
ПРОФЕССОРОМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ
И ДИПЛОМАТИИ НИКОЛАЕМ ВАСИЛЬЕВЫМ¹**

После долговременных и бесчисленных заблуждений, наконец разгадалась великая тайна благоденствия народов, заключающаяся в успехах промышленности и труда. Сие счастливое открытие составило отличительную черту времен новейших, в сравнении их с древними, и отразилось во всех жизненных силах народов, во всех их членах, в их правах, в умственном их развитии, в их учреждениях.

Общее соревнование в трудах и искусстве изменило политику новейших народов Европы, дало ей другие основания, более прочные, совсем иной характер, проявляющий большее благородство и просвещение, и указало другую цель, обещающую высшие блага человечеству. С открытием настоящего источника благоденствия Государств мы ясно увидели, что успехи нашей промышленности не различны с успехами других народов: при естественной невозможности иметь все роды и виды промыслов в своем отечестве, для удовлетворения всем потребностям жизни, мы должны были искать иностранных произведений на обмен собственных, и следовательно желать счастья другим для собственного своего счастья.

Успехи Финансовых постановлений зависели также от успехов народной промышленности, а на успехах Финансовых мер, при некоторых других усло-

¹ Текст подготовлен к публикации Б. А. Мясоедовым на основе публикации: *Васильев Н. С.* Об успехах и настоящем состоянии политической экономии // Речи, говоренные на торжественном ежегодном акте Имп. Московского университета июля 10-го 1835 г. — М., 1835.

виях, утвердились законная самобытность и независимость Государств, основы могущества и славы Правительств. Вот почему народная промышленность столь глубоко занимает ныне мысли Европейских Государей, соображения Министров и возбуждает живейшее участие всех образованных и благонамеренных мужей!

Сколько благородных усилий, сколько великодушных жертвований употребляет мудрое наше Правительство для развития всех сил и способов, какими Провидение наградило природу России и характер Русского народа! Оно устраивает на собственном иждивении обширные промышленные заведения, образцовые фермы, выписывает иностранных художников и поощряет отечественных, приобретает за дорогую цену вновь изобретенные орудия и материалы, входит в сношения с частными людьми и обнародывает последствия своих изысканий, в особенности же покровительствует и вспомоществует всякому Обществу, учреждаемому для полезного предприятия... Так, Русская промышленность, при содействии благотворного Правительства, при споспешествовании наук, начинает процветать в любезной нам России; так, сии мирные и полезные подвиги Русских производителей готовят для Отечества новую народную славу!

Важность предмета, столь обширного, любовь ко всему отечественному, может быть, увлекла меня от цели, мною предположенной, но вместе с тем сблизила Ваше внимание с тою наукою, от успехов коей столь много зависят, успехи самой промышленности, и внушила мне мысль в настоящем случае, в честь сего торжества, по введенному обычаю, предложить вам, Мм. Гг., слово мое: *об успехах и настоящем состоянии Политической Экономии.*

Изучая Историю рода человеческого, мы находим, что главною причиною его деятельности, была нужда. Эта нужда пробудила физические и нравственные способности человека, развила промышленность и положила основание общественному и частному богатству. По мере распространения просвещения, люди начали думать и о средствах, какими они удовлетворяли своим потребностям, привели свои размышления в систему и объяснили теорию наблюдениями над основными законами природы.

Таков был ход ума человеческого в раскрытии и совпадении начал о свойстве и действиях народного богатства или науки Политической Экономии. Но между тем, как каждая отрасль богатства народного имела свою теорию, полной теории о богатстве еще не было. Древние принимали народное богатство за факт, коего существа и причины они никогда не старались исследовать; даже кто хотел бы заняться исследованием сего предмета, тот унизил бы себя в глазах современников. По сей-то причине Экономические сочинения Ксенофонта и Аристотеля не могут представить нам и начальных понятий о нашей науке. Первый советует Афинской республике заниматься торговлей и покровительствовать иностранцам, а после сам сомневается, точно ли торговля выгодна для Государства. Правила Аристотелевы, сохранившиеся в его Политике, столь маловажны, что лучшие критики, за утратою подлинника, почитают это сочинение подложным. Римские Писатели оставили нам несколько книг о Сельском Хозяйстве, но ни одного о науке, нас занимающей. Вся классификация древней гражданственности ограничивалась властелинами и рабами. У них не было производителей, собственною выгодною побуждаемых к трудолюбию и предприимчивости, а были одни только угнетенные невольники, которые

как вьючный скот, из пищи и страха наказания, несли наложенную на них тяжесть. Все почти ремесла и ремесленники презираемы были общим мнением; одно только земледелие почиталось занятием достойным свободного человека и пользовалось некоторым уважением. Древние Правительства не обращали ни малейшего внимания на личные выгоды своих подданных и были твердо уверены, что с помощью обширного народонаселения можно обладать всем, что в состоянии украсить и усладить жизнь нашу, раскрыть способности человека и изощрить его разум.

Подобными правилами руководствовались и Средние века, когда едва осмеливались следовать по пути просвещения, проложенному Древними, когда сила ума казалась чуждым достоянием человечеству. Во мраке варварства Средних веков родилась система Феодалная; воинственный дух буйных орд, храбрых завоевателей одряхлевшей Римской империи, образовал ленное право и вместе с ним безначалие. Права Верховной власти были раздроблены, ограничены и присвоены вассалами. Среди хищений и опасностей не было ни промышленности, ни взаимного сообщения — не было и мысли о систематическом исследовании источников и причин народного богатства.

С открытием Америки и пути в Ост-Индию наступил новый порядок вещей. Европа увидела необыкновенное, изумительное зрелище в быту гражданской жизни. Страны, имевшие доселе недостаток в людях и произведениях, разбогатели; Государства, заключавшие в своем пространстве несколько квадратных миль, взошли на высшую степень могущества и силы; напротив того многолюдные и обширные приходили в упадок. Столь очевидные противоположности должны были побудить наблюдательные умы к размышлению и привести их к важным открытиям. В сие время область Европейских мануфактур и в особенности торговли далеко распространилась вне Европы. Португалия и Испания, присвоив себе значительную часть сей последней и овладев торговлею Ост-Индскою, посредством неисчерпаемых золотых и серебряных рудников в Мексике, Перу и Хили, вступили на чреду Государств богатых; богатство дало им политический перевес, хотя кратковременный, но долго гибельный для спокойствия Европы и страшный для ее независимости. Голландия в конце XVI века явилась соперницею Португальцев и став обладательницею сокровищ Индии и Нового мира, одного тяжестью золота преклонила на свою сторону политические весы Европы. Англичане со времен Елизаветы и Кромвеля замыслили о распространении морской торговли, и прежде, удивляясь, а после завидуя Голландии, приняли участие в ее выгодах — они также массою золота и серебра начали измерять силу и благоденствие Государства. Франция долгое время колебалась между земледелием и торговлею, кои знаменитый Сюлли, по какому-то темному чувству, называл *двумя сосцами* Государства; наконец Франция увлеклась общим потоком и устремила свою деятельность на мануфактуры и иностранную торговлю. Покровительствуя последней и стесняя промышленность земледельцев в пользу городских жителей, Кольберт, при всей расточительности Версальского Двора, не смотря на тягостные войны, увеличил чистый доход Государства от 32 до 92 мил. ливров. Тогда успехи Франции превзошли самые ожидания Кольберта, изумили и устрашили Европу.

Сходство в событиях, опыте многих веков, всеобщее направление Европейских народов к торговле и мануфактурам убедили почти всех Писателей, кои в течение XVI века и даже до половины XVIII рассуждали о предметах Политической Экономии, что покровительство внешней торговле и мануфактурам, привлекающим деньги в Государство, были главными причинами богатства новейшей Европы, и на сем-то, по мнению их, всемирном факте, основали они систему, известную под именем *Коммерческой* или *Меркантильной*.

Главная ошибка этой системы заключается в смешении двух противных понятий: *богатства*, означающего ценности потребляемые, и *денег* — ценностей, требуемых для приобретения первых. Ошибка в основном понятии привела к ложному умозаключению: кто более имеет золота и серебра, тот богаче; чем более денег у целого народа, тем богаче и целое Государство. Меркантилисты не верили, что недостаток денег гораздо удобнее может быть заменен кредитом, меною, чем недостаток в потребностях жизни — и требовали денег. По сему рассуждению и вся Политическая Экономия должна была иметь целью обогащение народа деньгами. Если Государство не имеет собственных рудников, то приобрести золото и серебро может только торговлею с иностранцами. Для большего привлечения денег в Государство надобно каждому народу располагать торговыми оборотами и таким образом, чтобы сумма товаров отпускаемых всегда превышала сумму товаров привозимых. Отсюда родилось понятие *о торговом балансе* и его выгодах, как скоро излишек вывоза пред привозом доплачивался деньгами.

Внутренняя торговля по этой системе доставляет только мнимые выгоды, потому что не может увеличить количества денег в Государстве ни одним рублем. Если внутренние торговцы и обогащаются, то это делается на счет других, которые в то же время разоряются; что приобретает один, то теряет другой, и нация, после всех таковых оборотов, оставаясь при прежнем количестве денег, ни беднеет, ни обогащается, не смотря на промышленность одних, праздность и расточительность других. Внутренняя торговля полезна только в том отношении, что ускоряет денежные обороты и тем совершенствует внешнюю торговлю, возвращая капиталы иностранному купцу или доставляя ему товары для отправления оных в иностранные земли за деньги.

Земледелие в сей системе занимает последнее место. Земледелец, по своему невежеству, часто не знает не только общественных, но даже собственных выгод, и потому занимается приготовлением таких произведений, которые по своему объему и избытку во всех частях света могут быть потребляемы только на месте производства или на ближних рынках. Для этого класс земледельцев должно вразумить и научить производить такие продукты, которые или непосредственно могут поступать на иностранные рынки, или могут служить материалами для наших фабрик, отправляющих свои изделия за границу. Отсюда ведут начало свое Экономические Общества, земледельческие школы, надзор за хозяйством крестьян и тому подобные учреждения.

Напротив того, мануфактуры и фабрики почитались у меркантилистов весьма важною и прибыльною отраслью народной промышленности. Чем они совершеннее и произведения оных многочисленнее и разнообразнее, тем ре-

шительнее выгоды баланса, теме более приобретается денег от иностранной торговли.

Для приведения мануфактур в цветущее состояние и наклонения баланса на свою сторону Правительство, по духу сей системы, может употреблять всякие положительные средства. Оно может запретить или обложить неумеренными пошлинами вывоз грубых материалов и поощрить вывоз мануфактурных изделий наградами, предписаниями, наказаниями; открыть иностранные рынки для отечественных произведений посредством торговых договоров с другими державами, дозволяя себе обман, устрашения, вооруженную силу, и наконец домогаться обладания колониями в других частях света, содержать их во всегдашней зависимости от метрополии и производить с ними монопольную торговлю. О достоинстве сих средств не должно судить по правилам строгой нравственности, но по количеству золота и серебра, получаемых от других народов.

Мне кажется, довольно будет этого краткого обозрения составных частей торговой системы для показания, что начала сего рода не могут быть прочными и составить науки. Она имела одну личину истины и обольщала умы мнимую простотою; она вооружалась ограничениями и запрещениями там, где достаточно было одного покровительства; потворствовала страсти подводить промышленность под уставы, и потому доставляла ей неестественное направление. Она утверждала в народах пагубную мысль, что благосостояние каждого из них несовместно с благосостоянием других, и таким образом разорила целые государства, думая обогатить их; она закрыла для них рынки чужестранных народов и заперла собственные; привела народы в тяжкую необходимость покупать у самих себя дорогою ценою посредственные товары, которые могли бы получать от других народов за дешевую цену, и заставила их самих продавать дешево товары, в коих нуждались другие страны, и за которые они имели бы там высокую плату. К удовольствию заметим, что система сия не принимается ныне явно ни одним Писателем, хотя оставила еще глубокие следы в умах некоторых людей государственных. Около половины XVIII столетия Политическая Экономия получает уже характер науки. Во Франции является *Физиократия*, а в Англии *Система промышленная*: первая была творением *Кеней*, вторая *Адама Смита*.

Система Кольберта, которой и теперь еще с немногими изменениями следуют во Франции, где ремесла и торговля, кажется, предпочитают земледелию, система Кольберта естественно должна была обратить совсем в противоположную сторону сильный и прямой характер Кеней: его раздражала самая тень несправедливости. К тому же роскошь в ремеслах и утонченность в удовольствиях отдаляли владельцев земли от их полей, и потому, может статься, необходимо было увеличить важность и выгоду сельской жизни, обратить умы на важнейший источник богатства и наслаждений. Как бы то ни было, но Кеней возвратился на путь, указанный Сюллием, и меркантильной системе противопоставил свою *Экономическую таблицу*, которая пояснена была после замечаниями Мирабо, распространена Дюпон де Немуром, анализирована Тюрго и принята во Франции многими учеными последователями, известными под именем *Физиократов* или *Экономистов*. Кеней видел истинное богатство народов в земледелии, а силу, производящую оное, в земле. Мануфактуры и тор-

говля, по его мнению, ничего не производят; потому что ничего не создают, не дают никакой прибыли. Они оплачивают только предварительные издержки, употребленные во время сих занятий. Что в самом деле производит художник, фабрикант, ремесленник — спрашивают Экономисты? Одну часть земледельческих произведений преобразует, а другую совершенно потребляет; в замену всего этого является его изделие, в котором заключается вся цена его издержек. Чем умножает богатство негоциант, когда он только передает произведения из рук производителей в руки потребителя, не совершенствуя их качества и не увеличивая количества? Напротив того, сколь отлична от вышесказанных действий работа земледельца? Из недр земли извлекает он то, чего прежде не было — он творит; дает обществу то, чего оно не имело, и принуждает к тому самую природу. Потребляет ли общество все произведение прошедшего года: он умножает растительную силу земли, возвращает государству все потребленное, и сверх того получает избыток, который составляет *чистую прибыль* (*produitnet*) и увеличивает народное богатство.

На основании сих положений Экономисты разделили всех жителей Государства на *производителей* (*productifs*) и *потребителей* (*steriles, improductifs*). К первому классу принадлежали *владельцы земель*, как единственные распорядители народного богатства, и *земледельцы*, как единственные производители, доставляющее доход первым. Второй класс заключает в себе ремесленников, купцов и прочие сословия людей в Государстве, которые могут способствовать обогащению одною бережливостью в потреблении.

Как одно земледелие дает чистую прибыль, а всякий неотяготительный налог должен падать на чистую прибыль; то Экономисты рассуждали, что один земледелец должен быть *обложен налогом*. Этот налог, по мнению их, самый справедливый, самый простой и менее других убыточный. Все прочие налоги непосредственно падают также на земледелие; но они доходят до него продолжительными и затруднительными оборотами; прямая линия, как кратчайшая, есть самая лучшая.

Земледелие может процветать только при свободном соперничестве. Способ и предметы производительности, продажа товаров, выбор занятий и рынков не должны быть стесняемы никакими ограничениями. Правительство обязано только охранять права производителей и неукоснительно оказывать им правосудие. Когда правосудие строго соблюдается, тогда земледелие процветает и производит благотворное влияние на успехи ремесел и торговлю, а они, в свою очередь, споспешествуют земледелию.

Система сия отличается особенным остроумием и стройным соединением частей; она заключает в себе много полезных истин; возвышает земледелие вопреки торговой системе; уменьшает веру в торговый баланс; внушает любовь к человечеству и благоволение к достоинству человеческой природы.

В сем отношении Физиократы оказали великие услуги Политической Экономии. Но с другой стороны они нанесли ей много вреда, раздвинув ее пределы за черту опыта и здравого разума. Вместо системы государственного хозяйства, они составили идеал совершенного Государства, в котором господствовали право, добродетель и истина, не было ни бедности, ни предрассудков. Французское правительство позволило им судить по сим идеям о делах Государ-

ственных, не допуская знать оные. С обеих сторон начались жаркие споры, но ни один из фактов, ни один из документов, хранившихся у Правительства, не был известен публике. Экономисты, лишённые опытного знания, обратились к умозрениям, и на гипотезах, догадках и аналогии начали создавать свои экономико-политические законы. Такою высокомерною методою они легко объясняли все явления, решали все политические предложения и наконец произвели во Франции сильное волнение умов и сами приготвили падение своей метафизической системы, которая ныне осталась только в книгах и никогда не может быть приложена к практике. Один Писатель весьма остроумно сравнивает ее с великолепным и высоким домом без лестницы.

В то время как учение Французских философов-экономистов занимало Европу своими умозрениями и распространяло обольстительные правила Государственного хозяйства, явился наблюдатель глубокомысленный, Политик и Философ, *Адам Смит*. Он обратил внимание на состав политических обществ, открыл тайну соединения оных; постиг причины их деятельности или нерадения, их просвещения или невежества, их благосостояния или упадка, и таким образом положил прочное основание науке Государственного хозяйства и ввел ее во святилище истины. Его сочинение о *народном богатстве*, изданное в 1776 году, может разделить славу свою только с Философией Бакона и с духом законов Монтескье. Читая Смита, говорит Сей, ясно видишь, что до него не было Политической Экономии. Действительно все, что только не мыслили до Смита о народном богатстве, можно отнести к двум совершенно различным между собою системам, о коих мы до сих пор говорили. Смит критически наследовал ту и другую, доказал несправедливость обеих и обнаружил зыбкость их оснований. Он совершенно чужд односторонности эмпириков и метафизики экономистов. Деньги, иностранную торговлю и земледелие он почитает равно и существенно нужным для народного благоденствия. Меркантилисты имеют в предмете монополию, а экономисты неограниченную свободу; Смит держится середины. Торговля, промышленность, земледелие должны быть производимы свободно, однакож без всякого одно другому подрыва и без всякого между собою предпочтения. Изыскивая первую причину частного и народного богатства, он нашел оную в труде, разобрал его составные части и показал внутреннюю и внешнюю его силу. По тщательному наблюдению всех явлений промышленности и соображении оных во всех случаях, начертал он свою высокую и смелую теорию. Глубокомысленным анализом он доказал, что во всех отраслях гражданской деятельности бывают одни и те же побудительные причины, одни и те же действующие начала; он указал сии начала и описал, каким образом люди живут в гражданском обществе, как приобретают богатства, достигают благосостояния и приходят в упадок. Вот тайны, открытые Ад. Смитом, и заслуживали ему венец бессмертия в Науке! Чем более распространено будет знание Политической Экономии, тем более станут ценить важность успехов, кои сей великий мыслитель доставил Науке, и важность тех успехов, кои он приготовил для нее, указав верный путь к истине. С появлением творения Смита, и особенно в течении последнего столетия, Политическая Экономия идет быстрыми шагами к совершенству. Отличные умы нашего времени, не увлекаясь суетным тщеславием ниспровергнуть все учение Смита, а следовательно, и все здание

Науки, решились только исправить его недостатки, утвердить основания, дополнить их новыми открытиями, новыми событиями, случившимися в связях и отношениях общественной жизни, и представить Науку в таком виде, чтобы она могла быть с пользою изучаема во все времена и во всяком месте. Оценить усилия сих Писателей к достижению предположенной ими цели, значит, по моему мнению, показать настоящее состояние Политической Экономии, что и составит окончание нашей беседы.

Рассуждая о причинах умножения и уничтожения народного богатства, Смит не озаботился дать сему основному понятию в нашей Науке строгого логического определения, которое означило бы содержание и пределы Политической Экономии с большею ясностью и точностью, чем самое название, для ней придуманное и мало соответствующее своему предмету. На первой странице предисловия к своему бессмертному творению он определяет богатство вещами, способными к удовлетворенно нужды и к приобретению удобностей жизни; в конце же этого предисловия он говорит, что действительное богатство народа заключается в ежегодных произведениях земли и труда, и вообще название богатства Смит приписывает исключительно ценностям вещественным — и тем стесняет пределы Науки. Немецкие ученые, за исключением Гуфланда, весьма равнодушно приняли и принимают теперь таковое ограничительное понятие о богатстве; напротив того, знаменитые писатели Английские и Французские: *Лорд Лодердаль*, *Гарнье* и *Сей*, около 30 лет тому, сильно восстали против Смита и долго трудились над разрешением сей важнейшей политико-экономической задачи. Наконец наш ученый соотечественник *Гер. Шторхе* (в своем *Gours d'Economie politique*) убедительно доказал, что богатство заключается не в вещественных ценностях, но вообще во всех предметах, озаменованных печатью труда и пользою истинною или воображаемою. Таким образом вещественные и невещественные ценности вошли в Науку о богатстве, и все классы людей в Государстве получили в ней право гражданства. Теперь смело могут называть себя производителями и лекарь, и артист, и учитель, и судья; теперь мы охотно верим, что никто из них не живет на счете своих ближних; что произведенные ими ценности столь же существенны, как и те, которые содействовали производству вещественных предметов, и что наконец доходы их столько же законны, как и доходы купца, фабриканта, владельца земли: ибо общество требует их услуг и охотно вознаграждает за оные ценностями вещественными. Утверждением сего начала прекратилось множество споров, уничтожилось много софизмов, Наука возвысилась и распространилась.

После определения Науки естественно следует упомянуть о другом основном положении: о том, *из чего состоят главные производительные силы*, коими человек располагает для приобретения богатства. Главными силами Смит полагает труд и капитал, и производительное употребление оных ограничивает тремя способами: земледелием, ремесленностию и торговлею; совокупное действие сих способов необходимо для полной промышленной производительности, а производительные действия каждого из них одинаковы. Смита обвиняли в том, что он одному труду, или по крайней мере преимущественно труду, приписывает способность производить богатство. Может быть, это обвинение и справедливо, но так же справедливо и то, что Смит, для совершенства про-

мысленной производительности, почитает капиталы столь же необходимым условием, как и самый труд. Впрочем надобно согласиться, что полным раскрытием и утверждением сего начала Наука обязана изысканиям знаменитых последователей Смита. *Лорд в Лодердаль* и *Сей* дали сему началу очевидность аксиомы. Теперь уже всякое мнение, которое отделяет какую-либо ветвь промышленности от других и приписывает особенную производительность одной на счет прочих, почитается за игру фантазии или за совершенное невежество в основных правилах Науки.

Теория *разделения труда*, как главной пружины, ускоряющей его производительную силу, пояснена и пополнена раскрытием полезных действий машин и вообще капиталов. Новейшие народы обязаны не одному просвещению, но и накоплению капиталов, разделению труда и употреблению машин, обилием, дешевою ценою и изяществом форм своих производителей. Все новейшие писатели убеждены в этой истине. Таким образом и сия теория исключается из числа неопределенных предметов Науки.

Из числа неопределенных статей ныне исключен также главный закон, управляющий меновой ценностью, а именно, *отношение производства к требованию*. Основания оно, изложенные Смитом с такою легкою простотою, приняты последующими писателями бесспорно. Новейшие Экономисты сделали более удачное приложение сего закона к плате за труд, к прибыли с капиталов и к доходу поземельному.

К числу спорных предметов Политической Экономии особенно принадлежит *доход поземельный*. О нем много писали в отдельных сочинениях, обширно рассуждали в полных теориях Науки. Не смея более утруждать внимания вашего, П. П., излишними подробностями, я приведу все спорные мнения к трем точкам зрения: во 1-х спор происходит об источнике поземельного дохода; во 2-х о причинах, имеющих влияние на оный, и в 3-х о влиянии дохода на богатство.

Касательно первого положения, Смит утверждает, что поземельный доход происходит от права собственности и есть не что иное, как плата за пользование чужой землею. С ним согласились почти все писатели.

В рассуждении второго положения, Смит думает, что большая или меньшая плата за наем земли зависит от двух причин: от обширности рынка и от степени плодородия земли. С сим мнением также соглашается большая часть писателей. Однакож некоторые оценивают доход поземельный издержками, употребленными на удобрение земли; неосновательность сего мнения доказывается тем, что во многих случаях удобрение бывает совсем не нужно и что удобрение почти всегда бывает на счет кортомника.

Что ж касается до влияния поземельного дохода на богатство, то Смит выразился о сем предмете весьма не ясно. *Буханан*, знаменитый Комментатор Смита, думает, что доход поземельный ничего не прибавляет к народному богатству, что он полезен только владельцам земель, и в такой же степени вреден потребителям земледельческих произведений. *Рикардо* полагает, что доход сей увеличивает ценность произведений, не умножая богатства. *Мальтус*, напротив того, старается доказать, что он есть чистая прибыль, и следовательно, производит богатство.

Сей разрешает сии споры самым легким образом. Он рассматривает землю как орудие, которое, подобно многим другим естественным действующим, способствует ценности вещей, доставляя нам прибыль, за что мы и должны заплатить владельцу земли другими произведениями, плодом наших трудов; и так она производит меновые ценности и, следовательно, богатства. Земля, говорит Сей, перерабатывает соки, из коих образуются наши плоды, так точно, как солнце согревает оные; потребитель не платит солнцу за его полезное содействие, потому что никто не мог овладеть его лучами и уступить их другому за деньги, между тем, как кто огородил поле, тот заплатил за услугу земли, которая, без сего содействия, конечно, пришлась бы даром. Но если б земля ни кому не принадлежала, то она не производила бы ни для кого своих плодов; ибо в таком случае никто не захотел бы употребить издержек и трудов своих на обрабатывание оной. Для действия солнечных лучей не нужно задатков; но если б не было употреблено задатков для земли, то она осталась бы невозделанною, и мы совершенно лишились бы ее плодов. Если это таким образом происходит, продолжает Сей, если не может быть иначе: то и не остается никаких споров.

Смитовы начала *об иностранной торговле* принадлежат к числу предметов, принятых всеми писателями единогласно. Надобно заметить, что последователи Смита несправедливо приписывают себе честь усовершенствования сей теории. Смит дал оной такую полноту, такую определительность, ясность и естественность, что самые упорные его противники, против воли, с ним соглашались, и окончательные выводы своих опровержений всегда приводят к его началам.

С такою же полнотою и ясностью раскрыта им теория важного действующателя торговли — *денег*. Точное определение существа денег, законов их меновой ценности, влияния на обращение, достоинства в составе народного богатства составляют плоды глубоких изысканий Смита; новейшим писателям оставалось единогласно принять оные. Эта теория принадлежит также к числу истин, доведенных до очевидной ясности, какою могут хвалиться одни точные Науки.

Мнения новейших писателей разделились в рассуждении весьма важного вопроса, о коем Смит сделал один намек, и в разрешении коего заключаются, некоторым образом, основания Науки, а именно: должно ли стараться об одном производстве, не думая о потреблении, или при производстве должно всегда иметь в виду потребление?

Мальтус утверждает, что для Государства, изобилующего производительными средствами, необходимо иметь непродуцирующих потребителей; что при плодородной земле и способности производителей, оно не только без вреда бывает в состоянии содержать многочисленный класс сих потребителей, но может иметь еще необходимую в них нужду для сообщения большей деятельности производительным способам, и что самая роскошь Правительства может умножать народное богатство, образуя потребителей, без которых произведения могли бы обременить Государство своим излишеством. Ганиль следует сей же теории.

Сисмонди, соглашаясь с их мнением, с своей стороны утверждает, что потребление не есть необходимое следствие производства, и что не смотря на беспредельность потребностей и желаний человеческих, удовлетворение оным возможно только по степени соединения с ними способов обмена; что недозволено создать средства обмена, но надобно еще передать оные тем, которые

имеют потребности и желания, ибо часто случалось, что средства обмена увеличивались в Государстве, а требование на труд и плата за оный уменьшались, уменьшалось также и потребление; наконец, что не в увеличивающемся производстве, но в увеличивающемся требовании на труд или в усугублении готовности платы за труд заключается верный признак народного благоденствия, и что сие требование должно предшествовать производству: иначе рынки будут загромождены излишеством товаров; тогда дальнейшее умножение произведений будет причиною разорения, а не благосостояния народного¹. Сисмонди старается доказать сии положения настоящим состоянием промышленности Европейских народов, когда все рынки образованного мира преисполнены произведениями и сбыт оных делается или вовсе невозможным, или невозможным без убытка. Сии явления он приписывает избытку производительности или несоразмерности производства с потреблением.

Сей, Рикардо, Мак-Кьюллох и другие с большею основательностью следуют противоположному учению.

По их мнению, богатство и благосостояние народов соразмеряются с самою производительностью, и чем более усугубляется деятельность последней, тем высшей степени достигают и первые. Сии писатели соглашаются, что требование на труд есть признак благосостояния, но утверждают, что сие требование есть следствие увеличившейся производительности.

Если под именем требования разуметь одно желание иметь какую-либо вещь, то оно может предшествовать производству; если же, напротив того, требование принимать в смысле настоящем, т. е. как желание в соединении с способами обмена, то нельзя не согласиться с мнением Мальтуса и Сисмонди, что требование предшествует производству. Но дабы предложить сие требование на какое бы то ни было произведение, надобно иметь уже способы производства, следовательно, надобно создать, произвести оные.

Столь же неосновательны опасения Сисмонди, что деятельность промышленная может достигнуть такой степени, что произведения ее, не имея сбыта, обременят своих производителей; это положение не согласно с действительностью и противоречит истинной теории. Человеку не дано счастливой способности производить все, что для него нужно или чего он желает, и производить столько, сколько он может потребить. Если случается нам видеть некоторых людей в Государстве, обладающих с избытком всеми потребностями жизни, то это следствие соединения многих трудов, многих производительных способов в пользу одного или немногих граждан. Но мы не знаем ни одного народа, в котором бы каждый Член имел все, что ему нужно.

Если бывает иногда накопление каких-либо известных произведений и сбыт оных делается невозможным без убытка, как случилось в наше время с частью промышленности Европейских народов, особенно Англичан, и в чем Сисмонди видит доказательства своей теории; то это произошло не от того, что слишком много производят, а от того, что одни производят не то, что нужно другим, или одни производят столько, что другие не имеют способов купить их товары, или,

¹ Balance des consommations avec les productions. Ст. Nouveaux principes d'Econ. Polit. Часть а. — Paris, 1827.

другими словами, имеют сами недостаток в произведениях. И то и другое есть следствие худого расчета предпринимателей, есть следствие промышленности непросвещенной, недальновидной, а не всеобщее излишество промышленной деятельности, столь страшной для Сисмонди.

Мак-Кюллох приводит многие любопытные примеры неращетливости Английских промышленников. В 1816 году один Манчестер, по его уверению, прислал в Рио-Янейро в продолжение нескольких недель столько товаров, сколько вся Бразилия не могла потребить в продолжении 20 лет. Товаров скопилось так много, что в городе недоставало магазинов, и драгоценнейшие произведения свалены были на берегу просто в кучи. «Любопытно видеть, — говорил он, — как производили в то время дела свои наши безрассудные торговцы. К людям, которые всегда пьют из рога или скорлупы кокосового ореха, навезли модных фарфоровых и хрустальных сервизов. Один спекулянт, который, вероятно, был безрассуднее всех других, наполнил в Рио-Янейро целый магазин коньками, забыв, что Бразилия находится под Экватором. Бразильцам с трудом могли растолковать, к чему пригодно это непонятное для них изделие».

Столь безрассудная неращетливость предпринимателей, подстрекаемых жадностью к большим прибыткам, есть главная причина частных избытков в товарах; к ней должно присоединить ошибочные постановления в общественном порядке, стеснения в обращении произведений и пошлины. Общего избытка в произведениях человеческой промышленности никогда не было и никогда быть не может, и самая идея о всеобщем избытке противоречит здравому смыслу. Но положим, что с успехами разума и с помощью сил природы производители всех частей света в равной степени присвоили себе неестественные силы производить все, чего желают, в количестве, превосходящем действительные их нужды; положим, что они по неестественному трудолюбию, подвигнувши все свои силы, в самом деле произвели столько, что за удовлетворением потребностей составились у каждого народа остатки, никому в настоящем не нужные, т. е. все произвели все нужное, даже с избытком: то чего ж им и желать более? Чем разнообразнее и многочисленнее будут произведения, тем большее количество потребностей удовлетворится, тем больше удобств и больше наслаждений будут иметь народы. Каким образом от сего изобилия может остановиться деятельность мануфактур, прекратиться торговля; каким образом от сего разорятся производители, каким образом от богатства обеднеют народы? Без сомнения, этого несчастья, которым угрожает Сисмонди, никогда не случится.

Вот главные *Начала Политической Экономии, успехи и настоящее ее состояние*. Усилия новейших Политико-Экономистов основать на развалинах Смитовой системы собственную, остались тщетными, не принесли никакой пользы Науке и славы писателям. Там, где они отдалялись от Смита или опровергали его начала, они подвергались бесконечным спорам между собою и неразрешимым противоречиям; они только успели дать более точности, развития и применения началам Смита; основательнейшим исследованием частных событий учение его более сблизили с действительностью, пояснили и распространили оное; вообще они раскрыли начала сии в большем порядке и в связи более

правильной. Но основания учения Смита, глубоко утвержденные на естестве вещей и сущности политических обществ, остались непоколебимыми. «Может быть, — говорит один знаменитый современный писатель, — столетия поколеблют основания Смита; может быть произойдут важные перевороты во всей его теории; не смотря на это, она будет занимать отличное место в картине просвещения осмнадцатого века, потому что она составляет самое лучшее ее украшение».

Здесь окончу слово мое.

Иван Кондратьевич Бабст

Иван Кондратьевич Бабст (1824–1881) — российский историк, экономист и публицист. Родился в Воронежской губернии в небогатой дворянской семье. После окончания Рижской гимназии поступил на философский факультет Московского университета. По окончании в 1846 г. университета он по рекомендации историка Т. Н. Грановского был оставлен при кафедре всеобщей истории для приготовления к профессорскому званию. Одновременно с подготовкой диссертации Бабст стал работать учителем истории в Московском сиротском доме. В 1851 г. магистерская диссертация на тему «Государственные мужи Древней Греции в эпоху ее распада» была успешно защищена, и молодому ученому было предложено место на кафедре политической экономии в Казанском университете. Во время своего пребывания в Казанском университете он написал докторскую диссертацию на тему «Джон Ло, или Финансовый кризис Франции в первые годы регентства», которую успешно защитил в 1853 г. С октября того же года преподавал в Казанском университете в качестве экстраординарного профессора, а с марта 1856 г. работал в должности ординарного профессора по кафедре политической экономии и статистики. Речь, произнесенная Бабстом 6 июня 1856 г. в актовом зале Казанского университета, «О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала», в которой он указал на целый ряд явлений не только экономического, но и политического характера, мешающих развитию народного хозяйства России, и мер по их устранению, произвела большое впечатление и после публикации, которая осуществилась не без некоторого сопротивления властей, сделала его известным во всероссийском масштабе. Практическим результатом этой речи было предложение, сделанное Бабсту Московским университетом, занять место, оставленное незадолго до этого профессором И. Вернадским. В Московском университете Бабст был ординарным профессором в период 1857–1874 гг. В 1867 г. он занял пост председателя правления крупнейшего московского кредитного учреждения — Московского купеческого банка, управление которым он вначале совмещал с преподаванием, но затем, оставив университет в 1874 г., оставался до 1878 г. только банкиром.

О НЕКОТОРЫХ УСЛОВИЯХ, СПОСОБСТВУЮЩИХ УМНОЖЕНИЮ НАРОДНОГО КАПИТАЛА¹

РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ 6 ИЮНЯ 1856 г.
В ТОРЖЕСТВЕННОМ СОБРАНИИ
ИМПЕРАТОРСКОГО КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ОРДИНАРНЫМ ПРОФЕССОРОМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ
И СТАТИСТИКИ ИВАНОМ БАБСТОМ

Еще очень недавно мы отпраздновали, М.Г.², радостное известие о заключении мира. Мы знаем, как благотельно подействовал на наше сельское хо-

¹ Печатается по: *Бабст И. К.* О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала. — М.: Изд. К. Солдатенкова и Н. Щепкина, 1857.

² М.Г. — милостивые государи.

зьяйство, на нашу торговлю и промышленность один только слух о близости этой радостной минуты великого народного примирения. Вздохнули свободнее и помещики, имея надежду на сбыт хлеба и на хорошие цены, потянулась к нам вереница купеческих приказчиков для закупа продуктов наших родимых нив и полей, встрепенулись и зашумели наши фабрики, прекратившие работы, и толпы коммерческих агентов появились уже в наших портах и промышленных центрах для закупа наших продуктов. В эту счастливую минуту всеобщего оживления нашей промышленности и производительных сил забудем, М. Г., и те раны, и те страдания, которые нанесла нам кровавая и долгая борьба, забудем тем более, что не бесславна была она и для нас. Встречая черноморских моряков, приветствуя этих добрых страдальцев за русскую землю, Москва от лица всей России с гордостью высказала, что, несмотря на сильный союз, на громадные силы, собранные против нее, Россия сумела дать отпор и вышла с честью из трудной борьбы. Встречая с радостью мир, не возмутим нашего счастья сетованием о прошедших страданиях, а возблагодарим войну за те великие плоды, которыми мы отчасти уже начинаем пользоваться. «L'excès des maux dont la France etait affligée, — сказал один великий финансовый муж Франции, — donnait de facilites, que l'administration ne rencontre pas toujours dans des circonstances moins desesperées»¹. Тяжкая народная борьба и страдание заставляют народы осматриваться, проверять свою пройденную жизнь, проверять учреждения, изменять их и поправлять свои ошибки. В великих народных битвах могучие соперники знакомятся друг с другом — учатся уважать друг друга, и народам юным, но по своим историческим задаткам призванным играть великую роль в европейской семье, не мешает поучиться многому у своих недавних врагов, с которыми побратались на ратном поле и которых они научились уважать.

Воспользуемся же дружно, М. Г., спасительными опытами войны и плодами ее. Она и в экономическом нашем быту раскрыла нам также по всей их наготе недостатки и упущения наши. Она указала нам на недостатки в путях сообщений, на монопольный характер многих сторон нашей промышленной деятельности, на отсутствие кредита, на исключительно еще почти естественный характер народного и государственного хозяйства, на медленное обращение капиталов, наконец, на недостаток в них. Возблагодарим ее за то, что она нам указала на все означенные темные стороны. Нам предстоит теперь только не дрогнуть перед ними, но с ними бороться и одолеть их. Подобно нашим доблестным витязям, отстаивавшим грудью российские пределы, пускай отстаивает честь Родины каждый из нас: и купец, и земледелец, и мужи закона и науки. Ополчимся все дружно и дружно станем действовать для распространения нравственного образования, для распространения просвещения и для умножения нашего богатства. Нелегка, однако, эта задача, М. Г., и исполнен терния путь к искоренению освященных давностью злоупотреблений и предрассудков, но еще тяжелее он для мужей мысли и науки, для этой немногочисленной у нас когорты людей, в руки которых Россия вверила святое дело своего просвещения. Постараемся все дружно оправдать слова Высочайшего

¹ Избыток бед, пережитых Францией облегчил управление для наиболее обездоленных людей. — *Ред.*

Манифеста: «Да утверждается и совершенствуется внутреннее благоустройство; правда и милость да царствует в судах ее; да развивается повсюду и с новою силою стремление к просвещению и всякой полезной деятельности, и каждый под сенью законов, для всех равно справедливых, равно покровительствующих, да наслаждается в мире плодом трудов невинных».

Имея честь говорить перед вами как представитель одной из отраслей знаний, я решаюсь показать вам в беглом и кратком, по возможности, очерке малую только часть тех препятствий, которые наука обязана и должна преодолеть, ежели только хочет оставаться верною святому назначению своему и оправдать надежды, на нее возлагаемые.

Прежде всего науке приходится бороться с тупыми, устарелыми предрассудками, с недоверием большинства, привыкшего к рутине, большинства, выражающего на каждом шагу свое недоверие, неуважение, а нередко и злобу к теории. Нет почти ни одного вопроса, ни одного явления в народном хозяйстве, где бы теория не встретила упорного сопротивления и где бы нам не пришлось вступать в бой с отживающими уже формами народного хозяйства, но за которые говорит вековая давность, привычка, рутина и неподвижность — эти постоянные признаки отживающих форм.

Подобные препятствия встречала политическая экономия везде: везде против нововведений и реформ, вызываемых изменившимся содержанием народной жизни и условий народного хозяйства, выступали защитники старого быта, ветхих форм, но зато везде в Европе была эта борьба облегчена тем, что там существует полемика, что каждый, заживо затронутый в своих интересах, выступает на защиту своих мнений словом, что там экономическое образование составляет необходимую принадлежность образованного большинства; наконец, потому, что там вообще образование развито шире, чем у нас.

Предрассудки, недоверие к теории, рутину найдем мы везде. Везде, где только существует человеческое общество, везде встретим мы две великие партии, на которые оно дробится: приверженцев старины и рутины, не доверяющих теории, и партию прогресса, сознающую необходимость реформы. И в экономически развитой Англии гремели великие ораторы против уничтожения хлебных законов, и во Франции поднимался ропот против уступков свободной торговли, сделанных императором Луи Наполеоном, и в Германии умирали сотнями несчастные силезские ткачи от запрещения ввоза льняной пряжи в видах поощрения отечественной промышленности — но дело в том, что нигде уже не найдем мы того неуважения к теории и науке, как у нас: не услышим уже подобных слов, что не дворянское-де дело заниматься хозяйством или винокурением, не услышим бахвал нашей внутренней торговли без всякого счетоводства, без книг, где редкий купец, редкий помещик в состоянии сделать баланс своим оборотам; не услышим уже подобных мнений, которые питает у нас большинство даже образованного народонаселения, хранившего детское убеждение, что, запретив вывоз хлеба, Россия может голодом принудить Западную Европу к уступкам; не найдем уже людей, как у нас, в захоластье, которые бы удивлялись, что случайно захавший к нам образованный купец так живо интересуется иностранными газетами, тогда как в дворянском собрании лежат они почти нетронутыми; не найдем и представителей финансового управления, высказывающих мнение,

что, умножив налог на соль, необходимо получить больше дохода от увеличившегося потребления. В таких словах видны уже и не нападки на теорию, а совершенное непонимание первых начал народного хозяйства; здесь приходится учить, здесь только всеобщее образование, учение может вызвать общество на прямую дорогу, но для ученой полемики места быть не может.

Поединок может быть с разным оружием. Но замечательно, что люди, наиболее вопиющие против теории, в сущности, самые неумолимые теоретики. Промышленник, целые годы занимающийся одним делом, выводит себе из собственных наблюдений известную теорию; человек государственный, посвятивший свою жизнь одной отрасли государственного управления, создаст себе известные правила, которым следует, и становится теоретиком. Следовательно, нет ничего основательнее фразы, что то, что хорошо в теории, не годится в практике. Практики сами себе противоречат. Здесь один выход: или теория верна, и, следовательно, она верна и в применении и должна оказать благодетельные результаты, или она ложна, и тогда ложь ее непременно окажется на практике.

Положим, что каждый купец может дисконттировать вексель, не прочитав Адама Смита, что каждый артиллерист может выпалить из пушки, не зная математики и теории артиллерийского искусства; положим, что наши архитекторы, имея в руках урочное положение, не имеют и нужды знать теорию архитектуры, и что собирать податей можно легко, вовсе не зная теории податей и налогов. Но да не забудем также, что только наука и теория могли расширить и увеличить область практических применений, что только теория и наука произвели все великие изменения в мире, политическом и промышленном. Не забудем, что только благодаря теории совершились все великие улучшения в нашем домашнем и общественном быту, что теория дала возможность перевозить в десять дней огромные массы войск из Франции в Крым и что теория и наука дали средства нашему благородному Тотлебену отстаивать в течение почти года Севастополь и записать кровавыми, правда, буквами в ряды великих инженеров инженера русского. Нет, одним словом, возможности существовать, практики без теории, и даже самые зачатые практики оканчивают тем, что делаются самими неволимыми теоретиками, а вследствие этого самими узкими. Разве охранительная и запретительная система во всех ее крайностях не та же теория, что и теория свободной торговли? Но представители первой считают себя практиками в противоположность последней. На деле оказывается, что практика — это освещенная давностью теория и что вся борьба между практикой и теорией есть не более и не менее как борьба старых убеждений с новыми понятиями, выработанными наукой и временем.

*Inde ira!*¹

Нельзя не сознаться, что неумолимые теоретики много повредили успеху благого дела. Поспешность, крайность и неуступчивость их вызывают упрямство и жестокую борьбу со стороны практиков. Каждый народ идет вперед. Постоянный прогресс — это необходимое условие жизни и развития каждого органического тела, но прогресс совершается то медленнее, то скорее. Все попытки внезапной, быстрой реорганизации общества, как бы они ни были за-

¹ Отсюда гнев! — *Ред.*

конны, как бы в них ни чувствовалась потребность, ведут к разрушению старого, к полному уничтожению всего существующего, к революциям; а революция всегда будет злом, и тяжким недугом страдает общество после быстрого и разрушительного переворота. Теория, как бы она ни была верна, не должна быть неумолима; ей не следует прибегать для своего осуществления к крайностям и не быть Молохом, требующим только новых жертв. Ежели свежие германские племена явились продолжателями и носителями идей всемирной истории, то неужели же выжженные села и могильная тишина опустошенных земель классической цивилизации были необходимым условием для такого хода истории.

Неумолимые теоретики, а их было всегда много в минуты тяжких народных недугов, принимают свою теорию за котел Медеи: они думают убить существующую организацию общества и из отдельных членов трупа создать новое тело. Да избавит нас Бог от таких теоретиков, точно так же как да избавит нас современная цивилизация от подобных представителей исторических идей, каковы были Аларих и Гензерих! Нет, чем справедливее и законнее теория, тем постепеннее старается она отстранить все препятствия, устранить органические повреждения в обществе, и потому во всех общественных вопросах победа всегда остается на стороне постепенных реформ и времени, этого величайшего и самого законного реформатора. «Когда я говорю об изменениях и реформах, — сказал Гескиссон, — то разумею под ними изменения постепенные, обдуманнные, которые в каждом государстве со стародавнюю и сложную организацией могут быть лучшими предохранительными средствами от опасных и безрассудных нововведений. Только оставаясь верными такому началу, мы можем сохранить то высокое положение, какое мы занимаем между образованными народами земного шара».

Все нападки, весь дикий вопль против теории подымается обыкновенно со стороны тех интересов, против которых вооружается теория, как против явлений устарелых и замедляющих развитие народного благосостояния. Как бы ни было вредно какое-нибудь учреждение или какая-нибудь экономическая форма, как бы она ни была несвоевременна, но с нею всегда связано столько интересов, столько частных благосостояний, что теория должна невольно поступать осторожно и изменять постепенно, как бы она сама по себе ни была верна и как бы ясно ни высказывались потребности в ней. Что может быть математически вернее теории свободной торговли, но неограниченное ее применение к практике, бесспорно, будет величайшим злом для всякого общества, где, благодаря искусственным мерам, вызваны были к жизни разные отрасли мануфактурной промышленности, в которых затрачены громадные капиталы и которые, несмотря на быстрые успехи, все-таки не могут соперничать с промышленностью народов, далеко их опередивших на этом поприще. Неограниченная свобода торговли — это покуда истина неприложимая во всех ее крайностях, но все же истина, и беглый взгляд на историю европейских тарифов укажет нам ясно, до какой степени они все более и более делают уступки новой теории и приближаются к свободе торговли.

«Доискиваться только того, что хорошо, что желательно, что верно в теории — этого еще мало. Нужно, необходимо обращать внимание и на то, что

возможно и приложимо на деле, — говорит Дюнойс. — Теоретик, отыскивая истину, старается уловить ее, устраняя все побочные обстоятельства, старается создать строгую отвлеченную теорию; человек практический, напротив, не оставляет без внимания ни одного обстоятельства, ни одного явления и, сообразаясь с ними, исследует, какие истины, высказанные теорией, могут быть приложимы к делу без больших препятствий, потерь и жертвований».

К несчастью, большая часть практиков, обладающих и возможностью, и властью совершать необходимые изменения, всегда скорее готова преувеличить важность затруднений, противопоставляемых стариной новым требованиям, нежели взяться за последние. Конечно, для такого шага есть необходимые условия: бескорыстие, патриотизм и, наконец, самое главное — образование. В экономических преобразованиях ощупью, навыком ничего не сделаешь. Здесь нужно глубокое историческое и экономическое образование. Только с такими средствами возможны были в Великобритании все те экономические реформы, совершенные ее великими государственными людьми, об одном из которых сказал Адам Смит, что, слушая его речи, он начинает сам себя лучше понимать.

Распространение здравых экономических понятий, М. Г., составляет одну из самых необходимых потребностей нашего общества. Пора, наконец, перестать жить зря, как говорится, делать все зря. Наступает для нас пора проверить все, что мы сделали, что совершили и достойно ли совершили. Пора нам задать себе вопрос, так ли мы воспользовались и обширным пространством нашей родины, и теми громадными богатствами, кроющимися в ее недрах и выпавшими по воле Провидения на нашу долю. Пора проверить распределение и организацию наших производительных сил, условия обращения ценностей, распределения народного богатства. Исследовать, одним словом, настолько мы приблизились к великой задаче, которую задает себе политическая экономия, задаче дать возможность жить на известном данном пространстве наибольшему числу людей и при наилучших условиях. Русская история сделала громадные успехи в последнее время, предоставим даровитым ее деятелям следить за судьбами русского человека в течение его долгой исторической жизни; пора и экономистам проверить историю экономического быта русского человека, проследить историю его пищи, одежды, жилья, проследить все, чего он желал, чего хотел, чего добивался и как добивался, чего, наконец, успел достигнуть и каковы успехи нашего экономического быта.

Тогда, вероятно, реже встретим мы эту самоуверенность в нашем превосходстве, это китайское самодовольство и эту возмутительную леность ко всем улучшениям экономического быта. Тогда не встретим мы странного убеждения, что без нас и нашего хлеба, без нашего леса или сала не может обойтись Западная Европа, что она зависит от нас и что в нашей воле морить ее голодом или дать наесться досыта, а между тем английский поденщик продолжает есть хлеб, какой у нас ест только высшее сословие, и ежедневно потребляет 1,5 фунта мяса, тогда как наш крестьянин ест его по праздникам, редко и круглый год довольствуется хлебом, о котором уже с XII ст. в Западной Европе и не знают. Не хвастовство, не самоуверенность приведут нас к добру, а истинный патриотизм и беспристрастное и благородное сознание своих недостатков. Пора нам перестать верить, что сельское хозяйство оттого в Западной Европе хорошо, что

с голоду все они это делают. Мы что ли уж так богаты? Ежели кто припомнит голодные наши годы и все, что ему приходилось видеть на дорогах и в деревнях, тот сознается, что подобного голода в Западной Европе и быть не может при ее экономическом развитии, при ее богатстве, путях сообщений и других улучшениях экономического быта, — не может быть, за исключением только разве некоторых несчастных местностей, страдающих, как, например, Ирландия, от экономической неурядицы, вызванной самыми разнообразными условиями, историческими и политическими.

Не раз случалось нам слышать возгласы против промышленного, материального направления нашего века и преимущественно Западной Европы: нередко говорится о новом Вавилоне, о поклонении золотому тельцу, о том, что все нравственные интересы принесены в жертву интересам промышленным, и затем все нападки обрушиваются на науку о народном хозяйстве. Но где же более видим мы корыстолюбия, бесчеловечия, как не в народах неразвитых и экономически необразованных: да и где мы найдем, не у нас ли, патриархальность нравов и золотой век, о котором мечтают поэты? Не в житии ли, старом житии Степана Михайловича Багрова, видим мы патриархальность нашего экономического быта? Не в наших ли купеческих сделках по душе, где чаще всего бывают банкротства, чаще, нежели где-нибудь на Западе, где книговодство и счетоводство обеспечивают всех и каждого? Нам указывают на широту нашей жизни, на ее размахистость и на расчетливость западной жизни. Но последняя проистекает от того, что каждый и должен, и обязан жить сообразно со своими средствами, не может позволить себе излишества, не может захватить чужой порции, да средняя-то порция каждого и больше, и лучше.

Нет, промышленное направление нашего века — это великий шаг вперед. Горе тому народу, который теряет всякое желание к улучшению своего экономического быта, всякую заботу о нем: он теряет с этим вместе сознание своего нравственного достоинства, сознание честности. Напротив, сознание необходимости материального улучшения, желание довольства заключает в себе залог всего прекрасного и благородного в народе. Только человек, живущий в довольстве, может уделять свое время интеллектуальным и нравственным занятиям. Материально выгоднее обеспеченные народы всегда почти бывают и нравственно, и политически развитые: чистота и опрятность — это необходимые условия нравственного развития, а их встречаем мы только у хозяйственно высокоразвитых народов. Не даром же, М. Г., белый цвет есть символ непорочности. Благо тому народу, который имеет средства жить в покойном жилище, одеваться хорошо, хорошо есть, который завоевал себе, одним словом, все условия для нравственного и материального благосостояния. Вот почему наука о народном хозяйстве не так важна в настоящее время, время значительных и разнообразных материальных улучшений.

Человечество поняло яснее, нежели в какую-либо эпоху своей истории, что только путем материального прогресса в состоянии оно развиваться нравственно, что только при материальном благосостоянии возможны успехи образования истинного. Требования человека грубого и неразвитого всегда опасные и незаконные, потому что он редко в состоянии дать себе сам ясный в них отчет. Можно смело сказать, что большая часть несчастий, обрушившихся над бедным

слоем народонаселения, что большая часть заблуждений в экономических мирах происходят и происходили от недостатка здравых экономических понятий. Это поняли уже в Европе, и лучшим ответом на этот животрепещущий вопрос современности служат сотни мелких брошюр, в которых самым доступным для народа образом обработаны главные положения науки народного хозяйства.

С развитием здравых экономических понятий в народе, понятий о законах производства и правильного распределения ценностей, о законном требовании труда, благотельных результатах бережливости и гибельных последствиях роскоши, и не только в народе, но и в тех слоях общества, которые поставлены историческими обстоятельствами над народом и обязаны быть его учителями, идти в челе его на пути прогресса, исчезнут многие злоупотребления, и невозможны будут понятия и предрассудки, замедляющие развитие народного благосостояния.

«В каждом человеке, — говорит Маколей, — кроется желание улучшить свое положение: в каждой опытной науке высказывается стремление к усовершенствованию. Двух таких двигателей уже достаточно, чтобы подвинуть вперед цивилизацию, ежели даже ее задерживают общественные невзгоды и дурные учреждения. Не раз уже было испытано, что расточение государственной казны, тяжкие налоги, неразумные ограничения торговли, продажные суды, вредные войны, восстания и болезни не могут уменьшить народного капитала в такой степени, в какой он непрерывно возрастает, благодаря трудолюбию и усилиям народа. Нетрудно доказать, что товарный капитал Англии возрастал непрерывно в течение шести столетий, что он был больше при Тюдорах, нежели при Платтагенетах, при Стюартах более, нежели при Тюдорах, что, несмотря на дурное управление, на безрассудные распоряжения, на государственное банкротство, на бесполезные войны, моровую язву, пожары, он был при кончине Карла II значительнее, нежели при восшествии его на престол. Такой успех в накоплении капитала возрастал постоянно в течение нескольких столетий, но он замечательно ускорился к половине XVII столетия и увеличился еще более в течение XIX столетия. И вот здесь кроется причина такого изменения в положении Англии, которому подобного не найдем в Древнем мире.

Если бы мановением волшебного жезла можно было представить себе Англию 1685 г., мы не узнали бы из сотни местностей и одной, из тысячи строений — одного. Все изменилось за исключением только больших очертаний природы и некоторых массивных и громадных зданий человеческого искусства. Мы узнаем нормандскую башню или феодальный замок, уцелевшие еще со времен войны Белой и Алой розы: но, оставя в стороне такие редкие исключения, все остальное будет нам чуждо и дико. Тысячи квадратных миль, покрытые в настоящее время роскошными нивами и лугами, прорезанные живыми изгородями, усеянные деревнями и дачами, представились бы нам пустырями и болотами, населенными дикими утками. Мы увидели бы хижины, покрытые соломой, на том месте, где теперь возвышаются фабричные и приморские города, слава о которых гремит по всему свету. Трудно перечислить все богатые и населенные улья английской промышленности, которые еще лет за 150 были ничтожными деревушками или пустынными болотами, где водилась дичь, где бегали олени. При Карле II говорили о Ливерпуле как о возрастающем городе, его на-

селение не превышало 4000 душ; вместимость судов, занятых тогда торговлей в Ливерпуле, не превышала 1400 т, т.е. менее вместимости одного остиндского судна настоящего времени, тогда как Ливерпуль имеет теперь с лишком 300 000 жителей; вместимость кораблей, приходящих и выходящих из его гавани, простирается до 500 000 т, а в таможене его собирается ежегодно сумма, в три раза превышающая все доходы Англии в 1685 г.

От этой картины возрастания материального благосостояния великого западного народа обратимся к картине более скромной, но представляющей нам подобные же результаты. Обратимся к нашему приволжскому краю и посмотрим, какие изменения здесь произошли. Стоит только взять в руки Олеария, Стрюйса или кого-нибудь из путешественников XVII столетия, стоит заглянуть в архивы губернских чертежных, и мы придем к тому же решению, что не узнали бы ни одной местности, если бы нам волшебством каким-нибудь ее представили. До половины почти прошлого столетия богатое Заволжье было совершенно пустыней; единственными ее обитателями были орлы да коршуны; стаи драхв да шайки разбойничьих кочевников временными гостями. Кое-где бороздили ее неведомые пути, от Волги через Большой-Иргиз реку, и терялись далее в степях. По ним скитались бродяги, преступники, избегнувшие рук правосудия, да последователи разных фанатических сект.

Когда сделан был первый шаг к колонизации, тогда она уже быстро двинулась вперед, и прилив переселенцев не останавливается и по сие время. Тяжкое было вначале жилье для переселенцев, и много приходилось им терпеть от кочевых племен башкирцев, калмыков и киргизов. Маститые старцы рассказывали известному путешественнику Гакстгаузену, как они помнят еще, что ходить на полевые работы можно было не иначе, как в вооружении и целыми толпами; что постоянно на одном из многочисленных курганов, рассеянных по степи, должен был стоять сторожевой, чтобы давать немедленно знак о приближении неприятеля. Дикие кочевники стирали нередко возникавшие деревни с лица земли, убивали, уводили жителей в неволю и продавали в Хиву и Бухарию.

Но как теперь все изменилось! Поселенцы и во главе их немецкие колонисты провели плугом борозды по благословенной и тучной почве, покрытой до их прибытия степною травой. Быстро начала продвигаться здесь цивилизация, смирились дикари и превратились в мирных пастухов, и только в конокрадстве проглядывает их прежняя дикость. Быстро возрастает народонаселение. По 7-й ревизии в трех уездах на левом берегу Волги было 177 300 душ, а теперь по 9-й — 465 274 души. И подобные изменения найдем мы во многих местах нашей обширной, богатой дарами природы родины: везде виден прогресс, хотя и не в такой степени, как бы того можно было ожидать, ежели взять в соображение богатство почвы и выгодные условия целого края.

Ежели мы теперь спросим, где кроются причины этого развития народного богатства в Англии, которая еще не далее, как столетие назад, была так же бедна, как и остальные государства Западной Европы, или изменения, хотя и более скромные, и медленные, в нашем отечестве, то придем прямо к заключению, что все это зависело от умножения капиталов как результатов предшествовавшего труда. При посредстве их производились постоянно новые ценности, избыток которых, после удовлетворения народного потребления, присоединялся

к народному капиталу и умножал его. Конечно, не один только капитал произвел все огромные выше упомянутые изменения в народном богатстве. Мы несколько не причастны такому одностороннему взгляду на развитие экономических отношений в народе: мы очень хорошо знаем, как сложна народная жизнь, как разнообразны условия развития народного богатства, какое важное участие приходится здесь на долю и труда народного, и его размерам, и энергии, и нравственным качествам народа, и учреждением государственным, но без капитала, без этого необходимого запаса ценностей, который только и даст возможность человеку трудиться, народное богатство точно так же не может двинуться вперед, как без труда и содействия природы.

Капитал сам по себе действительно ничего не может произвести. Без участия труда человеческого, без содействия матери природы он будет мертв и нем. Он не в состоянии произвести свободно и произвольно ни роскошных растений, ни питательных плодов, как наша кормилица природа; семя, брошенное или попавшее случайно в землю, приносит питательный плод или разрастается густым лесом при содействии свободной и могучей силы природы. Труд человеческий может обойтись без капитала, ибо в нем самом лежит достаточно производительной силы, чтобы пользоваться природою, и ежели не подчинить ее силы вполне, то уметь поставить их в такое друг к другу отношение, чтобы они могли доставить результат, необходимый человеку для удовлетворения его потребностей.

Природа и труд человека — это, стало быть, и первоначальные и самые необходимые условия производства; но ежели мы станем следить за всеми ступенями развития экономического быта народов, мы придем все-таки к заключению, что только там видим успех, только там найдем богатство, где встречаем третьего главного деятеля производства — капитал и где естественный деятель производства — природа следует мановению капитала и его велениям. В первую эпоху развития народного хозяйства, оставляя даже в стороне звероловов и кочевников, в первую эпоху зачатков земледелия мы встречаем почти исключительно природу и силы ее как главных деятелей производства. Редкое народонаселение при изобилии земель, вод, лесов, пастбищ питается почти даром; но зато мы здесь не встретим богатства, а наоборот, при таком изобилии даров природы человек живет в самом унижительном рабстве, и только с умножением народонаселения труд получает больше значения и становится почетнее.

С развитием значения труда образуется городская жизнь, растет значение среднего сословия, этого представителя труда, служащего посредником между поземельными собственниками и крепостным земледельческим народонаселением. Вот почему на низких степенях экономического развития так расточительно обращаются с трудом, с землею и так дорожат капиталами. Вот отчего на этой ступени развития всякое и интенсивное сельское хозяйство даже вредно, потому что тратишь на него дорогие капиталы и получаешь взамен дешевые земли и дешевые продукты. В богатых землях, как, например, в Англии, стараются везде, где только возможно, заменить труд капиталом. В больших городах строят везде высокие дома, потому что земля дороже. Везде с развитием народного хозяйства видим мы, что капитал преобладает, и что он становится необходимым условием для успехов народного богатства. «Без помощи капи-

тала. — замечает Рау. — самая плодоносная почва, самый благообразный климат, величайшее искусство и трудолюбие рабочего сословия не могут иметь большого и решительного влияния на материальное улучшение народа и умножения народного капитала как результата предшествовавшей деятельности. Это необходимое условие нового и дальнейшего умножения народного богатства.

Без капиталов, оживляющих экономическую деятельность, не может процветать ни одна решительно отрасль народной промышленности, и даже те отрасли последней, которые всем существом своим коренятся в известной стране, не в состоянии достигнуть результатов, которых бы можно было ожидать от них, ежели только нет необходимых и больших капиталов». «Каждый гвоздь в Англии, — говорит Сениор, — обязан своим происхождением, все равно прямо или косвенно, капиталам, существовавшим до нормандского нашествия». Все, одним словом, что содействует народному производству: орудия, машины, строения, пути сообщения, почва, суровье, средства на содержание рабочих, деньги, кредитные знаки, нравственные качества народонаселения, его образованность, изобретательность — все это мы вправе назвать народным капиталом, без которого невозможна ни одна хозяйственная деятельность и для умножения, для усиления производительности которого должны быть употреблены все силы и все стремления народа. Чем более капиталов в народе, подкрепляющихся трудом, тем более условий для обширного производства. Чем более надежды у рабочего улучшить, благодаря своему труду, свое благосостояние, тем производительнее его труд.

Точно в такой же степени капитал действует и обширнее, и производительнее, чем более надежды получить от него выгоды. Для ленивого, беспечного народа капиталы — это мертвые силы, и накопление, равно как и все силы, направленные на последнее, считается, пожалуй, бесплодной тратой. Нужно, чтобы в самом народе крылось и убеждение, и сознание необходимости бережливости труда, без которой невозможно накопление капиталов. Что пользы было Испании, когда все сокровища Нового Света пришли к ней? Она не стала от них богаче, потому что с приливом сокровищ не усилилась народная деятельность. Дурные государственные учреждения, исторические условия, при которых развивалась Испания, подавили в народе смысл и желание к труду, и она осталась бедна. Много есть условий, при которых образуются и накапливаются капиталы. Энергия и стремление к накоплению последних не одинаковы у разных народов, но зависят от самых разнообразных причин: от бережливости народной, от обеспеченности его собственностью, от производительности его труда, от отношений между его производительным и непроизводительным народонаселением, от более или менее быстрого обращения ценностей, от степени нравственности и умственного образования народного.

Капиталы — это прежде всего результат бережливости. Бережливый человек отказывается от известной части результата своего предшествовавшего труда ради нового производства, ради будущего. Чем развитие народ, чем он трудолюбивее, тем он обыкновенно бережливее. На низких ступенях развития экономического быта мы не видим вовсе бережливости. Только миссионеры научили эскимосов прятать избытки своей добычи и извлекать из нее выгоду, тогда как прежде они, бывало, уничтожали и бросали все, что не могли сами

съесть или употребить сами в пользу. В неразвитом хозяйстве беспечность и отсутствие всяких утонченных потребностей достигают высшей степени. Когда первые необходимые потребности жизни удовлетворены, тогда никто и не думает о труде и считает его даже позорным и излишним. В такие периоды народного хозяйства нет смысла в бережливости и нет стремления к накоплению, потому что не признано еще великое значение капитала. Чем развитее народное хозяйство, чем шире потребности, тем более является производителем для удовлетворения их, тем бережливее и осмотрительнее становится само производство, и тем менее бывают бесплодными растраты остатков производства, которые все идут в дело. Еще недавно били у нас в новороссийском крае скот только для сала и шкур. Мясо и остальные части бросались. Мы теперь вывозим мяса не более 40 000—50 000 пудов, тогда как, за вычетом собственного потребления, могли бы легко вывозить с лишком 10 млн пудов.

Не станем обращать внимания только на одни миллионные цифры, на громадные капиталы, а проникнем глубже в эту таинственную мастерскую, называемую народным хозяйством, этот кропотливый муравейник, и мы найдем производства, на первый взгляд, ничтожные, действующие при помощи самых ничтожных капиталов, но объем которых может быть расширен до бесконечности, и где строгая бережливость может вызвать чудеса на свете. Обратим внимание на наших Вязниковцев овчинников, на Кологривцев дегтярников. Верейцев луковников, Солгаличан бревенщиков, Юрьевцев китаечников. На все эти мелкие, ничтожные, по-видимому, промышленности, но дружно содействующие умножению народного капитала, который при бережливости и при обеспечении обратится со временем в громадный капитал, которым удивляют нас далеко нас опередившие западные народы. По песчинкам накапливаются капиталы, но каждая песчинка пропитана трудовым потом рабочего сословия, и все силы верховной власти, вся задача умного и благомыслящего правительства должны быть направлены на то, чтобы драгоценные сии песчинки не развеяны были по ветру и не прилипли бы к нечистым рукам.

Первое и главное условие для поощрения бережливости и накопления народного капитала — это полное обеспечение труда и собственности. Как мы уверены, что плоды наших трудов, будь они результаты труда вещественного или невещественного, не пропадут, тогда все мы готовы трудиться; тогда народная производительность делает чудеса, и капиталы вещественные, равно как и нравственные, быстро умножаются. И на Востоке есть бережливые люди, но эта бережливость иная, от которой да сохранит нас благое Провидение. Еще не далее как в январе месяце журнал «Economist», говоря о необыкновенном приливе серебра на Восток, высказал положительно, что все это серебро не воротится уже назад и Европу, потому что скроется там навеки. Это подтверждение той же знаменитой фразы, которая вырвалась у Берка: «Где собственность не обеспечена, там скрываются золото и серебро в недрах земли, откуда они вышли на свет». В беспокойные эпохи капиталы и деньги прячутся. Общее недоверие, отсутствие всякой безопасности удерживают от желания дать производительное употребление капиталам, и каждый считает несравненно более надежным обращать их в ценные вещи и хранить под спудом. Отсюда происходит это видимое и наружное богатство в странах, в сущности, бедных. Богач

на Востоке носит нередко на себе все свое богатство, заключающееся в драгоценных металлах и камнях, тогда как это же самое богатство резко отличается от грязи, в которой он живет, и драгоценный кальян турецкого паши находится в самой резкой противоположности к образу его жизни.

Где мало безопасности, где мало уверенности в пользовании плодами своей бережливости, там ничтожно и стремление к последней. Солдат в военное время, моряки, в особенности китоловы, всегда чрезвычайно расточительны и беспорядочны. Домовитость, мудрое скопидомство могут быть только в таких народах, где каждый уверен в своей безопасности, где вследствие такой уверенности деятельность каждого отдельного лица получает большие размеры и где в целом народе заметно стремление копить, чтобы умножить свое богатство и улучшить свое материальное положение.

Мы часто слышим нападки на врожденную лень и беспечность некоторых народов, на отсутствие всякого смысла к улучшению своего быта. Это отчасти справедливо. Но нельзя согласиться, что лень и беспечность были уделом целого народа, и нельзя предложить, чтобы в целом народе существовало полное отсутствие желания улучшить свой быт. Это невозможно, и мы должны скорее искать объяснения такому грустному явлению в условиях, среди которых живет известный народ. Когда избытки народа так малы, что и копить их нечего, когда он даже и в них не уверен, потому что каждую минуту его трудолюбие может быть потревожено произвольными распоряжениями в его хозяйстве самого разнообразного рода, — где же тут может быть возможность бережливости? Лучше истратить последнюю копейку, чтобы она только другому не досталась. Все же она как будто не пропала. Когда промышленник не может начать ни одного предприятия, не рискуя потерять своего капитала, когда заимодавец тщетно преследует своего должника, переезжающего преспокойно из одного города в другой, — где же тут может быть бережливость, где же тут возможность быстрого накопления капиталов?

Практики, вероятно, улыбнутся, читая эти строки, и укажут на громадные капиталы, обращающиеся в нашей торговле, укажут на громкие имена наших аристократов торговли, но нам и не приходит в голову отрицать существование капиталов в России. Они есть, но их все-таки мало. Высота процента служит лучшим тому доказательством, а он у нас очень высок. Причина же высоты роста двоякая: или у нас мало капиталов, и значит, мало еще стремления к накоплению, или же капиталы есть, и тогда высокий рост происходит от высоты страховой премии — от недостатка безопасности, а где нет безопасности, там не может быть и бережливости. Каждое накопление предполагает жертвование настоящего наслаждения в надежде на будущее.

Легкость такой жертвы и склонность человека согласиться на нее не везде одна и та же и зависят от самых разнообразных условий. Незнание будущего является здесь главным деятелем, а степени этой неизвестности чрезвычайно разнообразны. Все обстоятельства, усиливающие вероятность, что не другой кто, а мы воспользуемся плодами наших трудов и нашей бережливости, должны необходимо, следовательно, способствовать капитализации. Чем менее, повторяем опять, безопасности, чем чаще бывают вредные изменения в имущественных отношениях народа, тем менее будет постоянно число лиц,

склонных к бережливости, а ежели она и существует, потому что и в самом экономически неразвитом обществе есть бережливые люди, то является в самой грубой и неразвитой форме. Так еще недавно жаловался Мишель Шевалье на бесплодную бережливость французских крестьян, скопляющих светлые пяти-франковики и не дающих им никакого производительного потребления. Примоним бесчисленные примеры между нашими крестьянами, у которых это уже составляет общее правило. Силезские мужики зарыли много денег в 1848 г., точно так же, как это делалось еще во время 30-летней войны.

При таком отсутствии безопасности не могут развиваться и главные побудительные нравственные причины накопления — предусмотрительность и забота об общем благе. Народы на низкой ступени нравственного развития почти не знают предусмотрительности. Нужно много развитости, чтобы на воображение наше действовало и чтобы его занимало неведомое будущее или вообще все то, что не прямо и не в настоящую минуту бросается ему в глаза. Ежели мы обратим внимание на все побудительные причины, которые заставляют образованного и развитого человека быть бережливым, употреблять сбережения производительно, мы увидим, что в числе их главное место принадлежит чувству и сознанию, что трудишься и копишь для общего блага и для других, любезных нам лиц. Народы неразвитые, народы дикие и народы в эпоху упадка — одинаково эгоисты. В нравственно и интеллектуально развитом народе мы не найдем почти человека, который бы трудясь из личной выгоды, не имел бы в виду общей пользы, не понимал бы, что, увеличивая свое богатство, он дружно содействует общему довольству. Сознание пользы общей, сознание необходимости труда для общего блага — это необходимое условие деятельности. Только дикари живут для себя, и только Рим во времена упадка мог задавать свои страшные оргии, потому что римлянину в эпоху падения древней цивилизации ни до кого не было дела.

Трудно себе представить, до какой степени дурная администрация, отсутствие безопасности, произвольные поборы, грабительство, дурные учреждения действуют губительно на бережливость, накопление, а вместе с тем и на умножение народного капитала. Междоусобные войны, борьба политических партий, нашествия, мор, голод не могут иметь того губительного влияния на народное богатство, как деспотическое и произвольное управление. Чего не перенесли благословенные орны Малой Азии, каких не испытали они переворотов, и постоянно вновь обращались в земной рай, покуда не скрутила их турецкая администрация. Что было с Францией в XVIII столетии, когда над земледельческим народонаселением тяготела безобразная система налогов и когда вдобавок еще под видом последних каждый чиновник мог смело и безнаказанно грабить. Против воров и разбойников есть управа, но что же делать с органами и служителями верховной власти, считающими свое место доходным производством? Тут иссякает всякая энергия труда, всякая забота о будущем, об улучшении своего быта.

Безопасность, полная возможность пользоваться плодами своей бережливости — вот главные условия накопления капиталов. Но капиталы, М. Г., и накопление их тогда только исполняют настоящее свое назначение, когда открыта полная и свободная стезя для их деятельности. Ежели капитал есть главным

образом плод и результат бережливости, то все-таки эти плоды бережливости только тогда назовем мы капиталами, когда они действительно употребляются производительно. От мертвых капиталов, от кладов, закапываемых в землю, народу пользы мало. Тогда только растет народное благоденствие, когда все плоды бережливости деятельно пущены в оборот и дружно плодотворят собою народную промышленность.

Только капитализация, т.е. накопление капиталов, предназначенных именно для нового производства, для потребления исключительно производительного, обогащает народ. «Ежели мы сравним, — говорит Портер, — государственные расходы Великобритании в течение 23 лет, между 1793 и 1815 г., с расходами того же периода времени между 1816—1838 гг., то расходы последнего периода времени на 332 млн фунт. стерл. меньше. Не будем исследовать, какими путями собрана была эта громадная сумма, путем ли налогов или при посредстве займов. Во всяком случае народ должен был нести на себе все это бремя. Еще поразительнее будет разница, когда мы сравним десятилетие 1806—1815 с десятилетием 1828—1837. Государственные расходы последнего десятилетия были на 382 555 270 фунт. стерл. меньше. Глядя на эти цифры, невольно приходится задать себе вопрос, каково было бы положение Англии, если бы ей не нужно было делать таких страшных расходов. Ничтожная часть этой громадной суммы была бы достаточна для уплаты всего государственного долга Англии 1793 г. Нам бы не пришлось испытать всех несчастных мер ограничения торговли, к которым подали повод все эти бесплодные расходы, и мы испытали бы, может быть, все блага довольства, которые бесспорно повели бы за собой самые счастливые результаты для нравственного и материального положения Великобритании и остальной Европы».

Капитализация и умножение народного богатства зависят главным образом от производительного употребления плодов бережливости. Было время, когда господствовало общее мнение, что правительство может потратить весь капитал народный, что такое потребление будет даже полезно, ежели только все истраченные капиталы разойдутся в народе. Это невольно напоминает нам правило самосского тирана Поликрата, уверявшего, что друзья его гораздо довольнее, когда он отдаст им назад то, что у них нагребил, нежели когда он оставляет их в покое. Такие самосские понятия не исчезли и до сих пор. Мы и теперь часто слышим, что расточительность не только не вредна, но даже и полезна, ежели только деньги остаются в государстве. Но что, если бы все капиталы, издержанные в продолжение всеобщего мира в Европе на громадные морские и военные силы, были употреблены на производительное и для народа полезное дело, разве результаты были бы те же? Употребить миллион на фабрику или на другое промышленное предприятие и истратить миллион на потешный огонь, хотя бы даже и в том, и в другом случае деньги остались в народе, не одно и то же. Для пышного фейерверка народный капитал представляет две ценности: миллион в деньгах и миллион в ценностях, предназначенных для потешного огня: но после него миллион в деньгах остался, но другой миллион исчез навсегда, за исключением только той прибыли, которая осталась в руках людей, занятых приготовлением торжества. Мы не враги удовольствий и великолепных торжеств, мы нисколько не порицаем, когда народ весело проживает свои из-

бытки. Это верный признак его довольства. Но мы привели этот пример единственно с целью, чтобы показать, какая громадная разница между производительным и непроизводительным употреблением народного капитала, и ежели только перевес на стороне последнего, то народное благосостояние клонится быстро к упадку, капитал, этот могучий деятель народного производства, тает быстро, и экономический организм народа страдает.

Не одна только расточительность уменьшает производительность и накопление народного капитала. Каждая ненужная трата, каждый лишний расход, даже для производительного употребления, имеет точно такое же вредное действие. Употреблять двух работников, где достаточно одного, держать легионы чиновников, где в них вовсе нет такой нужды, не менее вредно. Так мы знаем, что в некоторых областях Австрии расходы на чиновников поглощают половину доходов областей, где они имеют свои места, а все расходы на чиновников, равно как и большая часть государственных расходов — это суммы, совершенно уже погибшие для капитализации, и все они употребляются по большей части и непроизводительно. Ежели ирландское земледелие занимало в 1831 г. 1 131 715 рабочих и принесло только 36 000 000 фунт. стерл. валового дохода, тогда как в то же время с 1 055 982 земледелие великобританское доставило 150 000 000 фунт. стерл., то подобная растрата производительных сил наносит также вред капитализации.

На государственные расходы в Испании употребляется и настоящее время, по словам Боррего, 897 млн реалов в год, на земские и мирские расходы 410 млн и на духовенство и церковные потребности 680 млн. Неужели же такое отношение между производительным и непроизводительным потреблением может быть выгодно? Всякая лишняя трата, всякая лишняя издержка вредна для капитализации, и вот почему все силы умного и заботливого правительства должны быть постоянно направлены на то, чтобы не издержать ничего лишнего, и с другой стороны, чтобы дать всю возможность частным лицам беспрепятственно и безопасно пользоваться копейкою, приобретенною трудом и потом. «Каждая копейка, — говорит пословица, — алтынным гвоздем прибита».

Непроизводительное потребление губит народное довольство, замедляет капитализацию. Производительное потребление обогащает народ и умножает народный капитал. Следовательно, одним из главных условий для производительного употребления капиталов будет правильное отношение между производительным и непроизводительным народонаселением. Грустно подумать, что до сих пор можно еще применить ко многим народам изречение Тацита о германцах: *Pigrum et iners videtur sudore adquirere quod possis sanguine papare*¹. До сих пор еще уважение ко всякому полезному труду у многих мало развито, и чем менее кто приносит пользы, чем менее трудится, тем считается почетнее. Только в высокоразвитом экономическом обществе труд в почете, на низких ступенях он удел раба. Только высокообразованные народы понимают настоящее значение труда и времени. Время рабочего человека — это самый выгодный товар голландцев, сказал Тамплъ, и благодаря только такому же правилу,

¹ Они слишком ленивы и инертны, чтобы потом добывать то, что они добывают кровью. — *Ред.*

что время — деньги — *time is money*, могли американцы произвести все те чудеса промышленности, перед которыми в изумлении останавливается обитатель старой Европы.

Чем неправильнее отношение между привилегированными, непроизводительными классами общества и народонаселением производительным, чем более первых, на которых должны грудиться последние, тем медленнее возрастает народное богатство и тише капитализация. По ревизии 1788 г. было в Испании на 3 800 000 мужского народонаселения 1 221 000 душ духовенства, солдат, матросов, дворян, слуг, адвокатов, чиновников. В начале нынешнего столетия было в Португалии на 3,5 млн жителей 200 000 духовенства, т.е. одно духовное лицо на 17 человек. Может ли быть такое отношение непроизводительного класса к общей массе народонаселения выгодным?

Возьмем для сравнения Голландию. В XVII столетии, в эпоху своего блестящего положения, Голландия имела 2 450 000 жителей, между которыми занятия распределились следующим образом: 450 000 занималось рыбной ловлей, 200 000 земледелием, 660 000 фабриками, 260 000 торговлей и мореплаванием, 650 000 ремеслами и 230 000 жило службою или доходами с капитала. Но самое благоприятное отношение представляют нам Северо-Американские Штаты, где в 1840 г. были 77,5% земледельческого народонаселения, 16,8% занимающихся промышленностью и горными промыслами, 4,2% — мореплаванием и торговлей, 1,3% ученых и чиновников. Только при дружном распределении производительных сил в народе возможно приращение богатства и капиталов, и ежели численно отношение между членами непроизводительными и производительными становится невыгодным для последних, если большая часть заработков последних обращается в пользу первых, нисколько почти не содействующих усилению народного производства, тогда капиталы накапливаются чрезвычайно медленно, потому что каждое потребление, истребляющее весь чистый доход народа или превосходящее его, гнетет производительные силы народа, и не только нимало не способствует к умножению народного богатства, но уничтожает даже существовавший в народе капитал, а вместе с тем ведет народ прямо к обеднению.

Мы указали уже выше, что одно из главных условий накопления капиталов и умножения народного богатства — это правильное и производительное его потребление, а для этого прежде всего нужно раскрыть все пути, дать самую широкую возможность к быстрому обращению капиталов. Чем быстрее обращаются капиталы, тем они приносят более дохода, тем они производительнее. Капитал, обращающийся три раза в год, более приносит выгоды и пользы, нежели капитал, обращающийся только раз. От того-то в последнем случае и рост обыкновенно велик. Медленное обращение капиталов равнозначительно с недостатком их. Каждое улучшение в путях сообщений, в орудии мены, каждое расширение кредита способствует ускорению обращения, а вместе с тем и умножению производства. Чем быстрее обращает суконный фабрикант свой товар в деньги, тем скорее может он окупить шерсть и приняться снова за работу. Чем легче купцу найти кредит, тем удобнее ему воспользоваться удобным случаем для спекуляции, когда такая представляется. Но главным условием будет все-таки и здесь полная свобода обращения ценностей.

Полная свобода промышленности и торговли развивается, правда, везде и всегда медленно, но должна же везде одержать верх. При малоразвитом народном хозяйстве обращение капиталов стеснено уже отсутствием безопасности и обеспечения, или же привилегиями, которыми пользуются отдельные лица и сословия, или же, наконец, постоянным вмешательством верховной власти в частные дела промышленных людей и постоянную опеку над их промышленными занятиями. Здесь являюся постоянные монополии в самых разнообразных их формах, и каждая монополия есть зло, потому что это не более и не менее как налог на промышленность в пользу лени или воровства. «Препятствие свободной конкуренции, — говорил Милль, — все равно, что разрешение от необходимости быть столь же прилежным и деятельным, как и все остальные». Всякая законная и справедливая прибыль гармонирует необходимо со всеми другими, и благосостояние одного промышленного занятия необходимо связано с процветанием всех остальных. Вот почему каждая монополия, каждая привилегия нарушает равенство между промышленными силами. Не должно никогда забывать, что весь механизм торговли, вся купля и продажа, весь механизм обращения ценностей есть не что иное, как обмен одних произведений на другие. Купить можно единственно на столько, на сколько мы произвели ценностей. Если одна губерния потребляет, например, на миллион разных изделий, значит, она произвела своих продуктов на столько, что имеет возможность выменять на них необходимые для нее изделия.

Каждое, значит, сословие, живущее трудами рук своих, своею промышленностью, необходимо должно желать процветания всех остальных производительных классов государства как своих потребителей. Чем богаче промышленный город, тем богаче пригородные села, и чем богаче села, тем более в них потребителей найдут городские фабриканты. Повторим здесь слова одного из благороднейших современных экономистов, что народ, где одно сословие подавлено, походит на человека с раненой ногой. Здоровая нога много стеснена также в своих отправлениях. Таковы следствия всякого рода монополий, привилегий и всех мер, стесняющих народную промышленность и обращение ценностей.

Говоря здесь о монополиях, я говорю в самом обширном смысле этого слова, как о явлении, противоречащем законам свободного обмена ценностей. Здесь не одним только законом дарованные права и привилегии отдельным лицам или сословиям будут монополиями, но всякий результат неправильного обмена ценностей, клонящийся к явному ущербу одного и к выгоде другого производителя, каждое неестественное обращение ценностей, вследствие которого одни наживаются за счет других. Нам, жителям приволжского края, это очень хорошо известно, и вот почему раздаются эти постоянные жалобы на упадок земледелия, на непроизводительность его, на то, что оно не вознаграждает ни хлопот, ни труда земледельца.

При благословенной почве, на великолепных, естественных водных путях, при изобилии земли и всех удобий нам приходилось слышать не раз жалобы, что край здешний — край несчастный, что сбыт плох, и наше земледельческое сословие вынуждено действительно искать себе в порочных занятиях средства к уплате податей. Здесь, например, является монополия как средство неразвитости путей сообщений, неразвитости кредита. Вся выгода на стороне хлебных

торговцев-капиталистов, вся невыгода на стороне земледельцев. На этот вопрос указываемо было не раз, и, между прочим, лучше всего в записке господина министра государственных имуществ, представленной им при всеподданнейшем отчете за 1846 г. Представляя устройство железных дорог как главное условие для правильного хода нашей хлебной торговли, министр говорит, между прочим, что при устройстве железных дорог провоз будет дешевле — прекратится колебание в ценах, и что, наконец, хлебные торговцы, не обогащаясь на счет производителей, стали бы получать справедливое вознаграждение, увеличиваемое без риска и спекулируя единственно быстрым оборотом капиталов, которые вместо полутора лет стали бы обращаться в несколько недель. Хлебная торговля перестала бы быть монополией немногих богатых домов, но и ней стали бы принимать участие и небольшие капиталы, а где только является свободная конкуренция главным регулятором обращения ценностей, там монополии должны непременно сами собой исчезнуть.

Обратимся к другому примеру. До сих пор еще на многих шерстяных ярмарках овцеводы, нуждаясь в деньгах, находятся совершенно в руках торговцев, которые стараются скупать шерсть как можно дешевле для выгоднейшей продажи за границу, тогда как на харьковских ярмарках торговля приняла направление, более выгодное для овцеводов, при содействии харьковской акционерной компании для торгова шерстью и благодаря выдаче из харьковской конторы коммерческого банка ссуд под залог шерсти. Все это избавляет уже здесь овцеводов от зависимости от торговцев-спекулянтов и способствует сбыту шерсти по выгоднейшим ценам. Здесь уничтожилась монополия благодаря содействию кредита, а уравниение барышей содействовало расширению столь важной отрасли нашего сельского хозяйства, овцеводства. Процветание же каждой отдельной отрасли народного хозяйства ведет, видимо, за собой успехи во всех остальных. Когда хлеб в цене, тогда крестьянин и платок жене купит, и кафтан хороший себе сделает, а каждая лишняя копейка, им безвредно уделенная на улучшение своего быта, живет и поощряет остальные отрасли промышленности, увеличивает народное хозяйство и содействует капитализации, потому что, повторяем опять, бережливость возможна только в том народе, который материально обеспечен и вполне уверен, что плоды его трудов не пойдут за бесценок, а получат справедливое и достойное вознаграждение.

Бросив беглый взгляд на экономический быт разнородных обществ Европы, мы придем к одному заключению, что те общества беднее, где медленнее обращение ценностей, где менее развит кредит, где пути сообщений хуже. Экономический переворот и громадные успехи, совершившиеся в Австрии и Венгрии с 1848 г., вызваны были благотворными мерами правительства, проведением линий железных дорог и основанием обширных кредитных учреждений. Говоря о материальных успехах в экономическом быту Австрии, нельзя не упомянуть здесь о ее великом финансовом муже Бруксе, вышедшем, подобно Кольберу, из купеческой конторы, внесшем новые силы и новую жизнь в экономический быт империи. Он указал на великую истину, что удобство сообщений — это главное условие для дружного содействия всех производительных сил народа, что умножение материального богатства Австрии не может идти в уровень с материальным развитием остальной Европы, ежели в одних областях ее много про-

мысленных сил, в других много суровья, но ни то, ни другое не могут удобно сообщаться и размениваться, и сеть железных дорог прорезывает уже по его указанию и настоянию Австрийскую империю, а обширные кредитные учреждения начинают уже оживлять народную промышленность.

Видя совершающиеся у нас везде перед глазами успехи кредита, следя за действиями громадных промышленных обществ, возникших на разных концах Европы с целью расширения кредита, мы невольно приходим к убеждению, что в европейском обществе совершается громадный экономический переворот. «Ежели настоящее хозяйство, — говорит Гильдебрант, — хозяйство по преимуществу денежное, в сравнении с естественным хозяйством средневековой эпохи, то для хозяйства будущего отличительною чертою будет кредит», как почти исключительное и главное средство притягивать праздно лежащие капиталы, употреблять их произвольно и не дать погибнуть ни одной крохе из плодов народной бережливости.

Объем настоящей беседы не позволяет мне, М. Г., войти в подробное изложение условий кредита, его видов и всех услуг, какие он оказывает промышленности; но я позволю себе здесь только указать в нескольких словах на его значение в нашем главном вопросе, умножении капиталов, и на весь вред, проистекающий от отсутствия кредита. В одном из главных центров нашей хлебной торговли пришлось мне беседовать с умным и деятельным купцом. Я застал его растревоженным. Он отправлял партию хлеба тысяч на 30 и бегал по городу, не зная, где найти 2000 руб., необходимых для окончательной операции, и не нашел бы денег иначе, как на самых невыгодных условиях, если бы не подъехал знакомый помещик, с которым у него были постоянные дела, и не избавил бы почтенного торговца от хлопот и беспокойства.

Знатoki дела утверждают и доказывают положительными фактами, что чугун наших уральских заводов на 40% дешевле обходится производителям, нежели в Германии, и что, принимая даже в расчет издержки провоза, железо наше должно было бы обходиться в Нижнем дешевле железа немецкого таможенного союза, а между тем оно хуже и дороже. Причина кроется, но общему отзыву, в недостатке капиталов, при содействии которых наши заводчики могли бы ввести лучшие способы производства, в пользу которых везде уже в промышленных государствах убедились. Наши заводчики бывают нередко вынуждаемы прибегать к кредиту весьма тяжкому, сами же продают железо на векселя с долгими сроками, нередко на 12—18 месяцев, а дисконт, всем известно, у нас дорог. Кому из нас неизвестно далее, М. Г., с какими затруднениями сопряжены у нас вообще кредитные операции, как трудно и тяжело нам бывает дисконтировать вексель или разменять билеты кредитных наших учреждений в местах, даже не очень отдаленных от центров промышленности.

Купцу, промышленнику нет возможности часто пользоваться удобной минутой, выгодной спекуляцией, потому что ему негде достать денег, негде дисконтировать вексель иначе, как за страшные проценты. Оттого-то все в руках капиталистов, обладающих большими денежными средствами, и нет средств для деятельности капиталистам мелким, будь они хоть семи пядей во лбу. Оттого и наше земледельческое сословие и наши помещики страдают, что у них нет возможности добыть денег, и при дешевых ценах они продают свой хлеб

без выгоды, к явному ущербу себе, к ущербу и крестьянину, не имеющему возможности при своих ничтожных хлебных избытках соперничать с богатыми запасами хлеба, также поневоле выставленными на рынки. Отсюда и монополичный характер нашей торговли, и медленное обращение капиталов, и наконец, как естественное всего этого следствие, медленное их накопление.

Кредит, М. Г., не творит новых капиталов, но вся его творческая сила, вся польза его заключается в том, что он облегчает обращение ценностей, ускоряет его, развязывает руки промышленности, облегчает предприимчивому человеку средства к производству и живит народную промышленность, упрощая передачу капиталов из одних рук в другие. Ежели должник сумеет употребить капитал выгоднее и производительнее кредитора, то, очевидно, что целая страна в барыше. В этом отношении кредит — это неоцененное средство и условие для сосредоточения капиталов, вследствие которого последние много выигрывают и производительности. Лучшим тому доказательством служат акционерные компании, главная задача которых и главная польза высказывается по преимуществу в таких предприятиях, где главная деятельность приходится на долю капитала, а не труда, где самый труд может быть подчинен строго рассчитанным правилам и законам. К таким предприятиям относим мы железные дороги, банки, страховые общества. Банки — это в настоящее время резервуары, куда стекаются капиталы из мест, где в них изобилие, для того, чтобы разлиться в места, в промышленности, в них нуждающиеся. Чем более развивается доверие, тем более выходят на свет и мелкие капиталы, накапливаются в сберегательных кассах и находят себе производительное потребление. Наконец, только благодаря развитию кредита, народное хозяйство в случае недостатка капиталов может добыть их себе извне для оживления народной своей промышленности.

Против иностранных капиталов и прилива их к нам случалось нам часто слышать грозные речи. Говорят о какой-то постыдной зависимости от иностранцев, о потерях в звонкой монете, которой мы должны будем уплачивать проценты, ущербе народному хозяйству, когда иностранец, наживший себе в России состояние, уезжает пользоваться плодами своего труда на родину и увозит маши капиталы. Но взглядем поближе, попристальнее в это утешительное и многознаменательное явление переселения капиталов, взглянем прямо, а не сквозь плохие очки старых теорий и воззрений, и явление представится нам в ином виде.

Чем дешевле нам обходится удовлетворение какой-нибудь экономической потребности, тем для нас это выгоднее, потому что стоит нам меньше усилий. Ежели один из факторов производства дорог, то его стараются достать дешевле. В стране с высокой заработной платой очень рады дешевым работникам; при дороговизне капиталов, т.е. при высоком росте, стараются приобрести их из-за границы. Правительство, производя заем за границей и получая там необходимые ему капиталы за 5%, поступает гораздо бережливее, нежели занимая у себя дома по 8 или по 6. Мы богаты землею, богаты естественными продуктами, но бедны капиталами, необходимыми для усиления нашего производства, для обработки богатых и разнообразных произведений нашей родины; очевидно значит, что нам гораздо выгоднее пользоваться чужими дешевыми капиталами. Ежели Россия занимает на полезное предприятие капиталы

за границей и платит ежегодно 3 и 4%, а сама получает от производительного потребления 10%, то, конечно, мы все-таки будем в выигрыше, и в этом отношении иностранный заем на московскую железную дорогу был во всяком случае выгоднее займа внутреннего.

Международное движение капиталов и помещение иностранных капиталов в больших промышленных предприятиях — это одна из самых характеристических сторон нашей эпохи. Английские капиталы давно уже начали свою космополитическую деятельность. Капиталы английские давно уже пополняют передержки в государственных расходах, питают и живут промышленность континентальной Европы. Многие из французских железных дорог построены при их содействии. И, наконец, не далее как в прошлом году австрийское правительство уступило и передало большую часть своих линий железных дорог, как отстроенных, так и проектированных, уступило несколько значительных рудников и горных заводов обществу английских, французских и немецких капиталистов. Уступить главные линии своих дорог, богатые рудники и часть государственных имуществ частной компании казалось и в Австрии делом безрассудным и возбудило в приверженцах старой финансовой рутини и казенных предприятий ропот и неудовольствие; но не так думал и думает Брук. Как купец и промышленник, он понимает очень хорошо, что каждое казенное промышленное предприятие плетется всегда медленно и вяло и что только частные предприятия приносят все возможные выгоды. Не забудем также и еще одного важного обстоятельства, что продажей дорог и рудников австрийское правительство получило в свои руки значительный капитал, который дал ему возможность поправить и привести в порядок свою систему ассигнаций, от беспорядка которой страдает до сих пор еще австрийское народное хозяйство. Призвав иностранные капиталы, австрийское правительство получило двоякую пользу: дало толчок дремлющим производительным силам богатой страны и спаслось само от банкротства.

Призыв иностранных капиталов нисколько, одним словом, не вредит государству, но только приносит пользу, конечно, ежели их употребляют только производительно. Всякий же заем для цели непроизводительной вреден, потому что народное богатство не умножается, но уменьшается, и народ должен нести на себе всю тяжесть уплаты процентов, которые уплачиваются вдобавок из прежде существовавшего капитала. Такое выгодное перемещение капиталов возможно только при содействии кредита и когда все разнообразные ветви народной промышленности чувствуют в нем необходимость, когда они без кредита не могут подняться и распусть крылья, тогда задача каждого правительства должна состоять в доставлении всех возможных средств для развития и расширения кредита.

Нетрудно найти причины, отчего кредита в народе мало, и у правительства всегда в руках средства, у него всегда и сила и возможность поднять кредит или, чего Боже избави, задавить его скромные начатки. Чахнет же кредит, как и всякая сторона экономической жизни, тогда, когда частная деятельность и промышленность стеснены, когда народной промышленности навязывают устаревшие экономические законы и правила, из которых она давно уже выросла. Кредит — это главный рычаг народной промышленности нашего времени, это

живительное начало для развития промышленных сил, это дитя современной промышленной жизни — дитя в высшей степени свободное и независимое. Всякое вмешательство, всякая опека стесняет развитие кредита и мешает ассигнации капиталов, а без последней невозможно никакое кредитное учреждение: ни земледельческое, ни промышленное. Предоставляя каждому человеку, каждому промышленному обществу свободное поле деятельности, не приучая народ к мысли, что и в его хозяйственных делах нужна ему постоянная нянька, ограничиваясь только надзором или хорошими строгими законами против всякого покушения на чужую собственность и преимущественно в отношении к должникам, к банкротствам, и тогда частный интерес, личная выгода приведет и каждого отдельного промышленника, и народную промышленность вообще к желанной цели.

Позвольте вам привести, М. Г., в доказательство один пример такого неограниченного никакими монополиями и привилегиями, никаким посторонним вмешательством не стесняемого народного хозяйства, и вы сами можете судить, до какой степени это возможно. В штатах новой Англии и по преимуществу в Массачусетсе и Род-Эйланде почти каждое предприятие для общественной пользы производится на акциях. Каждый город образует акционерное общество для заведывания своими мостами, дорогами, школами. Академии, лицеи, библиотеки, сберегательные кассы, заемные банки, в количестве, соответствующая с тем народонаселению, и все подобные учреждения не что иное, как акционерные общества. Каждый округ имеет свой банк в объеме, соответствующем его потребностям, и капитал банка принадлежит своим же капиталистам и ими управляется. Оттого-то нигде не встречаем мы банковской системы в таком совершенстве, нигде не встретим так мало колебаний, столь частых в других местах и столь опасных для кредита.

В двух вышеозначенных штатах существует до 200 банков. В одном Массачусетсе 53 страховых общества разного рода, и все на акциях. Фабрики основаны здесь также по большей части на акциях. Каждый из администраторов, начиная от закупки сырого материала и до продажи фабриката, есть участник в предприятии, и в то же время каждый работник имеет надежду в будущем сделаться, при усилении бережливости и осмотрительности, участником и акционером. Благотворительные заведения устроены все на акциях. Рыболовные суда строятся или покупаются матросами на акциях: каждый капитан корабля, отправляющегося в Южный океан, участник в предприятии, и участие его служит лучшим побудительным средством к бережливости и к добросовестному исполнению своих обязанностей. Только благодаря такому свободному развитию промышленности, благодаря такой чудной экономической организации, вследствие которой каждый производитель живо заинтересован в предприятии, возможны все те громадные предприятия, все исполнительские успехи, которыми смело могут гордиться Северо-Американские Штаты. И не забудьте еще одного, М. Г., что при такой организации, как я уже заметил, и возмужнее, и удобнее, и заманчивее бережливость, ибо тут каждая ничтожная частичка, плод бережливости, находит себе помещение, а бережливость, как вам уже известно, главное условие накопления капиталов.

Мне много пришлось говорить, М. Г., если бы я хотел развить подробно каждый отдельный закон умножения народного капитала, каждое из упомянутых мною условий умножения народного богатства. Это вывело бы меня далеко из границ предполагаемой беседы. Каждое из упомянутых мною выше условий могло бы быть предметом ученого трактата, а я взял на себя только обязанность указать Вам на них в некоторых беглых очерках, указать на средства, которые могут способствовать умножению довольства и богатства в нашей доголой и любезной всем нам родине.

Позвольте мне в заключение указать Вам еще на одну весьма важную сторону нашего вопроса, еще на одно условие, способствующее умножению нашего богатства. Я говорил до сих пор об умножении материального благосостояния, об умножении капитала вещественного, но есть еще одна отрасль народного капитала — это капитал нравственный, заключающийся в народной честности, в народной предприимчивости и степени трудолюбия, в живом и ревностном участии к общему благу, в привычке не полагаться на внешнюю помощь, не искать себе в силах, лежащих извне, опоры, но в самом себе, в привычке к самостоятельности. Неодинаково и неровно распределены сии высокие качества нравственного достоинства народного, этого неоцененного запаса нравственного капитала. Подобно вещественному богатству, проявляющемуся в разных степенях, встречаем мы и нравственный капитал не в одном и том же количестве.

Мы найдем многочисленные здесь ступени, начиная от жидовского торгашества и барышничества, врожденного восточным народам, до непоколебимой честности квакеров, известной целому миру, от лени неаполитанского лазарони до трудолюбия английского работника и от совершенной апатии, от совершенного отсутствия потребности к улучшению своего быта земледельческого населения на Востоке до неумоимого духа к спекуляциям североамериканца. Вглядитесь в весь общественный организм восточных государств, и вы увидите, что там, где дети от своих родителей заимствуют в самых молодых годах презрение к честному труду, презрение к честности и к образованию, где все управление основывается на продажности и на подкупе, где господствует полный произвол везде и всюду, где уголовное законодательство существует почти единственно для потачки преступлению, а не для того, чтобы карать его — там, конечно, не может быть честности, а где нет честности, там не может развиваться и умножаться народное богатство.

И действительно, где более бедности и нищеты, как не в самых благословенных странах Азии и Европы, но страдающих от дурного управления. Развитие промышленности может быть только там, где господствует честность в народе и где развит кредит. Английские векселя принимаются охотнее всего на всех биржах; богатейшие и известнейшие во всемирной торговле дома, самые зажиточные торговцы встречаются только в тех местах, где существует продажа без запроса, где даже не знают, что значит торговаться. Запрос, барышничанье, страсть торговаться — это явные признаки малоразвитого народного хозяйства, а вместе с тем и народной честности, потому что здесь каждый думает нажиться скорее и быстрее всякими непозволительными средствами.

В хозяйствах более развитых вошло уже в обычай прибавлять ярлыки с ценами даже в самой мелочной продаже. В больших же операциях, судя по всем

отзывам и описаниям английской торговли, они поражают своею быстротой и той молчаливостью, с которою они производятся. Вот почему только в высококоразвитых народных хозяйствах найдем мы те почтенные, старинные, в целом коммерческом мире известные торговые дома, существующие по 200 и более лет. Цивилизация, говорит Сей, и развитие народной промышленности имеют благодетельное влияние не только на материальное благосостояние народа, но и на нравственное его совершенство. Цивилизация рождает в нас новые потребности, но она же и велит нам пользоваться только средствами честными и законными. И среди цивилизации найдем мы примеры корыстолюбия, обмана и незаконного стяжания, но такие примеры здесь гораздо реже, нежели в народе грубом и неразвитом.

Но ежели честность, М. Г., и народная нравственность так много содействуют умножению народного богатства, то не забудем, что вместе с цивилизацией усиливается в народе и дух предприимчивости и трудолюбия. Никакие поощрения, никакие правительственные меры не в состоянии вызвать в народе два эти необходимые для его благосостояния качества, ежели только народная собственность не обеспечена, ежели у народа нет возможности дать полного развития всем своим промышленным силам, ежели его деятельность стеснена на каждом шагу вмешательством в его промышленные дела, и он не может без спросу с места двинуться, без платежа предпринять чего-нибудь.

Смелые предприимчивые характеры встречаем мы, конечно, везде; но смелость на авось, где человек из мелких целей или из глупого удальства рискует пробежать по тонкому льду, хрустящему под его ногами, или удальство разбойника, который режет по дорогам, несмотря на мотающееся перед его глазами на виселице тело такого же удальца, или удальство контрабандиста или мошенника, обкрадывающего казну и рискующего своею участью: такая предприимчивость, такое удальство не могут служить признаком нравственно развитого и предприимчивого народа, и мы находим его в обществах, сравнительно бедных. Чем менее развито народное хозяйство, тем чаще встречаем мы состояния, несправедливо нажитые, тем чаще основной фонд народного состояния ведет свое начало из грязного и черного источника. Но чем выше цивилизация в народе, чем более в нем честности, тем выше в нем дух благородной предприимчивости, и последний становится тогда благодетелем народным, благодетелем целого человечества.

Такой дух предприимчивости, М. Г., заставляет отважных людей отыскивать новые торговые пути: он ведет смелых открывателей, не взирающих ни на какие опасности, через знойные пустыни Африки, где погибло уже столько доблестных служителей науки; такой дух предприимчивости заставляет отважных и благородных мореходцев плыть между ледяными громадами для отыскания следов несчастного Франклина; он заставляет предпринимать опасные и нередко стоящие жизни опыты, подыматься на воздух, вступать в борьбу со стихиями, наконец, смело вступать в борьбу с невежеством и предрассудками. Такая борьба, М. Г., стоит, поверьте, подчас иной борьбы; только она отличается тем, что не сопровождается заревом пылающих деревень и стонами несчастного народонаселения, лишившегося своего крова и своего достояния.

Но для того, чтобы в народе возбудить и вызвать такой благородный дух предприимчивости и такое уважение ко всему полезному труду, возбудить честность и чувство правоты, для этого, М. Г., необходимее всего широкое, всепроникающее образование, и не такое поверхностное, которое бы, вырывая человека из среды, в которой он родился, в которой он призван по своему положению действовать, научает его презирать своих прежних собратьев, но образование полное, широкое, вселяющее уважение ко всякому труду, ко всякому делу.

С распространением полезных сведений, с развитием уважения к истинному образованию во всех слоях общества необходимо должен увеличиться и нравственный, и вещественный капитал народный. Вещественный увеличиться потому, что наука, эта необходимая в настоящее время спутница и руководительница промышленности, дает непрерывно новые указания к выгоднейшему производству, открывает непрерывно новые пути в промышленности, открывает в природе новые дары для удовлетворения наших потребностей легчайшим и скорейшим путем. С наукой, со знаниями наши капиталисты не имели бы нужды платить дорогой ценой иностранным мастерам и не были бы у них в руках, но собственным бы трудом, собственными бы силами вносили бы свою лепту в развитие промышленности. Обладая сведениями теоретическими, и наши бы земледельцы могли бы извлекать больше пользы из тучных нив и благословенной почвы нашей родины, научились бы уважать теорию, без которой практика ничего не может сделать, и перестали бы бранить теорию, к которой все-таки под конец придется возвратиться.

Перед каждым истинно русским патриотом должен всегда носиться великий образ венценосного труженика, первого русского машиниста, инженера, врача, ученого, литератора — нашего великого Петра, первого сеятеля науки и знаний у нас в России, натершего себе трудами для блага России, для образования ее мозоли на своих царственных руках. Он двинул нас в Европу, он указал нам в ней место, указал нам на тесную связь с нею, и каждое, даже временное, отклонение от курса, предназначенного родному кораблю великим нашим кормчим прошедшего столетия, могло бы повести за собой и нравственные, и материальные недуги, от которых долго приходилось бы лечиться государственному и общественному механизму. Возблагодарим же прежде всего нашего Державного Миротворца за мир, перед сенью которого да развивается у нас истинное и благородное образование, да развивается народное богатство, да крепнет в народе чувство чести и правоты. Высочайшее разрешение приема неограниченного числа студентов в университеты. Высочайшее дозволение отправлять молодых людей для усовершенствования за границу указывают нам на путь, которым хочет Державный Вождь вести народ свой, и радостно отзывается на его призыв каждое сердце истинного патриота, истинно образованного русского гражданина. Без образования, без распространения полезных знаний нет возможности для материального благосостояния народа, нет возможности умножения народного богатства, а без последнего нет у народа и средств к образованию и нравственному развитию.

Александр Иванович Чупров

Александр Иванович Чупров (1842–1908) — российский ученый-экономист, статистик, общественный деятель. Родился в Мосальске Калужской губернии. По окончании с отличием Калужской духовной семинарии в 1861 г. поступил в Петербургскую духовную академию, но уже через год перешел на юридический факультет Московского университета, который окончил в 1866 г. С 1878 по 1899 г. являлся профессором кафедры статистики и политической экономии. Защитил магистерскую (1875) и докторскую (1878) диссертации по тематике железнодорожного хозяйства и его экономических особенностей. Читал курсы политической экономии для студентов 1 и 2-го курсов юридического факультета Московского университета.

О СОВРЕМЕННОМ ЗНАЧЕНИИ И ЗАДАЧАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Вступительная лекция преподавателя политической экономии в Императорском Московском Университете А. Чупрова, читанная 2-го октября 1874 года^{1, 2}.

Политическая экономия, наряду с естественными науками, привлекает ныне всеобщее внимание. Стоит присмотреться к текущей прессе, прислушаться к толкам в обществе, чтобы прийти к выводу, что экономические вопросы поглощают собою большую часть мыслей современного человека. Жгучая забота о материальных интересах, которые составляют предмет исследования политич. экономии, есть отличительная черта нашего века, подобно тому как склонность к философским и политическим изысканиям характеризовала собою XVIII ст., любовь к церковно-богословским вопросам отличала два предшествующие века. Нельзя сказать, чтобы в этом складе мысли выразилось только материалистически-практическое направление эпохи, которому так часто его приписывают. В самом строе современного хозяйственного быта лежит целый ряд могучих причин, которые невольно наталкивают мысль на анализ явлений, входящих в область политической экономии. Если мы бросим беглый взгляд на совокупность превращений, совершившихся в экономической жизни народов в течение последних ста лет, то невольно убедимся в том факте, что едва ли какая-либо отрасль народного хозяйства осталась без перемены и даже, можно сказать, без коренного преобразования. Способы производства, распределения, обращения и потребления ценностей, земледелие, обрабатывающая промышленность и торговля, отношения разных сословий и классов друг к другу, общественные учреждения, а вместе с тем самые нравы и обычаи, — представляют

¹ Москва. Типография «Русских Ведомостей», Арбат, Крив. пер., д. Делоне. 1874 г. Дозволено цензурой. Москва, 19-го октября, 1874 г.

² Орфография приведена в соответствие с современными правилами русского языка. Сохранена авторская пунктуация. Обработка текста осуществлена Мотовиловой Д.А.

ныне иной своеобразный вид, существенно отличный от всех предшествующих форм. Я позволю себе обратить внимание ваше на существенные черты прошедшего преобразования и отметить его связь с пробудившимся интересом к экономической науке.

Потребности пищи, одежды, жилища, целый ряд духовных нужд — прирождены человеку всех местностей и всех исторических эпох. Определяясь помимо воли человека устройством его физической и духовной природы, свойствами общезития и постепенно развивающеюся культурою, эти нужды требуют для своего удовлетворения известного рода материальных предметов. Единственным творцом этих необходимых предметов служит труд человека. При данном состоянии знаний и навыков в обществе на каждый предмет должно быть затрачено определенное количество труда. Между тем запас труда, которым человек располагает, не есть величина неограниченная; человек может находиться в деятельности, без вреда для своего организма, лишь известное число часов в день. Отсюда важнейшую задачу человека всегда составляет принорвление количества и качества труда, которым он располагает, к размеру и роду имеющихся потребностей; мысль человека в области хозяйства всегда вращалась и вращается на вопросе о планомерном направлении труда. Понятно, что эта задача разрешается тем проще, чем яснее для человека круг потребностей и чем, с другой стороны, свободнее он может распоряжаться направлением своего труда.

На первых ступенях развития культуры господствует так называемое *натуральное хозяйство*. Общество разбито на мелкие хозяйственные единицы, из которых каждая производит исключительно для собственного потребления. Каждая семья своими руками и добывает все нужное для удовлетворения своих несложных надобностей, и перерабатывает сырой материал, применительно к потребностям. Каждое лицо есть и производитель и потребитель собственных своих изделий. Как ни труден такой порядок жизни, как ни скудно удовлетворяются в этом простом быту неизбежные потребности человека, но задача хозяйства здесь проста и не тревожит мысли: ибо нет сомнения, что для человека всего яснее *собственные* его потребности, человеку всего легче измерить и направить *собственный единственный* труд.

Опыт показывает, что труд человека бывает производительнее, если он сосредоточивается на одном каком-нибудь деле, а потому, при развитии культуры и прибавке населения, в хозяйственном обществе мало-помалу возникает разделение занятий. Что же значит разделение занятий? — Человек начинает производить ценности не для собственных только нужд, а для надобностей других лиц; носитель потребности отделяется от представителя труда, человек становится в необходимость принорвлять свой труд к *чужой* потребности. Очевидно, что хозяйственная задача здесь усложняется, ибо один из элементов для ее решения — потребности, — теряет свою первоначальную ясность.

Но первобытное разделение труда ясно носит на себе следы натурального хозяйства. Обмен не широк, — он ограничивается пределами общин и ближайшим соседством; он и не может быть широк, потому что лишь небольшое число драгоценных продуктов в состоянии выдерживать отдаленную перевозку. Таким образом производство в этом период всегда имеет в виду потребности ограниченные, известные, твердо определенные. Спрос, заказ предше-

ствуют производству и составляют для него заранее данное мерило. При таких условиях приспособление труда к потреблению хотя и становится труднее, но не представляется недостижимым. Чтобы регулировать труд, чтоб устранить для него возможность разойтись с условиями потребления, является цеховое устройство. Промыслы целой общины подчиняются определенному порядку, который обнимает собою как распределение труда на разные отрасли, так и количество сил в каждой отрасли,

Дальнейший шаг хозяйственного развития состоит в том, что самостоятельные ремесла начинают соединяться в *мануфактуры*. Мануфактура, с ее обширным производством, которое составляет естественный результат кооперации, не может дожидаться заказов; она вынуждена работать на сбыт; не зная, кто будет потребителем изделий, она должна сама искать себе потребителей. Как прежде потребности спроса предшествовали производству, служили ему руководством и заранее известным мерилом, так теперь производство предшествует спросу, старается вызвать его. Понятно, что при таких условиях точное вычисление потребностей, которое делалось так легко в двух предшествовавших периодах, становится делом в высокой степени трудным и даже почти невозможным. Производитель должен действовать ощупью, руководиться инстинктивными указаниями опыта. Единственным регулятором труда, поддерживающим равновесие различных занятий, является в этом периоде закон цен и взаимное соперничество. Повышение и понижение цен товаров служат для производителя верным признаком необходимости расширить или сократить производство. Так как в этом периоде еще мала затрата постоянных капиталов, так как, с другой стороны, при сравнительно редком населении, представляется обширное поле для труда, то сохранение производства, восстановление нарушенного равновесия не представляется практически неосуществимым.

В настоящем столетии народное хозяйство вступило в новый фазис развития. Благодаря успехам естественных наук, человеку удалось подчинить своим целям мертвые силы природы. Начиная с конца прошлого века, непрерывно идет ряд изобретений, которые постепенно заменили ручной труд машинным, оставив за человеком лишь роль руководителя механизмом. Введение машин произвело существенную перемену в доколе существовавшем хозяйственном порядке. Чтобы приспособить машину к человеческому труду, оказалось необходимым самый труд разделить на множество простейших операций, приготовление цельного продукта раздробилось между целым рядом отдельных лиц, из которых каждое производит лишь небольшую часть. Далее, производительность труда настолько увеличилась через машины, что явилась надобность в громадном расширении сбыта. Благодаря улучшенным путям сообщения, английская фабрика работает теперь для всех частей света. Но что главное — самая значительная часть труда, употребляемого на изготовление товаров, стала затрачиваться ранее, нежели начнется самое их производство. Большая часть работы, которая произвела фунт пряжи, затрачена на устройство фабричных зданий, на приготовление бесчисленных машин, нужных для прядения. Эти три особенности современного производства в громадной степени затрудняют решение основной хозяйственной задачи. При обширности современного сбыта становится невозможным точно соображать потребности. Английский фабрикант

тканей не в силах с точностью вычислить, как велик будет запрос его южно-американских покупателей в тот момент, когда достигнут туда его изделия: он по необходимости должен работать на риск. В прежнее время указателем потребности служили цены; в настоящем же периоде, под влиянием сложных явлений денежного обращения и кредита, этот масштаб теряет свою верность. Но если бы даже состояние цен и давало труду полезное указание, современный промышленник в большинстве случаев не в состоянии ему следовать. Мы уже видели, что отличительной чертой современного производства служит громадное разделение труда, сосредоточивающее человека на одной какой-либо операции. Естественным следствием этого порядка является навык к одному роду занятий и полная отвычка от всего другого. С другой стороны, большая часть труда, стоимость которого переходит в товары, затрачена на машины и здания уже прежде, нежели произведен хотя один экземпляр товара, и закреплена при том так прочно, что не может получить другого назначения. Если бы даже рынок указывал на существование неправильностей в направлении труда, производитель был бы не в силах обратить его на другое занятие. Таким образом, потребности, ради которых трудится современный человек в области хозяйства, составляют неизвестную величину, которая может быть определена лишь приблизительно, чрез сложный процесс мысли; над собственным трудом он не властен: раз избравши известное дело, он волей-неволей должен вести его целую жизнь.

К этому присоединяется еще тесная связь, в которую все более и более становятся отдельные хозяйства. Когда пароход прорезал волны, железная дорога дробила горы и соединила долины, телеграфная проволока оцепила весь мир; когда различные страны, сознав свои преимущества и слабости, увлечены в международное разделение занятий, — тогда сделалось невозможным держаться при прежних границах и условиях обмена. Отдельные хозяйства все полнее втягиваются в живую сеть меновых сношений; но меновые сношения означают взаимную зависимость. Стоимость хлеба, производимая орловским крестьянином, ныне диктуется лондонским рынком, по соображению с состоянием жатвы в Америке. Русский производитель железа должен считаться с ходом производства в Шеффилде. Судьба каждого отдельного хозяйства неразрывно связана с состоянием прочих. Стоит одной группе производителей неверно повести свои расчеты, и ее ошибки вовлекут в ничем не заслуженное расстройство целый ряд других, быть может, вовсе неизвестных ей хозяйств. Эта роковая зависимость всего яснее выражается в событиях последних кризисов, когда гибли не только предприятия, вызвавшие кризис чрезмерной спекуляцией, но и хозяйства вполне скромно и расчетливо ведшие свои дела. Таким образом, каждое хозяйство в настоящее время не только само имеет больше случаев нарушить свой баланс, но и стоит под риском пострадать и пасть без всякой с его стороны вины, в силу внешних влияний.

К представленному перечислению трудностей современного хозяйства не забудем прибавить еще переходный характер эпохи. На наших глазах повсюду идет процесс разрушения старых хозяйственных форм, оттесняемых наплывом новых идей и отношений. В области мануфактурной промышленности машина давит ремесло, которое держалось целые поколения и доставляло верный за-

работок обширным группам народа. Быстро следующие одно за другим технические изобретения беспрестанно заставляют менять порядок и приемы производства. В торговле повсюду замечается перемена вековых путей, к которым приспособились все отношения. Давно ли большая часть нашего хлеба шла за границу через Одесский и Петербургский порты? Система железных дорог соединивших Ригу с черноземной полосой, дала было преобладание Риге; затем наши хлеба потянулись в Кенигсберг; но в последнее время колеблется и Кенигсбергская торговля. В сельскохозяйственной промышленности на глазах у всех происходит вынуждаемое неизбежной необходимостью изменение земледельческих культур. Десять лет тому назад, главною отраслью земледелия на западе Европы было производство зерновых хлебов, а между тем теперь, когда Европа соединилась удобными путями с плодоноснейшими местностями Венгрии, России и Северной Америки, возделывание хлеба стало там невыгодным и постепенно заменяется разведением кормовых и торговых растений. Во всех отраслях промышленности заметен упадок мелких хозяйств и замена их крупными. Наше время нашло разрешение этой задачи в ассоциации труда и капитала. Великое начало ассоциации брошено в современное сознание, но практика еще далеко не выработала всех условий его применения. Отсюда крайняя шаткость всех отношений, тревожная сомнительность положения каждого человека. Под влиянием этих новых условий экономической и общественной жизни все сильнее раздается призыв к науке, чтоб она дала отчет в множестве новых, нахлынувших со всех сторон явлений, чтоб она объяснила современные задачи, мотивировала неясные стремления, указала пути, осветила средства к достижению целей.

Усиленные запросы от экономической науки не могли не отразиться на самом характер ее разработки. Научный анализ общественных отношений есть вообще дело новое. Нужен был длинный ряд умственных усилий, продолжительная практика над исследованием природы, для того, чтобы человеческая мысль могла с некоторой надеждой на прочный успех приступить к разработке сложных и запутанных явлений общежития. Политическая экономия из области общественных дисциплин прежде всех приняла научную форму. Но при всем том первый систематический труд по ней относится только к 1776 году. Начальный шаг на пути научного анализа состоял в том, чтоб укрепить в убеждениях людей веру в закономерность хозяйственных явлений, выснить с полною очевидностью, что народное хозяйство не есть бессвязный материал, который может принять ту или другую форму под рукой искусного зодчего, что в нем действуют свои непоколебимые законы. Чтобы доказать эту закономерность, нужно было взять из содержания действительных явлений самые общие признаки; нужно было уединить явления от всех осложняющих обстоятельств и привести их к самому общему типу. Эту задачу выполнила школа Адама Смита и его ближайших последователей. Хозяйственная жизнь, по воззрению Смита, заключается в производстве материальных ценностей и потреблении их для нужд человека. Задача лучшего народного хозяйства состоит в возможно большем производстве и потреблении. Адам Смит открыл в экономической жизни особые силы, при полной свободе действующие с свойствами сил естественных, и вывел хозяйственные законы, которые, при отсутствии по-

стороннего вмешательства, управляют явлениями с столь же абсолютною необходимостью, как законы природы. Адам Смит принимал, что отдельный человек руководится в своей хозяйственной деятельности единственно мотивом собственной выгоды и потому наилучшим образом знает, что соответствует его интересам. Если индивидуум будет пользоваться полною свободою, то повсюду разовьются такие формы и способы ведения предприятий, при которых имеющиеся в распоряжении народа силы труда, почвы и капитала достигнут высшей производительности, а отсюда, как необходимое следствие, разовьются возможно большие потребление и производство. Эта свобода породит и нормальное, т.е. обусловливаемое абсолютными хозяйственными законами, распределение богатств. Каждая производительная сила получит в процессе хозяйственного распределения эквивалент, соответствующий ее участию в производстве. Хозяйственная свобода приведет к полной гармонии интересов производителей и потребителей, ибо стремление отдельных лиц под влиянием конкуренции поставить свои товары настолько дешево, насколько это возможно, соответствует стремлению потребителей купить возможно дешевле. Из основных воззрений Адама Смита сами собой вытекали правила рациональной хозяйственной политики государства. Эти правила: предоставление полного, ничем не стесняемого простора действиям отдельных лиц, свободное пользование землею, капиталом, собственною и чужою рабочею силою, свободное, основанное на частном договоре, установление рабочей платы и процента с капитала; устранение всякого государственного воздействия на развитие рабочих сил, на основание и ведение промышленных предприятий, на договоры о пользовании землею, о рабочей плате, о времени и роде работ.

Смитовская школа была верным отпечатком своего времени, истинным продуктом той эпохи, когда действовали Кант и Руссо¹. Подобно тому, как Руссо и Кант вызвали на свете такую школу государственного права и политики, которая хотела построить всеобщую государственную форму, не обращая внимания на данные от природы различия человечества, на разницы в ступенях развития и природных задатках наций; точно так же и Адам Смит из некоторых философских тезисов и хозяйственных наблюдений стремился извлечь истины всеобщего значения, и таким образом, в духе того времени, создать род всемирной экономии или экономии человечества. Смитовская школа исходит из того взгляда, что законы народного хозяйства, будучи основаны на постоянном отношении всегда себе равной экономической природы человека к внешним вещам, стоят выше пространства и времени и остаются неизменными при всякой перемене явлений. Сюда присоединяется еще вторая особенность школы Смита, общая ей со всей философией века просвещения. Она исходит из того же самого атомистического воззрения на гражданское общество, как и век просвещения, считает интерес отдельного лица единственною целью всего общежития. Политическому рационализму государство представлялось правовым учреждением для гарантии свободы индивидуума; экономическому рационализму хозяйственное общество казалось союзом или системой отдель-

¹ Jahrbucher für Nationalökonomie und Statistik von Bruno Hildebrandt Jahrg, 1873. B. I. S. 2.

ных хозяйств, устроенной для легчайшего и удобнейшего удовлетворения всех потребностей частных лиц. Политический рационализм основывал общество на правовом договоре; экономический рационализм — на меновом или рабочем договоре отдельных лиц; частная выгода индивидуума являлась в обоих случаях исключительным связующим началом общезития.

Нужно заметить, что Смитовская теория вполне отвечала потребностями той эпохи, в которую возникла. Глазговский профессор был слишком чуток к явлениям окружавшей его действительности. В эпоху возникновения его теории повсюду в цивилизованных государствах Европы мы находим поземельную собственность связанную; огромные пространства земли в привилегированном владении отдельных классов общества; сельский рабочий, прикрепленный к земле, страдает под гнетом крепостного права и неотчуждаемых повинностей; законы о росте препятствуют свободному движению капиталов; Вследствие цехового устройства право на самостоятельное ведение промыслов составляет привилегию отдельного класса; правительственные распоряжения до мелочных подробностей нормируют ход ремесел и промыслов; таксы определяют цену товаров и заработной платы; внутренний обмен встречается на каждом шагу заставы и поборы; внешняя торговля, регулируемая правительствами в интересах выгодного торгового баланса, терпит от бесчисленных ввозных и вывозных пошлин и старается обойти препятствия свободному обмену чрез систематическую организацию контрабанды. Никакой успех народного хозяйства был невозможен прежде, нежели падут эти связывавшие его оковы. Адам Смит так ясно и живо изобразил весь вред стеснений промышленной свободы, что под его знаменем на время соединились все те, кому было дорого народное благо. Его идеи бесконтрольно господствовали в течение нескольких поколений, проникли в законодательство и политику и постепенно уничтожили все те тягости, против которых он ратовал.

Но новое время выдвигало новые задачи. После эпохи тяжелой государственной опеки казалось, что одно освобождение от уз, лежавших на производительных силах страны, достаточно, чтобы привести общество к желанному благоденствию. История XIX века подорвала эту веру; рядом неопровержимых фактов она доказала, что свободная конкуренция, давая пышный расцвет некоторым сторонам хозяйства, в то же время ведет к порабощению целых общественных классов и к появлению в обществе еще больших бедствий, чем при прежней системе. Громадное расширение промышленности, составляющее плод экономической свободы и одновременного переворота в технических условиях производства, вызвало крайнюю неравномерность в распределении имуществ и создало в Европе пролетариат. Широкое развитие денежного и кредитного хозяйства ведет к периодическим кризисам, которые потрясают все основы экономического здания современных обществ. На почве XIX века вырос социальный вопрос, который выступал сначала робко в теориях никем не признаваемых мыслителей, но скоро сделался одною из главных задач времени. Под таким напором новых жизненных фактов образовался раскол и в области экономической теории.

Учение Смита из сферы действительности перешло в кабинеты и окаменело. Отрешившись от живого чутья своего учителя, оно и при изменившихся

обстоятельствах времени продолжало стоять на прежних идеалах. На все запросы жизни у него был готов один ответ: «больше простора для индивидуума». Лучшее выразительницею воззрений позднейшей Смитовской школы была так называемая манчестерская партия, которая образовалась в Англии в 1839 году под руководством Ричарда Кобдена и Джона Брайта для агитации об отмене хлебных законов. Неутомимая борьба за начала абсолютной свободной торговли велась во имя воззрений Адама Смита и кончилась полным торжеством партии. Вслед за тем идеи манчестерской школы были перенесены и в Германию, где также происходил пересмотр старой таможенной системы. Когда возник социальный вопрос, эта школа прямо отнеслась к нему отрицательно и выставила против него теорию солидарности труда и капитала. По этой теории, фондом для рабочей платы всегда служит предпринимательский капитал. Возвышение заработной платы, по закону цен, может последовать только вследствие приращения капитала, назначаемого на предприятие. Естественный вывод отсюда, что единственным средством к поднятию зарплаток и улучшению быта наемных рабочих служит увеличение богатств владеющих классов. Не имея возможности отрицать явных фактов бедственного состояния рабочих, манчестерская партия объясняла их или влиянием хозяйственных стеснений прежнего времени, или недостаточным применением принципа хозяйственной свободы, или же собственным поведением наемных рабочих и их предков. Единственное средство выйти из затруднительного положения школа видела в самопомощи самих рабочих.

Наряду с манчестерской школой мало-помалу возникли теории социализма. Основную идею социализма составляет убеждение в невозможности достигнуть благосостояния большинства путем индивидуальных усилий отдельных членов общества. При неравенстве экономических сил полная свобода отдельных лиц ведет к порабощению слабейших сильнейшими. Единственный выход отсюда социализм видит в совокупном производстве и потреблении, в совокупной организации всего народного хозяйства, в общественном пользовании материалами и орудиями труда в противоположность современному личному их усвоению. Мы не будем входить в подробности планов различных социалистических систем, но не можем не отметить того факта, что основные их идеи пустили глубокие корни в рабочих кассах Западной Европы.

Средину между двумя крайностями манчестерства и социализма занимает так называемая историческая школа, возникшая в Германии. В противоположность манчестерскому учению, которое выделяет экономическую деятельность как особую сферу человеческой жизни, подчиненную отдельным самостоятельным законам, историческая школа признает, что хозяйство есть только одна из сторон народной жизни, которая стоит в теснейшей связи с прочими сторонами и может быть познаваема и обсуждаема лишь в причинной зависимости от остальных проявлений народного духа. Историческим и статистическим анализом эта школа стремится доказать несостоятельность Смитовской гипотезы о существовании непреложных, абсолютных хозяйственных законов. Так называемые хозяйственные законы суть, по мнению этой школы, лишь тенденции отдельных сил произвести известные следствия, — тенденции, которые могут быть устранены вмешательством разумной человеческой воли, несущей

поэтому ответственность за данные хозяйственные состояния. В противоположность космополитизму манчестерской школы и социализма, историческая школа доказывала, что человек, как общежительное существо, есть всегда продукт цивилизации и дитя истории, что его потребности, равно как умственный и нравственный склад, его отношения к вещам, людям, никогда не остаются одними и теми же, напротив различаются географически, изменяются в истории и идут вперед с общим прогрессом всей культуры человеческого рода. Отвергая возможность установить гармонию интересов различных классов в обществе путем одной свободной конкуренции, историческая школа требует планомерного воздействия общественной власти на устранение хозяйственных зол. По отношению к рабочему вопросу, она стоит за осторожное вмешательство государства на основании точного предварительного исследования быта трудящихся классов. Эти взгляды сделались ныне господствующими в Германии и соединили кругом себя представителей науки и влиятельных государственных и практических деятелей. Полного своего выражения взгляды исторической школы по социальному вопросу достигли на бывшем в 1872 году конгрессе в Эйзенахе, преобразовавшемся впоследствии в особое общество. В России идеи исторической школы получили право гражданства преимущественно под влиянием долголетних трудов на кафедре и в печати моего почтенного наставника и предшественника Ивана Кондр. Бабста.

Таковы три господствующих типа современных экономических теорий; с различными переходными оттенками они занимают собою все поле экономической литературы. Нельзя сказать, чтобы рознь направлений вытекала из самого существа экономического исследования. Она есть признак еще не установившегося состояния науки. С другой стороны она есть следствие слишком живого интереса, который возбуждают многие экономические вопросы. К исканию истины в этой области невольно примешиваются житейские симпатии и антипатии, бессознательно придавая известную окраску мнениям. Между тем при беспристрастном взгляде на дело в каждой из трех школ оказывается своя доля истины.

Цель всякой науки — объяснить явления действительности, указать управляющие ими законы. Область, подлежащая исследованию политической экономии, заключает в себе явления хозяйственной деятельности человека, т.е. деятельности, направленной на добывание средств для удовлетворения физическим и духовным потребностям его природы. В хозяйственной сфере человек действует не изолированно, но совокупно с другими. Факты, обнимаемые политической экономией, суть факты социального порядка. Между тем известно, что явления этого рода всегда зависят от совокупности разнообразных причин, часто переплетающихся одна с другою, перемешивающих свои влияния. Как отыскать связь между этими причинами и отношение их к объясняемому факту? Тот путь, который со времен Бэкона привел естественные науки к столь блестящим результатам, путь непосредственного наблюдения и опыта, в большей части случаев неприложим к сложным явлениям хозяйственного быта. Мысль по необходимости должна идти здесь путем вывода (дедукции). Она должна разложить явления на составные факторы и затем, отдельно исследовав законы действий каждого фактора, применить результаты к объяс-

нению явления. Если теперь мы мысленно разложим главные экономические явления на производящие их факторы, то найдем, что важнейшие из них — общие свойства человеческой природы, врожденное каждому разумному существу стремление к самосохранению, побуждающее человека, частью инстинктивно, частью сознательно, приносить свой труд к потребностям. Это стремление, применяемое на почве непреложных законов природы, влечет за собой ряд последствий, одинаковых для всех людей, где и в чем ни проявлялась бы их хозяйственная деятельность. Заслуга Адама Смита и его последователей в том и заключается, что они указали на существование таких первичных законов и дали первый опыт научного их исследования. Что бы ни говорила историческая школа об изменчивости экономических законов, но анализ показывает, что в ряду хозяйственных явлений есть некоторая доля содержания, всегда и при всех условиях остающаяся одной и тою же. К сожалению, однако, Смитова школа не осталась на той высоте, на которую ее поставил основатель политической экономии. Воспитанный в сфере данного хозяйственного строя, Адам Смит возвел на степень общих незыблемых законов многие специфические черты современного ему общества; в числе других примеров мы укажем хотя на трехчленное распределение продукта, которое в чистом виде свойственно одному английскому обществу XIX ст. Раскрытием этой истины наука обязана преимущественно социализму, который сумел в экономических явлениях отличить преходящее от вечного и перенести в область преходящего многое из того, что Смитова школа ошибочно считала вечным. Кроме того, социализму удалось в человеческой природе подметить некоторые другие стороны, кроме тех, на которые обратил внимание Смит и его последователи: выяснение начала кооперации в противоположность Смитову индивидуализму, есть дело социальных теорий. — Но экономическое исследование было бы неполно и одно-сторонне, если бы оно остановилось только на чертах, общих всем явлениям, вытекающих из свойств общечеловеческой природы. Оно должно объяснить всю совокупность причин, производящих явления. Между тем очевидно, что кроме общих черт, есть еще ряд влияний, специально свойственных лишь известным родам хозяйственных явлений, известным местностям и эпохам. Пока мы не знаем этих частичных влияний, осложняющих действия общечеловеческих причин, мы не можем понимать явления во всей его полноте. В выяснении роли этих второстепенных факторов, лежащих в промежутке между общими законами и конкретными явлениями, заключается заслуга немецкой исторической школы, хотя нельзя не заметить, что из-за понятного пристрастия к открытому ей новому приему она нередко слишком умаляет значение Смитовой школы и разбрасывается в мелочах.

Предшествующие замечания выясняют пред нами истинный тип экономической науки настоящего. Исходный ее пункт — исследование общих свойств человеческой природы, с которыми ее знакомят физиология и опытная психология. К ряду исходных посылок нужно присоединить еще изучение свойств человеческих групп, познание законов, управляющих человеческими соединениями, что составляет предмет давно желанной, давно искомой, но к сожалению до сих пор еще научно не обоснованной социологии. Из этих данных посылок с одной стороны и из исследованных естественными и техническими науками

законов внешней природы с другой, политическая экономия дедуктивным путем выводит ряд законов, объясняющих основные черты хозяйственной деятельности вообще, одинаково применимых ко всем отраслям хозяйства и ко всем ступеням исторического развития. Выполнив эту задачу, политическая экономия спускается в отдельные сферы человеческой деятельности и исследует те прибавки и видоизменения, которым подвергаются общие законы вследствие специальных условий, свойственных различным видам хозяйства. — Но и этим не кончается дело науки. Человечество находится в состоянии постоянного движения и обновления. Политическая экономия должна проследить, каким видоизменениям подвергались ее законы в течение исторической жизни человечества, в силу тех особых условий, которые приносила с собою каждая новая ступень развития культуры. Но так как наука пока еще не в силах точно исследовать все переходы экономического быта в истории, то она должна сосредоточиться преимущественно на особенностях нашего исторического периода. Вот та схема, которой мы постараемся держаться в предстоящих чтениях.

Сергей Николаевич Булгаков

Сергей Николаевич Булгаков (1871–1944) — русский философ, богослов, экономист. В 1894 г. С. Н. Булгаков окончил экономическое отделение юридического факультета Московского университета. С 1897 г. он преподавал политэкономии и статистику в Московском техническом училище. В 1898 г. по направлению Московского университета стажировался в Германии, Англии и Франции, где по плану профессора А. И. Чупрова занимался историей аграрного вопроса в Европе. Там он знакомится с лидерами западной социал-демократии, как о ее надежде и «будущем Плеханове» отзываясь о нем К. Каутский. В 1901 г. С. Н. Булгаков защитил в Московском университете диссертацию на степень магистра и стал ординарным профессором кафедры политэкономии Киевского политехнического института, а в 1906 г. вернулся в Московский университет.

Статья представляет собой введение в «Краткий очерк политической экономии», вышедший в Москве в Типографии А. П. Поплавского в 1906 г. С. Н. Булгаков начал читать курс политэкономии в Московском университете, и очерк представляет собой, по словам автора, «краткое извлечение из лекций». В предлагаемой работе речь идет о задачах политэкономии, ее познавательных возможностях и границах.

ВВЕДЕНИЕ В «КРАТКИЙ ОЧЕРК ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ»¹

§ 1. Понятие о народном богатстве

Политическая (или социальная, или общественная) экономия обнимает совокупность систематизированных, упорядоченных наблюдений над хозяйственной жизнью народов и условиями ее развития и процветания. Не нужно особо доказывать, в какой материальной зависимости от природы находится человек с тех самых пор, как, отчужденный благодаря греху от природы, он живет в «земле проклятия» и «в поте лица своего ест хлеб свой». Самая необходимость «хозяйственной» деятельности в теперешнем смысле слова, вся нужда и горе, проистекающие из такого отношения человека к природе, с религиозной точки зрения есть следствие коренных нравственных причин, определивших отношение человека к обрабатываемой им земле, которая из любовно возделываемого сада превратилась в арену борьбы за существование, и в этой борьбе человеку приходится отвоевывать у чуждых или отчужденных от него стихий природы каждый день своей жизни. То, что мы теперь называем хозяйственной деятельностью, — труд в поте лица, тяжелый и угнетающий, — есть следствие этого первоначального извращения отношения человека к природе, разрыва связи между ним и природой. И эту внутреннюю, изнутри и надорванную, связь человечеству в истории приходится восстанавливать внешними средствами: тя-

¹ Текст подготовлен к печати Лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

желым трудом, рабством стихиям мира, единоличным и общественным хозяйством. Хозяйственная деятельность в этом смысле есть зло и плен, но, пока мы находимся еще в плену у греха, пока вся стенающая тварь, тоже ждущая откровения славы сынов Божьих, не освободилась от состояния взаимной разрозненности и отчуждения в отношении к своему царю-человеку, до тех пор эта деятельность остается горькой необходимостью и всемирно исторической силой.

Человек находится в плену у природы, у мертвых ее стихий, он должен отвоевывать у нее достойное существование, при котором не только поддерживалась бы физическая жизнь, но отображался бы и образ Божий в человеке, проявляла бы себя свободная человеческая личность, бывший царь природы. Человек и историческое человечество стремится к свободе от плена, к возвращению потерянного им достоинства царя природы и к восстановлению первоначальной интимной связи, взаимопроникновения с природой, о котором он не может забыть. И путь к этому освобождению, естественно открывающийся перед человечеством, есть труд в поте лица, есть трудовая хозяйственная деятельность, направленная к подчинению природы человеку путем увеличения народного богатства. Нищий и голый человек, находящийся в плену природы, освобождается от этого плена, становясь богатым и могущественным. Создание и накопление так называемого народного богатства есть путь освобождения от власти природы, следовательно, изначальной эмансипации человека. Условное название «народное богатство», употребительное в политической экономии, вызывает недоумение вследствие смешения этого понятия с понятием богатства личного, между тем как это разные вещи. Народное богатство состоит из совокупности полезных и нужных для человека предметов из числа тех, которые он должен производить своим трудом, причем здесь разумеется не только наличность обладания этими предметами, но и возможность их воспроизведения, следовательно, имеется в виду вообще достигнутая мощь человеческого гения в борьбе с природой. Чем высшая ступень народного богатства достигнута данным народом, чем больше он владеет природой, вырывая у нее ее производительные силы, тем большей свободы от ее власти достиг он при этом. Рост народного богатства в этом смысле есть прогресс внешней человеческой свободы, и наука о народном богатстве, или политическая экономия, в этом смысле есть наука, изучающая условия освобождения человека от рабства природе. И так как христиане и христианское человечество призваны быть свободными, ибо только свободный, и, в частности, свободный и от принудительной власти природы, человек может осуществить свое историческое призвание, то общая задача политической экономии должна быть признана соответствующей требованиям христианского прогресса.

Но этими словами могут возбуждаться вполне естественные и законные сомнения, и потому должны быть сделаны существенные оговорки. Рост богатства, увеличивающий силы человека и пробивающий стену отчуждения между человеком и природой, есть только отрицательное условие для духовной жизни человека, он создает для него более широкие возможности духовной жизни, открывает перед ним новые широкие перспективы, но не решает за него, не предопределяет того употребления, которое сделает из них единичный человек и совокупное человечество. Оно может воспользоваться этой свободой как

условием духовного роста, как путем ко Христу, но может употребить ее и совершенно иначе, впад в духовное искушение или от самомнения, питаемого сознанием своих успехов, или от грубого плотского соблазна роскоши, увеличения низменных, недуховных наслаждений жизнью; тем самым оно впадает в гораздо более глубокий и прочный духовный плен, нежели даже тот, от которого оно только что освободилось. Оно может при этом поверить в силу этих материальных успехов, в материальную цивилизацию больше, нежели в Бога и в бессмертную и свободную душу (как в распространенном учении так называемого экономического материализма). Рост народного богатства может явиться средством как высшего и сознательного утверждения человечества на пути добра, так и его глубочайшего падения. Но во всяком случае успехи материальной культуры служат условием духовного роста и духовной зрелости человечества, человек из слабого и беспомощного младенца становится зрелым и сознательным мужем, входит в меру возраста, что, очевидно, необходимо в целях богочеловеческого дела на земле, в целях Царства Божьего. И в этом, ограниченном и условном, смысле, рост народного богатства, экономический прогресс, необходим в целях Царства Божьего. Нельзя не признать, что наши железные дороги, телеграфы, телефоны, печатные станки, библиотеки, музеи, научные учреждения играют двойственную роль, увеличивают силы как добра, так и зла, но можно ли серьезно подумать и пожелать, чтобы теперешнее зрячее человечество снова погрузилось во тьму варварства и первобытной нищеты, в которой спит теперь не одна наша деревня! Современная техника и материальная культура стремятся к тому, чтобы сделать природу проницаемой, духовной, чтобы уничтожить преграду между человеческим духом и силами природы, и это одухотворение природы, которое окончательно совершится только в будущем веке, под новым небом и на новой земле, где восстановится первоначальное и должное отношение человека к природе, предвосхищается, как бы преобразуется в теперешней материальной культуре. Очевидно, что понятие народного богатства (и народной бедности), употребляемое нами, весьма отличается от понятий богатства и бедности в обычном, разговорном смысле, где под ними разумеется степень личного обладания и личной власти, между тем как народное богатство имеет в виду общие условия материального существования данного общества, степень власти над природой, ему принадлежащей. Богачи и бедняки могут существовать и встречаются при различном уровне народного богатства: могут быть богачи в совершенно бедной в народно-хозяйственном смысле стране, и может не быть их в стране очень богатой, если, например, в ней осуществлены социалистические схемы хозяйства. Поэтому, к тому, что мы разумеем, говоря о народном богатстве, не могут быть отнесены слова Спасителя, предостерегавшего от богатства и любостыжания. В соответственных местах Евангелия разумеется именно индивидуальное внутреннее отношение к личному богатству, соблазн богатством и обогащением, склонность больше чем следует полагаться на него и ради него забывать о высших своих духовных обязанностях и интересах; однако же должное, правильное личное отношение к богатству, духовная свобода от него может быть совершенно совместима с признанием необходимости экономического прогресса для всего человечества и, может быть, именно такие духовно свободные дея-

тели и являются наилучшими, бескорыстнейшими проводниками этого прогресса. Быть свободным от богатства, или, но крайней мере, обуздывать себя, свою похотливость и вести аскетическую борьбу со своими низшими инстинктами не значит еще идти против материальной культуры, а только предполагает лишь определенное, осторожное к ней отношение и соответственную умеренность в пользовании ею.

Равным образом не противоречит признанию необходимости экономической деятельности и вообще рационального ведения народного хозяйства, основанного прежде всего на предусмотрительном расчете, и запрещение пектись о завтрашнем дне, о пище и питии, сделанное Спасителем. Здесь, как и в предыдущем, заповедуется свобода от духовного плена и отягчения заботами и тревогами о своем материальном благополучии, но вовсе не запрещается, во-первых, забота о материальном благополучии других, а, во-вторых, и вообще хозяйственная деятельность, поскольку она является одной из форм полезного и для всех обязательного труда. Неужели возделывать землю в расчете на будущий урожай значит нарушать заповедь: не заботьтесь о завтрашнем дне? Или заблаговременно подвозить хлеб в голодающие местности? Или даже расчетливо вести свое собственное промышленное предприятие, с которым связаны интересы стольких людей, так или иначе от него зависящих? Вообще в Евангелии запрещается, по нашему пониманию, не хозяйственный расчет, без которого вообще невозможна и сама хозяйственная деятельность, а хозяйственное ослепление, та жадность и жестокость, благодаря которой замирает в человеке духовная его жизнь. Считаться же с суровой хозяйственной необходимостью и, следовательно, вести рационально личное, народное и государственное хозяйство не может быть запрещено в той книге, где сказано: «в поте лица твоего ешь хлеб твой», и еще: «кто не работает, не должен есть». Поэтому мы полагаем, что хозяйственная деятельность, как форма труда и вместе одно из творческих проявлений человеческого духа, не только не осуждается христианством, но, напротив, принципиальное пренебрежение хозяйственной стороной жизни, ложный аскетизм, является большим недостатком многих представителей современного христианства. Ибо в рамках хозяйственной деятельности и возникающих на почве ее отношений христианской совести ставятся очень многие и жгучие вопросы, отказываться от которых она не должна, под страхом впадения в грех лицемерия и черствого безучастия к человеческим страданиям. Поэтому во имя христианского долга надлежит прислушаться к голосу политической экономии и познакомиться с теми данными, которые дает эта наука.

§ 2. Задачи политической экономии

Борьбу с природой, работу, направленную на производство полезных и нужных для человека предметов (как обыкновенно говорится в политической экономии, благ или ценностей), человечество совершает, конечно, в определенной природной обстановке, под известными широтами, в известном климате и т.д. Эти естественные и географические условия влияют на характер и успешность производства и до известной степени определяют и направление производительного труда. Естественно, напр., что жители приморских областей окажутся,

скорее всего, успешными мореходцами и рыбаками, а жители горных областей — рудокопами и металлургами, а жители степных равнин — земледельцами и скотоводами. Отсутствие соответствующих естественных условий, конечно, исключает развитие одних отраслей труда и предрасполагает к другим. Однако в известных границах различие это сглаживается в истории, причем преобладающее значение приобретают условия чисто экономические. Как ни велико значение этих естественных условий, оно принадлежит скорее ведению географии, чем политической экономии. Для этой же последней основное значение имеет тот бесспорный и неустрашимый факт, что человек ведет свое хозяйство, прилагает труд к производству благ не в одиночку, но в общении с себе подобными. Производство благ есть дело общественное, а не единоличное. Даже там, где работник производит один с начала до конца весь данный предмет целиком, напр. земледelec — хлеб, кузнец — подкову и т.д., то и тогда между отдельными производителями существует незримая, но тем не менее действительная связь, своего рода взаимное страхование: земледelec может заниматься земледелием, не думая о кузнечном деле, о пряденье и т.д. только при том условии, если кузнец делает подковы в количестве, потребном не только для себя, но и для земледельца, если прядильщик будет производить пряжу не только для себя, но и для кузнеца, и для земледельца, наконец, если этот последний в свою очередь припашет хлеба не только для себя, но и для кузнеца. Словом, между ними существует то, что называется обычно разделением труда. Но разделение труда выражается не только в том, что отдельные блага готовятся различными работниками, принужденными так или иначе делиться между собою произведениями своего труда, но и в том, что одно и то же благо, прежде чем достигнуть того окончательного вида, в котором оно нужно и полезно человеку, проходит целый ряд рабочих рук, составляет предмет труда нескольких производителей. Напр., прежде чем могла получиться эта игла, одни рабочие должны были идти в подземные шахты и добывать руду, другие должны были переработать ее в сталь, третьи должны были придавать кусочкам стали форму заостренной иглы и т.д. Ряд работников, прямо или косвенно участвовавших в производстве многих товаров, необыкновенно длинен, прямо бесконечен в настоящее время. Если вы переберете все вещи, вас окружающие, то увидите, труд скольких лиц понадобится для того, чтобы создать данную скромную обстановку. Только Робинзон на необитаемом острове (и то до появления Пятницы и до того, как он сделал различные находки после кораблекрушения, представлявшие тоже результат труда очень многих работников) делал один все нужное для себя; обычно же хозяйственная деятельность осуществляет разделение труда между членами общества и в этом смысле является общественной. История знает не единоличный, но только общественный труд. Все человечество представляет собой одного или нескольких многоруких, многоглазых, многоголовых работников, которые — хорошо или плохо — но принуждены действовать как один, по одному общему плану, повинувшись одной общей воле. Таким образом, во всякой отрасли хозяйства, в каждом случае приложения полезного, производительного труда приходится различать две стороны: его технику — те приемы труда и орудия, которые здесь применяются, и его общественную организацию, т.е. способ соединения людей между собой для того, чтобы возможна

была эта отрасль производства. Вопросы техники в общем и отвлеченном виде, именно вопросы о том, как достигнуть данного производительного результата наилучшим и наиболее прямым путем, решаются научной технологией, которая опирается при этом на данные математических и точных наук. Но в жизни эти отвлеченные решения прилагаются только в определенной исторической и общественной обстановке. Если производительный труд необходимо применяется лишь в определенной общественной организации, то эта организация делает неприменимыми одни технические приемы, если они даже технически совершенны, или же вызывает изобретение и применение новых технических приемов, ей соответствующих. Вообще данный способ производства, данная организация производительного, технически целесообразного труда представляет собой нечто единое и слитное, и только в этом целом, в определенных конкретных условиях, и учитывается значение перемен, как в технике производства, так и в общественной его организации. Как нет единоличного производства, так нет и единолично применяемой техники. Народное хозяйство есть общественно-технический процесс, в развитии которого невозможно выделить и обособить технику от общественной организации, а последнюю от техники. Перемены в нем могут исходить одинаково со стороны как техники, так и общественной организации, но окончательный результат определяется тем своеобразным целым, которое представляет собой технико-общественный процесс народного хозяйства.

Политическая экономия подвергает систематическому изучению этот технико-общественный процесс народного хозяйства, стремясь установить те причины зависимости, которые существуют между разными сторонами этого процесса, и описать и точно классифицировать его разные формы. Политическая экономия есть историческая наука в том смысле, что она стремится описать и понять исторический факт общественного хозяйства и его развитие, как в прошлом, так и в настоящем. Она расширяет свое изучение внутрь и вглубь, стремясь охватить в нем возможно обширные исторические эпохи и разные области хозяйственной жизни нашего времени. Естественно перед ней ставятся при этом научные задачи двоякого рода: описание и установление фактов и причинное их объяснение. Что касается первой категории, то политическая экономия пользуется здесь теми приемами изучения, которые возможны и пригодны в каждом данном случае: исторические документы всякого рода, показания и наблюдения современников, а там, где можно, прямо массовый подсчет наиболее интересных явлений (это так называемый статистический метод). Нельзя указать какого-нибудь определенного метода, который бы был наиболее или единственно подходящим для данного случая. В удачном и успешном применении разных соответствующих данному случаю приемов и сказывается искусство и талант исследователя, причем одни предпочитают один метод, другие — другой. Особенным распространением в политической экономии пользуется статистический метод массового наблюдения, соблазнительный своей точностью, но именно потому ведущий и к наибольшему злоупотреблениям, ибо его действительная точность не всегда соответствует внешней. Описательный материал политической экономии, вообще говоря, разрастается не по дням, а по часам, скорее, нежели он успевает подвергаться окончательной научной обра-

ботке, и описательная литература политической экономии стала так велика, что полное знакомство с ней недоступно даже для специалиста.

Описанием не может исчерпываться задача научного изучения. Нужно не только устанавливать факты, но и понимать их смысл, их причинное соотношение, уметь классифицировать, устанавливать типические особенности и наблюдать единообразия и повторяемость явлений (это так называемые «законы» политической экономии). Трудно и здесь приурочить к каким-нибудь определенным научным приемам искусство исследователя. Как и во всяком живом деле, решающим является вдохновение, интуиция, догадка, а строгие доказательства и методическая их группировка нужны скорее для обоснования уже зародившейся мысли, чтобы сделать ее бесспорной и ясной и для других. При этом не закрыты, конечно, все обычные пути и способы мышления, и политическая экономия в этом отношении не представляет ничего специфического, так что длинные споры и трактаты о «методах» в политической экономии (и соответствующие главы в учебниках) ничего не дают и не вытесняют в этом вопросе и оказываются чаще всего недоразумением, объясняющимся слабостью общефилософской подготовки экономистов. Задача политэконома не ограничивается одним теоретическим изучением истории и современного состояния форм и фактов, причин и следствий из области хозяйственного быта. Политическая экономия принадлежит к числу прикладных наук, подобно технологии, медицине и под. В известном смысле она тоже есть социальная технология и должна вырабатывать практические нормы и указания для жизни, должна прописывать социальные рецепты, как медицина. Поэтому в состав задач, которые ставит себе политическая экономия, должно входить не только то, что есть, но и то, что должно быть, не только теория, но и практика или, как это называется, политика, экономическая и социальная. Если бы политическая экономия не задавалась этим вопросом, ради которого она только и существует как особая специальность, то она ничем бы не отличалась от общей исторической науки, именно той ее отрасли, которая с особенной внимательностью изучает экономический быт.

Если же политическая экономия ставит себе вопрос не только о том, что есть вопрос, на который одинаково должны ответить все беспристрастные исследователи, достаточно изучившие предмет, независимо от разницы общих своих мировоззрений, но и о том, что должно быть, то представления об этом долженствовании могут быть различны, в зависимости от различия общего руководящего идеала. Это различие идеалов обуславливается общим характером мировоззрения, т.е. прежде всего религиозного, а затем и социального, этического, эстетического (достаточно напомнить, в какой степени на экономических взглядах знаменитого английского писателя Дж. Рескина отразилось его эстетическое мировоззрение). Поэтому в силу возможности такого различия в общих и основных стремлениях человека единой политической экономии, включающей и определенную систему экономической и социальной политики, быть не может. При общности и бесспорности фактической и исторической ее частей, в области долженствования и политики могут начертываться различные пути: путь «буржуазный» или социалистический, языческий или христианский. Да, возможна и даже необходима и христианская политическая экономия, которая

ставит и разрешает вопросы экономической жизни при свете и в духе христианского учения. В отношении к общему христианскому учению она представляет собой нечто сродни прикладной этике, в которой даны, как бесспорные, общие религиозные основания, средства же для воплощения в практическую жизнь христианских заветов, находимые несовершенным и колеблющимся человеческим рассудком, в этом качестве не представляют ничего безусловного и, как дело человеческих рук, могут составлять предмет спора и разномыслия и подлежат историческому изменению.

Два основных принципиальных вопроса ставятся для разрешения пред экономической мыслью: вопрос об успешности человеческого труда, или о развитии производительных сил человечества, т.е. о прогрессе экономическом, и вопрос о распределении производимых благ в обществе и о справедливом устройстве экономических отношений людей между собою, т.е. о прогрессе социальном.

Что касается первого вопроса, то общие принципиальные основания для его разрешения даны уже в предыдущем изложении. Если справедливо, что экономический прогресс необходим для роста человеческого духа, для освобождения его от рабства мертвым стихиям мира в целях деятельности духовной, для одухотворения мертвых сил природы, то содействие такому прогрессу есть вполне христианская задача, к которой не должен отнестись индифферентно ни один христианин. Кроме того, не надо забывать, что застоя вообще не знает жизнь, движение же возможно только или вперед, или назад. Экономический же застой или регресс, при естественном росте населения, обрекает его на все ужасы голодания, одичания и, в конце концов, вымирания. Кто решится, напр., отрицать, что экономический прогресс для нашего периодически голодающего теперь крестьянства есть настоятельная задача, которую не может отвергнуть всякий, способный сочувствовать человеческим страданиям, а тем более христианин, с высшей для него заповедью любви. Таким образом, христианское воззрение на экономический прогресс или на рост производительности труда и народного богатства совершенно совпадает здесь с обычным, распространенным в политической экономии, воззрением. Есть, однако, существенная и принципиальная разница. Тогда как для языческой политической экономии (а таковой она является в большинстве случаев) рост богатств признается сам себе целью и оценивается с точки зрения возможности тех наслаждений, которые можно при помощи его извлекать (таково чисто гедонистическое, эпикурейское понимание жизни, которое лежит в основе и современного языческого социализма), для христианства рост богатств представляет благо только как средство освобождения человеческого духа. В богатстве всегда заключена возможность искушения, нехристианского отношения к нему, духовного гедонистического плена. Объективно это выражается в известном направлении производительного труда, в росте производства предметов роскоши (т.е. того, что считается и фактически является роскошью для данного времени), а это может приводить в дальнейшем к упадку и самого хозяйства. Поэтому не всякий экономический прогресс является желательным и добрым с христианской точки зрения, извращениям высокой и утонченной материальной культуры следует предпочесть иногда патриархальную грубость с ее нерастраченными и неотрав-

ленными силами. Исповедуя, что мир во зле лежит, и что зло существует прежде всего как явление духовное, с которым необходимо вести неослабную борьбу, христианская политическая экономия вносит в оценку экономического прогресса и связанного с ним роста потребностей чисто аскетический корректив, учит быть всегда настороже, чтоб не оказаться в духовном плену от богатства. Итак, рост богатства и, соответственно, потребностей с христианской точки зрения допустим и желателен как условие духовного роста отдельной личности и всего человечества, но не как источник низких, хотя бы и утонченных, наслаждений, грубых, хотя бы и культурных, страстей. Народное богатство может быть путем и свободы, и рабства, потому нужно бояться его искушений, и добровольная бедность, подвиг св. Франциска Ассизского, останется навсегда для христианства возвышенным и манящим образом личной победы над искушениями богатства. Но не надо забывать, что для возможности свободного личного подвига отречения от богатства необходимо отсутствие бедности недобровольной, народнохозяйственной.

Еще более бесспорным следует признать второе ограничение основного догмата языческой политической экономии о росте богатств. Он не должен покупаться насильственными средствами, путем замучивания людей, разбойничества и грабежа. К сожалению (как мы еще увидим), этот путь является самым обычным и часто наблюдающимся в истории, да и по сейчас он не оставлен цивилизованным человечеством не только во внутреннем капиталистическом рабстве, связанном с современной организацией производства, но и в так называемой колониальной политике, которая есть ни что иное как форма международного разбоя и грабежа. Цивилизованные государства наперерыв друг перед другом стремятся оружием захватить области, принадлежащие более слабым в военном отношении народам, с тем, чтобы грабить их (или, по более вежливому выражению, эксплуатировать колонии). Такой же была и русская авантюра относительно Манчжурии, хотя и не удавшаяся и так дорого стоившая русскому народу. Для народа-грабителя «колониальное хозяйство» есть необыкновенно выгодная статья и очень действительное средство роста народного богатства, и оно на этом основании одобряется и даже рекомендуется некоторыми политэкономами. Христианская политическая экономия может отнестись к нему только с самым резким и решительным осуждением, ибо она благословляет народный труд, но не народный разбой. Итак, в области экономической политики критерием она выставляет здоровый хозяйственный прогресс, на основе развития полезных отраслей народного труда.

Еще яснее и проще обстоит дело с идеалом и критерием социальной политики. В общественном производстве товаров люди вступают в различные весьма сложные отношения между собою. Возможно и даже обычно, что производство и рост народного богатства благодетельствует не весь народ, а только избранные единицы. Сосредоточиваясь в их руках, богатство становится средством порабощения остальной части населения. Таким образом, наряду с ростом народного богатства и в процессе его производства создается социальная бедность, и богатство, скопываясь в немногих руках, выковывает новые цепи эксплуатации, горя и нужды. Параллельно с экономическим богатством растет и социальная бедность, и богатство, вместо средства освобождения человечества, становится

новым средством его порабощения. Для христианства, а, следовательно, и для христианской политической экономии, возможно только одно, именно резко отрицательное отношение к этой эксплуатации человека человеком и к накоплению неправедных богатств. Путь, который указывает здесь христианство, есть путь социальной любви, свободы, равенства и братства. Поэтому христианская политическая экономия имеет своей естественной и неустранимой задачей выработку социальных преобразований в духе указанного идеала. Об этом много будем говорить ниже.

Итак, если обобщить задачи христианской политической экономии и поставить их в связь с общей задачей, которая должна быть руководящей во всем и для каждого христианина, — с исканием Царства Божьего, то они выразятся так: христианская политическая экономия ищет осуществления Царства Божьего, свободы, правды и любви в экономической жизни, в области социальной и экономической политики. Никакого иного идеала христианин иметь не может, но он должен стремиться творчески применять его к новым и новым областям усложняющейся жизни и освещать ее темные еще области, а в частности и экономическую жизнь.

Задачу христианской политической экономии иначе можно определить еще так: она призвана освещать исторический путь социальной любви. Христианство не знает заповеди выше любви, по указанию Евангелия, Господь спросит нас в оный день о делах практической любви к ближнему, я готов сказать, социальной любви: накормили ли мы голодного, напоили ли алчущего, одели ли нагого, посетили ли больного и заключенного в тюрьме. Доселе христианство понимало и выполняло эту заповедь в форме исключительно личного подвига, но не социального делания. При более простых общественно-экономических отношениях прежнего времени, может быть, это понимание и соответствовало его жизненным потребностям, и наилучшим выполнением евангельской заповеди действительно было буквальное. Тогда дело практической любви сводилось к элементарной благотворительности и личной доброте (так понимала ее и наша старая Русь). В настоящее время такое понимание совершенно не соответствует потребностям жизни с ее сложными социальными отношениями. Не отрицая значения личного подвига и личного служения, которое вообще неустранимо для христианства, мы должны стремиться понять Христову заповедь шире и применить ее не только к лицам и личным отношениям, но и к учреждениям, которые воплощают в себе нравственную идею, служат добру или злу, любви или ненависти и в то же время по своему влиянию на жизнь могущественнее личного добро делания. Добросовестное и вдумчивое желание честно исполнить заповедь Христову неизбежно заставит задуматься и о смысле того экономического строя, при котором мы живем, и определить свое к нему отношение. Для деятельной любви, кроме личного подвига и наряду с ним, открывается путь социальных преобразований, на который трудно вступить без руководства социальной науки, в частности, политической экономии, она играет роль своего рода Беатриче, проводящей современного Вергилия через ад и чистилище, становится наукой социальной любви.

Против выраженных мыслей возражают часто по неведению или недоразумению, но иногда и принципиально, вследствие своеобразного понимания

христианства и его задач. Сторонники индивидуалистического понимания христианства, в котором объединяются, с одной стороны монашеско-аскетическое направление, а с другой — толстовство, всю задачу христианства видят в преследовании личного спасения и усовершенствования. Они раздробляют совокупное человечество, «тело Христово», на отдельные атомы и беззаботно относятся к историческим задачам и исторической жизни единого, связанного круговой порукой общего греха и общего спасения человечества. Протестуя совершенно справедливо против распространенного суеверия о всемогуществе учреждений, одной реформы которых будто бы достаточно для спасения и исцеления человечества, они впадают в противоположную крайность, объявляя личность всесильной и всемогущей и изолируя ее, таким образом, от связи с цельным человечеством. Идеал Царства Божьего у них не включает в себя земного исторического процесса, а касается только личной жизни каждого. Вполне последовательно провести эту точку зрения невозможно, и представители ее совершают, не замечая того, ряд от нее отступлений и впадают в грубые противоречия. Граф Л. Н. Толстой, напр., проповедует совершенно определенный проект социальной реформы, сводящейся к национализации земли согласно идеям американского писателя Генри Джорджа. А проповедники личного усовершенствования из лагеря охранителей поддерживают обыкновенно существующий строй (напр., самодержавие в России), как бы преступен он ни был по своему воздействию на жизнь. Итак, определение политической экономии, как науки социальной любви и прикладной этики, не только не является каким-либо новшеством и праздным измышлением, но соответствует тем общим задачам, которые ставит для христианина евангельская заповедь любви. Смысл этого определения будет раскрываться, надеемся, в дальнейшем изложении.

§ 3. Границы политической экономии

Забегая вперед, поставим теперь же вопрос, ответ на который может явиться только в конце исследования: какие окончательные результаты экономической науки? Каков характер тех указаний, которые могут быть почерпнуты из данных политической экономии? Поставить особо этот вопрос полезно потому, что именно относительно его в настоящее время господствуют весьма и извращенные представления, в которых сильно преувеличивается действительная компетенция политической экономии и ей приписываются свойства какой-то социальной магии, между тем как на самом деле она представляет систематизированные наблюдения над экономической жизнью, хотя и позволяющие устанавливать довольно правдоподобные предположения и заключения иногда и относительно разных практических вопросов, но во всяком случае далекие от определенности так называемых точных наук. Последние вооружают человека мерой и весом, между тем как политическая экономия заменяет как бы собственный жизненный опыт, делает вас подобным опытному человеку, много видевшему и наблюдавшему, с большой вдумчивостью относившемуся к жизни, способному подать хороший совет, но и только. Поэтому-то на рецептах, даваемых политической экономией, неизбежно лежит печать субъективности, вольного личного творчества, потому-то так нелегко достигается здесь

единогласие и господствует такой разброд во мнениях, так что нередко люди одинаково компетентные и в общем единомышленные по-разному разрешают один и тот же частный экономический вопрос. В политической экономии нет зрелища более обычного, нежели это. Политическая экономия разделяет здесь общую участь прикладных наук, да еще с той особенностью, что вследствие характера ее проблем, связанных с самыми животрепещущими вопросами дня, в ней субъективизм и, так сказать, свободное усмотрение, интересы и страсти влияют больше, чем где бы то ни было, и это одно уже заставляет относиться к ее выводам с особенно недоверчивой осторожностью. В наших глазах это не умаляет значения политической экономии, как цена знания, ума и опыта не умаляется от того, что их обладатель еще не становится по тому самому всезнающим пророком. Характерной особенностью нашего века является то, что, утратив веру в пророчества боговдохновенные, он с тем большей жадностью ищет пророчеств человеческих и с необыкновенной легкостью отдается суевериям относительно способности социальной науки предсказывать будущее и прорывать его загадочную завесу хотя бы научным путем. (Таким суеверием является распространенное в наши дни учение «научного социализма», в котором якобы точным научным путем, с «естественной необходимостью», предсказывается наступление социалистического строя.)

Для христианина, для которого будущее человечества, его предназначение и конечный удел раскрыты в Откровении и который твердо верит вместе с тем в Промысл Божий, ведущий историю человечества, совершенно нет потребности вырывать у науки предсказания будущего во что бы то ни стало. Для христианина нужно знать свою конечную цель и ближайший шаг, который ему предстоит в данный момент сделать, промежуточный же путь и практические результаты своей деятельности он может спокойно доверить Вышней воле. Напротив, неверующего более всего беспокоят эти результаты, и от этого беспокойства он ищет освободиться путем якобы научных предсказаний и тем, несомненно, вредит и науке, ставя ей несвойственные и непосильные ей задачи. Здесь мы видим, между прочим, один из примеров того влияния, какое оказывается религиозным мировоззрением и на чисто научное исследование. Политическая экономия не раз выставляла притязание предсказывать будущее по образцу точных наук, и оно поддерживалось до известной степени тем, что в некоторых элементарных проявлениях человеческой жизни, обследуемых статистическим путем, значит, более или менее точным методом, наблюдается некоторое грубое и приблизительное единообразие и повторяемость, дающие возможность предсказания (чем пользуются и практически, напр. страховые общества). Но эти частности не должны вводить в соблазн, и нужно заявить решительно, что политическая экономия, равно как и вся социальная наука, предсказывать будущее, т.е. в точности устанавливать грядущие события в определенных рамках пространства и времени, не может, а о предсказаниях можно говорить исключительно лишь при этом условии точности и определенности. Обычно за предсказания принимаются более или менее неопределенные общие суждения, в которых устанавливается какая-нибудь общая черта или особенность условий данного времени, и затем делается предположительное заключение о том, каким будет ход событий, если эта его особенность будет единственной или господ-

ствующей. Это гипотетическое обобщение называют «тенденцией развития», не связывая, однако, обычно с этим выражением никакого точного и отчетливого представления, так что выгоднее для науки было бы, быть может, совсем изгнать этот логический фетиш.

Особенный соблазн и неясность вносит в политическую экономию метод исторических аналогий или, проще говоря, стремление предсказывать будущее одной страны на основании истории другой в силу частного сходства, существующего между некоторыми сторонами истории той или другой страны.

Конечно, такое сопоставление, поскольку в нем устанавливается это сходство и различие, полезно для освещения данного положения, для раскрытия в нем новых сторон и более глубокого его понимания, но исторические события не повторяются. История индивидуальна, и этих-то индивидуальных отличий, в которых и заключается, может быть, самая основная особенность истории данной страны, нельзя уловить историческими аналогиями, а чтобы охватить, взвесить и предсказать течение индивидуальных событий во всей их сложности, не хватит человеческих сил, ибо это невозможно даже относительно событий мира физического, если взять их во всей сложности, между тем как в истории действует не только механическая причинность, но и человеческая воля, наша собственная личность. Будущее представляется нам не только как результат объективных, в нашей воле лежащих, причин и следствий, но и наших собственных действий, проявлений нашей индивидуальности. В своем сознании, как живая, чувствующая и волящая личность, я не могу отделаться, даже если бы этого хотел (независимо от того или иного метафизического решения вопроса о свободе воли по существу), от представления о свободе моей воли, в смысле способности поступить и так, и иначе, и тем самым в том или ином смысле определить дальнейший ход истории. Подобным же образом способность свободного хотения в смысле возможности поступать так или иначе я предполагаю и за другими живыми людьми, к которым обращаюсь с увещанием, убеждением, обличением. Поэтому представление о ходе будущего как необходимо предопределенном (а, стало быть, и возможность предвидения этого будущего) может быть доступно сверхчеловеческому существу, извне наблюдающему ход истории, но просто не может вписаться в нашу голову одновременно с представлением о свободе выбора, об историческом творчестве, где творцами являемся и мы сами.

Поэтому познание будущего, наступающего с «естественной необходимостью» (о которой постоянно говорится в марксизме), т.е. по законам механической причинности, но не человеческой воли, для нас — закрыто, и будущее представляется нам не только как необходимое, но и как должное, не только как необходимость, но и как свобода.

Свобода принадлежит только хотению; с того момента, как принято известное решение, человеку приходится считаться с необходимостью, учитьвающей так или иначе его поступки и очерчивающей для них сравнительно узкий круг с теми общими условиями и устоями, которые характеризуют данное общество и время. Конечно, эти условия и устои и сами не представляют чего-либо неизменного и подвергаются, хотя и медленно, преобразованиям и развитию. Эти-то общие условия обычно и имеются в виду, когда говорят о «железном

законе развития», о «неотвратимой необходимости» и т.п. Все эти гиперболы отмечают простой факт влияния общих условий в данную минуту, но при этом не может быть в точности предопределена ни степень влияния этих условий, ни сама их прочность. Поэтому ко всем заверениям и ссылкам на «научно познанный закон развития» следует относиться в высшей степени критически и видеть в них или род недоразумения — результат незрелости мысли, или же просто агитационную фразу. Чем менее сознательна, чем инстинктивнее данная сторона хозяйственной деятельности человека, тем отчетливее можно наблюдать для данного момента влияние общих условий жизни, и тем закономернее, проще, однообразнее представляется жизнь человечества, если рассматривать ее именно с этой стороны. На этой особенности основывается, между прочим, успешное приложение массовых наблюдений или статистического метода, который в таких случаях дает удивительные результаты, но или не приложим, или ведет к совершенно неверным результатам в случае распространения на области, ему не соответствующие. Говорить подробнее об этом мы не будем, заметим лишь, что подсчет, язык цифр вообще весьма употребителен в экономической науке не только в целях исследования, но и в целях точного изложения данных хозяйственной жизни. Экономист так же охотно прибегает к таблице (а, может быть, и злоупотребляет ею), как математик к формуле.

Заканчивая эти общие вводные замечания, скажем несколько слов относительно объема содержания нашей науки. Очевидно, наука эта развивается параллельно тому развитию хозяйственной жизни, за которой она следит, и параллельно практическим нуждам, потребностям социальной и экономической техники. Как во всяком ремесле, как в медицине, как в любой прикладной отрасли знания, здесь постоянно выделяются и развиваются все новые отрасли, которые, усложняясь, требуют специального изучения. И в настоящее время общее содержание политической экономии настолько усложнилось, что быть специалистом по всем ее отделам давно уже стало практической невозможностью, и таких теперь нет. Обычно каждый экономист знает хорошо только один какой-нибудь уголок своей специальности, имея лишь слабое знакомство с другими. Однако, кроме этих специальных уголков, есть еще и общая область, объединяющая более или менее всех. Область эта — изучение наиболее основных условий хозяйственного быта, самого общего плана того здания, отдельными уголками которого заведуют специалисты. Эта-то общая теория, изучающая народное хозяйство в самых основных его определениях, и излагается обыкновенно в общих курсах для самообразования.

Евгений Евгеньевич Слуцкий

Евгений Евгеньевич Слуцкий (1880–1948) — российский и советский математик, статистик, экономист. Родился в 1880 г. в Ярославской губернии, в возрасте шести лет переехал вместе с семьей в Киев. В 1905 г. Слуцкий поступил на юридический факультет Киевского университета и окончил его в 1911 г. с золотой медалью за сочинение на тему «Теория предельной полезности». В 1917 г. сдал экзамены на степень магистра политической экономии и статистики в Московском университете. В 1912 г. после публикации книги «Теория корреляции и элементы учения о кривых распределения» был приглашен на работу в Киевский коммерческий институт. В 1915 г., работая в Киеве, Слуцкий опубликовал в итальянском журнале статью «К теории [сбалансированного] бюджета потребителя», где предложил уравнение, смысл которого состоит в том, что изменение спроса на некоторый товар при изменении его цены складывается из влияния непосредственного изменения спроса и косвенного влияния в результате переклещения спроса на другие товары («уравнение Слуцкого»). В 1926 г. Слуцкий переехал в Москву и приступил к работе в Центральном статистическом управлении, а чуть позднее — в Конъюнктурном институте. В 1927 г. в издаваемом Конъюнктурным институтом журнале «Вопросы конъюнктуры» была напечатана статья Е. Е. Слуцкого «Сложение случайных причин как источник циклических процессов», а спустя 10 лет англоязычная версия этой статьи была опубликована в журнале «Econometrica». Эта статья Слуцкого до настоящего времени остается наиболее цитируемой русскоязычной научной статьей по экономике.

К ТЕОРИИ [СБАЛАНСИРОВАННОГО] БЮДЖЕТА ПОТРЕБИТЕЛЯ¹

1. Предварительные соображения

[1] Современная теория ценности представляется на первый взгляд как бы разделом психологии; это усложняет вопрос о применении математических методов в экономике. Ввиду больших сомнений в возможности решения всех проблем, относящихся к измеримости психических явлений, открывается поэтому обширное поле для споров. Даже если оставить в стороне расхождения во мнениях среди последователей гедонистического направления (*scuola*

¹ Текст статьи публикуется по изданию: *Слуцкий Е. Е.* Экономические и статистические произведения: Избранное [перевод и предисловие П. Н. Клюкина]. — М.: Эксмо, 2010. С. 448–485. Оригинал статьи был опубликован в 1915 г. на итальянском языке (*Slutsky Eugen. Sulla teoria del bilancio del consumatore // Giornale degli economisti.* 1915. P. 1–26). Перевод статьи на русский язык впервые был подготовлен и опубликован Н. С. Четвериковым в 1963 г., а в 2010 г. перевод был сверен с итальянским оригиналом и отредактирован П. Н. Клюкиным. Читателям журнала «Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика» предлагается именно версия перевода 2010 г., за исключением сносок с комментариями переводчика и редактора, опущенных из-за ограниченного объема журнала.

edonistica), самый фундамент этого построения подвергся сильным нападкам; поэтому сомнительно, можно ли сейчас считать положение этой теории господствующим, несмотря ни то что противники ее далеки от согласия между собой. Но если мы возьмем за основу теории понятие удовольствия и неудовольствия или понятие желания, то окажемся на позициях, открытых сильным нападкам. Изучая соответственные проблемы, мы должны будем распространить наше исследование на всю обширную область психологии и философии без надежды добиться в настоящее время или же в более или менее близком будущем таких результатов, которые могли бы сгладить глубокие различия между ныне существующими взглядами. Отсюда следует, что если мы хотим подвести под экономическую науку (*la scienza economica*) надежную базу, то мы должны сделать ее совершенно независимой от психологических утверждений и философских гипотез. С другой стороны, так как в основе современной экономии лежит фундаментальное понятие полезности, представляется неуместным обойти всякие связи, существующие между наблюдаемыми и измеримыми фактами (*fatti visibili e misurabili*) поведения людей и психическими явлениями, которые представляются как их регуляторы. Поэтому определение полезности должно быть построено так, чтобы сделать его логически независимым от всякой спорной гипотезы или понятия, однако [при этом] не исключая возможности сколь угодно углубленного исследования тех соотношений, которые существуют между поведением индивида и его психическим бытием (*la vita psichica*).

Наиболее строгая концепция полезности принадлежит [В.] Парето [2].

Совершенно формальный характер этой концепции и полная независимость от какой-либо философской или психологической гипотезы позволяют видеть в ней прочную базу для построения нашей теории. Все же эту концепцию нельзя рассматривать как достаточно хорошо определенную (*ben definita*). Строго говоря, она состоит не из одного понятия, а из двух различных понятий, которые представляются между собой внутренне не связанными. Первым из них является понятие полезности (*ofelimità*) как удовольствия, которое испытывает индивидуум от добавочной дозы какого-либо данного блага. Это понятие чисто психологическое и не отличается от обычного, достаточно спорного, гедонистического понятия Госсена, Девонса и других. В теории Парето это первое понятие остается, однако, почти без всякого применения.

Совсем иное дело — другое понятие, а именно понятие функции показателя полезности (*una funzione indice di utilità*). Оно представляется счастливо [найденным] (*felice*) построением, совершенно строгим и абстрактным. Мы используем его как основу (*al principio*) для наших рассуждений, но нужно заметить, что, придерживаясь определения Парето, мы не сможем найти ни одной точки соприкосновения между экономией и психологией; в силу этого по какой-либо частной функции (*in una funzione individuata*), основанной на эмпирических данных, невозможно восстановить с однозначной определенностью функцию Парето. Несмотря на это, мы возьмем за исходную точку это [второе] понятие; впоследствии мы увидим, что окажется возможным дойти до другого, лучшего определения.

2. Функция полезности

Оттолкнемся от следующего определения: полезность какой-либо комбинации благ есть величина, которая обладает свойством принимать тем большие значения, чем в большей мере эта комбинация оказывается предпочтительной для рассматриваемого индивида.

Под предпочтительной комбинацией мы подразумеваем такую, к которой индивид переходит, покидая другую, в том случае, если он имеет возможность выбора между двумя комбинациями. Только в том случае, если индивид, располагая комбинацией А, не переходит к комбинации В и, наоборот, — располагая В, не переходит к А, — полезность двух комбинаций должна рассматриваться как имеющая одну и ту же величину.

Анализ определения полезности приводит к следующим заключениям: прежде всего, ясно, что субъект все время (*sempre*) стремится отбросить одну комбинацию, чтобы перейти к другой, полезность которой выше. Это предложение, являющееся самоочевидным следствием самого определения, можно рассматривать как положение (*теорема*), [справедливое] без ограничений. Кроме того, ясно, что единственно возможное состояние, в котором бюджет индивида мог бы оставаться неизменным (*immobile*), хотя бы на короткое время — это то, в котором теперешняя полезность [бюджета потребителя] обладает одинаковой или наибольшей величиной среди всех ближайших к нему состояний. Такое состояние, если [оно] наступает, можно назвать состоянием равновесия. Оно будет *устойчивым*, если всякое отступление от него стремится уменьшить полезность, и *неустойчивым* в противном случае. Однако на практике, когда каждый индивидуальный бюджет [3] подвергается бесчисленным воздействиям, которые непрестанно нарушают его равновесие, очевидно, могут существовать фактически *одни лишь устойчивые бюджеты*; поэтому выяснение условий устойчивости представляет собой задачу величайшей важности в теории индивидуальных бюджетов.

Что касается функции полезности, то отметим, что ее можно логически рассматривать как эмпирически данную, невзирая на то, что эксперименты, с помощью которых ее можно было бы непосредственно построить, практически неосуществимы. Лишь после того, как теория бюджета [потребителя] будет развита полностью, можно будет приступить к разрешению проблемы определения функции полезности при помощи доступных с практической точки зрения средств, таких как изменения спроса в виде функции дохода и цен.

Каковы бы ни были данные, используемые для построения функции полезности, имеются случаи (и они являются преобладающими), когда эта функция не может быть определена однозначно. Этот вопрос был изучен Парето, и мы не собираемся производить полного пересмотра его выводов; попытаемся лишь установить условия однозначной определяемости второй производной от функции полезности. Как будет видно далее, эта проблема тесно связана с проблемой возможности установить соответствие между формальной и психологической точками зрения на проблему полезности.

Итак, установим те предпосылки, на которых построена теория бюджета [потребителя]:

- 1) предпосылка непрерывности как самой функции полезности, так и ее производных, по крайней мере, первых двух порядков;
 - 2) предпосылка, что характер функции полезности не претерпевает изменений в течение рассматриваемого промежутка времени;
- (Обе эти предпосылки, вероятно, окажутся приближенно осуществленными в опыте, если мы вместо отдельного индивида рассмотрим целую группу, применяя при исследовании статистические методы.)
- 3) предпосылка, что прирост полезности при переходе от одной комбинации благ к другой не зависит от способа перехода. На языке математики это сводится к условию:

$$\frac{\partial^2 U}{\partial x_1 \partial x_2} = \frac{\partial^2 U}{\partial x_2 \partial x_1},$$

и мы впоследствии увидим, как это можно проверить эмпирически.

Поскольку мы намерены исследовать проблему в наиболее общем виде, функция полезности не должна быть подчинена никаким дальнейшим ограничениям. Если мы положим $U = \psi(x_1, x_2, \dots, x_n)$, (где x_1, x_2, \dots, x_n — количества различных благ, потребленных субъектом за данный интервал времени, а U — полезность, полученная самим субъектом при посредстве данной комбинации благ), то предельная полезность какого-либо блага, например блага i , представится первой частной производной $u_i = \frac{\partial \psi}{\partial x_i}$.

[4] Мы вправе считать ее всегда положительной, если, как в настоящем исследовании, ограничиваемся теорией бюджета *потребителя*, и поэтому рассматриваем лишь те блага, которые желательны в положительном смысле слова. Под желательностью (*desiderabilità*) блага подразумеваем тот факт, что индивид предпочитает наличие самого блага или увеличение [количества] блага его отсутствию.

Производные второго порядка той же функции показывают зависимость предельной полезности данного блага от количества его же самого или же от количества другого блага:

$$u_{ii} = \frac{\partial^2 \psi}{\partial x_i^2}, u_{ij} = \frac{\partial^2 \psi}{\partial x_i \partial x_j}.$$

Что касается закона Госсена (о насыщении потребностей), то мы должны рассматривать его просто как эмпирическое обобщение, которое до сего времени лишено строгого доказательства. Поэтому мы им пренебрегаем; и будем рассматривать блага двоякого рода: такие, предельная полезность которых снижается с увеличением их количества ($u_{ii} < 0$), которые мы будем называть благами *насыщающими* (*sazianti*), и такие, предельная полезность которых в тех же условиях увеличивается ($u_{ii} > 0$), которые назовем благами *ненасыщающими* (*non sazianti*).

3. Об устойчивости равновесия бюджета потребителя

Пусть s — доход какого-либо индивида, p_1, p_2, \dots, p_n — цены благ, которые он купил, x_1, x_2, \dots, x_n — купленные им количества. Тогда имеем:

$$p_1x_1 + p_2x_2 + \dots + p_nx_n = s. \quad (1)$$

Мы уже видели, что для устойчивости бюджета нужно, чтобы функция полезности имела наибольшую величину; речь идет, очевидно, о той наибольшей величине, которую можно совместить с уравнением (1). Известно, однако, что из того же условия (*codesta condizione*) получаются:

1. Уравнения:

$$\frac{u_1}{p_1} = \frac{u_2}{p_2} = \dots = \frac{u_n}{p_n} = u', \quad (2)$$

где u' представляет собой предельную полезность денег.

2. Неравенство:

$$d^2U = u_{11}dx_1^2 + u_{22}dx_2^2 + \dots + 2u_{12}dx_1dx_2 + \dots < 0. \quad (3)$$

Если положим, что:

$$dx_i = c_{i1}d\xi_1 + c_{i2}d\xi_2 + \dots + c_{in}d\xi_n, \quad (4)$$

где

$$\begin{aligned} c_{ik} &= 0 \text{ при } i > k, \\ c_{ik} &= 1 \text{ при } i = k, \end{aligned} \quad (5)$$

и подставим эти значения в (4) и (3), можно будет коэффициенты c_{ik} определить таким образом, чтобы коэффициенты всех произведений [в (3)] оказались равными нулю.

Таким путем получим:

$$[5] \quad d^2U = A_1d\xi_1^2 + A_2d\xi_2^2 + \dots + A_nd\xi_n^2, \quad (6)$$

где величины $d\xi_1, d\xi_2, \dots, d\xi_n$ связаны между собой линейным уравнением:

$$B_1d\xi_1 + B_2d\xi_2 + \dots + B_nd\xi_n = 0. \quad (7)$$

Чтобы определить коэффициенты B_1, B_2, \dots, B_n в виде функций от c_{ik} , продифференцируем уравнение (1) и подставим на место dx_1, dx_2, \dots, dx_n их выражения, взятые из (4). Приняв во внимание условия (5), получим:

$$\left\{ \begin{aligned} B_1 &= p_1 \\ B_2 &= p_1c_{12} + p_2, \\ B_3 &= p_1c_{13} + p_2c_{23} + p_3, \\ &\dots\dots\dots \\ B_n &= p_1c_{1n} + p_2c_{2n} + \dots + p_{n-1}c_{n-1,n} + p_n. \end{aligned} \right. \quad (8)$$

Как вычислить c_{ik} , будет показано в следующем параграфе. Из анализа формулы (6) можно легко сделать следующие выводы:

1. Если все величины A_1, A_2, \dots, A_n отрицательны, то и d^2U тоже отрицательно;
2. Если две или больше величин среди A_1, A_2, \dots, A_n положительны, то d^2U не может быть отрицательным для всех [возможных] значений $d\xi_1, d\xi_2, \dots, d\xi_n$;
3. Если среди величин A_1, A_2, \dots, A_n лишь одна A_i положительна, то этот случай требует дальнейшего исследования.

Положим, что:

$$A_1 > 0, A_1 < 0, A_2 < 0, \dots, A_{i-1} < 0, A_{i+1} < 0, \dots, A_n < 0.$$

Если $d\xi_i = 0$, то $d^2U < 0$; поэтому остается рассмотреть лишь тот случай, когда $d\xi_i$ отлично от нуля.

В этом случае выражения (6) и (7) можно разделить соответственно на $d\xi_i^2$ и на $d\xi_j$, получаем:

$$d^2U = d\xi_i^2 (A_1 \eta_1^2 + A_2 \eta_2^2 + \dots + A_{i-1} \eta_{i-1}^2 + A_i + A_{i+1} \eta_{i+1}^2 + \dots + A_n \eta_n^2) < 0 \quad (9)$$

и:

$$B_1 \eta_1 + B_2 \eta_2 + \dots + B_{i-1} \eta_{i-1} + B_i + B_{i+1} \eta_{i+1} + \dots + B_n \eta_n = 0, \quad (10)$$

где:

$$\eta_k = \frac{d\xi_k}{d\xi_j}.$$

Из (9) выводим, что d^2U может всегда оставаться отрицательным лишь в том случае, если наибольшее значение величины

$$A_1 \eta_1^2 + A_2 \eta_2^2 + \dots + A_{i-1} \eta_{i-1}^2 + A_i + A_{i+1} \eta_{i+1}^2 + \dots + A_n \eta_n^2 \quad (11)$$

[6] отрицательно. Обозначим значение выражения (11) для краткости символом Y , продифференцировав вспомогательное выражение:

$$Z = Y - 2\lambda(B_1 \eta_1 + B_2 \eta_2 + \dots + B_{i-1} \eta_{i-1} + B_i + B_{i+1} \eta_{i+1} + \dots + B_n \eta_n),$$

получим:

$$\frac{1}{2} \frac{dZ}{d\eta_1} = A_1 \eta_1 - \lambda B_1 = 0, \quad \frac{1}{2} \frac{dZ}{d\eta_2} = A_2 \eta_2 - \lambda B_2 = 0, \text{ и т.д.};$$

отсюда:

$$\eta_1 = \lambda \frac{B_1}{A_1}, \quad \eta_2 = \lambda \frac{B_2}{A_2}, \dots, \quad \eta_{i-1} = \lambda \frac{B_{i-1}}{A_{i-1}}, \quad \eta_{i+1} = \lambda \frac{B_{i+1}}{A_{i+1}}, \dots, \quad \eta_n = \lambda \frac{B_n}{A_n}. \quad (12)$$

Подставляя эти значения в (10), найдем λ :

$$\lambda = - \frac{B_i}{\frac{B_1^2}{A_1} + \frac{B_2^2}{A_2} + \dots + \frac{B_{i-1}^2}{A_{i-1}} + \frac{B_{i+1}^2}{A_{i+1}} + \dots + \frac{B_n^2}{A_n}}. \quad (13)$$

Подстановка же (12) и (13) в (11) даст наибольшее значение Y в виде:

$$\begin{aligned}
 Y_{\max} &= A_i + \lambda^2 \left(\frac{B_1^2}{A_1} + \frac{B_2^2}{A_2} + \dots + \frac{B_{i-1}^2}{A_{i-1}} + \frac{B_{i+1}^2}{A_{i+1}} + \dots + \frac{B_n^2}{A_n} \right) = \\
 &= A_i \frac{\frac{B_1^2}{A_1} + \frac{B_2^2}{A_2} + \dots + \frac{B_n^2}{A_n}}{\frac{B_1^2}{A_1} + \frac{B_2^2}{A_2} + \dots + \frac{B_{i-1}^2}{A_{i-1}} + \frac{B_{i+1}^2}{A_{i+1}} + \dots + \frac{B_n^2}{A_n}}. \tag{14}
 \end{aligned}$$

Отсюда легко усмотреть, что если A_i положительно, то может быть отрицательным только в том случае, если:

$$\Omega = \frac{B_1^2}{A_1} + \frac{B_2^2}{A_2} + \dots + \frac{B_n^2}{A_n} > 0. \tag{15}$$

Таким образом, мы определили все условия, при соблюдении которых бюджет устойчив. Я предлагаю называть *нормальным* такой бюджет, для которого все A_i меньше нуля. Он всегда устойчив, если первое условие равновесия (2) соблюдено, и мы имеем $\Omega < 0$.

Напротив, назовем бюджет *анормальным*, для которого лишь одна из величин A_i положительна. Условия его устойчивости даются соотношениями (2) и (15), т.е. первым условием равновесия и неравенством $\Omega > 0$.

Наконец, если две или больше величин A_i положительны, то бюджет ни в каком случае не может быть устойчивым.

4. Определение величин c_{ik} , A_i и B_i

[7] Из (4) следует, что:

$$\begin{aligned}
 dx_i^2 &= \sum_k (c_{ik}^2 d\xi_k^2) + \sum_k \sum_l (c_{ik} c_{il} d\xi_k d\xi_l) \\
 &\quad k \neq l \\
 dx_i dx_j &= \sum_k (c_{ik} c_{jk} d\xi_k^2) + \sum_k \sum_l (c_{ik} c_{jl} d\xi_k d\xi_l). \\
 &\quad k \neq l
 \end{aligned}$$

Подставляя это выражение в (3), получаем коэффициент при $d\xi_i^2$:

$$\begin{aligned}
 A_i &= c_{li} (u_{1l} c_{li} + u_{2l} c_{2l} + \dots + u_{nl} c_{ni}) + \\
 &\quad c_{2i} (u_{21} c_{1i} + u_{22} c_{2i} + \dots + u_{2n} c_{ni}) + \\
 &\quad + \dots + \\
 c_{ni} &(u_{n1} c_{1i} + u_{n2} c_{2i} + \dots + u_{nn} c_{ni}) = 0
 \end{aligned} \tag{16}$$

и половину коэффициента от $d\xi_i d\xi_j$:

$$\begin{aligned}
 A_{ij} = c_{1i} (u_{11}c_{1j} + u_{12}c_{2j} + \dots + u_{1n}c_{nj}) + & \quad (17) \\
 c_{2i} (u_{21}c_{1j} + u_{22}c_{2j} + \dots + u_{2n}c_{nj}) + \\
 + \dots \dots \dots + \\
 c_{ni} (u_{n1}c_{1j} + u_{n2}c_{2j} + \dots + u_{nn}c_{nj}) = 0.
 \end{aligned}$$

Припоминая условия (5), получим из (17) следующую систему из $\frac{n(n-1)}{2}$ уравнений:

$$\begin{aligned}
 [n-1] \left\{ \begin{aligned} & u_{11}c_{12} + u_{12} = 0 && \text{ибо } A_{12} = 0, \\ & u_{11}c_{13} + u_{12}c_{23} + u_{13} = 0 && \text{ибо } A_{13} = 0, \\ & \dots \dots \dots \\ & u_{11}c_{1n} + u_{12}c_{2n} + u_{13}c_{3n} + \dots + u_{1n} = 0 && \text{ибо } A_{1n} = 0, \end{aligned} \right. \\
 [n-2] \left\{ \begin{aligned} & u_{11}c_{12} + u_{12} = 0 && \text{ибо } A_{23} = 0, \\ & u_{11}c_{13} + u_{12}c_{23} + u_{13} = 0 && \text{ибо } A_{24} = 0, \\ & \dots \dots \dots \\ & u_{11}c_{1n} + u_{12}c_{2n} + u_{13}c_{3n} + \dots + u_{1n} = 0 && \text{ибо } A_{2n} = 0, \end{aligned} \right. \quad (18)
 \end{aligned}$$

[2]

$$\begin{aligned}
 \left\{ \begin{aligned} & u_{n-2,1}c_{1,n-1} + u_{n-2,2}c_{2,n-1} + \dots + u_{n-2,n-2}c_{n-2,n-1} + u_{n-2,n-1} = 0 && \text{ибо } A_{23} = 0, \\ & u_{n-2,1}c_{1,n} + u_{n-2,2}c_{2,n} + \dots + u_{n-2,n-1}c_{n-1,n} + u_{n-2,n} = 0 && \text{ибо } A_{24} = 0, \end{aligned} \right. \\
 [1] \left\{ \begin{aligned} & u_{n-1,1}c_{1,n} + u_{n-1,2}c_{2,n} + \dots + u_{n-1,n-1}c_{n-1,n} + u_{n-1,n} = 0 && \text{ибо } A_{23} = 0, \end{aligned} \right.
 \end{aligned}$$

[8] Эта система составлена из различных независимых друг от друга линейных систем (I, $A_{12} = 0$; II, $A_{13} = 0, A_{23} = 0$; III, $A_{14} = 0, A_{24} = 0, A_{34} = 0$; и т.д.), которые легко решаются.

Составим [определитель]:

$$R_1 = \begin{vmatrix} u_{11} & u_{12} & \dots & u_{1i} \\ u_{21} & u_{22} & \dots & u_{2i} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ u_{i1} & u_{i2} & \dots & u_{ii} \end{vmatrix}, \quad (19)$$

где $u_{kl} = u_{lk}$; и пусть $R_{i(kl)} = R_{i(kl)}$ — миноры от R_i . Из (18) получаем:

$$c_{ij} = \frac{R_{j(ij)}}{R_{j(jj)}} = \frac{R_{j(ij)}}{R_{j-1}}. \quad (20)$$

Возвращаясь к (16), заметим, что в силу условий (5) все строки от $(i + 1)$ до n аннулируются (si annullano), а в силу (18) аннулируются также и строки от 1 до $(i - 1)$. Отсюда имеем:

$$A_i = u_{i1}c_{1i} + u_{i2}c_{2i} + \dots + u_{ii} = \frac{1}{R_{i-1}}(u_{i1}R_{i(1)} + u_{i2}R_{i(2)} + \dots + u_{ii}R_{i(ii)}) = \frac{R_i}{R_{i-1}}. \quad (21)$$

Если затем положим, что:

$$H_{i(j)} = \begin{vmatrix} u_{11} & u_{12} & \dots & u_{1,j-1} & p_1 & u_{1,j+1} & \dots & u_{1i} \\ u_{21} & u_{22} & \dots & u_{2,j-1} & p_2 & u_{2,j+1} & \dots & u_{2i} \\ \dots & \dots \\ u_{i1} & u_{i2} & \dots & u_{i,j-1} & p_i & u_{i,j+1} & \dots & u_{ii} \end{vmatrix} = \\ = p_1 R_{i(1j)} + p_2 R_{i(2j)} + \dots + p_i R_{i(ij)}, \quad (22)$$

то найдем с помощью (8):

$$B_i = \frac{1}{R_{i-1}}(p_1 R_{i(1i)} + p_2 R_{i(2i)} + \dots + p_i R_{i(i)}) = \frac{H_{i(i)}}{R_{i-1}}. \quad (23)$$

Примем во внимание, что формулы (21) и (23) сохраняют всю свою общность, если положим $1 = R_0$; в таком случае (как это непосредственно следует из (8) и (16), получим $A_1 = \frac{R_1}{R_0} = u_{11}$ и $B_1 = \frac{H_{1(1)}}{R_0} = p_1$.

5. Определение значения Ω

Подставляя выражения (21) и (23) в (15), получаем:

$$\Omega = \frac{H_{1(1)}^2}{R_0 R_1} + \frac{H_{2(2)}^2}{R_1 R_2} + \dots + \frac{H_{n(n)}^2}{R_{n-1} R_n}. \quad (24)$$

[9] Обозначая эту величину символом Ω_n , покажем, что ее можно представить в более симметричной форме. Начнем с того, что положим:

$$M_i = \begin{vmatrix} 0 & p_1 & p_2 & \dots & p_i \\ p_1 & u_{11} & u_{12} & \dots & u_{2i} \\ p_2 & u_{21} & u_{22} & \dots & u_{2i} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ p_i & u_{i1} & u_{i2} & \dots & u_{ii} \end{vmatrix} = p_1 H_{i(1)} + p_2 H_{i(2)} + \dots + p_i H_{i(i)}. \quad (25)$$

Тогда будем иметь:

$$\Omega_2 = \frac{H_{1(1)}^2}{R_0 R_1} + \frac{H_{2(2)}^2}{R_1 R_2} = \frac{p_1^2}{u_{11}} + \frac{(p_2 u_{11} - p_1 u_{12})^2}{u_{11}(u_{11} u_{22} - u_{12}^2)} = \frac{p_1^2 u_{22} + p_2^2 u_{11} - 2 p_1 p_2 u_{12}}{u_{11} u_{22} - u_{12}^2} = -\frac{M_2}{R_2}. \quad (26)$$

Предыдущий, только что найденный результат можно обобщить. Для этого достаточно показать, что если он верен для Ω_i , то он будет справедлив и для Ω_{i+1} ; так что:

$$\begin{aligned}\Omega_{i+1} &= \frac{H_{1(1)}^2}{R_0 R_1} + \frac{H_{2(2)}^2}{R_1 R_2} + \dots + \frac{H_{i(i)}^2}{R_{i-1} R_i} + \frac{H_{(i+1),(i+1)}^2}{R_i R_{i+1}} = \\ &= -\frac{M_i}{R_i} + \frac{H_{(i+1),(i+1)}^2}{R_i R_{i+1}} = -\frac{M_i R_{i+1} - H_{(i+1),(i+1)}^2}{R_i R_{i+1}}.\end{aligned}\quad (27)$$

Чтобы преобразовать числитель в другую форму, применим известную формулу теории определителей:

$$\Delta_{ij} \Delta_{kl} - \Delta_{ik} \Delta_{jl} = \Delta \Delta_{(ij)(kl)}, \quad (28)$$

где величины, стоящие в левой части (*del primo membro*), — миноры первого порядка определителя Δ (первый значок соответствует вычеркиваемой строке, а второй — столбцу), а $\Delta_{(ij)(kl)}$ — минор второго порядка, получающийся путем зачеркивания строк i и k и столбцов j и l .

Обозначим затем через $M_{i(kk)}$ и через $M_{i(kl)}$ миноры [определителя] M_i , корреспондирующие соответственно с элементами u_{kk} и u_{kl} , а через $M_{i(00)}$, $M_{i(01)}$, $M_{i(02)}$, ..., а также $M_{i(00)}$, $M_{i(10)}$, $M_{i(20)}$, ..., — миноры первой строки и первого столбца.

Имеем:

$$\begin{cases} M_i = M_{(i+1),(i+1,i+1)}, \\ R_i = M_{i(00)} = M_{(i+1),(i+1,i+1)(00)}, \\ H_{(i+1),(i+1)} = -M_{(i+1),(0,i+1)} = -M_{(i+1),(i+1,0)}. \end{cases} \quad (29)$$

Пользуясь этой [символьной] нотацией и вспоминая (28), легко найдем:

$$\begin{aligned}[10] \quad M_i R_{i+1} - H_{(i+1),(i+1)}^2 &= M_{(i+1),(i+1,i+1)} M_{(i+1),(00)} - M_{(i+1),(i+1,0)} M_{(i+1),(i+1,0)} = \\ &= M_{i+1} M_{(i+1),(i+1,i+1)(00)} = M_{i+1} R_i;\end{aligned}\quad (30)$$

а отсюда, подставляя в (27) предыдущее значение (*valore*), [получаем]:

$$\Omega_{i+1} = -\frac{M_{i+1}}{R_{i+1}}. \quad (31)$$

Мы уже видели, что эта формула правильна для Ω_2 ; тем самым доказана ее справедливость (*validità generale*) [для любого n]. Таким образом:

$$\Omega_n = -\frac{M_n}{R_n}, \quad (32)$$

или более кратко:

$$\Omega = -\frac{M}{R}. \quad (32')$$

6. Изменения в индивидуальном спросе

Из (2) следует, что:

$$u_1 = p_1 u', \quad u_2 = p_2 u', \dots, \quad u_n = p_n u'. \quad (33)$$

7. Изменения спроса как функции цены

Беря производные от уравнений (33) по p_i , получаем:

$$\left\{ \begin{array}{l} u_{11} \frac{\partial x_1}{\partial p_i} + u_{12} \frac{\partial x_2}{\partial p_i} + \dots + u_{1n} \frac{\partial x_n}{\partial p_i} = p_1 \frac{\partial u'}{\partial p_i}, \\ u_{21} \frac{\partial x_1}{\partial p_i} + u_{22} \frac{\partial x_2}{\partial p_i} + \dots + u_{2n} \frac{\partial x_n}{\partial p_i} = p_2 \frac{\partial u'}{\partial p_i}, \\ \dots \dots \dots \\ u_{i1} \frac{\partial x_1}{\partial p_i} + u_{i2} \frac{\partial x_2}{\partial p_i} + \dots + u_{in} \frac{\partial x_n}{\partial p_i} = p_i \frac{\partial u'}{\partial p_i} + u', \\ \dots \dots \dots \\ u_{n1} \frac{\partial x_1}{\partial p_i} + u_{n2} \frac{\partial x_2}{\partial p_i} + \dots + u_{nn} \frac{\partial x_n}{\partial p_i} = p_n \frac{\partial u'}{\partial p_i}, \end{array} \right. \quad (39)$$

[12] и поэтому:

$$\left\{ \begin{array}{l} R_n \frac{\partial x_i}{\partial p_i} = H_{n(i)} \frac{\partial u'}{\partial p_i} + u' R_{n(ii)}, \\ R_n \frac{\partial x_j}{\partial p_i} = H_{n(j)} \frac{\partial u'}{\partial p_i} + u' R_{n(ij)}. \end{array} \right. \quad (40)$$

Дифференцируя далее обе части (1) по p_i , имеем:

$$p_1 \frac{\partial x_1}{\partial p_i} + p_2 \frac{\partial x_2}{\partial p_i} + \dots + p_n \frac{\partial x_n}{\partial p_i} = -x; \quad (41)$$

и подставляя (40) в (41), введем в целях симметрии обозначение $-M_{n(0i)}$ вместо $H_{n(i)}$ и получаем:

$$\frac{\partial u'}{\partial p_i} = \frac{u' M_{n(0i)} - x_i R_n}{M_n}. \quad (42)$$

Подставляя затем найденное предыдущее выражение в (40), находим:

$$\frac{\partial x_i}{\partial p_i} = u' \frac{R_{n(ii)} M_n + M_{n(0i)}^2}{R_n M_n} - x_i \frac{M_{n(0i)}}{M_n}, \quad (43)$$

$$\frac{\partial x_j}{\partial p_i} = u' \frac{R_{n(ij)} M_n + M_{n(0i)} M_{n(0j)}}{R_n M_n} - x_j \frac{M_{n(0j)}}{M_n}. \quad (44)$$

С помощью преобразований, аналогичных примененным в п. 5, можно заметно упростить эти выражения. На самом деле, имеем:

$$R_{n(ii)} M_n + M_{n(0i)}^2 = M_{n(00(ii))} M_n + M_{n(0i)} M_{n(0i)} = M_{n(00)} M_{n(ii)} = R_n M_{n(ii)};$$

$$R_{n(ij)} M_n + M_{n(0i)} M_{n(0j)} = M_{n(00(ij))} M_n + M_{n(0i)} M_{n(0j)} = M_{n(00)} M_{n(ij)} = R_n M_{n(ij)},$$

получаем для (43) и (44):

$$\begin{cases} \frac{\partial x_i}{\partial p_i} = u' \cdot \frac{M_{ii}}{M} - x_i \frac{M_{0i}}{M}, \\ \frac{\partial x_j}{\partial p_i} = u' \cdot \frac{M_{ij}}{M} - x_i \frac{M_{0j}}{M}; \end{cases} \quad (45)$$

[13] т.е., основываясь на (38):

$$\frac{\partial x_i}{\partial p_i} = u' \cdot \frac{M_{ii}}{M} - x_i \frac{\partial x_i}{\partial s}, \quad (46)$$

$$\frac{\partial x_j}{\partial p_i} = u' \cdot \frac{M_{ij}}{M} - x_i \frac{\partial x_j}{\partial s}. \quad (47)$$

8. Зависимость спроса на какое-либо благо от его цены

Изучим теперь формулу (46) и начнем с доказательства того, что всегда справедливо неравенство:

$$\frac{M_{ii}}{M} < 0. \quad (48)$$

Для этого нам необходимо проанализировать в отдельности оба случая бюджета: нормального и аномального.

I. *Бюджет нормальный.* Пользуясь обозначениями п. 5, [формулами (32) и (21)], имеем:

$$\frac{\Omega_{n-1}}{\Omega_n} = \frac{M_{n-1}}{M_n} \frac{R_n}{R_{n-1}} = \frac{M_{n-1}}{M_n} A_n.$$

Так как [при нормальном бюджете] все A_i отрицательны, а также отрицательны как Ω_{n-1} , так и Ω_n , то должно быть:

$$\frac{M_{n-1}}{M} < 0.$$

II. *Бюджет аномальный.* Будем различать два случая:

а) если $A_n > 0$, то $\Omega_{n-1} < 0$, $\Omega_n > 0$; и поэтому $\frac{M_{n-1}}{M} < 0$,

б) если $A_n < 0$, то $\Omega_{n-1} > 0$, $\Omega_n < 0$; и поэтому $\frac{M_{n-1}}{M} < 0$.

Ясно, что порядок рассмотрения благ безразличен; поэтому благо со значком i может быть поставлено после блага со значком n . И тогда получим:

$$\begin{aligned} M_n &= (0, u_{i1}, u_{22}, \dots, u_{nn}) = (0, u_{i1}, u_{22}, \dots, u_{i-1, j-1}, u_{i+1, j+1}, \dots, u_{nn} u_{ii}), \\ M_{n(i)} &= (0, u_{i1}, u_{22}, \dots, u_{i-1, j-1}, u_{i+1, j+1}, \dots, u_{nn}), \end{aligned}$$

что при каждом значении для нового расположения системы занимает место M_{n-1} . Поэтому окажется $\frac{M_{n-1}}{M} < 0$.

Таким образом, мы легко можем вывести из (46) следующие законы спроса:

[14] I. *Спрос на благо, относительно необходимое* $\left(\frac{\partial x_i}{\partial s} > 0\right)$, с необходимостью всегда нормален, т.е. уменьшается, если цены на него возрастают, и увеличивается, если цены падают;

II. *Спрос на благо, относительно не необходимое* $\left(\frac{\partial x_i}{\partial s} < 0\right)$, может в некоторых определенных случаях быть аномальным, т.е. увеличиваться с возрастанием цены и уменьшаться с ее понижением.

Теперь положим [в (46) и (47)]:

$$k_{ii} = u' \cdot \frac{M_{ii}}{M} = \frac{\partial x_i}{\partial p_i} + x_i \frac{\partial x_i}{\partial s}, \quad (49)$$

$$k_{ij} = u' \cdot \frac{M_{ij}}{M} = \frac{\partial x_j}{\partial p_i} + x_i \frac{\partial x_j}{\partial s}. \quad (50)$$

Можно показать, что неравенство (48) имеет вполне определенный экономический смысл. На самом деле, если цены увеличиваются на dp_i , то величину $x_i dp_i$ можно назвать *кажущимся убытком* (disavanzo apparente), так как для того, чтобы иметь возможность купить те же количества всех тех же благ, что и раньше, доход должен увеличиться на $ds = x_i dp_i$. Но индивид для того, чтобы иметь возможность сохранить неизменным (immutato) свой прежний бюджет, не должен, однако, считать его предпочтительным по сравнению со всеми другими. Будут иметь место различные остаточные изменения (variazioni residue) в спросе:

$$\begin{cases} dx_i = \frac{\partial x_i}{\partial p_i} dp_i + \frac{\partial x_i}{\partial s} ds = \left(u' \cdot \frac{M_{ii}}{M} - x_i \frac{\partial x_i}{\partial s}\right) dp_i + \frac{\partial x_i}{\partial s} (x_i dp_i) = u' \cdot \frac{M_{ii}}{M} dp_i = k_{ii} dp_i, \\ dx_j = \frac{\partial x_j}{\partial p_i} dp_i + \frac{\partial x_j}{\partial s} ds = \left(u' \cdot \frac{M_{ij}}{M} - x_j \frac{\partial x_j}{\partial s}\right) dp_i + \frac{\partial x_j}{\partial s} (x_i dp_i) = u' \cdot \frac{M_{ij}}{M} dp_i = k_{ij} dp_i. \end{cases} \quad (51)$$

Увеличение цены dp_i , сопровождаемое увеличением дохода, равным кажущемуся убытку, можно назвать *компенсированным изменением* (variazione compensata) цены. В этом случае k_{ii} и k_{ij} можно рассматривать как остаточные изменения спроса на каждое скомпенсированное изменение цены, и их можно назвать *остаточной изменчивостью* (variabilità residue) соответственно x_i и x_j .

Принимая эту терминологию, можно выразить неравенство (48) в следующей форме:

III. *Остаточная изменчивость какого-либо блага в случае компенсированного изменения его цены всегда отрицательна.* Иначе говоря:

$$k_{ii} = u' \cdot \frac{M_{ii}}{M} = \frac{\partial x_i}{\partial p_i} + x_i \frac{\partial x_i}{\partial s} < 0. \quad (52)$$

[15] Например, после вздорожания хлеба заработная плата возрастает лишь в размере, равном кажущемуся убытку, спрос же на хлеб со стороны рабочих не может остаться на первоначальном уровне, он понизится.

В заключение заметим, что если $\frac{\partial x_i}{\partial p_i}$ и $\frac{\partial x_i}{\partial s}$ имеют противоположные знаки, то формула (52) распадется на следующие неравенства между численными значениями производных:

$$\text{1-й случай } \frac{\partial x_i}{\partial s} > 0, \frac{\partial x_i}{\partial p_i} < 0; \text{ 2-й случай } \frac{\partial x_i}{\partial s} > 0, \frac{\partial x_i}{\partial p_i} < 0.$$

[Учитывая (52), получаем]

$$\left| \frac{\frac{\partial x_i}{\partial p_i}}{\frac{\partial x_i}{\partial s}} \right| > x_i, \quad (53)$$

$$\left| \frac{\frac{\partial x_i}{\partial p_j}}{\frac{\partial x_i}{\partial s}} \right| > x_i. \quad (54)$$

Последние формулы принадлежат к соотношениям такого рода, которые до сих пор почти не подвергались исследованию в общественной науке (scienza sociale); т.е. к таким, которые количественным образом определяются среди эмпирически измеримых данных (fatti empirici misurabili); поэтому их можно *проверить* (verificare) с помощью наблюдений реально существующих бюджетов.

9. Зависимость спроса на одно благо от цены другого

Согласно (47):

$$\frac{\partial x_j}{\partial p_i} = u' \frac{M_{ij}}{M} - x_i \frac{\partial x_j}{\partial s}, \quad \frac{\partial x_i}{\partial p_j} = u' \frac{M_{ji}}{M} - x_j \frac{\partial x_i}{\partial s}.$$

Так как M_{ij} равно M_{ji} , то, очевидно, $k_{ij} = k_{ji}$; или:

$$\frac{\partial x_j}{\partial p_i} + x_j \frac{\partial x_j}{\partial s} = \frac{\partial x_i}{\partial p_j} + x_j \frac{\partial x_i}{\partial s}. \quad (55)$$

Это важное соотношение может быть названо *законом взаимозаменяемости* (legge di riversibilità) остаточных изменений и выражено в следующей форме.

Остаточная изменчивость блага j в случае компенсированного изменения цены p, равна остаточной изменчивости блага i в случае компенсированного изменения цены p_j.

[Выражение] (55) входит в указанную выше группу количественным образом определяемых соотношений между величинами, которые могут быть установлены наблюдением (quantità osservabili). Его эмпирическое подтверждение особенно желательно, так как им будет показано соответствие гипотезы действительности, или, по крайней мере, [ее] правдоподобие, что приращения полезности не зависят от способа изменения (variazione). Ясно, в самом деле, что если эта гипотеза не соответствует реальным явлениям (fenomeni reali) бюджета,

[16] то u_{ij} окажется не равным u_{ji} , а также и M_{ij} окажется не равным M_{ji} , и закон взаимозаменяемости не будет обнаружен.

Продолжая исследование, напишем:

$$\begin{aligned} \frac{\partial x_i}{\partial p_1} &= u' \frac{M_{1i}}{M} - x_1 \frac{\partial x_i}{\partial S}, \\ \frac{\partial x_i}{\partial p_2} &= u' \frac{M_{2i}}{M} - x_2 \frac{\partial x_i}{\partial S}, \\ &\dots\dots\dots \\ \frac{\partial x_i}{\partial p_n} &= u' \frac{M_{ni}}{M} - x_n \frac{\partial x_i}{\partial S}. \end{aligned}$$

Умножая эти равенства соответственно на p_1, p_2, \dots, p_n и складывая их, получаем:

$$\begin{aligned} p_1 \frac{\partial x_i}{\partial p_1} + p_2 \frac{\partial x_i}{\partial p_2} + \dots + p_n \frac{\partial x_i}{\partial p_n} &= \frac{u'}{M} (p_1 M_{1i} + p_2 M_{2i} + \dots + p_n M_{ni}) - \\ &- (p_1 x_1 + p_2 x_2 + \dots + p_n x_n) \frac{\partial x_i}{\partial S}. \end{aligned}$$

Прибавив к многочлену в первой скобке $0 \times M_{0i}$, получим сумму миноров определителя M , соответствующих элементам столбца (i), умноженных на элементы столбца (0). Сумма эта, следовательно, равна нулю; и мы получаем следующее интересное соотношение:

$$p_1 \frac{\partial x_i}{\partial p_1} + p_2 \frac{\partial x_i}{\partial p_2} + \dots + p_n \frac{\partial x_i}{\partial p_n} = -s \frac{\partial x_i}{\partial S}. \quad (56)$$

Далее, на основании (55) напишем:

$$\begin{aligned} \frac{\partial x_i}{\partial p_j} - \frac{\partial x_j}{\partial p_i} &= x_i \frac{\partial x_j}{\partial S} - x_j \frac{\partial x_i}{\partial S}, \\ \frac{\partial x_i}{\partial p_k} - \frac{\partial x_k}{\partial p_i} &= x_i \frac{\partial x_k}{\partial S} - x_k \frac{\partial x_i}{\partial S}. \end{aligned}$$

Умножая первое уравнение на x_k , а второе на x_j и вычитая второе произведение из первого, выводим:

$$\begin{aligned} x_k \left(\frac{\partial x_i}{\partial p_j} - \frac{\partial x_j}{\partial p_i} \right) - x_j \left(\frac{\partial x_i}{\partial p_k} - \frac{\partial x_k}{\partial p_i} \right) &= \\ x_j \left(x_k \frac{\partial x_i}{\partial S} - x_j \frac{\partial x_k}{\partial S} \right) &= x_i \left(\frac{\partial x_k}{\partial p_j} - \frac{\partial x_j}{\partial p_k} \right); \end{aligned}$$

[17] отсюда получим

$$\frac{1}{x_i x_j} \frac{\partial x_j}{\partial p_j} + \frac{1}{x_j x_k} \frac{\partial x_j}{\partial p_k} + \frac{1}{x_k x_i} \frac{\partial x_k}{\partial p_i} = \frac{1}{x_i x_k} \frac{\partial x_i}{\partial p_k} + \frac{1}{x_k x_j} \frac{\partial x_i}{\partial p_j} + \frac{1}{x_j x_i} \frac{\partial x_j}{\partial p_i}. \quad (57)$$

$$\frac{p_1^2}{u_{11}} + \frac{p_2^2}{u_{22}} + \dots + \frac{p_n^2}{u_{nn}} < 0.$$

Но ввиду того, что, как мы увидим, левая часть (primo membro) этого неравенства есть не что иное, как наш критерий устойчивости, естественно, что бюджет Риччи оказывается неустойчивым. Так что вследствие роста цены и нарушения равновесия он не будет стремиться приближаться к сместившемуся положению (al punto spostato) наименьшей полезности, а [будет стремиться] к тому, чтобы от него удалиться. Поэтому, согласно теории равновесия, результат Риччи относится к такому случаю, который не может осуществиться в действительности (nella realtà), а потому не соответствует истине (al vero).

Развивая общую теорию, мы теперь без труда найдем теоретическое выражение и для рассматриваемого случая.

Из фундаментального выражения условий устойчивости [(3)]:

$$d^2U = u_{11}dx_1^2 + u_{22}dx_2^2 + \dots + u_{nn}dx_n^2 < 0,$$

с очевидностью вытекает, что:

- I. Бюджет устойчив, если все u_{ii} отрицательны;
- II. Если только одно из u_{ii} положительно, бюджет устойчив в случае, когда $\Omega > 0$, и неустойчив, когда $\Omega < 0$;
- III. Бюджет никогда не будет устойчивым, если более чем одно из u_{ii} положительно.

Применим метод п. 5 для определения Ω ; а именно тот, который облегчает вывод общей формулы, принимая во внимание, что все $u_{ij} = 0$. Отсюда имеем:

$$M = \begin{vmatrix} 0 & p_1 & p_2 & \dots & p_n \\ p_1 & u_{11} & 0 & \dots & 0 \\ p_2 & 0 & u_{22} & \dots & 0 \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ p_n & 0 & 0 & \dots & u_{nn} \end{vmatrix} = u_{11}u_{22}\dots u_{nn} \left(\frac{p_1^2}{u_{11}} + \frac{p_2^2}{u_{22}} + \dots + \frac{p_n^2}{u_{nn}} \right),$$

$$R = \begin{vmatrix} u_{11} & 0 & 0 & \dots & 0 \\ 0 & u_{22} & 0 & \dots & 0 \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ 0 & 0 & 0 & \dots & u_{nn} \end{vmatrix} = u_{11}u_{22}\dots u_{nn},$$

[19] и как следствие

$$\Omega = \frac{M}{R} = \frac{p_1^2}{u_{11}} + \frac{p_2^2}{u_{22}} + \dots + \frac{p_n^2}{u_{nn}}. \quad (59)$$

Аналогично получаем:

$$H_i = -M_{0i} = u_{11}u_{22}\dots u_{nn} \frac{p_i}{u_{ii}},$$

$$M_{ii} = -u_{i1}u_{i22}\dots u_{im} \frac{\Omega - \frac{p_i^2}{u_{ii}}}{u_{ii}},$$

$$M_{ij} = u_{i1}u_{i22}\dots u_{im} \frac{p_i p_j}{u_{ii} u_{jj}},$$

а отсюда [из формул (38), (46), (47)]:

$$\left\{ \begin{array}{l} \frac{\partial x_i}{\partial s} = \frac{p_i}{u_{ii} \Omega} \\ \frac{\partial x_i}{\partial p_i} = \frac{u' \left(\Omega - \frac{p_i^2}{u_{ii}} \right) - p_i x_i}{u_{ii} \Omega} \\ \frac{\partial x_j}{\partial p_i} = - \frac{p_j (u_i + x_i u_{ii})}{u_{ii} u_{jj} \Omega}. \end{array} \right. \quad (60)$$

Анализ полученной формулы приводит к следующим заключениям.

Если бюджет [потребителя] *нормальный*, то спрос на каждое благо увеличивается вместе с возрастанием дохода и уменьшается с ростом цены на это благо. Если бюджет является *анормальным*, то приращение дохода означает (determina) возрастание спроса для благ ненасыщающих и его уменьшение — для благ насыщающих. Кроме того, с увеличением цены блага ненасыщающего спрос на него должен всегда уменьшаться; противоположное может иметь место только в случае блага насыщающего. Насыщающие блага в рассматриваемом случае являются относительно не необходимыми (*relativamente dispensabili*), и результат согласуется с общими законами спроса, выведенными ранее.

11. Определение (возможное с помощью количественных эмпирических данных) второй производной от функции полезности

Величины $\frac{\partial x_1}{\partial s}, \frac{\partial x_2}{\partial s}, \dots, \frac{\partial x_n}{\partial s}$ и все количества вида $\frac{\partial x_i}{\partial p_i}$ и $\frac{\partial x_i}{\partial p_j}$ могут быть определены наблюдениями над реально существующими бюджетами; поэтому мы их будем рассматривать как данные, эмпирически [20] измеримые, и воспользуемся ими для определения u_{ii} и u_{ij} . С помощью принятой ранее системы символьной нотации и выполнения формул (38), (49) и (50) находим:

$$\left\{ \begin{array}{l} M_{0i} = M \frac{\partial x_i}{\partial s}, \\ M_{ii} = \frac{M}{u'} k_{ii}, \\ M_{ij} = \frac{M}{u'} k_{ij}. \end{array} \right. \quad (61)$$

Обозначая далее символом Δ определитель, образованный из миноров от M , найдем из известной формулы теории определителей:

$$\Delta = \begin{vmatrix} R & M_{01} & M_{02} & \dots & M_{0n} \\ M_{10} & M_{11} & M_{12} & \dots & M_{1n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ M_{n0} & M_{n1} & M_{n2} & \dots & M_{nn} \end{vmatrix} = M^n \quad (62)$$

и

$$0 = \frac{\Delta_{00}}{M^{n-1}}, p_i = \frac{\Delta_{0i}}{M^{n-1}}, u_{ii} = \frac{\Delta_{ii}}{M^{n-1}}, u_{ij} = \frac{\Delta_{ij}}{M^{n-1}}. \quad (63)$$

Подставим в Δ выражения для миноров, взятые из (61):

$$\Delta = \begin{vmatrix} R & M \frac{\partial x_1}{\partial s} & M \frac{\partial x_2}{\partial s} & \dots & M \frac{\partial x_n}{\partial s} \\ M \frac{\partial x_1}{\partial s} & \frac{M}{u'} k_{11} & \frac{M}{u'} k_{12} & \dots & \frac{M}{u'} k_{1n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ M \frac{\partial x_n}{\partial s} & \frac{M}{u'} k_{n1} & \frac{M}{u'} k_{n2} & \dots & \frac{M}{u'} k_{nn} \end{vmatrix} = \frac{M^{n+1}}{u^{n-1}} \begin{vmatrix} R & \frac{\partial x_1}{\partial s} & \frac{\partial x_2}{\partial s} & \dots & \frac{\partial x_n}{\partial s} \\ u' M & k_{11} & k_{12} & \dots & k_{1n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ \frac{\partial x_n}{\partial s} & k_{n1} & k_{n2} & \dots & k_{nn} \end{vmatrix}. \quad (64)$$

Полагая, для краткости:

$$\theta = \frac{-R}{u' M} = \frac{1}{u' \Omega} \quad (65)$$

$$[21] \quad N = \begin{vmatrix} -\theta & \frac{\partial x_1}{\partial s} & \frac{\partial x_2}{\partial s} & \dots & \frac{\partial x_n}{\partial s} \\ \frac{\partial x_1}{\partial s} & k_{11} & k_{12} & \dots & k_{1n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ \frac{\partial x_n}{\partial s} & k_{n1} & k_{n2} & \dots & k_{nn} \end{vmatrix}, \quad (66)$$

получаем из (62) и (64): $\Delta = \frac{M^{n+1}}{u^{n-1}} N = M^n$, а отсюда:

$$M = \frac{u^{n-1}}{N}. \quad (67)$$

Применяя тот же прием к минорам [определителя] Δ , находим:

$$\Delta_{00} = \frac{M^n}{u'^n} N_{00}, \Delta_{0i} = \frac{M^n}{u'^{n-1}} N_{0i}, \Delta_{ii} = \frac{M^n}{u'^{n-2}} N_{ii}, \Delta_{ij} = \frac{M^n}{u'^{n-2}} N_{ij}.$$

Подставляя эти значения в (63) и учитывая (67), получаем:

$$0 = \frac{N_{00}}{u'N}, p_i = \frac{N_{0i}}{N}, u_{ii} = u' \frac{N_{ii}}{N}, u_{ij} = \frac{N_{ij}}{N}. \quad (68)$$

Введем теперь величины:

$$P = \begin{vmatrix} 0 & \frac{\partial x_1}{\partial s} & \frac{\partial x_2}{\partial s} & \dots & \frac{\partial x_n}{\partial s} \\ \frac{\partial x_1}{\partial s} & k_{11} & k_{12} & \dots & k_{1n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ \frac{\partial x_n}{\partial s} & k_{n1} & k_{n2} & \dots & k_{nn} \end{vmatrix}$$

$$\text{и } Q = \begin{vmatrix} k_{11} & k_{12} & \dots & k_{1n} \\ k_{21} & k_{22} & \dots & k_{2n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ k_{n1} & k_{n2} & \dots & k_{nn} \end{vmatrix}, \quad (69)$$

которые можно полностью выразить с помощью эмпирических данных. Ввиду того, что $Q = N_{00} = 0$, как это следует из (68), находим [с учетом (66)] следующие окончательные формулы:

$$u_{ii} = u' \left(\frac{P_{ii}}{P} - \theta \frac{Q_{ii}}{P} \right), \quad (70)$$

$$u_{ij} = u' \left(\frac{P_{ij}}{P} - \theta \frac{Q_{ij}}{P} \right). \quad (71)$$

Чтобы показать, что это решение является окончательным, нужно доказать невозможность получить θ как функцию эмпирических данных.

Для этого предположим, что верно противное. Тогда [22] вторую производную функции полезности можно было бы выразить как функцию от u' и от количеств благ x_1, x_2, \dots, x_n ; и мы имели бы:

$$u_{i1} = u' \phi_1(x_1, x_2, \dots, x_n),$$

$$u_{i2} = u' \phi_2(x_1, x_2, \dots, x_n),$$

.....

$$u_{in} = u' \phi_n(x_1, x_2, \dots, x_n).$$

Кроме того, так как всегда возможно (по крайней мере, в теории) найти функции индивидуального спроса, то цены могли бы быть выражены как эмпирические функции количеств x_1, x_2, \dots, x_n . И можно написать, что:

$$u_i = u' p_i = u' f(x_1, x_2, \dots, x_n). \quad (72)$$

$$U_0 = \Phi(0, 0, \dots, 0) = 0.$$

Итак, мы видим, что если положить θ известной, то все предельные полезности и сама функции полезности могли бы быть однозначно определены как функции от эмпирических данных. Однако, поскольку этот вопрос полностью выяснен в исследованиях В. Парето, мы знаем, что когда все предельные полезности составляют, по предположению, функции от всех благ, то из этого невозможно получить однозначное решение (*la determinazione univoca*). Поэтому заключаем, что невозможно также определить и [величину] θ , и что ее нужно рассматривать как совершенно произвольную функцию от x_1, x_2, \dots, x_n .

12. О понятии полезности

То определение полезности, которое было дано в п. 2, будучи сформулировано в виде чисто эмпирического понятия, может служить нам основой для законченной (*dell'intera*) теории бюджета. Однако, поскольку остаются неопределенными величины предельных полезностей и их изменения, связанные с изменениями в количествах благ, обнаруживается неустранимое расхождение между двумя точками зрения на проблему полезности. В самом деле, поскольку величина θ произвольна, мы можем объяснять наблюдаемые и измеримые факты человеческого поведения (*fatti visibili e misurabili della condotta umana*), приписывая величине: $u_{ij} = \frac{P_{ij}}{P} - \theta \frac{Q_{ij}}{P}$ или величине: $u_{ij} = \frac{P_{ij}}{P} - \theta \frac{Q_{ij}}{P}$ любое значение по своему желанию: большее или меньшее, положительное или отрицательное. Окажется позволительно, таким образом, связать все факты моего экономического [24] поведения с какой угодно гипотезой относительно зависимости, скажем, например, между количеством яблок, мною съеденных, и предельной полезностью бумаги, на которой я собираюсь писать; предположим, что с потреблением одного лишнего яблока в месяц полезность листа бумаги увеличивается в тысячу раз или же становится в тысячу раз меньшей. Оба допущения придадут определенные значения всем величинам u_{ij} и u_{ij} ; и между обоими способами *объяснения* (*spiegazione*) не окажется никакого противоречия с действительными фактами поведения (*fatti reali della condotta*).

Не будет противоречия и между психологическим понятием полезности и результатами, к которым мы пришли, так как ясно, что наше определение полезности (*indice di ofelimità* Парето) совершенно чуждо психологии. Однако такой вывод нас не удовлетворяет; потому что, придерживаясь полной логической независимости *методов* экономической науки от методов психологии, мы все же не в состоянии отрицать существование полнейшей взаимозависимости между *фактами*, изучаемыми обеими дисциплинами.

Поэтому нам представляется необходимым дополнить формальное понятие полезности так, чтобы поставить в тесную связь точку зрения экономической науки с точкой зрения психологической науки на проблему полезности. И мы как раз предлагаем рассмотреть, не явится ли приемлемым следующее определение.

Полезность какой-либо комбинации благ представляет собой величину, обладающую следующими свойствами: она является большей для комбинации, которой индивид оказывает предпочтение; и *ее изменения непосредственно ощущаются субъектом.*

Для нашей теперешней цели представляется излишним более глубокое исследование характера *проявления* (manifestazioni) полезности в сознании; поэтому мы откладываем эту задачу на дальнейшее изучение. На основании предыдущего определения мы можем сказать: если индивид после увеличения количества блага α не замечает никакого изменения (modificazione) в своем субъективном отношении к благу β , то предельная полезность этого последнего не претерпела ощутимой вариации, и здесь имеет место приближенное равенство: $u_{\alpha\beta} = 0$.

Под [выражением] «отсутствие изменения в субъективном отношении к благу» мы имеем в виду объединить все возможные психические явления (fenomeni psichici): удовлетворение (piacere), полученное посредством (mediante) потребления, огорчение от потери, интенсивность желания обладания и т.д. Не должно быть никакого изменения (modificazione) такого рода, потому что [в этом случае] допустимо заявлять о полной независимости предельной полезности одного блага от количества другого блага.

Добавление, предложенное выше к определению полезности, заметно изменяет его с математической точки зрения; потому что делает определенными все величины, о которых идет речь. На самом деле, получив θ из уравнения $u_{\alpha\beta} = 0$, мы можем подставить его значение в выражения всех других производных второго порядка и с помощью метода предыдущего параграфа — найти предельную полезность и функцию полезности.

Все же сомнительно, можно ли принять предложенное определение. [25] Так как если предположить, что индивид не обнаруживает зависимости не только между благом α и благом β , но также и между благами γ и δ , ϵ и ζ , и т.д., то получается:

$$\begin{cases} u_{\alpha\beta} = \frac{u'}{P}(P_{\alpha\beta} - \theta Q_{\alpha\beta}) = 0 \\ u_{\gamma\delta} = \frac{u'}{P}(P_{\gamma\delta} - \theta Q_{\gamma\delta}) = 0 \\ u_{\epsilon\zeta} = \frac{u'}{P}(P_{\epsilon\zeta} - \theta Q_{\epsilon\zeta}) = 0, \end{cases} \quad (76)$$

откуда вытекает, что:

$$\theta = \frac{P_{\alpha\beta}}{Q_{\alpha\beta}} = \frac{P_{\gamma\delta}}{Q_{\gamma\delta}} = \frac{P_{\epsilon\zeta}}{Q_{\epsilon\zeta}} = \dots$$

Подтвердит ли опыт эти соотношения? В этом вся проблема.

13. О сознательности экономического поведения

Попытаемся проникнуть (penetrare) в смысл этого вопроса. Все экономисты, которые его обсуждали, считали возможным рассматривать предельную

полезность как подчиненную (но крайней мере, в большинстве случаев) закону Госсена, как в случае зависимости, так и в случае независимости от количеств других благ; они классифицировали случаи зависимости, различая блага дополняющие и блага конкурирующие (*beni complementari e beni concorrenti*). Все это построение рушится, если оно остается вне связи с формальным определением полезности; так как из фактов поведения (*fatti della condotta*) невозможно вывести (*dedurre*) характер (т.е. знак) второй производной от [функции] полезности.

Если, напротив, мы убеждены, что предельная полезность любого блага убывает с увеличением его количества; что, скажем, напр[имер], сахар и чай, соль и мясо и т.д. суть [блага] дополняющие (*complementari*), между тем как свинина и баранина, как правило, [блага] конкурирующие (*concorrenti*) и т.д., — то очевидно (*ovvio*), что такого рода убеждения должны быть основаны (*fondarsi*) только на какой бы то ни было *внутренней очевидности* (*evidenza interna*), а не на фактах хозяйственного поведения (*fatti della condotta economica*). Всеобщность таких убеждений дает право назвать их *верой в сознательность экономического поведения* (*fede nella consapevolezza della condotta economica*). И действительно, по общему мнению, причины, направляющие (*guidati*) нас, или хотя бы факторы, им аналогичные (*fattori ad esse paralleli*), более или менее отчетливо (*chiaramente*) проявляются в нашем сознании (*consapevolezza*), таким образом, что позволяют нам воспринимать увеличение или уменьшение (*l'incremento e il decremento*) их интенсивности.

Допуская, по гипотезе, истинность таких утверждений, наши формулы позволяют вывести (*derivarne*) из них следующие законы:

I. *Если индивид (un individuo) не чувствует (percepisce) никакого изменения (modificazione) в своем субъективном отношении к благу α при вариации количества блага β, и то же самое — по отношению к γ при вариации количества δ, и то же самое — по отношению к ε при вариации количества ζ и т.д., то должны соблюдаться равенства:*

$$\frac{P_{\alpha\beta}}{Q_{\alpha\beta}} = \frac{P_{\gamma\delta}}{Q_{\gamma\delta}} = \frac{P_{\epsilon\zeta}}{Q_{\epsilon\zeta}} \dots$$

[26] II. Если это утверждение истинно, то можно вычислить θ и подставить его значение в формулы для U_{ii} и U_{ij} . Тогда, в случае благ, которые, на основании *внутренней очевидности*, нужно рассматривать как насыщающие, должно иметь место соответственно:

$$\frac{P_{ii}}{P} - \theta \frac{Q_{ii}}{P} > 0, \text{ или же } \frac{P_{ij}}{P} - \theta \frac{Q_{ij}}{P} > 0.$$

III. Кроме того, в случае пар благ, которые на основании *внутренней очевидности* рассматриваются как дополняющие или же конкурирующие, должно иметь место соответственно:

$$\frac{P_{ij}}{P} - \theta \frac{Q_{ij}}{P} > 0, \text{ или же } \frac{P_{kl}}{P} - \theta \frac{Q_{kl}}{P} > 0.$$

Предыдущие утверждения можно разработать на эмпирическом материале, и мы здесь вновь настаиваем на настоятельной необходимости перейти от от-

влеченных схем (*schemi astratti*) к положительным исследованиям в области, охватывающей теорию бюджета [потребителя]. Только таким образом возможно разрешить искомые проблемы, только таким путем можно проверить определенные формулы. Но для иных проблем (как, например, тех, которые относятся к положениям, высказанным чуть выше) нет надежд получить эмпирические данные для решения. Вычисление значения определителей P и Q и их миноров могло бы удасться лишь в том случае, если бы мы знали количества *всех* благ, потребленных индивидом, и *всех* вариаций в спросе на *каждое* из благ, вызванных изменением (*modificazioni*) дохода и цен на *все* эти блага.

Очевидно, что невозможно получить все эти величины из наблюдений над существующими бюджетами; поэтому единственный путь, который остается, — это путь *эксперимента*; при его посредстве можно было бы создать совокупность схожих с бюджетом [потребителя] условий и таким путем либо подтвердить, либо опровергнуть изложенные нами законы.

Такое предприятие вполне окупило бы затраченные усилия, поскольку результаты экспериментов привели бы к подтверждению законов; и, кроме этого прямого преимущества, мы добились бы большего по мере продвижения вперед в исследовании точки зрения психологии на полезность. Если вместо того окажется, что законы не подтверждаются экспериментально, то мы придем к выводам важнейшего значения не столько для экономической науки, сколько для психологии и морали; в таком случае было бы доказано, что раз вариации в величине полезности не ощущаются субъектом, причины, управляющие поведением людей (*la condotta umana*), не только по своей природе уклоняются от нашего сознания, но даже косвенно на нем не сказываются (*indirettamente si manifestano ad essa*).

Эти проблемы слишком сложны для того, чтобы мы здесь пытались сформулировать их в адекватной форме, не говоря уже об их разрешении. Все же надеемся, что нам удалось пролить свет на их связь с теорией бюджета [потребителя] (*teoria del bilancio*) и показать необходимость дальнейшего развертывания этой теории с использованием надлежащих методов экспериментальной науки.

Сергей Алексеевич Первушин

Сергей Алексеевич Первушин (1888–1966) — российский и советский экономист, статистик, социолог. Родился в 1888 г. В 1906 г. окончил 5-ю Московскую гимназию с золотой медалью. Затем учился в Московском университете и получил в 1910 г. диплом I степени по экономическому отделению юридического факультета. По окончании университета С. А. Первушин был оставлен при кафедре политической экономии и статистики для подготовки к научной деятельности. В 1913 г. он занял должность приват-доцента Московского университета, а в 1918 г. — профессора. В 1919–1921 гг. С. П. Первушин работал в качестве заведующего научным отделом библиотеки Румянцевского музея. В 1920-е гг. преподавал в МГУ на кафедре политической экономии и статистики, был профессором кафедры политической экономии и статистики юридического факультета (1918–1919), профессором кафедры экономической статистики (1921–1925) факультета общественных наук Московского университета. Он преподавал также в Институте народного хозяйства. В первые послереволюционные годы Сергей Алексеевич возглавил подраздел индексов и цен ЦСУ. На протяжении восьми лет (1922–1930) он был заместителем председателя секции конъюнктуры Госплана СССР. В начале 1930-х гг. С. А. Первушин был осужден на пять лет. После возвращения из ссылки в Казахстан он стал заниматься исследованиями экономических проблем добычи цветных металлов и цветной металлургии и защитил диссертацию кандидата геолого-минералогических наук в Казанском государственном университете. В этой новой для него области науки, в которой он затем проработал более 30 лет, Сергей Алексеевич вскоре стал авторитетным специалистом-экономистом и защитил докторскую диссертацию. С 1945 по 1962 г. он возглавлял кафедру экономики промышленности Московского института цветных металлов и золота. В 1960 г. С. А. Первушин был удостоен звания Заслуженного деятеля науки РСФСР. Круг научных интересов С. А. Первушина был очень широк и включал теорию статистического метода, конъюнктурные обзоры, бюджетные исследования, проблемы экономической динамики, исследования в области экономики цветной металлургии.

К ВОПРОСУ О ЦЕННОСТНЫХ СДВИГАХ В 1922 ГОДУ^{1, 2}

Истекший тысяча девятьсот двадцать второй год справедливо может быть назван годом новой революции цен. Давая такую характеристику этого года, мы имеем в виду вовсе не темп повышения общего уровня цен, сильно возросший по сравнению с предшествующим годом³. Мы называем его годом новой рево-

¹ Источник: Экономический бюллетень Конъюнктурного института. — М.: Издание Наркомфина, № 3 (18). Март. А. Общие статьи. С. 5–11.

² Из докладов автора, прочитанных в Институте экономических исследований Н.К. Ф. 9 и 16-го февраля с.г.

³ См.: Первушин С. А. Динамика цен в 1921–1922 годах. (Первый год новой экономической политики) // Вестник статистики. 1923. Кн. 1.

люции цен в силу того резкого сдвига в соотношениях уровней цен отдельных групп товаров, который произошел за этот год и уже сейчас имеет большие экономические последствия, в виде хотя бы развивающегося торгового застоя. Москва, как показывает опыт прошлого года, обычно поздно вступающая в полосу сезонной весенней (февраль, март) депрессии, еще до сих пор находится в стадии некоторого сравнительного торгового оживления.

Однако в большей части провинций торговый застой уже дает о себе знать. Явственно обнаруживаются три центра, откуда эта депрессия расползается: юго-восток, в частности, нижнее Приволжье (с центром в Царицыне), средне-черноземный центр (Воронеж, Пенза) и северо-западный центр (Псков). Сведения с Украины отрывочны и неопределенны, но и там, по-видимому, депрессия уже чувствуется. Жалобы на отсутствие спроса на индустриальные изделия идут с севера¹. Это несколько преждевременное (январь) проявление сезонной депрессии, несомненно, должно быть поставлено в связь с происшедшими ценностными смещениями истекшего года. С точки зрения массового потребления эти смещения могут быть охарактеризованы как обесценение продовольственных продуктов (конкретно: хлеба) в отношении непродовольственных предметов широкого потребления (ситец) и предметов сбережения и накопления (золото, доллар). С точки зрения народного производства — это есть понижение цен на сельскохозяйственные продукты в отношении продуктов промышленного производства (индустрии).

В первом смысле истекший год резко распадается на три равных части: с января по начало мая, с мая по начало сентября и, третий период, с начала октября по начало января 1923 год[а]. Эти смещения вполне подчинены закону динамики² массового потребления: грубо говоря, соотношения цен изменяются «по Энгелю» в новейшей формулировке этого закона. В первый голодный период ситец и золото обесцениваются в муке. Если 1 января 1922 год[а] за 1 арш[ин] ситца дают 4 ф. муки, то 1 мая того же года — лишь 1,68 фунтов, цена 1 ф. муки в золотых копейках за тот же срок повышается с 5,4 коп. до 7,2 и даже 8 коп. (конец апреля — начало мая). Во второй период — облегчения продовольственного положения, население, закупившее хлеб в период хлебной паники по расчету до нового урожая, теперь бросает освободившиеся немного средства на закупку обуви и одежды, и п[е]ред нами новое смещение второй трети 1922 г.; хлеб и золото обесцениваются в отношении ситца: за 1 арш[ин] ситца дают в сентябре 6,5–7,4 фунт. муки против 1,68 ф. в начале мая. В золотых копейках цена 1 арш[ина] ситца повышается с 13,4 коп. (1/V) до 34,3 коп. на 1 сентября. За пару сапог дают 650 ф. (16 пуд.) муки в начале сентября против 133 ф. (3–3½ пуд.) в начале мая. За 1 ф. мыла — 9,75 фунт. муки (1/IX) против 3,20 ф. на 1 мая. В третий период (сентябрь — декабрь) — период нового хорошего урожая и сезонного понижения цен на продовольствие, — период дальнейшего улучшения экономического положения насе-

¹ Из Кологривского уезда Костромской губ. сообщают, что крестьяне на базарах не только ничего не покупают, но уже начали сами выбрасывать на рынок «ткани и тряпье».

² См.: *Первушин С. А.* Очерки по теории массового потребления. Очерк III. Шкала эластичности, 1922.

ления, хлеб и ситец обесцениваются в золоте, которое с первых чисел сентября стремительно повышается сначала в пограничных центрах (Петроград, Псков, Минск, Одесса), затем в Москве (11 сентября), наконец, в остальной России (Рыбинск, Кострома, Вятка, Курск, Орел, Саратов, Симбирск, Казань). В провинции подъем цен на золото начинается несколько позднее, но зато в силу гораздо меньшей эластичности провинциальных рынков проявляется в еще более резкой, чем в Москве, форме. Цена ситца в золотых копейках падает с 34,3 (1/IX) до 24,7 копеек (нал; 1/I 1923 года), муки — с 6 коп. (1/IX) до 1,8 коп. (1/I 1923 года). Объяснение причин этого рода сдвигов нами даны подробно в другом месте¹. Задача настоящей статьи — осветить вопрос о ценностных смещениях двух основных групп товаров: продуктов сельского хозяйства и промышленных изделий. Различные индексы цен, несмотря на большие различия в самом «наборе» товаров и в методах их разработки, в общем совпадают по своим итогам². Цены на сельскохозяйственные продукты, которые в течение ряда лет революционного периода стояли значительно выше общего уровня цен (см. рисунок³ № 1 и таблицу), с второй трети 1922 г. обнаруживают ярко выраженную тенденцию к относительному понижению и резко падают в последнюю треть этого года. Точка пересечения приходится на конец августа — начало сентября. Всероссийский Оптовый индекс Госплана, начинающийся с 1 августа [прошлого] г[ода] и дающий сведения по коротким декадным (а теперь даже и по трехдневным) срокам, точно определяет эту точку пересечения уровней цен двух изучаемых нами групп товаров на 11-ое сентября. Эта своего рода замечательная точка в истории русских цен (точка «осеннего» равновесия), когда полностью восстановилось довоенное соотношение уровней цен на сельскохозяйственные и промышленные продукты, — любопытна еще в другом отношении: на этот день приходится первый стремительный скачок цены 10-рублевого золотого, спокойно остававшегося на одном уровне в течение ряда месяцев; и десятирублевый золотой нервно стремится к довоенному уровню и почти достигает его.

Только что отмеченное равновесие продолжается, однако, недолго. Под внешней картиной относительной стабилизации цен в летние месяцы, которую мы объяснили, как преимущественно сезонную стабилизацию в отличие от взглядов Н. Д. Кондратьева⁴, в сущности уже зарождался, происходил и с нарастающей быстротой развивался процесс резкого ценностного сдвига. Рисунки № 2 и 3, а также прилагаемые таблицы наглядно рисуют картину этого весьма интересного, как для теоретиков, так и для практиков, явления.

¹ См.: *Первушин С. А.* Хлеб, ситец и золото // *Московская промышленность. Издание* МСНХ. 1923. № 2–3.

² См. мою статью в Бюлетене Централь[ого] Статистического Управления. № 70.

³ В оригинале речь идет о «диаграммах», они везде заменены на «рисунки».

⁴ См. [статью] проф. Н. Д. Кондратьев[а] (*Экономический Бюлетень*. № 4–5). [См. в наст. изд. — *Прим. науч. ред.*]

Отношение общего уровня цен сельскохозяйственных продуктов и промышленных изделий к общему уровню цен (принятому за единицу) в 1922 году.

(По данным индекса Конъюнктурного института¹ по 98 продуктам по бюджетному индексу Статистики Труда² и по индексу Госплана.)

Месяцы	Московский] Бол[ьшой] индекс Конъюнктурного] Инст[итута] (средн. месячн.)		Всероссийский индекс Статистики Труда (средн. мес.)		Всероссийский индекс Госплана	
	Сельско- хозяйствен- ные продук- ты (продов.)	Промыш- ленные продукты (непродов)	Сельско- хозяйствен- ные продук- ты (продов.)	Промыш- ленные продукты (непродов.)	Сельско- хозяйствен- ные продук- ты (продов.)	Промыш- ленные продукты (непродов.)
Январь	1,17	0,80	1,04	0,94	—	—
Февраль	1,18	0,80	1,05	0,88	—	—
Март	1,19	0,73	1,08	0,82	—	—
Апрель	1,18	0,79	1,20	0,86	—	—
Май	1,21	0,76	1,16	0,94	—	—
Июнь	1,12	0,87	1,02	0,95	—	—
Июль	1,07	0,92	1,00	0,97	—	—
Август	1,06	0,93	0,95	1,06	1,10	0,90
Сентябрь	0,997	1,003	0,90	1,20	0,99	1,01
Октябрь	0,96	1,04	0,84	1,32	0,92	1,09
Ноябрь	0,90	1,11	0,81	1,38	0,88	1,16
Декабрь	0,88	1,14	0,79	1,42	0,83	1,21

Отношение цен товаров к цене одного фунта ржаной муки в Москве.

(Число фунтов ржаной муки, эквивалентных единице других товаров.)

	Сахар раф. (1 фунт)	Соль (1 фунт)	Мыло (1 фунт)	Спички (1 короб- ка)	Керосин (1 фунт)	Ситец (1 арш(ин))	Сапоги (1 пара)
Среднее за 1913 г. (!)	4,33 (!)	0,33	5,0	0,33	1,67	4,33 (!)	283,02
1 января 1922 г.	11,55	1,01	3,0	0,23	1,24	4,00	140,84
1 мая 1922 г.	5,07	0,33	3,2	0,09	0,36	1,68	133,33
2 сентября 1922 г.	14,24	0,87	9,72	0,26	1,08	6,42	648,75
1 января 1923 г.	22,8 (!)	1,76	10,0	0,81	2,50	16,2 (!)	662

¹ Данные Конъюнктурного института дают группировку общего индекса на продовольственные и непродовольственные продукты. Однако фактически эта группировка близко совпадает с нашим делением.

² Так как индекс Статистики Труда (см.: Статистика Труда. 1923. № 2) приводится на 1-ое число месяца, то средние месячные мной получены путем суммирования индексов на 1-ое число данного и следующего месяца и деления суммы пополам. Индекс Статистики Труда взвешенный.

Как видно, среднее место занимают коэффициенты соотношений уровней цен сельскохозяйственных и промышленных продуктов, исчисленные Отделом по организации хозяйственного расчета Госплана. Эти коэффициенты и представляются нам наиболее вероятными. Во всяком случае, каковы бы ни были сомнения относительно точности наших измерений амплитуды колебаний (они, конечно, грубы, как и самые индексы, на которых эти измерения основаны), однако, самое явление бесспорно (это действительно реальный факт, а не оптический обман «кабинетных» статистиков и экономистов); он может быть проверен и другим путем.

Приведенные цифры относятся к Москве, в провинции «сдвиги» цен в том же направлении еще гораздо резче; так, в северо-восточных губерниях, нередко, за 1 аршин ситца дают 25–30 фунтов муки, были случаи обмена 1[-го] пуд[а] за аршин (Нижегородская губерния¹).

В этом явлении, по крайней мере, в первой фазе его развития (с мая по октябрь) нельзя видеть чего-либо ненормального: в начале это был вполне здоровый процесс восстановления нормальных эквивалентов, тесно связанный с некоторой ликвидацией голода, с хорошими видами на новый урожай (впоследствии — с хорошим урожаем), с переходом промышленности на хозяйственный расчет² и общим улучшением хозяйственного положения страны; и лишь с ноября он принял ненормальное развитие и формы: ценностные сдвиги приняли характер, несомненно, патологического явления.

Внимательный анализ развития этого явления показывает, что его причины нельзя искать в какой-либо одной области, что оно является следствием целого ряда факторов, лежащих как в области промышленности, так и сельского хозяйства.

Основным фактором, определяющим цены на сельскохозяйственные продукты во вторую половину 1922 года, является, безусловно, хороший урожай этого года. Как ни неточны статистические материалы о посевных площадях и валовой продукции сельского хозяйства, все исследователи, однако, сходятся в том, что валовой сбор почти доходит до трех миллиардов пудов.

В условиях почти изолированного государства, т.е. при отсутствии хлебного экспорта в сколько-нибудь широких размерах, это может не повести к сильному понижению цен (здесь проявляется известный закон Грегори Кинга (Gregory King)). Влияние урожая было резко усилено рядом других факторов, которые

¹ Богатый материал по провинции, подтверждающий наше положение, читатель найдет в статье Л. М. Ковальской «Падение ценности сел[ьско]хоз[яйственных] продуктов» (Экономический Бюллетень Конъюнктурного Института. 1923. № 1–2).

² Как известно, в марте-апреле промышленные изделия продавались весьма часто значительно ниже себестоимости; так, цена ситца № 6 из двухпудного миткаля (довольная цена 18 коп.) изменялась следующим образом (в тысячах советских рублей):

	Себестоимость	Объявленная цена синдиката	Цена, принятая рынком
25 марта	198	198	150(1)
24 апреля	380	240	200(1)
15 мая	610	375	290(!)

работали «на понижение» цен сельскохозяйственных продуктов. Влияние хорошего урожая на цены, безусловно, велико, но его не следует преувеличивать. Так, сезонное осеннее понижение хлебных цен в этом году по своим размерам не слишком уже отличалось от предшествующих годов. Если принять розничную цену ржаной муки 1-ой недели января за 100, то июльская цена составит 2014, августовская — 1901, сентябрьская — 1620; октябрь же и ноябрь дают новое крупное повышение: 2253 и 4372. Однако с ноября, когда действие сезонного фактора, судя по прошлым годам, резко ослабляется или даже отпадает, мы вдруг находим новое понижение хлебных цен, особенно заметное в столице и крупных городах. Уже не провинция, а столицы понижают цену хлеба, что видно из приводимой таблички.

Ржаная мука — индексы в тысячах (цены 1913 г. приняты за 1)

	20-го сентября 1922 г.	1-го ноября 1922 г.	10-го ноября 1922 г.	20-го ноября 1922 г.	1-го декабря 1922 г.	10 декабря 1922 г.	20-го декабря 1922 г.	1-го января 1923 г.
Столицы	9892	11617	13775	13550	12908	12292	12333	12542
Уездные города	8060	10776	13372	13240	14505	12379	15519	16391
Среднее по России	9266	11351	13344	13343	13685	13239	14256	15097

Всюду minimum приходится на 10–15 декабря, причем наиболее низкий уровень хлебных цен дают столицы. Это понижение касается, главным образом, ржи как основного продналогового продукта, и не замечается по отношению и к другим сельскохозяйственным продуктам, как-то: овсу, картофелю, маслу и т.д. Так, овес по столицам повышается с 20 октября по 1 января с 10,897 до 17,820; картофель — с 13,333 до 17,778, масло коровье — с 7,043 до 20,213, масло растительное — с 14,231 до 24,039.

Приведенные цифры указывают, что понижение цен (относительное и отчасти абсолютное) как-то связано с продналоговой операцией. Мука, собранная в нынешнем хозяйственном периоде в очень больших размерах, резко превышающих потребность всего городского населения (275 млн пуд.) — 415 млн ржаных единиц, различными путями попадает на рынки и снижает цены (массовый платеж по хлебному займу, прямое выбрасывание ржаной муки на рынки трестами и другими организациями, испытывающими нужду в оборотных средствах, и т.д.). Это давление сильнее в столицах и крупных индустриальных центрах, однако, оно чувствуется и в провинции (Пенза, продажи Пензолеса).

Срок платежа общегражданского и денежно подворного налога заставляет крестьян выбросить в декабре свой хлеб на рынок, а искусственно пониженная цена форсирует размеры необходимых продаж и тем вновь понижает цены.

Такова, по нашему мнению, природа необычного понижения хлебных цен в декабре-январе. Понижению цен на местах способствовало, конечно, также и частое повышение железнодорожных тарифов.

Москва, где цены были искусственно понижены выпуском на рынок продналогового хлеба и хлеба, закупленного Госбанком и кооперацией по пони-

женной цене, определяла собой среднюю русскую цену. Цена на местах в таких условиях определялась московской ценой за вычетом издержек транспорта (своеобразная «тюненовская» схема). Между тем, тарифы резко повышались. За 1922 год они изменялись семь раз, за полтора месяца 1923 года — уже три раза, причем процентное¹ отношение издержек транспорта к оптовой цене продукта на месте изменялось следующим образом.

**Изменение издержек транспорта ржаной муки за 1922—[192]3 г.
от Саратова (Покровска) до Москвы (791 вер[ста]).**

	Оптовая цена ржаной муки (за 1 пуд.)	Тариф на 1 пуд.	Процентное отношение
1 июля 1913 г.	80—85 к[опеек]	16,92 к[опейки]	20
1 января 1917 г.	5 р. 20 к.	21,15 к.	4
1 июля 1920 г.	5000 р. — к.	11 р. 14 к.	0,2
15 августа 1921 г.	260000 р. — к.	4456 р. — к.	1,7
1 марта 1922 г.	—	44560 р. — к.	—
1 декабря 1922 г.	4200000 р. — к.	1230000 р. — к.	29,3
15 февраля 1923 г.	10000000 р. — к.	4940000 р. — к.	49,4

Спрашивается, по какой цене нужно продавать зерно на местах (излишков), чтобы оно могло быть продано в Москве и других крупных индустриальных центрах, где цена искусственно понижена вышеуказанными факторами отчасти рационального, отчасти стихийного порядка и, следовательно, дана, а не определяется издержками производства и доставки на предельных участках по Рикардианской схеме.

Вот те основные факторы, которые², по нашему мнению, неизбежно ведут к относительному обесценению продуктов сельского хозяйства.

Однако не следует преувеличивать значения этого факта. Патологическое вовсе не в том, что цены на хлебные продукты повысились с сентября по декабрь в урожайный³ год только с 6,8 до 14,4 («Эконом[ический] Бюл[летень] Конъюнктурного Института. 1923. № 1—2. С. 8), или в 2,08 раза, тогда как в прошлый голодный год они повысились за тот же срок в 2,68 раза, а в том, что промышленные изделия, несмотря на облегчение продовольственного положения, повысились с 7,2 до 23,0⁴, или в 3,2 раза. Не относительное обесценение сел[ьско]хоз[яйственных] продуктов (на чем ставят ударение Л. М. Коваль-

¹ В оригинале: «%».

² В оригинале здесь и далее устаревшее: «кои».

³ Всем, конечно, известен факт значительного колебания хлебных цен и в довоенную эпоху. Так, средняя цена пшеницы за 1 пуд с 127 к[оп]. (в 1891 году) упала до 60 к[оп]. в 1893 и 52 к[оп]. — в 1894 г. По отдельным же районам и губерниям, несмотря на то, что межрайонные связи не были тогда так сильно порваны, как теперь, это падение доходило до 35—40 копеек.

⁴ В миллионах, по отношению к 1913 г., принятому за единицу.

ская и Н. Д. Кондратьев), а резкое относительное вздорожание промышленных изделий — вот что требует особого объяснения. И в пределах этой области нас не смущает¹ несоответствие современных соотношений с довоенными, принимаемыми за «норму». Хозяйственные нити, связывающие современность с довоенным периодом, — порваны, и это несоответствие еще не есть аномалия. Патологическое мы видим в той резкости и быстроте смещений, которые выходят из рамок «сезонного» объяснения и лежат в значительной степени в области промышленности и торговли, а также в области налоговой политики.

Итак, в области промышленности и торгово-промышленной политики существует ряд важных факторов, работающих на относительное «повышение» цен промышленных изделий.

Здесь мы, прежде всего, хотели бы «отвести» один сам по себе, конечно, важный фактор, значение которого, как нам кажется, в настоящих условиях весьма преувеличивают — я разумею сокращение продукции промышленности за годы революции. «Продукция промышленности, — говорят нередко, — сократилась в 5 раз, а продукция сельского хозяйства лишь в 2 (грубо) раза»; это, по мнению многих, и есть главная причина ценностного сдвига, наблюдающегося сейчас.

Это утверждение не находит подтверждения в фактах; до 1921 года продукция нашей промышленности стремительно падала и, несмотря на это резкое падение, цены на продукты промышленности также относительно падали, а цены сельскохозяйственных продуктов возрастали. Далее, с 1921 года продукция промышленности возросла в 1921 и 1922 году (особенно, текстильной), появились на рынке запасы прежних лет, искусно скрывавшиеся от него в период военного коммунизма и, параллельно с этим, цены на изделия стали возрастать. Таким образом, в фактах никакой обратной связи при динамическом изучении вопроса усмотреть нельзя. Конечно, новая экономическая политика и перевод на хозяйственный расчет многих предприятий содействовали повышению спроса, однако недостатка товаров не замечалось и не могло быть. В самом деле, не считая прошлых запасов, продукция готовых изделий крупной промышленности в 1922 году по исчислениям Ц. С. У. (П. И. Попова) измеряется в 700 млн золотых рублей, а ремесленной и кустарной — в 380—400 млн золотых рублей. Общий итог продукции готовых изделий за 1923 год равняется, таким образом, одному миллиарду ста миллионам золотых рублей, или около 20—22% довоенной продукции. Между тем, главные потребители — государство (железнодорожное и прочее строительство), затем земства и города (местное строительство) — почти отпали. Резко сократился спрос и со стороны промышленности (до единиц процентов довоенного спроса). Таким образом, основным покупателем осталась только деревня. По исчислениям того же Ц. С. У. (основанным на бюджетных исследованиях 1921 года) вся покупательно-платежная сила земледельческого населения (без голодавшего), за вычетом налогов и продналога, в частности, измерялась в 1921 году в 374 млн золотых рублей. Вряд ли она очень значительно повысилась в 1922 году (падение

¹ Поэтому не смущают нас и цифры абсолютного обесценения (по сравнению с довоенными годами) муки и зерна в «золотых» рублях, каковые исчисления вообще спорны.

цен на сельскохозяйственные продукты благодаря урожаю). Если таковую исчислять в 1922 году в 500 млн золотых рублей, то и в таком случае о недостатке говорить как будто не приходится. Если в некоторых частных областях рынка давление спроса и чувствуется, то общего превышения спроса над предложением, конечно, в данных условиях быть не может¹. Итак, основных причин повышения цен на промышленные изделия надо искать не столько в редкости промышленных изделий, сколько в условиях их производства.

По только что указанным соображениям мы не считаем монопольный характер наших трестов ответственным за происшедшее вздорожание. Формально цена наших трестов, конечно, монопольная, но по существу вряд ли можно говорить об экономическом господстве наших трестов над рынком при ограниченности спроса (низкая покупательная способность населения), при наличии конкуренции со стороны мелкой промышленности и торговли, основанной на прежних запасах, и в значительной мере на контрабандных поступлениях из-за границы (в последнее время, впрочем, «польская» стригевая контрабанда проникает в очень ограниченных размерах благодаря строгости надзора). Лишь в небольшие промежутки времени (сезонное осеннее оживление) цены трестов довольно значительно превышают цену себестоимости, для большей же части года это превышение невелико, нередко даже выражается отрицательной величиной (см. приведенные выше примеры цен текстильного синдиката). Если считать калькуляции, сообщаемые в В.С.Н.Х. трестами, преувеличенными и подлежащими с этой стороны серьезной критике, то факт очень высокой себестоимости и постоянного ее нарастания, несмотря на улучшение и удешевление продовольствия рабочих в связи с урожаем, представляется нам все же неоспоримым. Так, например, себестоимость ситца № 6 с 625000 руб. за аршин (15 апр[еля] 1922 г.) повышается до 1520000 руб. — 10 октября, и до 4 000 000 — 1 декабря. Та же самая картина и в других областях производства.

Эта повышенная себестоимость объясняется, прежде всего, сильным повышением цен на промышленное сырье (хлопок, лен, шерсть, кожа) в связи с исчерпанием запасов этого сырья и чрезвычайно низкой нормой его годичной продукции; затем, не менее сильным вздорожанием топлива, наконец, резким возрастанием накладных расходов, как то: высокие налоги, резко повышенный железнодорожный тариф, страховые сборы, «шефство», содержание неработающих предприятий. Насколько велико значение этого последнего фактора (накладные расходы), видно из рассмотрения последних калькуляций наших синдикатов. Так, в 1922 году по сравнению с 1913 годом накладные расходы повышаются в производстве спичек с 27,3% к общим расходам до 42%, в производстве галош — с 10,9% до 43,8%, сельскохозяйственных машин — с 30,5% до 47,0%, пряжи № 14 — с 10,5% до 39%, стекла посудного — с 11,0% до 42,2%, подошвы кожаной — с 13,5% до 24,0%.

¹ Только что высказанное положение находит себе подтверждение в отчете Всероссийского Текстильного синдиката, согласно которому общая сумма проданного за месяц товара (тканей) составляет в октябре-декабре 1922 г. всего 36–40% месячной выработки.

Фактором, удорожающим розничные цены, особенно на местах, является также общеизвестное тяжелое обложение торговли (общегосударственные и, особенно, местные налоги) при отсутствии сколько-нибудь широко и правильно поставленного торгового кредита. Слабое развитие торговли, несмотря на внешнее впечатление, что «все торгуют», приводит к тому, что еще до сих пор товар не доходит до потребителя¹ или достигает его по чрезвычайно дорогой цене (20—25 млн руб. — аршин ситца).

Вот те основные факторы, которыми вызвано происшедшее ценностное смещение 1922 года. Как мы отмечали, в этом явлении есть и здоровые черты, — следствие работы нормальных экономических факторов, развитию которой вряд ли следует препятствовать. Однако в этом явлении и много патологического, с чем следует энергично бороться. Правда, с половины февраля под влиянием «сезонных» факторов (истощение запасов, подготовка к посевной кампании и т.д.), несомненно, начнется некоторое новое смещение соотношений в пользу сел[ьско]хоз[яйственных] продуктов. Однако таковым, как явлением временным, обольщаться не приходится и дальнейшая борьба неизбежна. Детальное обсуждение мероприятий, пригодных для этой цели, выходит из рамок настоящей статьи. Здесь мы хотели бы лишь вкратце наметить те пути, по которым эти мероприятия должны быть направлены, и что, по нашему мнению, вытекает из предыдущего анализа.

В области промышленности основной мерой мы считаем понижение себестоимости производства путем рационализации такового на основе реального хозяйственного расчета (т.е. отказ от всего убыточного), путем сокращения накладных расходов, наконец, путем приближения продуктов промышленности к нуждающемуся провинциальному населению (организация торговли и торгового кредита).

Мероприятия в области сельского хозяйства должны быть направлены на увеличение спроса на зерно и сокращение его предложения. Увеличение спроса может быть достигнуто лишь открытием доступа русскому хлебу за границу. Сравнительно высокие цены на хлеб на мировом рынке создают пока благоприятную ситуацию для нашего хлеба. Сокращение предложения зерна деревней может быть достигнуто путем рационализации обложения деревни в отношении размеров, форм и способов взимания².

¹ Ср., напр[имер]: Торговая Промышленная Газета (от 13 февраля 1923): «Розничная торговля в Сибири», и статья Шпиндлера «О розничной торговле в Сибири», где указывается, что «за 60—80 верст от железной дороги мы совершенно не видим торговли». Отмеченное явление не есть чисто местное сибирское явление. Недавний Съезд Биржевой Торговли отмечает это как повсеместное явление (Бюлл[юте]нь Всероссийских Текстильн[ых] Синдикатов. 1923. № 4).

² Далее на с. 9—11 оригинала располагаются справочные материалы.

Николай Александрович Цаголов

Николай Александрович Цаголов (1904–1985) — советский экономист. Окончил Московский институт народного хозяйства им. Г. В. Плеханова (1924). Доктор экономических наук (1949). Профессор, заведующий кафедрой политической экономии экономического факультета (1957–1985). В Московском университете читал курс лекций по политической экономии капитализма, политической экономии социализма; вел спецсеминары по «Капиталу» К. Маркса, методике преподавания политической экономии. Член Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР. Член редколлегии экономической энциклопедии «Политическая экономия», журнала «Вестник Московского университета. Сер. Экономика». Заслуженный деятель науки РСФСР (1965). Награжден орденом Ленина и двумя медалями. Область научных интересов: политическая экономия капитализма и социализма, вопросы методологии политической экономии, история экономических учений, история русской экономической мысли, критика буржуазных экономических теорий. Опубликовал более 250 научных работ.

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ «КУРСА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ»¹

Настоящее, третье издание «Курса политической экономии» в двух томах по своему содержанию и структуре заметно отличается от предыдущих изданий.

«Курс политической экономии» был благожелательно принят советской и зарубежной социалистической экономической общественностью (в переводе на языки соответствующих стран первое издание было опубликовано на Кубе и в Польше, второе — в Германской Демократической Республике и в ЧССР). Вместе с тем «Курс» не был обделен и критическими замечаниями, сделанными на многочисленных его обсуждениях в различных научных центрах страны, и рецензиях, а также во многих статьях и книгах, посвященных проблемам политической экономии.

Изучение критических замечаний, в большей своей части весьма полезных, потребовало внесения уточнений в текст многих глав, существенной доработки отдельных глав, а также некоторых структурных изменений «Курса». Все это, однако, не только не поколебало принципов построения «Курса» и теоретического решения основных проблем, но и убедило авторов в необходимости еще более последовательной реализации методологических основ «Курса».

Опыт развития советской политической экономии за последнее десятилетие свидетельствует о сближении в подходах к решению многих проблем, еще недавно бывших предметом горячих дискуссий. Изучение критических замечаний в адрес «Курса» показало также, что некоторые разногласия были вызваны недостаточной четкостью ряда формулировок. Поэтому авторы преде-

¹ Курс политической экономии. В 2 т. Т. I / Под ред. Н. А. Цаголова. Учеб. пособие для экон. вузов и фак. Изд. 3-е, переработ. и доп. — М.: Экономика, 1973.

ляли большую работу по совершенствованию редакции и более основательной разработке наиболее дискуссионных вопросов.

Вместе с тем авторы считают необходимым дать более развернутую аргументацию по тем вопросам методологического характера, обсуждение которых продолжает вызывать разногласия критиков «Курса» с авторским коллективом.

Исследования как в области теории капитализма, так и в области теории социализма, анализ экономических проблем так называемых развивающихся стран должны быть теоретически обобщены и включены в систему политической экономии.

Этот процесс не так прост, как это иногда кажется. Стремление теоретического обобщения новейших экономических явлений посредством создания «новых политических экономий» не может быть признано правильным.

Как известно, Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге», говоря о том, что «политическая экономия по своему существу — историческая наука», противопоставлял «политическую экономию Огненной Земли и политическую экономию современной Англии». Иногда эти слова Ф. Энгельса истолковывают таким образом, будто, по Энгельсу, каждая страна является объектом самостоятельной политической экономии. Между тем Ф. Энгельс противопоставлял политическую экономию Огненной Земли политической экономии современной Англии как политическую экономию первобытного строя политической экономии капитализма. Он указывал на коренные отличия законов каждой особой ступени развития производства и обмена и подчеркивал, что «законы, имеющие силу для определенных способов производства и форм обмена, имеют также силу для всех исторических периодов, которым общи эти способы производства и формы обмена»¹. Ф. Энгельс подчеркивал, что экономические законы имеют силу для всех стран, в которых имеются соответствующие формы производства и обмена.

Политическая экономия марксизма-ленинизма не страноведение, она изучает исторически сменяющие друг друга способы производства, каждый из которых представлен своей особой системой категорий и законов, создаваемой методом восхождения от простого к сложному, от абстрактного к конкретному.

История развития экономических отношений является тем арсеналом фактов, из которого политическая экономия каждого способа производства черпает свой материал. Однако система категорий и законов политической экономии определяется не хронологией фактов, а значением каждого производственного отношения в системе отношений данного способа производства.

Политическая экономия предстает перед нами как строго субординированная система, имеющая свою логическую структуру. Поэтому для каждого способа производства может быть только одна политическая экономия.

Результатом конкретно-экономических исследований экономики отдельных стран капитализма или социализма, той или иной ступени их развития может явиться возникновение новых разделов политической экономии капитализма или социализма. Но не может возникнуть самостоятельной политической экономии по отдельным проблемам капитализма или социализма. Новые разделы политической экономии каждого способа производства подчиняются общей

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 151.

логике данной системы. Выделение же их в качестве самостоятельной политической экономии означало бы, что должны быть определены особое исходное и основное отношения этой новой системы.

Так, например, если бы раздел о монополистическом капитализме был представлен в виде «политической экономии монополистического капитализма», тогда монополистический капитализм оказался бы представленным без своей основы — без товарного производства, без прибавочной стоимости, тогда получили бы свободу «теории» чистого монополизма.

Или, например, если бы раздел об экономических отношениях между странами мировой системы социализма был представлен в виде отдельной политической экономии мировой социалистической системы, тогда осталось бы неясным, из чего вытекает специфика мировой системы социализма в международных экономических отношениях. Нельзя изучать экономические закономерности мировой системы социализма, не имея в качестве основы систему категорий и законов политической экономии социализма.

Громадный опыт экономического развития, накопленный странами, освободившимися в результате распада колониальной системы империализма, привлекает внимание экономической науки. Исследование этого опыта внесет много нового в понимание категорий политической экономии и, возможно, приведет к появлению некоторых новых категорий. Это, однако, не дает научного основания для создания особой политической экономии развивающихся стран.

«Развивающиеся страны» — это не способ производства. Одни из них имеют социалистическую ориентацию, другие движутся по капиталистическому пути. Именно поэтому они не могут быть включены в систему политической экономии одного способа производства. Обобщенный материал по развивающимся странам должен явиться источником обогащения соответствующих разделов политической экономии капитализма и политической экономии социализма.

В настоящем издании учтены новейшие исследования процессов развития и капиталистической системы, и мировой системы социализма и развивающихся стран. На этой основе значительно обновлен материал, который включен в систему политической экономии не по хронологическому признаку, а в соответствии с логикой категорий.

В третьем издании при анализе капиталистического способа производства сохранено то расчленение материала, которое было принято по второму изданию.

Первая часть посвящена анализу категорий и законов капитализма вообще (общие основы капиталистического способа производства) и монополистического капитализма. Во второй части изучаются явления и закономерности общего кризиса капитализма. Основанием к такому расчленению является то немаловажное обстоятельство, что круг явлений общего кризиса капитализма не может быть объяснен только системой производственных отношений капитализма. В качестве важнейшего момента общего кризиса выступает раскол мира на две системы и борьба между ними, которые не могут быть элиминированы при анализе общего кризиса капитализма. Поэтому с точки зрения логической структуры политической экономии капитализма вопрос об общем кризисе капитализма нельзя рассматривать как часть теории монополистического капитализма — империализма. В разделе политической экономии капи-

тализма, посвященном монополистическому капитализму, излагаются не все явления, имеющие место при монополистическом капитализме как исторической стадии капитализма, а только те из них, которые появились при империализме и характеризуют его как *монополистический* капитализм. Следовательно, в этом разделе нет тех характеристик империализма, которые связаны с тем, что империализм есть *капитализм*.

Сущность политико-экономического исследования империализма заключается в том, чтобы выяснить природу новых отношений, развивающихся в связи со сменой свободной конкуренции господством монополий, а не в том, чтобы дать описание всей совокупности явлений, имеющих место в условиях империализма.

Исторически общий кризис капитализма возник в эпоху империализма. Но общий кризис капитализма – явление, которое состоит не только в кризисе отношений монополистического капитализма, но также и в кризисе капиталистических отношений вообще. Это также кризис политический. Поэтому вполне правомерно выделить проблемы общего кризиса в особую часть, отделенную от проблем не только монополистического капитализма, но и от проблем капитализма вообще.

Важнейшие дополнения, сделанные в третьем издании в отделе общих основ капиталистического способа производства, связаны с вопросами ценообразования в условиях свободной конкуренции и с международными экономическими отношениями.

Марксистская теория стоимости и цены производства, рыночной стоимости и цены дает научный ответ на фундаментальные вопросы ценообразования в условиях свободной конкуренции. В ней дано все необходимое для понимания конкретных ситуаций в движении цен, обнаруживающихся в процессе взаимодействия цен, спроса и предложения. В новом издании предпринят опыт освещения закономерностей, свойственных тому кругу явлений ценообразования, который лежит на поверхности рыночных отношений, и показаны глубинные связи этих явлений с законами стоимости. Изложение этих вопросов должно способствовать лучшему пониманию явлений ценообразования в условиях господства монополистического капитализма.

Как известно, в связи с исследованием отдельных категорий и законов капитализма К. Маркс в «Капитале» делает экскурсы, рассматривая модификацию экономических законов в условиях межгосударственных экономических отношений. Из планов работы над «Капиталом» известно, что К. Маркс имел в виду специально рассмотреть круг вопросов, связанных с наличием государства и мирового рынка.

В данном, третьем издании «Курса» осуществлена попытка систематизации известного круга экономических явлений, связанных с наличием государственных границ между отдельными странами капитализма в условиях свободной конкуренции. Этот анализ также будет способствовать более глубокому пониманию тех изменений, которые вносит монополистический капитализм в отношения между странами.

Современный капитализм является капитализмом, и при нем действует вся система производственных отношений, исследованных К. Марксом в «Капитале». Известно положение В. И. Ленина о том, что монополистический капи-

тализм есть экономическая надстройка над старым капитализмом. Поэтому категории и законы капитализма рассматриваются в «Курсе» и том порядке, в котором они фигурируют в «Капитале». Новейшие явления, связанные с действием этих законов в современную эпоху, также рассматриваются в соответствующих разделах «общих основ капитализма».

Категории, которые В. И. Ленин сформулировал в качестве элементов теории монополистического капитализма, представляют собой новую ступень политической экономии капитализма. Категории «экономической надстройки» над капитализмом вообще выражают появление новых производственных отношений, которые нельзя рассматривать ни как форму проявления, ни как простую модификацию категорий домонополистического капитализма.

Конечно, все категории капитализма генетически связаны с его исходным и основным отношениями, но производственные отношения не исчерпываются ни исходным, ни основным производственным отношением.

Природа категорий политической экономии неоднородна. Одни категории различаются как сущность и форма проявления. Так, цена есть форма проявления стоимости. Последняя есть сущность, первая — форма проявления. В обоих случаях имеется в виду одно и то же отношение. Другие категории выражают модификацию сущностных отношений. Третьи категории выражают появление новых производственных отношений, и эти категории не выступают по отношению к прежним категориям ни как форма проявления, ни как модификация. Они связаны со всей системой тем, что не выходят за рамки его основного отношения и служат достижению цели, определяемой основным экономическим законом способа производства.

Возникновение модифицированных форм или новых производственных отношений не означает также, что предшествующие им отношения остаются неизменными и не развиваются.

Закон прибавочной стоимости оказывает определяющее влияние на всю систему экономических законов капитализма. Однако отсюда не следует, что все законы и категории капитализма есть формы проявления закона прибавочной стоимости. Закон средней прибыли включает более сложную гамму производственных отношений, чем закон прибавочной стоимости. Невозможно монопольную сверхприбыль считать формой проявления закона прибавочной стоимости: хотя генетически монопольная сверхприбыль связана с производством и присвоением прибавочной стоимости, однако нет прямой логической связи между законом прибавочной стоимости и законом монопольной сверхприбыли. Для появления монопольной сверхприбыли необходима смена свободной конкуренции господством монополий, планомерное вмешательство монополий в законы капиталистической конкуренции.

Производство прибавочной стоимости есть развивающийся процесс. Он заключен в способах повышения степени эксплуатации (путем снижения стоимости рабочей силы, увеличения интенсивности труда и т.д.). Закон прибавочной стоимости имеет свое собственное богатое содержание, и нет никаких методологических оснований к тому, чтобы подменять это содержание анализом тех конкретных форм прибыли и сверхприбыли, которые существуют при монополистическом капитализме.

Точно так же конкретные аграрные отношения, которые характерны для современного капитализма, с одной стороны, являются результатом действия монополии, а с другой — выражением действия закона ренты и общего закона концентрации и централизации капитала.

Прибыль монополий может заключать в себе избыточную прибавочную стоимость, производимую на предприятиях монополий, но, если монополия не получает монопольной сверхприбыли, она не может быть названа капиталистической монополией. Разные виды прибыли имеют свою причинную основу, и не все виды прибыли монополий могут быть объяснены из природы монополии. Монополия — капиталистическое предприятие, и закон прибавочной стоимости отнюдь не отменяется законом монопольной сверхприбыли. Последний не может быть понят без раскрытия коренных изменений в условиях конкуренции.

Закон прибавочной стоимости, развитие форм действия которого так многогранно и на таком огромном фактическом материале показано К. Марксом в «Капитале», действует и в условиях монополистического капитализма. Основным источником монопольной сверхприбыли является прибавочная стоимость, но монопольную сверхприбыль нельзя рассматривать как модификацию прибавочной стоимости. Закон прибавочной стоимости развивается на основе закона стоимости, но это не дает никаких оснований к тому, чтобы рассматривать закон прибавочной стоимости как модификацию или форму проявления закона стоимости. Тот факт, что монополии развиваются в связи с противоречиями закона производства и присвоения прибавочной стоимости, не означает, что сущность монополий может быть сведена к этому закону.

Государственно-монополистический капитализм не является ни особой стадией, ни особой фазой капитализма, он является формой монополистического капитализма. Поэтому он не может быть выделен в особый отдел наряду с монополистическим капитализмом, а должен выступать как раздел монополистического капитализма. На заре новой стадии капитализма Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» указывал на необходимость государственной формы собственности на концентрированные формы капиталистического производства. Практика развития монополистического капитализма полностью оправдала это предвидение Ф. Энгельса. Государственно-монополистическая форма капиталистической собственности и все формы государственного регулирования явились закономерным результатом развития противоречий между капиталистическим способом присвоения и возрастающим обобществлением производства в монополистических формах.

Ленинское положение о монополистическом капитализме как высшей фазе капитализма, как умирающем капитализме, не означает невозможность развития форм приспособления капитализма к условиям дальнейшего развития производительных сил. Государственно-монополистический капитализм и есть именно такая форма. Но эта форма по характеру производственных отношений качественно, принципиально не отличается от монополистического капитализма. Последний есть исторически особая стадия в развитии капитализма, а теоретически — его экономическая надстройка, так как на этой стадии свободная конкуренция заменяется господством монополий, подрывается товарное производство и начинают развиваться планомерные формы капитализма. Госу-

дарственно-монополистический капитализм есть форма господства монополии, есть капиталистическая форма планомерного выколачивания сверхприбылей, а не появление по существу качественно новых производственных отношений.

От монополии капиталистической, от государственно-монополистической ее формы, как бы она ни видоизменялась, есть только один путь — путь революционной ликвидации капиталистической системы и перехода к социализму. Именно поэтому наша эпоха получила точное определение как эпоха перехода от капитализма к социализму.

Хотя государственно-монополистический капитализм развивается в исторических условиях общего кризиса капитализма и играет большую роль и процессе приспособления капитализма к условиям борьбы двух систем, однако логическое место государственно-монополистического капитализма находится в теории монополистического капитализма, а не в теории общего кризиса капитализма.

В эпоху общего кризиса капитализма появились и новые формы монополий. Но ни эти формы, ни формы государственно-монополистического регулирования не составляют имманентное содержание общего кризиса капитализма.

Этими методологическими соображениями руководствовался авторский коллектив «Курса» при включении в третье издание новейших материалов из анализа явлений современного капитализма.

* * *

Актуальность задачи борьбы с антикоммунистической пропагандой, борьбы против реформизма и всех видов ревизионизма потребовала значительного усиления в «Курсе» критики антимарксистских экономических теорий. Эта задача решается в данном издании не путем общего критического анализа тех или иных школ буржуазной политической экономии, а путем критики воззрений их представителей по определенным проблемам политической экономии.

Задача борьбы с апологетическими теориями трансформации капитализма, эволюционного перехода от капитализма к социализму, борьбы против все более распространяющихся теорий реформизма требует дальнейшей глубокой разработки методологических проблем политической экономии.

Чтобы вести наступательную критику реформистских представлений трансформации капитализма, необходима разработка проблем перехода от одного способа производства к другому, в особенности перехода от капитализма к социализму.

Марксистско-ленинская политическая экономия в широком смысле не может рассматриваться как простая сумма политических экономий разных способов производства. Как часть революционной теории марксизма-ленинизма, политическая экономия должна освещать и проблемы перехода от одной системы к другой.

Проблемы перехода от одного строя к другому полностью не могут быть освещены в рамках политической экономии. Каждая из составных частей марксизма-ленинизма имеет свой предмет. Но ни одна из них не освобождена от необходимости разработки вопросов революционного перехода от одного эко-

номического строя к другому. Без этого революционная теория марксизма-ленинизма была бы неполна. Необходимость революционных переходов составляет основное содержание исторического материализма. Политическая экономия выявляет определяющие отношения способа производства, которые становятся оковами развития производительных сил и не могут быть изменены без революционной их ломки. Научный коммунизм освещает формы классовой борьбы, политической организации и идеологической подготовки к осуществлению революционного превращения одной формации в другую.

Марксизм различает два типа производственных отношений.

Одни производственные отношения возникают в результате революционных акций, другие — возникают и развиваются в эволюционном порядке.

Именно здесь проходит глубокая пропасть между марксизмом и реформизмом, который признает только одну форму развития производственных отношений — эволюционную.

Марксизм исходит из того, что коренные отношения способа производства, прежде всего основное отношение, под которым марксизм понимает экономическую форму соединения средств производства с непосредственным производителем, не возникают в результате простого эволюционного развития. Выделение основного производственного отношения играет громадную роль в борьбе против реформизма. Ибо именно основное отношение изменяется в результате революционных действий, а не в эволюционном порядке.

Победа нового основного отношения создаст основу для развития целой системы производственных отношений, генетически связанной с этим новым основным отношением, т.е. с новой формой соединения непосредственного производителя со средствами производства.

Выделение основного отношения имеет и самостоятельное методологическое значение. Основное отношение цементирует способ производства. Оно является стержнем всей совокупности производственных отношений данного способа производства. Место каждого отдельного производственного отношения в системе определяется его положением по отношению к основному производственному отношению.

Для развития политической экономии большое методологическое значение имеет также выделение исходного отношения. Вместе с основным производственным отношением исходное отношение характеризует коренные черты способа производства. Исходное отношение составляет ту экономическую форму, без которой не может существовать основное отношение и не может развиваться ни одно из производных производственных отношений.

Бытующее в литературе отождествление исходного и основного производственных отношений социализма препятствует созданию строгой системы категорий социалистического производства, мешает выявлению решающих его преимуществ.

Скрытой методологической основой отождествления исходного и основного производственных отношений социализма является неразличение категорий переходной экономики и категорий сложившегося социалистического производства, движущегося на своей основе.

Между тем категории переходной экономики выражают условия возникновения социалистического производства, категории же сложившегося способа производства должны выразить *самодвижение* новой системы производственных отношений, возникшей в результате революционных преобразований переходного периода.

Вследствие смещения этих групп категорий *исходный акт социалистических преобразований* — ликвидация капиталистической собственности на средства производства и *овладение обществом решающими средствами производства* (без чего не может начаться переход к социализму) — по сути дела отождествляется с *исходным производственным отношением сложившейся системы*, которое к тому же объявляется и основным производственным отношением.

При отождествлении исходного и основного производственного отношения нередко пытаются сослаться на метод К. Маркса, используемый в «Капитале». При этом утверждают, что якобы в «Капитале» товар не является исходной категорией системы категорий капитализма. Товарные отношения, анализируемые в первом отделе первого тома «Капитала», якобы не являются исходным логическим звеном познания капиталистического способа производства; этот анализ имеет чисто историческое значение, поскольку там анализируются докапиталистические формы товарного производства.

Здесь смешаны два разных вопроса: об историческом первенстве товарных отношений по сравнению с отношениями капитала и о логическом месте товарных отношений в системе капиталистических отношений.

Известно, что товарная форма производства никогда не составляла особого способа производства. Капитализм сменяет не товарное, а феодальное производство. Но развивается капитализм именно из товарного производства и происходит это потому, что формы товарного производства органически присущи капиталистическому производству. Оно само есть форма товарного производства. Собственность на средства производства и продукты производства товаропроизводителя и личная свобода непосредственного производителя — черты, объединяющие простое товарное и капиталистическое производство. Хотя между этими формами производства существует глубокая пропасть, поскольку капитализм основан на эксплуатации наемного труда, однако форма отношений между эксплуататором — капиталистом и эксплуатируемым — наемным рабочим — товарная. По форме эти отношения ничем не отличаются от всех других товарных отношений.

Капитализм невозможен без товарных отношений. В определении капиталистического производства товарный характер этого производства уже заключен как обязательный его момент. Характеризуя форму товарного производства, можно говорить о капиталистическом товарном производстве. Определение же капитализма как капиталистического товарного производства было бы тавтологией.

В «Капитале» К. Маркс дает в первых трех главах общую теорию товарного производства. В этой общей теории товарные отношения рассматриваются в наиболее абстрактной форме.

Здесь еще далеко не воспроизведен весь механизм функционирования товарных отношений, но дан глубочайший анализ товарных и денежных отно-

шений как экономических форм, являющихся неотъемлемым логическим элементом как капитализма, так и его предшественника — простого товарного производства.

В учебных целях в «Курсе», так же как и в других учебных пособиях, дается анализ механизма действия закона стоимости, разложения простого товарного производства, создания предпосылок для возникновения сложной формы товарного производства—капиталистического производства. Таким образом, раздел «товар и деньги» в «Курсе» предстает не только как анализ общей с простым товарным производством формы капиталистического производства, но и как анализ формы, обеспечивающей эволюционный переход от простого товарного производства к капиталистическому.

Этой двойкой задачи нет в первых трех главах «Капитала», где К. Маркс ставил задачу раскрытия экономического закона движения сложившегося капиталистического способа производства, а не условий и форм перехода от простого товарного производства к капиталистическому.

Товарные отношения берутся здесь в таких формах, которые совершенно необходимы для того, чтобы понять их как исторические экономические формы, обязательные для капитализма и составляющие необходимый момент его производственных отношений. Товарная форма недостаточное, но необходимое условие для раскрытия сущности капиталистического способа производства.

Товарная форма имеет не только исторический, но и логический *gründ* по отношению к капитализму, составляя его исходное отношение. На базе этого исходного отношения возникает купля-продажа рабочей силы, приведение в движение которой под командой покупателя, собственника средств производства, составляет основное производственное отношение капитализма. Капиталистическое отношение есть сложное товарное отношение. Товарное отношение есть обязательный атрибут капиталистического отношения; вне его нельзя представить себе капиталистическое отношение.

Это делает товарное отношение не только исходным, но и всеобщим отношением капиталистического производства.

Нет никаких оснований утверждать, что исходным отношением капиталистического производства является отношение капитала. Ведь логически сам капитал есть сложная форма движения товара и денег.

Товарная форма рассматривается в «Капитале» не в качестве переходной к капиталистической форме производственных отношений, а как органическая, необходимая форма капиталистических производственных отношений.

Закон стоимости есть закон товарных отношений, закон прибавочной стоимости есть закон капиталистических отношений. Но закон стоимости есть неотъемлемый закон капитализма. Без него невозможно действие закона прибавочной стоимости.

Во многих работах, анализирующих систему категорий и законов социализма, исходное и основное экономические отношения не разграничиваются, причем в качестве основного и одновременно исходного отношения выдвигается собственность на средства производства.

Аргументы в пользу этого положения на первый взгляд кажутся убедительными.

Никто не может оспорить исключительно важную экономическую значимость той или иной формы собственности на средства производства. Отношение к средствам производства является одним из конститутивных признаков классового строения общества.

Наконец, что еще важнее — *условием* перехода от одного способа производства к другому является *революционная смена одной формы собственности на средства производства другой*.

И хотя сказанное бесспорно, а аргументы неотразимы, однако они направляются не по адресу, они не на тему.

В данном случае мы рассматриваем не вопрос о роли собственности на средства производства, а пытаемся установить, какое производственное отношение является исходным производственным отношением в системе экономических категорий сложившегося социализма.

Понятие собственности многогранно. Даже одни и те же авторы в связи с разными объектами исследования вкладывают разный смысл в понятие собственности. Во всяком случае можно назвать несколько вариантов содержания, вкладываемого в понятие собственности.

Наиболее широко распространено понимание под собственностью права собственности.

Не менее распространено понимание собственности как фактической принадлежности той или иной вещи кому-либо.

Говорят также о форме собственности и ее экономическом содержании, о сущности собственности и ее проявлении, пользуясь также одним и тем же словом «собственность».

Наконец, в экономической литературе под собственностью понимают совокупность экономических, производственных отношений, в которых реализуется та или иная форма собственности.

К сожалению, многие политэкономы не замечают коренного отличия одних понятий собственности от других понятий собственности. Причиной этого является смешение категорий, выражающих условия возникновения социалистического отношения и содержание собственно социалистического производственного отношения.

Между категориями переходной экономики и категориями сложившейся системы производственных отношений социализма имеется коренное, принципиальное различие.

Категории переходной экономики выражают процессы революционной ломки отношений старого способа производства и создания *условий* развития нового способа производства.

Революционная ломка создает условия для возникновения и развития нового способа производства, и сам по себе факт ликвидации старого способа производства не означает появление готового нового способа производства. Уничтожение старого способа производства предполагает ликвидацию капиталистической собственности на средства производства. Средства производства становятся принадлежностью общества в лице его государства.

Ликвидация принадлежности средств производства капиталистам означает автоматически и ликвидацию основного отношения капитализма. Ликвидация

необходимого условия способа производства есть всегда ликвидация и достаточного условия, хотя обратного сказать нельзя. Отсутствие достаточного условия не означает ликвидации необходимого условия.

Необходимым условием капиталистического основного производственного отношения является принадлежность средств производства капиталистам. Достаточным условием является использование в процессе производства свободной рабочей силы работников, лишенных средств производства, вынужденных продавать свою рабочую силу и приводить в движение чужие средства производства.

Если капиталист не будет обладать средствами производства, то капиталистическое отношение не имеет под собой никакой базы. Однако наличие средств производства еще не превращает собственника средств производства в капиталиста. Необходимо привести в движение эти средства производства руками наемных рабочих.

Отсутствие наемных рабочих не лишает капиталиста средств производства, но его средства производства перестают быть реальным капиталом, а он — действительным капиталистом, ибо отсутствует то отношение, которое делает собственника средств производства капиталистом. В данном случае он лишь потенциальный капиталист. Лишение же капиталиста средств производства лишает его и потенциальной возможности быть капиталистом.

Принадлежность средств производства тому или иному субъекту хозяйствования сама по себе не есть производственное отношение, а есть лишь условие установления производственного отношения.

В системе производственных отношений нет особого производственного отношения по поводу средств производства.

Появляясь особым производственным отношением, собственность на средства производства, естественно, не может быть ни исходным, ни основным производственным отношением.

Чтобы перейти к социализму, необходимо ликвидировать капиталистическую собственность как условие капиталистического производства. Но это еще не означает установления социалистического производства. Эта задача и решается в переходный период, когда социалистическая собственность, выражающая сначала факт принадлежности обществу средств производства, наполняется затем конкретным экономическим содержанием в виде совокупности производственных отношений, в которых она реализуется.

Негативный акт в отношении капиталистического производства не есть одновременно и позитивный акт в отношении социалистического производства. Необходимо еще организовать соединение средств производства с ассоциированной рабочей силой общества в тех формах, которые соответствуют социалистическому производству.

Дмитрий Игнатьевич Валентей

Дмитрий Игнатьевич Валентей (1922–1994) — советский социолог, экономист, демограф. Окончил исторический факультет Московского городского пединститута (1945). Участник Великой Отечественной войны. Доктор экономических наук (1961). Профессор (1963), заведующий кафедрой народонаселения (1967–1991) экономического факультета. Основатель и руководитель Центра по изучению проблем народонаселения (1968–1991). В Московском университете читал курсы лекций: «Демография», «Теория народонаселения», «Система знаний о народонаселении». Награжден орденами Трудового Красного Знамени, Отечественной войны II степени и 13 медалями. Заслуженный деятель науки РФ. Область научных интересов: демография, теория и политика. Проводил комплексные исследования народонаселения, в центре которых была демография как самостоятельная наука, изучающая сложные общественно-естественные процессы. Подготовил около 40 кандидатов наук. Опубликовал более 250 научных работ.

О СИСТЕМЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ¹

За прошедшие годы сделано немало для выяснения теоретических и методологических аспектов развития системы научных знаний о населении. Закономерности развития народонаселения² становятся объектом внимания все более широкого круга специалистов в области общественных и естественных наук. Особо значительный интерес вызывают методологические вопросы комплексного изучения народонаселения, что свидетельствует о возрастающей роли этого научного направления. Подтверждением тому являются публикации по вопросам теории комплексного анализа проблем народонаселения³, а также многочисленные конференции и совещания, посвященные различным вопросам народонаселения, созываемые в Москве и других научных центрах страны.

В основе комплексного изучения закономерностей развития народонаселения лежит творческое применение методологических принципов общественных наук: марксистской философии, политической экономии, научного коммунизма, — на базе которых и создается общая теория народонаселения. В прошлом явления, характеризующие население, обычно изучались с какой-либо одной стороны, например, влияния уровня дохода на интенсивность рождаемости, жилищных условий на рождаемость и т.д. Такой подход, в принципе возможный (а в ряде случаев и необходимый), во многих случаях все же приводит к изучению проблемы населения с частных позиций, к недоучету слож-

¹ Источник: Вопросы экономики. 1973. № 5. С. 74–84.

² Под развитием народонаселения, по мнению автора, надо понимать количественные и качественные изменения населения, обуславливаемые теми процессами, которые происходят в обществе вследствие развития производительных сил и производственных отношений.

³ См., например: Марксистско-ленинская теория народонаселения. — Издательство «Мысль», 1971, и ряд других работ.

ных связей процессов воспроизводства населения с другими общественными явлениями.

Признание тесной связи воспроизводства населения с условиями его жизни и труда есть одновременно признание множества зависимостей между процессами воспроизводства населения и другими социальными процессами. Эти зависимости и связи невозможно исследовать только приемами и методами демографии при самом широком толковании ее предмета. Отсюда вытекает тесная связь демографии с общеметодологическими, а также другими общественными науками в системе наук о народонаселении, расширяется сфера приложения демографических знаний, создается реальная основа изучения населения комплексом наук.

Один из возможных подходов к методике комплексного анализа процессов развития народонаселения — рассмотрение его с позиции системного анализа. Познав народонаселение как систему в его целостности, мы в состоянии объяснить составляющие его элементы, связи и зависимости. При системном подходе анализируются не только закономерности развития и функционирования данной системы, но и сеть ее связей с другими, в частности более крупными, системами.

* * *

Наука о народонаселении — система научных знаний. Объектом исследования этой науки является народонаселение, а предметом — закономерности его развития, изменения в условиях труда и жизни, воспроизводство населения в широком толковании этого понятия (социальная мобильность, естественное возобновление поколений, миграции в различных формах, расселение, качественные изменения, включая общеобразовательную, профессиональную и специальную подготовку, а также здоровье). Особое внимание в нашем обществе при этом уделяется закономерностям улучшения условий труда и жизни населения, его воспроизводства¹.

Как известно, развитие науки в наше время идет двумя внешне противоречивыми путями: параллельно с процессом отпочкования и специализации происходит интеграция наук пограничного характера путем синтеза знаний смежных наук и процесс их взаимного обогащения. Наука о народонаселении богата пограничными, стыковыми научными дисциплинами, многие из которых отпочковались от давно сложившихся наук. Объективно назрела необходимость их полной интеграции в рамках науки о народонаселении. Комплексный подход к изучению народонаселения как многосложного объекта — новый путь в методологии исследования общественных явлений.

Большое значение для дальнейшей разработки теории и методологии комплексного анализа закономерностей развития народонаселения имеет установление научно обоснованной классификации наук о народонаселении, раскрывающей взаимную связь отдельных наук на основании определенных принципов

¹ Оговоримся, что каждая из названных выше форм движения в разной степени изучается теми или иными науками, однако социально-экономическая обусловленность причин этих процессов лежит в закономерностях развития общества.

и логически связывающей их в единую систему. Классификация наук, так или иначе изучающих народонаселение, определяется, во-первых, объективными связями и отношениями изучаемого объекта, во-вторых, методами и условиями (в частности достоверностью, полнотой статистической информации) познания предметов наук, в-третьих, целями, которыми порождаются и которым служат научные знания.

Классификация наук, изучающих народонаселение, должна прежде всего исходить из структуры изучаемого объекта. Поэтому необходимо ответить на вопрос, какова структура народонаселения как объекта исследования, какие стороны, отношения, связи изучает интересующая нас система наук, что наиболее общее можно выделить в этих науках.

За основу классификации знаний, изучающих народонаселение, можно взять различные стороны их общей связи, логически разместив их на основании принципов: 1) от более общих наук к более конкретным, 2) от простого к сложному. Можно также классифицировать науки по времени их возникновения, положив в основу историю демографии или историю развития общественных наук вообще. Классификация может выражать и принцип перехода нашего познания от одной стороны предмета исследования к совокупности всех его сторон. В то же время очевидно, что логическую структуру научной области можно установить, лишь приведя добытые знания в определенный порядок, систематизировав их.

Развитие научных знаний о народонаселении от комплекса к системе и ее становление требуют осмысливания самой структуры этой системы знаний. Естественно, что теория народонаселения основывается на общеметодологических науках. Закономерно поставить общую теорию народонаселения в системе знаний о населении вслед за общеметодологическими науками, а затем демографию и сопредельные с нею науки, такие, как экономика трудовых ресурсов и экономика труда, география населения, семейное право, определенные сферы этнографии, социальная психология, а также социальная гигиена и геронтология, генетика населения и ряд других. В итоге систему научных знаний о населении в самом общем виде можно представить следующей схемой:

В свою очередь, каждая из этих составляющих является целой системой научных знаний о населении. Например, экономика народонаселения предполагает анализ соотношения производства и потребления материальных благ, общественных и личных потребностей, путей удовлетворения этих потребностей в интересах общественного развития и каждого отдельного человека. Столь же сложную систему (или в нашем случае подсистему) представляет собой социология народонаселения.

* * *

«Сердцевиной» этого сложного комплекса знаний является демография. Развитие данной науки — история борьбы в основном двух точек зрения на ее предмет. В одном случае предмет демографии сводился лишь к анализу проблем, связанных с естественным возобновлением поколений, в другом случае он расширялся настолько, что охватывал целый ряд уже сложившихся самостоятельных общественных наук. Мы не склонны соглашаться ни с той, ни с другой точкой зрения. Демография, на наш взгляд, имеет предметом воспроизводство населения в его общественно-исторической обусловленности, то есть в широком толковании этого понятия. Действительно, если прежде речь шла о демографии как об одной науке, то ныне в процессе ее развития наблюдается переход на новую ступень совершенствования демографических знаний: из комплекса демография превращается постепенно в систему демографических знаний, возникающую на основе общей теории народонаселения.

Определяющим началом для всех наук в системе знаний о населении, в том числе и для демографии, является марксистско-ленинская теория народонаселения, синтезирующая общеметодологические положения о закономерностях развития последнего. Теоретическая демография целиком базируется на принципах общей теории народонаселения и призвана разрабатывать основные методологические принципы анализа социально-демографических процессов и явлений закономерности воспроизводства населения. Эта наука определяет как систему демографических знаний, так и место каждой из частных демографических наук в этой системе, позволяет ученым, чьи интересы тяготеют к тем или иным частным демографическим наукам, очертить предметы этих наук, установить роль, место, значение тех или иных методов, конкретной методики и техники анализа социально-демографических процессов. Основываясь на общей теории народонаселения, теоретическая демография призвана создать основу для развития всех конкретных демографических дисциплин, включая такие новые социально-демографические теоретические дисциплины, как экономическая демография и историческая демография.

Авторы многоязычного демографического словаря ООН склонны считать, что предметом теоретической демографии служит изучение в количественном соотношении демографических процессов независимо от других явлений. Мы полагаем, что в данном случае нельзя говорить лишь о количественном освещении демографических процессов, ибо анализ развития народонаселения без выяснения качественных изменений в населении, по сути дела, исключает воз-

возможность познания развития народонаселения в тот или иной период общественного развития.

Дальнейшее развитие демографии, безусловно, потребует более четкого определения предмета теоретической демографии как науки методологической, основы формирования системы демографических наук, основы развития частных демографических дисциплин.

Теоретическая демография должна установить подлинное место традиционных методов в исследовании населения. Например, особое место среди демографических наук занимает дескриптивная (или описательная) демография. Авторы упомянутого словаря ООН полагают, что дескриптивная демография призвана давать развернутую систему характеризующих население показателей, построенных на базе статистических данных о населении. Подобное определение описательной демографии, на наш взгляд, неправильно и предопределяет ее роль только как статистики населения в чрезвычайно узком ее толковании, сводя задачу к сугубо количественной стороне анализа. Вместе с тем дескриптивная демография могла бы послужить основой для широкого круга исследований в области конкретных демографических наук, которые теперь не могут ограничиваться определением лишь количественной стороны процесса.

Дескриптивная демография имеет большое значение для развития истории демографии, ибо без эмпирического материала, который должен быть осмыслен в пределах статистики населения, демографы-теоретики вряд ли смогут подняться на новые, более высокие ступени в анализе развития народонаселения, включая и те количественные изменения, которые происходят в населении в процессе общественного развития в связи с научно-технической революцией. Совершенствование статистики населения позволит определить место эмпирического материала в обобщенном статистиками виде в демографических исследованиях, избежать чрезвычайного увлечения лишь сбором фактов без глубокого их осмысливания, а с другой стороны, не допустить теоретизирования в отрыве от собранного фактического материала, подгонки последнего под формальные схемы.

* * *

Методологические дисциплины помогают определить предмет и методы частных демографических дисциплин, которые, основываясь на теории и методике познания социально-демографических процессов и явлений, исследуют конкретные проблемы. В связи с этим возникает вопрос о предмете демографии и некоторых частных демографических дисциплин.

Исключительно важным разделом системы демографических наук является экономическая демография. Эта наука призвана анализировать воздействие демографических факторов на экономическое развитие общества, а также влияние социально-экономического развития на социально-демографические процессы. Предстоит также осмыслить новое направление исследования — экономику народонаселения и разграничить ее с экономической демографией. К сожалению, экономической демографией в настоящее время занимаются лишь отдельные ученые, хотя практика коммунистического строительства требует активного

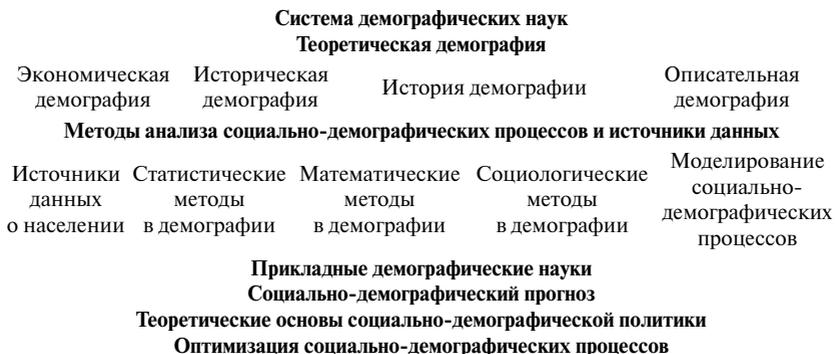
развертывания работ в этой очень важной сфере научной и практической деятельности. Значительный интерес представляет также развитие исторической демографии — отрасли демографии, изучающей историю демографического развития населения мира, континентов, отдельных стран, экономических районов, особенности взаимосвязи в отдельных странах или районах экономических и демографических процессов на разных этапах ее развития.

Пока недостаточно развито и такое направление, как прикладная демография, которая сама представляет систему (в отношении к демографии — подсистему) прикладных демографических дисциплин, имеющих огромное значение для практики народно-хозяйственного планирования. Некоторые наши демографы считают, что это сфера демографических знаний, посвященная результатам применения методов демографического анализа к конкретным проблемам воспроизводства населения отдельных стран и экономических районов (по нашему мнению, эти вопросы входят в предмет региональной демографии), другие — к конкретным проблемам тех или иных отраслей или сфер народного хозяйства страны, связанных с удовлетворением растущих материальных и культурных запросов населения. Речь идет об определении потребностей (масштабов и структуры) населения в связи со сложившейся и ожидаемой возрастно-половой, брачной и образовательной структурой в товарах (продовольствии, одежде, медикаментах, лекарствах и пр.), а также размеров, типов и структуры жилищ, коммунально-бытового обслуживания и масштабов развития непродовольственной сферы (образование, здравоохранение, культура). На практике прикладная демография призвана быть использованной для разработок на длительную перспективу, обеспечивая плановые органы данными об экономических и культурных потребностях населения. (В последнем случае она стыкуется с экономикой народонаселения.)

Особое значение имеет военная демография. Исследования в этой области касаются не только мобилизационной численности мужского населения, но и соответствующих сфер экономики. Военная демография занимается исследованием влияния изменений различных демографических параметров (численность, структура населения) на военный или военно-экономический потенциал страны.

Наряду с экономикой народонаселения большая группа исследователей занимается социологией народонаселения, которая, по определению В. Сысенко, изучает сеть зависимостей и связей между социальным и демографическим развитием. Демографические процессы, по его мнению, рассматриваются в системе социальных отношений в связи с другими видами жизнедеятельности населения. При этом в понятие воспроизводства населения включаются проблемы передачи новым поколениям всего многообразного социального, производственного и духовного опыта. Подобное определение предмета социологии народонаселения, на наш взгляд, весьма перспективно, однако, по-видимому, требует более четкого установления предмета и круга исследований, а также выяснения связей между социологией народонаселения, экономикой народонаселения, с одной стороны, социологией и экономикой в широком толковании этого понятия — с другой, и др.

В целом приведенный перечень отдельных демографических наук и соответствующая ему система знаний могут быть выражены следующей схемой:

Из приведенных схем видно, что общая теория народонаселения, развиваемая на основе общеметодологических наук, как уже подчеркивалось, определяет характер и содержание всех научных направлений в системе знаний о населении: демографии, экономики народонаселения, социологии народонаселения, сопредельных наук, изучающих в той или иной мере население, отдельные его проблемы, закономерности развития. Особенно важна роль теоретико-методологических демографических дисциплин: экономической демографии, исторической демографии, истории демографических учений, а также дескриптивной демографии, которая позволяет всем методологическим демографическим наукам анализировать закономерности развития народонаселения, наблюдаемые в настоящее время социально-демографические процессы и т.д. Поэтому в данной горизонтальной линии, безусловно, надо бы оставить ряд «белых пятен», которые предстоит еще заполнить.

Вслед за теоретико-методологическими дисциплинами идет перечень частных и производных от методологических методов и наук, о которых уже говорилось выше. Названными методами исследуются социально-демографические процессы.

* * *

Трудности познания закономерностей развития народонаселения заключаются в том, что подавляющее большинство из них проявляется через сознательную деятельность людей, складываясь как равнодействующая миллионов человеческих поступков (например, уровень рождаемости в тот или иной период или характер миграционных процессов; демографическое давление на большие города). Анализ причин демографического поведения — важная сфера совместной деятельности демографов с экономистами, социологами, правоведами, социал-психологами, этнографами.

Демография и сопредельные с нею науки, основываясь на общей теории народонаселения, должны изучить совокупность социально-экономических

условий, вызвавших в жизни данную демографическую ситуацию, изменения в интенсивности тех форм движения населения, которые наблюдаются в текущий момент, а также изменения в структуре населения.

Определив с большей или меньшей достоверностью социально-экономические условия, которые вызвали современную демографическую ситуацию¹, крайне важно выяснить вторичные последствия этой демографической ситуации: экономические, социально-демографические, моральные, этические, социально-гигиенические, генетические. Необходимо выяснить влияние демографической ситуации на качество населения (общеобразовательную, профессиональную, специальную подготовку, здоровье); последнее имеет важное значение в конечном итоге и для определения оптимальной численности населения в тот или иной период экономического развития.

Только выяснив вторичные, а также третичные последствия современной демографической ситуации, можно разработать действенный комплекс мер в политике народонаселения по изменению неблагоприятной демографической ситуации. Подсистема прикладных демографических наук и призвана, как мы полагаем, обеспечить реальную «увязку» фундаментальных исследований в области народонаселения с задачами народно-хозяйственного планирования и социального прогнозирования.

* * *

Политика народонаселения, направленность, интенсивность и конкретное содержание которой определяются характером той или иной общественно-экономической формации, складывается из следующих основных моментов.

1. Изменение условий труда, границ трудоспособного возраста вообще и в разных видах занятий, определяемые меняющимися условиями производства, масштабы занятости населения, продолжительность рабочего времени (дня, недели), продолжительность отдыха, забота об охране труда, квалификационная и специальная подготовка, профориентация и др.

2. Изменение жизненных условий всех слоев населения (реальная заработная плата или уровень доходов, жилищные условия, возможность пользоваться бытовыми услугами и достижениями культуры, степень доступности современной медицинской помощи, масштабы свободного времени и структура его использования). Сюда же примыкает и очень важная проблема борьбы за чистоту окружающей человека природы.

3. Воздействие на процессы воспроизводства населения (социальная мобильность, естественное движение, миграционная подвижность).

Демографическая же политика, на наш взгляд, касается только воспроизводства населения в количественном и качественном планах. Она представляет собой совокупность мероприятий, регулирующих демографические процессы в интересах общества в целом и каждого его члена в отдельности, меры,

¹ Состояние, в котором пребывает в настоящее время население, скорее всего можно условно назвать демографической ситуацией, представляющей собой явление, вторичное по отношению к объективным закономерностям, регулирующим развитие народонаселения в данных общественно-экономических условиях.

охватывающие все виды движения населения, так как все они тесно связаны и изменение одного из них сказывается на другом. Так, естественная убыль населения в некоторых областях Северо-Запада РСФСР является следствием не только (а возможно, и не столько) изменения интенсивности рождаемости, но и миграции молодежи в другие районы страны.

Демографическая политика не определяется только экономическими факторами, хотя последние и лежат в их основе, а опосредована социальными отношениями, которые господствуют в обществе, и групповым поведением населения, в нашем случае — демографическим поведением.

Сущность, или содержание, демографической политики, как мы полагаем, складывается из трех основных направлений.

1. Воздействие на социальную мобильность. Оно состоит в создании наиболее желательной структуры общества путем поощрения разными методами передвижения населения из одной социальной группы в другую.

2. Воздействие на процессы естественного возобновления поколений, характер которых определяется интенсивностью процессов рождаемости и смертности. Рождаемость и смертность определяют изменение численности и возрастно-полового состава населения. От изменения интенсивности рождаемости следует отличать рост числа рождений (прежде всего первых), связанных с воздействием возрастно-половой структуры населения. Именно этим, например, объясняется рост поколений рождаемости в нашей стране в 1971–1972 гг.

3. Влияние на перемещение людей из одних мест в другие или миграция населения. Проводимая государством миграционная политика органически связана с политикой в области расселения населения по территории страны.

Условия жизни и труда населения на разных ступенях человеческой истории непосредственно определяются способом производства. Основной экономический закон формации обуславливает, как известно, не только социальные проблемы, которые разрешаются революционным путем под действием объективных условий, создающихся в силу действия закона соответствия производственных отношений характеру производительных сил, но и условия жизни и труда населения.

Составляющие население конкретные индивидуумы живут и трудятся при определенных общественных отношениях, находятся в многочисленных и разноречивых связях между собой — экономического, политического, национального, религиозного, семейного порядка. Народонаселение, или сложная совокупность людей, многими нитями связано с социальной и политической жизнью общества. Уровень производительных сил, характер развития производственных отношений и степень сознания и организованности трудящихся определяют в антагонистических формациях степень и глубину решения основных проблем народонаселения своего времени, изменение в положении трудящихся, условий их жизни и труда.

Решения XXIV съезда КПСС вновь подтверждают неопровержимый тезис о том, что коммунистические производственные отношения создают все объективные условия для неуклонного улучшения в положении всего населения. Общественная собственность на средства производства и планомерность развития экономики обуславливают качественно новое в развитии народонаселения,

когда расширяющиеся границы свободного времени позволяют создавать все более благоприятные условия для творческого труда, развития духовных способностей, осуществления полнокровного жизненного процесса. Лишь в условиях социализма появляется не только теоретическая, но и практическая возможность гармоничного сочетания интересов общества в целом и отдельного индивида, ибо у общества и всех его членов одна цель — построение коммунизма.

Социальная сущность, методы осуществления и действенность демографической политики обуславливаются эффективностью социально-экономической политики государства, ее направленностью. Общественный строй предопределяет и возможность использования тех или иных методов демографической политики. В этих условиях иногда вопрос ставится так: поскольку цель нашего общества неизменна, а режим воспроизводства формируется под влиянием социально-экономических факторов, то рано или поздно под их влиянием создается тот тип воспроизводства населения, который нужен будет исходя из потребностей общества будущего.

Конечно, управление демографическими процессами нельзя понимать как разработку какого-то обязательного «плана», выражающегося в определенных систематических характеристиках. Это не только противоречило бы сути социалистической демократии, но и просто невозможно по существу. Однако в отношении рождаемости и миграции речь должна идти об управлении демографическим поведением населения, о выработке у него устойчивых стандартов демографического поведения, соответствующих долгосрочным интересам общества.

Все это требует не только длительного времени, но и применения широкого комплекса мер демографической политики, а не одной какой-то акции. Именно поэтому, изучая возможности тех или иных мер демографической политики, необходимо всегда помнить, что все они должны составлять большой и неразрывный комплекс мер, предназначенный в целом для выработки таких стандартов демографического поведения, которые соответствовали бы как долговременным интересам общества, так и стремлениям отдельных семей.

Методы демографической политики можно условно разбить на три группы.

1. Экономические меры (пособия по многодетности, учет при налогообложении размеров семьи, льготы при предоставлении жилья для семей с определенным числом детей, развитие сети детских учреждений и бытового обслуживания и др.). В отношении миграции сюда входят выплаты разного рода поощрительных вознаграждений при переезде в нужном для общества направлении, установление в районах «входа» мигрантов повышенных ставок заработной платы, ускоренное развитие в этих местах жилищного и бытового строительства, создание рабочих мест для «вторых» членов семьи, главным образом женщин.

2. Административно-юридические (законодательные акты относительно разрешения или запрещения производства и использования средств ограничения деторождения, определение минимального возраста вступления в брак, разного рода льготы для отцов семейств при призыве на военную службу). В отношении миграции это — законодательное запрещение или разрешение перемещения в те или иные части страны. В отношении социальной мобильности эти меры могут состоять из разного рода льгот для определенных социальных

групп при приеме на учебу, в распределении общественных фондов и некоторых других акций такого же плана.

3. Меры социально-психологического воздействия слагаются из использования средств массовой информации — печати, радио, телевидения, а также всех видов искусства в целях регулирования демографических процессов в том направлении, которое ставит перед собой общество и которое обуславливается политическими, правовыми, философскими взглядами, господствующими в обществе.

Следует подчеркнуть, что административно-юридические и социально-психологические меры в отрыве от мер экономических не могут дать желаемого эффекта.

Одной из важнейших практических проблем демографической политики является оценка размеров тех средств, которые необходимо выделить государству для ее проведения. Нет нужды говорить о том, что такой расчет достаточно сложен. Необходимо определить расходы на весь комплекс мер такого рода, часто тесно связанных между собой. Даже если говорить лишь об одном элементе такой политики — семейных пособиях, то для оценки необходимых для этого затрат нужно знать следующее.

Во-первых, фактическое и перспективное распределение семей по числу детей в них. По данным переписи 1970 г. можно судить о фактическом распределении семей по числу детей; что же касается прогноза семейного состава, то это очень сложная в методическом плане проблема, тесно связанная с прогнозом рождаемости вообще.

Во-вторых, размеры выплат (единовременных и периодических) на детей разных порядков рождений; их величина зависит от многих факторов, в том числе от определения того уровня рождаемости, который желателен для общества. Иначе говоря, речь идет о том, в какой мере поощрять рождение первого, второго, третьего и всех последующих детей в семье. Размер же выплат должен учитывать реальную стоимость содержания ребенка для семьи, иначе они могут потерять свое стимулирующее значение.

Все это позволяет сделать вывод, что такого рода расчеты требуют большой работы и детальной информации. Для того чтобы показать масштаб такого рода расходов, проведем условный расчет величины средств, необходимых для ежемесячных «семейных» пособий только на детей 1969 г. рождения, для которых имеются данные о распределении по порядку их рождения у матери¹. При этом будем исходить из предположения, что ежемесячные расходы на ребенка составляют 50 руб.² и оптимальной является трехдетная семья. Учитывая, что не все расходы семьи для детей должны компенсироваться в виде прямых выплат, а какая-то их часть будет покрываться за счет общественных фондов, предположим, что на первого ребенка ежемесячно пособия составят 10%, или 5 руб., на второго — 20%, или 10 руб., на третьего — 50%, или 25 руб., и на всех последующих — по 20%, или 10 руб.

¹ Вестник статистики. 1971. № 2. С. 89.

² См.: *Кваша А. Я.* О некоторых инструментах демографической политики («Изучение воспроизводства населения». — Издательство «Наука», 1968. С. 76).

В 1969 г. родилось 4087 тыс. детей. Если исключить детей с неуказанным порядком рождения (3,5 тыс.), то по порядку рождения можно распределить 4083,5 тыс. детей, в том числе 1600,9 тыс. первых, 1108,3 тыс. вторых, 463,3 тыс. третьих и 911,0 тыс. детей последующих порядков (поскольку распределение рождений неравномерно по месяцам, такого рода расчет для родившихся в 1969 г. проведен для 1970 г., то есть когда все эти дети уже родились). Следовательно, с учетом всех приведенных выше предположений общая ежемесячная сумма выплат составит в месяц около 40 млн., а в год — 480 млн. руб. Если пренебречь различиями в детской смертности разных порядков рождений и учесть, что в среднем на каждого ребенка разного порядка рождения выплачивается в месяц 10, а в год 120 руб., а коэффициент детской смертности равен 25‰¹, то с поправкой на детскую смертность такого рода расходы составят около 470 млн. руб. Наконец, если исходить из ныне действующего порядка выплат пособий по многодетности в нашей стране — они выплачиваются с года до пяти лет ребенка — и учитывая, что в 1970 г. не все дети рождения 1969 г. достигнут года, то в этом случае общие расходы на такого рода выплаты для когорты рождения 1969 г. при принятой выше системе выплат составят примерно 1,5–1,7 млрд. руб.

Понятно, что такой расчет весьма условен в силу принятых допущений, но он показывает, что даже одни только «семейные пособия», если их выплачивать в ошутимом для семьи размере, требуют больших затрат. А ведь это только часть комплекса мер демографической политики.

Многочисленные исследования эффективности реализации программ «планирования семьи» в странах «третьего мира», некоторых социалистических странах Европы, а также в ряде западноевропейских государств свидетельствуют о том, что ни одна какая-то отдельная мера (к примеру, семейные надбавки) не может решить проблемы регулирования рождаемости. Поэтому речь должна идти о комплексе взаимоувязанных между собою мероприятий, к которым в первую очередь следует отнести меры экономического и административно-правового характера, а также социально-психологического воздействия. Последние органически связаны с такой очень важной сферой интересов демографов, социологов, правоведов, как демографическое поведение населения.

* * *

Не все названные демографические науки и сферы социально-демографической деятельности получили должное развитие, но факт существования одних и необходимости развития других очевиден. Трудно переоценить роль демографии и частных наук, ее составляющих, в системе наук о народонаселении.

Демография — самостоятельная общественная наука, место которой в системе экономических наук, а также общественных наук вообще предстоит еще определить.

Процессу углубления наших знаний о народонаселении, безусловно, способствует специализация демографов, географов, экономистов и социологов,

¹ См.: Народное хозяйство СССР 1922–1972 гг. Юбилейный статистический ежегодник. — Издательство «Статистика», 1972. С. 40.

представителей других общественных наук. Однако наряду с этим процессом идет отпочкование новых отраслей знаний в пределах таких наук, как экономика, социология, этнография, медицина, генетика, каждая из которых также является в известном смысле синтетической, комплексной наукой. Все чаще мы сталкиваемся с фактом, когда та или иная наука оказывается на стыке двух или ряда наук. Так, формирующаяся ныне этническая демография, будучи частью этнографии, в то же время является и частью демографии, особенно исторической. Сюда же входит, по сути, и палеодемография — направление исследования проблем населения, тесно связанное с археологией и антропологией, каждая из которых также является в известном смысле синтетической, комплексной наукой и т.д. Достаточно сказать, что многие науки, изучающие закономерности развития населения, не только уже органически связаны с системой знаний о народонаселении, но без этой связи развиваться практически не могут. Например, закономерности естественного возобновления поколений не могут быть объяснены ни всей системой демографических наук, ни тем более одной из них, в частности демографической статистикой. Для этого нужны усилия экономистов, социологов, психологов, этнографов, юристов и многих других специалистов. Закономерности расселения, изучаемые географами, без демографов, а также этнографов, правоведов и представителей ряда других наук практически не могут быть выяснены. Наука о народонаселении как система научных знаний развивается в процессе взаимного обогащения сопредельных наук, в процессе совместной деятельности ученых по анализу социально-демографических процессов, условий жизни и труда населения.

Однако при этом важно исходить из того, что каждая наука должна иметь свой предмет, структуру, метод, язык. В нашем случае любая из наук в системе знаний о населении должна изучать ту или иную закономерность, характеризующую народонаселение. Вряд ли можно признать правомерным, что первое издание курса демографии в качестве закона, который лежит в основе познания народонаселения, называет политико-экономический закон. Получается, что демография не имеет своего предмета, а призвана анализировать действия такого закона народонаселения, который является одним из законов политической экономии. В итоге наука есть, но предмет взят из другой, одной из основных методологических наук.

* * *

По сей день во всех доступных нам учебниках по политической экономии речь идет только об одном законе народонаселения общественно-экономической формации. Между тем становится все более ясным, что воспроизводство населения и его развитие подчиняются целой системе законов.

Известно, что существуют три группы законов: а) общесоциологические, которые действуют на протяжении всей истории человечества; б) характерные для нескольких общественно-экономических формаций; в) характерные для одной общественно-экономической формации или даже для определенного периода в пределах формации. К этому надо добавить, что, когда речь идет о законах народонаселения, мы не должны забывать и о биологических закономерностях

развития человека и населения. Современный уровень анализа развития народонаселения привел многих исследователей к тому выводу, что каждой общественной формации присущ не один закон народонаселения, а система законов. Экономические законы народонаселения мы рассматриваем исходя из того, что, во-первых, экономическая жизнь общества многопланова и нет основания пытаться «поместить» в один закон ее существенные взаимосвязи, относящиеся к развитию населения. Отсюда следует, что речь надо вести, очевидно, о наличии ряда не только общесоциологических, но и экономических законов народонаселения. Во-вторых, нельзя не исходить из того, что раз экономика играет определяющую роль во всей общественной жизни (включая и процессы развития народонаселения), то это означает, что все развитие народонаселения лишь тогда получает строго научное объяснение, когда выявлена его конечная связь с развитием экономики, выявлены его экономические законы, характерные для того или иного, в частности коммунистического способа производства.

Национальное богатство создается при развитии производства по экстенсивному и по интенсивному пути. Трудящийся был и всегда будет главной производительной силой общества. Поэтому экономический закон, регулирующий занятость людей в общественном производстве (полнота, рациональность и качественные особенности работника с точки зрения возможности овладения новой техникой), должен быть признан, видимо, исходным (ведущим или основным) экономическим законом народонаселения формации, в том числе и коммунистической. Здесь мы имеем дело с наиболее тесной характеристикой связи развития производственных отношений с развитием народонаселения; отсюда и ведущая роль данного политико-экономического закона народонаселения во всей системе экономических законов народонаселения и законов народонаселения вообще. Под политико-экономическим законом народонаселения коммунизма мы понимаем занятость всего трудоспособного населения, формирующегося из работников нового социалистического типа, общественно полезной деятельностью.

Однако наряду с политико-экономическим законом народонаселения нашего общества правомерно говорить и о других экономических законах народонаселения коммунистической формации, таких, как закон социалистической урбанизации, закон планомерной связи размещения населения и размещения производства по территории страны и др. Этими законами во многом предопределяются и новые демографические закономерности коммунистического способа производства: новый принцип расселения, изменения качественных особенностей населения, состояния здоровья населения в самом широком толковании этого понятия и др.

В связи с этим возникают вопросы: есть ли особая система законов народонаселения социализма как первой стадии коммунистического общества? Вправе ли мы говорить об особенностях проявления тех или иных законов народонаселения коммунистической формации в период социализма? На первый из этих двух вопросов, по нашему мнению, следует ответить отрицательно. Вместе с тем нельзя не признать, что сам характер развития общественных отношений, уровень развития производительных сил в нашем обществе налагают

отпечаток на проявление того или иного закона, всей системы законов народонаселения нашей формации.

В той мере, в какой степень удовлетворения материальных и духовных благ определяется возможностью со стороны общества предоставить индивидууму тот или иной объем разнообразных предметов потребления и свободного времени, в такой же мере мы можем говорить о том, что соотношения между накоплением и потреблением (а в конечном итоге масштабы общественного богатства) обеспечивают уровень удовлетворения общественных потребностей и соответственно как течение тех или иных демографических процессов, так и интенсивность развития народонаселения (под которым, как уже говорилось выше, мы понимаем не только количественные, но и качественные изменения населения). Поэтому во второй фазе коммунистического общества, при полной победе коммунистических общественных отношений будет наблюдаться не смена одних законов народонаселения другими, а их дальнейшее действие, углубление, развитие, более явственное проявление тех тенденций, которые в условиях социализма не столь очевидны.

Что касается второго вопроса, то, как мы полагаем, правомерно говорить об особенностях проявления всех без исключения законов народонаселения коммунистического способа производства. Вместе с тем возможно, что некоторые особенности развития народонаселения при социализме носят стадийный характер и не будут проявляться на более высоких этапах развития нашего общества.

* * *

Развитие демографических знаний в систему наук — закономерный процесс превращения демографии в самостоятельную общественную науку со своим предметом, совокупностью проблем и задач, теорией и гипотезами, методами, описанием эмпирического материала присущим этой науке языком. Развитие данной науки является важным условием практической реализации требований основного экономического закона социализма.

Сергей Кузьмич Татур

Сергей Кузьмич Татур (1897–1974) — советский экономист, основатель и заведующий кафедрой бухгалтерского учета и анализа хозяйственной деятельности экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (с 1943 по 1972 г.). Родился в Москве, в 1916 г. окончил коммерческое училище и поступил в Московский коммерческий институт (после революции преобразованный в Институт народного хозяйства имени Г. В. Плеханова), обучение в котором прервал в 1919 г., вступив добровольцем в ряды Красной Армии. В 1925 г. С. К. Татур окончил институт и был переведен на высшие двухгодичные педагогические курсы. Здесь опубликовал первые научные статьи, а после окончания курсов начал свою преподавательскую деятельность во Всесоюзной Промышленной Академии, где проработал в течение 14 лет. В 1939 г. он защитил докторскую диссертацию «Методы анализа хозяйственной деятельности социалистических предприятий» и был утвержден в звании профессора. С 1943 г. работал на экономическом факультете МГУ. Основные направления научной и педагогической деятельности С. К. Татура — бухгалтерский учет, экономический анализ (он является одним из создателей учебной дисциплины «анализ хозяйственной деятельности») и хозяйственный расчет. На базе синтеза этих направлений сформировалась научная школа С. К. Татура, которая и в настоящее время успешно продолжает развиваться. С. К. Татур является автором более 140 научных работ, некоторые из которых переведены на иностранные языки. В этих публикациях были заложены основы нового научного направления — комплексного исследования хозрасчета, учета и экономического анализа, которое наиболее последовательно было реализовано в монографии «Хозяйственный расчет в промышленности». Первое издание этой монографии было отмечено в 1959 г. грамотой МГУ; второе издание в 1966 г. — серебряной медалью ВДНХ; третьему изданию присуждена Ломоносовская премия МГУ. За научную и педагогическую деятельность С. К. Татур был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

§ 1. Вопросы теории и практики анализа деятельности капиталистических предприятий

Производственно-хозяйственная деятельность капиталистических предприятий базируется на капиталистической собственности на средства производства и направлена на максимальное извлечение прибыли, присваиваемой собственниками средств производства. Такая деятельность основана на использовании коммерческой тайны, строго охраняемой законами капиталистических стран. Общественный контроль за ходом производственно-хозяйственной деятельности в связи с этим невозможен. Эту особенность буржуазного хозяйствования подчеркивал еще К. Маркс. Он писал, что буржуазное сознание, которое прославляет как организацию труда, повышающую его производительные силы, мануфактурное разделение труда, пожизненное прикрепление работника к ка-

кой-нибудь одной операции и безусловное подчинение частичного рабочего власти капитала, — это же самое буржуазное сознание с одинаковой горячностью поносит всякий сознательный общественный контроль и регулирование общественного процесса производства как покушение на неприкосновенные права собственности, свободы и самоопределяющегося «гения» индивидуального капиталиста¹.

Наиболее распространенной формой организации капиталистических предприятий в настоящее время являются *акционерные общества*. Особенности этой формы организации капиталистических предприятий заключаются в том, что владельцы акций несут за деятельность акционерного общества ограниченную ответственность. Они отвечают за эту деятельность только в пределах стоимости акций. Делами акционерного общества руководит правление, члены которого избираются голосованием, причем число голосов, которыми распоряжается акционер, определяется количеством акций, имеющихся у него. В результате мелкие акционеры практически не имеют возможности влиять на состав правлений; их составы определяются теми акционерами, которые владеют большим числом акций. Следовательно, деловая политика акционерных обществ определяется крупными держателями акций.

В капиталистическом обществе банковские монополии владеют громадными капиталами, которые они путем приобретения акций вкладывают в промышленные и торговые предприятия. Благодаря этому банки получают возможность вводить в члены правлений акционерных обществ своих доверенных лиц, которые получают возможность контролировать хозяйственные операции акционерных обществ. Для этой же цели банки используют сведения, концентрирующиеся у них по расчетным и кредитным операциям. «...Горстка монополистов подчиняет себе торгово-промышленные операции всего капиталистического общества, получая возможность — через банковские связи, через текущие счета и другие финансовые операции — сначала *точно узнавать* состояние дел у отдельных капиталистов, затем *контролировать* их, влиять на них посредством расширения или сужения, облегчения или затруднения кредита, и наконец *всего определять* их судьбу...»²

Акционерные общества могут в свою очередь создавать другие акционерные предприятия, и тогда «общество-мать» всецело может влиять на ход дел у «общества-дочери».

Благодаря коммерческой тайне капиталистические предприятия могут публиковать минимальную информацию о своей деятельности. Обычно это бухгалтерский баланс и краткие сведения об объеме и результатах работы предприятия (объем продаж, величина полученного дохода, размер выдаваемых дивидендов и т. п.). Правила, установленные для составления отчетных сведений (они называются публичной отчетностью), дают достаточно много возможностей для вуалирования и фальсификации действительных результатов производства. Нет определенных требований к методикам оценки имущества пред-

¹ См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 369.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 27. С. 330–331.

приятый, нет общих правил для определения амортизации, существует много возможностей для создания различных специальных фондов (резервный, страховой и т.п.), которые позволяют вуалировать размеры прибыли и в зависимости от конъюнктуры рынка, биржевой котировки тех или иных акций на фондовой бирже искусственно уменьшать размеры прибыли (с целью уменьшения налоговых платежей), бороться с повышением заработной платы.

В. И. Ленин в своей работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» писал: «Закон, охраняющий торговую тайну, служит здесь не потребностям производства или обмена, а спекуляции и наживе в самой трубой форме, прямому мошенничеству, которое, как известно, в акционерных предприятиях приобретает особенное распространение и особенно искусно прикрывается отчетами и балансами, комбинируемыми так, чтобы надуть публику»¹. В работе «Империализм как высшая стадия капитализма» В. И. Ленин, цитируя статью Л. Эшwege «Дочерние общества», писал: «Балансы многих акционерных обществ похожи на те известные из эпохи средних веков палимпсесты, на которых надо было сначала стереть написанное, чтобы открыть стоящие под ним знаки, дающие действительное содержание рукописи (палимпсесты — пергамент, на котором основная рукопись затерта и по затертому написано другое)». И далее, оценивая действенность контроля в капиталистическом обществе, В. И. Ленин указывал, что «всякие правила контроля, публикации балансов, выработки определенной схемы для них, учреждения надзора и т. п., чем занимают внимание публики благонамеренные — т.е. имеющие благое намерение защищать и прикрашивать капитализм — профессора и чиновники, не могут тут иметь никакого значения»².

Классовые противоречия капиталистического общества, конкуренция и коммерческая борьба между монополиями создают основу для дуалистического подхода к содержанию информации о деятельности данного предприятия, предназначенной для ее руководителей (собственников) и для общества. В работах буржуазных авторов высказывается взгляд, что правления акционерных обществ вправе скрывать от акционеров (рядовых) содержание рискованных операций и что нет надобности публиковать более обстоятельные сведения о работе того или иного акционерного общества, чем это требует закон. Наличие глубоких организационных связей между акционерными обществами «мать» и «дочь» позволяют всегда на известное время обязательства одного общества перебросить на другое, скрыть рискованные операции. Даже сроки годовой отчетности у различных акционерных обществ могут быть разные.

Создается положение, при котором капиталист для себя может иметь наиболее оперативную и правдивую информацию о ходе производственно-хозяйственной деятельности, а обществу (в том числе и налоговым государственным органам) представить желательные для него сведения. Тем самым анализ хозяйственной деятельности в капиталистических условиях делится на *внутрихозяйственный* и *внешнехозяйственный*. Для себя капиталисты требуют всю необходимую им коммерческую информацию, а для общества представ-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 34. С. 172.

² Там же. Т. 27. С. 347–348.

ляют ее в рамках публичной отчетности, содержание которой вуалируется и фальсифицируется.

Отметим, что, кроме публичной отчетности, капиталистические фирмы обычно печатают рекламные отчеты о своей деятельности.

Эти отчеты издаются в форме красочных тетрадей, в которых рекламируется «забота» капиталистов о рабочих.

Научные работы, публикуемые по вопросам анализа хозяйственной деятельности в капиталистических странах, посвящены в основном вопросам анализа баланса. В балансе показывается имущество, принадлежащее тому или иному собственнику, а при разборе баланса стремятся рассмотреть приемы, при помощи которых можно судить о его кредитоспособности. Этот анализ назывался *анализом ликвидности баланса*. Что касается остального содержания таких работ, то обычно оно сводится к рассмотрению различных «теорий» оценки отдельных видов имущества, применяемой при составлении баланса.

§ 2. Возникновение анализа деятельности социалистических предприятий

В октябре 1917 г. победила Великая Октябрьская социалистическая революция. Пролетариат стал господствующим классом, а Коммунистическая партия — правящей партией первого в мире социалистического государства.

В. И. Ленин еще до Октября говорил о необходимости отмены коммерческой тайны: «...без отмены коммерческой и банковской тайны, без немедленного издания закона об открытии торговых книг для рабочих союзов, все фразы о контроле и все проекты контроля — пустейшая словесность»¹.

Вскоре после Октябрьской революции (14 ноября 1917 г.) Советское правительство издало «Положение о рабочем контроле».

Проект Положения был написан В. И. Лениным. В Положении говорилось: «Во всех промышленных, торговых, банковых, сельскохозяйственных и прочих предприятиях, с числом рабочих и служащих (вместе) не менее 5 лиц или с оборотом не менее 10 000 рублей в год, вводится *рабочий контроль* за производством, хранением и куплей-продажей всех продуктов и сырых материалов... Для этих выборных представителей должны быть открыты все, без изъятия, книги и документы, а равно все склады и запасы материалов, орудий и продуктов, без всякого изъятия»². Отмена коммерческой тайны, новые, социалистические производственные отношения явились основой для организации научной, гласной системы изучения экономики предприятий. Это и стало началом разработки новой конкретной экономической дисциплины — **анализа производственно-хозяйственной деятельности социалистических предприятий и хозяйственных организаций**.

В конце 1917 г. были национализированы крупные промышленные предприятия и банки, а к весне 1918 г. были национализированы транспортные

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 32. С. 393.

² Там же. Т. 35. С. 30.

предприятия, торговый флот, внешняя торговля. Возникла необходимость организовать хозяйственную работу по-новому, и это потребовало большого внимания и сил. В. И. Ленин в работе «Очередные задачи Советской власти» (апрель 1918 г.) указывал: «Веди аккуратно и добросовестно счет денег, хозяйничай экономно, не лодырничай, не воруй, соблюдай строжайшую дисциплину в труде, — именно такие лозунги, справедливо осмеивавшиеся революционными пролетариями тогда, когда буржуазия прикрывала подобными речами свое господство, как класса эксплуататоров, становятся теперь, после свержения буржуазии, очередными и главными лозунгами момента»¹.

В период военного коммунизма все силы советского народа были направлены на разгром белогвардейцев и интервентов. Устойчивого измерителя для оценки производственно-хозяйственной деятельности не было, использовались различные натуральные показатели. Деньги, обращавшиеся в тот период (они назывались совзнаками), быстро обесценивались. Необходимо было создать устойчивую валюту. Отчетность предприятий основывалась на данных инвентаризации, эти данные расценивались в совзнаках на дату составления отчетов. Отчеты составлялись с большим опозданием и оперативного значения не имели. В конце 1922 г. устойчивая валюта была создана, были пущены в обращение червонцы. На X съезде РКП(б) (8–16 марта 1921 г.) было принято решение о переходе от военного коммунизма к новой экономической политике. В тот период в стране было 5 экономических укладов: социалистический, государственно-капиталистический, частнокапиталистический, мелкотоварный и патриархальный. Таким образом, в течение известного периода времени внутри страны существовали одновременно социалистический и капиталистический уклады. В период новой экономической политики ставилась задача развить социалистический уклад для того, чтобы он стал господствующим, ликвидировать капиталистические элементы в хозяйстве, приступить к индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства.

В этих условиях деловые отношения между предприятиями осуществлялись как на основе *прямых расчетов*, так и с использованием *кредитных отношений* в форме кредита по открытым счетам, вексельного и банковского. Банков было несколько: в начале новой экономической политики существовали, кроме Госбанка, кооперативные банки, банки акционерного типа (большая часть акций этих банков принадлежала Советскому государству), коммунальные банки и общества взаимного кредита. Наличие нескольких банков позволяло предприятиям вести свои кредитные и расчетные операции, хранить свои деньги на текущих счетах в нескольких банках.

Широкое распространение имели векселя. Векселя служили бесспорным доказательством долга, в них указывалась сумма, дата платежа и его место. Векселя можно было передавать в уплату другим предприятиям. При этом делалась передаточная надпись, и за оплату в срок по такому векселю отвечал не только тот, кто его первоначально выдал, но и лицо или организация, поставившая на векселе передаточную надпись (бланконадписатель). Если платеж в срок не поступал, то этот факт регистрировался у нотариуса. Самый факт регистрации

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 36. С. 174.

назывался протестом векселя. Он обозначал неплатежеспособность того предприятия или лица, к которому было обращено требование оплатить вексель.

Возможность передачи векселя от одной организации другой приводила к их обороту. Так, например, Центросоюз мог выдать вексель Текстильному синдикату, а он в свою очередь передать его текстильной фабрике. Эта фабрика могла также передать вексель в платеж за поставляемое ей сырье. Последняя же организация могла передать для досрочной оплаты вексель в банк. Эта операция называлась учетом векселя. Право получения долга в срок переходило к банку.

В этих условиях среди отчетных документов большое значение получил *баланс предприятия*. Советское государство требовало, чтобы баланс был ясным и точным.

Потребности Советского государства, выражавшего новые, социалистические производственные отношения, вызвали появление ряда научных работ, в которых разрабатывались вопросы теории составления балансов в социалистическом хозяйстве. Коммерческая тайна была отменена (необходимо различать коммерческую и государственную тайну и в отношении балансов предприятий, которые вели свою хозяйственную работу в этот переходный период). Значение балансов было подчеркнуто в резолюции XII съезда РКП(б), в которой указывалось: «Внимательность, настойчивость и расчетливость являются необходимыми качествами советского хозяйственника. Его высшей аттестацией является активный баланс предприятия»¹.

В теоретических работах, посвященных исследованию предпосылок для составления правдивых и ясных балансов и называвшихся работами по *балансоведению*, рассматривались вопросы оценки имущества предприятия (оценка балансовых статей), структуры баланса, роли и правил инвентаризации, необходимой при составлении годовых балансов, разграничения расходов и доходов предприятия между смежными отчетными периодами и пр. Годовые балансы с краткими сведениями о работе предприятия (10–12 показателей) печатались в приложениях к газете «Экономическая жизнь» (выходила в Москве с 6 ноября 1918 г. по 16 ноября 1937 г., после чего была преобразована в «Финансовую газету»). В. И. Ленин в письме в редакцию газеты «Экономическая жизнь» по вопросу о ее задачах писал: «Газета должна стать боевым органом, не только дающим регулярные и правдивые сведения о нашей экономике, во-первых, но также анализирующим эти сведения, обрабатывающим их научно для получения правильных выводов в целях управления промышленностью и проч. (во-вторых), и наконец, *подтягивающим* всех работников экономического фронта, добивающимся пунктуальной отчетности, одобряющим успешную работу и выносящим на общий суд неаккуратных, отсталых, неумелых работников данного предприятия, или учреждения, или отрасли хозяйства и т.п., в-третьих»².

Работы в области балансоведения помогли решить ряд вопросов, обеспечивающих правильное составление балансов и реальность сведений, которые в них содержались. Уже в период новой экономической политики был разра-

¹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). — М.: Политиздат, 1967. Т. 1. С. 359.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 44. С. 112.

ботан ряд специальных отчетных таблиц, в которых приводились важнейшие сведения в работе предприятий. Начали появляться работы по *анализу баланса*¹.

Таким образом, основной особенностью развития экономического анализа на первом этапе являлось то, что он, как правило, *не выходил за рамки баланса и счета прибылей и убытков*. Но уже на этом этапе В. И. Лениным была поставлена задача **тесной увязки анализа с планом как основной особенности социалистического анализа**: «...надо, чтобы экономисты, литераторы, статистики не болтали о плане вообще, а детально изучали выполнение наших планов, наши ошибки в этом практическом деле, способы исправления этих ошибок. Без такого изучения мы слепые. При таком изучении, наряду с ним, при условии изучения практического опыта, — остается совсем маленький вопрос административной техники»².

§ 3. Развитие анализа хозяйственной деятельности до экономической реформы 1965 года

В историю строительства социализма в нашей стране год 1929 вошел как год великого перелома. В сельском хозяйстве колхозное движение переросло в сплошную коллективизацию. Социалистический уклад стал господствующим, создались условия для совершенствования хозяйственной практики на социалистических началах.

В 1930 г. была начата *кредитная реформа*, которая была завершена в четвертом квартале 1931 г. Коммерческий кредит, получивший широкое распространение в период новой экономической политики, был отменен. Ведь при наличии вексельного обращения не всегда можно было установить, кто именно пользуется банковским кредитом: векселедатель или последний векселедержатель, который учел вексель в банке. Кредит по существу был *косвенным*. В процессе кредитной реформы он был заменен *прямым банковским кредитованием*.

Одновременно была перестроена система банков, и Государственный банк стал единым расчетным и кредитным центром страны. Каждое предприятие обязано было хранить свои свободные денежные средства на расчетном счете в том филиале банка, который его обслуживал, и осуществлять свои расчеты путем безналичных перечислений через этот же филиал банка. Тем самым был создан механизм *контроля рублем* работы предприятия со стороны банка.

В начале этого периода продолжали появляться работы по анализу баланса, но изложение порядка анализа баланса все сильнее связывало эту работу с анализом рентабельности и анализом важнейших данных о ходе производственно-хозяйственной деятельности. Ведь содержание баланса обуславливалось именно итогами производственно-хозяйственной деятельности. Это ясно сформулировал Н. Р. Вейцман. По поводу содержания этой работы он пишет: «Второй от-

¹ См., например: *Худяков П. Н.* Анализ баланса. — М.-Л., Кооперативное изд-во, 1926; *Вейцман Н. Р.* Счетный анализ. Методы исследования деятельности торгового предприятия по данным его бухгалтерии. — М.: Центросоюз, 1924, 1926 и 1929; *Ушаков А. В.* Счетный анализ как метод исследования сельского хозяйства. — Краснодар, 1928.

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 42. С. 344—345.

личительной чертой настоящего курса следует считать его решительный разрыв с традицией выдвигать на первое место вопросы анализа баланса. Эта традиция, коренящаяся в чисто буржуазных трактовках науки анализа как исследования преимущественно тех учетных материалов, которые в капиталистических странах становятся достоянием гласности, и прежде всего — баланса, в условиях советской экономики не только абсолютно беспочвенна, но является крайне вредной, побуждая акцентировать внимание не на основах, а на второстепенных вопросах анализа деятельности предприятий»¹. Для точности добавим, что дело даже не в том, какие вопросы анализа в социалистическом и капиталистическом хозяйстве являются основными или второстепенными (лучше было бы сказать: первичными и производными), а в самой возможности произвести научно обоснованный анализ (см. рис. 1).

Социалистические предприятия	Капиталистические предприятия
Общественная собственность на средства производства, социалистические производственные отношения сотрудничества и взаимной помощи, широкий обмен опытом, соревнование	Частнокапиталистическая собственность на орудия и средства производства, капиталистические производственные отношения, антагонистические противоречия, конкуренция
Отсутствие коммерческой тайны, достоверность и ясность отчетных данных и другой экономической информации	Коммерческая тайна, вуалирование и фальсификация отчетных данных
Единство целей и задач анализа во всех хозяйственных звеньях и у всех общественных организаций	Деление анализа на внутрехозяйственный и внешехозяйственный. Требование ясных и точных сведений для собственника и их искажение для общества и рядовых членов акционерных обществ
Цель анализа: наиболее полное удовлетворение потребностей всех членов социалистического общества, единство интересов общества, коллектива предприятия и его работников	Цель анализа: максимальное извлечение прибыли, сокрытие ее размеров, распределение прибыли в интересах монополий и наиболее состоятельных акционеров
Полная занятость работников, их материальная заинтересованность в результатах производства	Хроническая безработица, замораживание заработной платы и сдерживание ее роста в интересах капиталистов
Доступность для анализа всей экономической информации	Ограничение информации для общества содержанием публичной отчетности
Широкое привлечение к анализу работников предприятия, общественные бюро анализа	Засекречивание аналитической работы

Рис. 1. Сравнительная характеристика предпосылок, целей, методов и источников анализа хозяйственной деятельности предприятий в социалистическом и капиталистическом хозяйствах

¹ Вейцман Н. П. Счетный анализ. Основные приемы анализа деятельности предприятий по данным учета. — М.: Стандартизация и рационализация, 1934. С. 4.

Можно было бы привести еще ряд различий между содержанием, задачами и методами анализа хозяйственной деятельности предприятий в социалистическом и капиталистическом хозяйствах, но и приведенного достаточно для того, чтобы показать, что анализ хозяйственной деятельности является дисциплиной научной и что его задачи обусловлены производственными отношениями, существующими в том или ином обществе. В социалистическом обществе анализ хозяйственной деятельности в теоретическом плане и в практической деятельности служит острым оружием Коммунистической партии в борьбе за построение коммунистического общества.

Работы по вопросам балансоведения, как и работы в области изучения и разработки вопросов анализа баланса, в известной мере, формально, содержали некоторые сведения, похожие на те, которые были в работах буржуазных авторов. Но сходство это чисто внешнее. В. И. Ленин в выписке из работы К. Маркса «Гражданская война во Франции» указывал: «...Обычной судьбой *нового исторического* творчества является то, что его принимают за подобие старых и даже отживших форм общественной жизни, на которые новые учреждения сколько-нибудь похожи»¹. Сказанное относится и к содержанию и методам анализа хозяйственной деятельности социалистических предприятий. Это новая конкретная экономическая дисциплина, возникшая и развивающаяся в социалистическом обществе.

Работы по вопросам анализа хозяйственной деятельности предприятий, публиковавшиеся после кредитной реформы, первоначально издавались под названием *Анализ баланса и отчета*, а потом, по мере расширения экономической информации, привлекавшей к анализу, начали называться *Анализ хозяйственной деятельности* или *Экономический анализ хозяйственной деятельности*. При этом они различались как по сфере хозяйства, к которому относилось предприятие, так и по методам, которые применялись при анализе.

Характерным моментом данного этапа развития экономического анализа явилось создание общего **курса анализа производственно-хозяйственной деятельности, дифференцированное рассмотрение методов анализа в отдельных отраслях и подотраслях народного хозяйства, а также переход от анализа общих показателей работы предприятий к внутризаводскому анализу.**

Появились работы (В. И. Ганштака, М. И. Баканова и др.), посвященные анализу хозяйственной деятельности отдельных цехов: заготовительных, механических, сборочных. Вышли работы по анализу таких отраслей, как торговля, транспорт и др.

Работы, посвященные вопросам анализа деятельности сельскохозяйственных предприятий, охватывали прежде всего анализ деятельности совхозов, колхозов, машинно-тракторных станций. В этих работах детально освещались методы анализа использования сельскохозяйственной техники и эффективности агротехнических мероприятий. Были разработаны приемы получения сводных показателей, характеризующих использование техники (например, условные тракторы и комбайны), влияние сезонности на выполнение многих сельско-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 33. С. 219.

хозяйственных работ. Появились исследования и отдельных вопросов анализа деятельности сельхозпредприятий.

Кроме работ по анализу хозяйственной деятельности, в которых освещались все важнейшие вопросы анализа, началось исследование различных видов отдельных наиболее актуальных проблем: анализ применения новой техники и технологии, организационно-технического уровня предприятий; анализ внутрихозяйственных резервов; детальное исследование вопросов анализа выпуска продукции и ее качества, показателей по труду и заработной плате; анализ структуры оборотных средств и их оборачиваемости, затрат на производство и себестоимости продукции, рентабельности и финансового положения предприятий. Углубляется содержание учебных курсов по анализу производственно-хозяйственной деятельности предприятий. Появилось также много различных методических материалов, необходимых при преподавании, главным образом сборников задач. В учебных планах учетно-экономических факультетов экзамен по курсу анализа хозяйственной деятельности был включен в число государственных. Ряд кандидатских диссертаций и некоторые докторские были посвящены исследованию аналитической проблематики.

Большое значение для развития теории и практики анализа производственно-хозяйственной деятельности предприятий имело Первое Всесоюзное научно-техническое совещание по организации и методам экономического анализа (март 1963 г.).

§ 4. Анализ в новых условиях хозяйствования

В начале восьмой пятилетки на основе решений мартовского и сентябрьского (1965 г.) Пленумов ЦК КПСС и XXIII съезда КПСС в стране начала осуществляться *экономическая реформа*. Экономическая реформа направлена на совершенствование методов планирования и экономического стимулирования. Созданы условия для расширения самостоятельности предприятий при усилении роли централизованного планирования. Шире используются экономические методы руководства, повышается материальная заинтересованность и ответственность предприятий за выполнение ими плановых заданий и улучшение общих показателей работы.

Перевод промышленных предприятий на новую систему планирования и экономического стимулирования осуществлялся постепенно, по мере создания у них условий для достаточно высокой рентабельности, обеспечивающей создание фондов экономического стимулирования (фонд материального поощрения, фонд социально-культурных мероприятий и жилищного строительства, фонд развития производства). Кроме того, было необходимо обеспечить возможность внесения из прибыли в доход государственного бюджета платы за пользование основными фондами и оборотными средствами производственного назначения.

В 1967 г. были утверждены новые оптовые цены, отражающие изменения в экономике промышленных предприятий, обусловленные изменениями в организации производственно-хозяйственной деятельности предприятий в связи

с их переходом на новые методы планирования и экономического стимулирования.

В течение восьмой пятилетки широко развернулась такая работа по улучшению управления промышленностью, как организация *объединений*, широко проводились экономические эксперименты. «Курс на создание объединений и комбинатов, — говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в Отчетном докладе Центрального Комитета XXIV съезду партии, — надо вести решительней — в перспективе они должны стать основными хозрасчетными звеньями общественного производства. При создании объединений особенно важно, чтобы административные границы и ведомственная подчиненность предприятий не служили препятствием к введению более эффективных форм управления»¹.

Широкое распространение производственных и промышленных объединений в девятой пятилетке предусматривается постановлением Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 2 марта 1973 г. «О некоторых мероприятиях по дальнейшему совершенствованию управления промышленностью».

Бурное развитие народного хозяйства требует углубления анализа, повышения его оперативности, развития сравнительного анализа. В условиях работы предприятий по новой системе планирования и экономического стимулирования особенно большое значение приобретают сопоставление темпов роста производительности труда и заработной платы, выявление данных о том, как использование фондов материального поощрения влияет на рост производительности труда.

На 1 января 1972 г. проведена переоценка основных фондов. Следовательно, при анализе данных об их использовании в девятой пятилетке и при сопоставлении этих данных с показателями их использования в восьмой пятилетке необходимо учитывать итоги переоценки. Эти итоги влияют также на величину платежей за пользование основными фондами производственного назначения и тем самым на уровень рентабельности.

Возникают новые вопросы при анализе взаимоотношений предприятий с государственным бюджетом. В основном платежи предприятия в доход государственного бюджета осуществляются в форме платы за пользование основными фондами и оборотными средствами производственного назначения, фиксированных (рентных) платежей и взносов свободного остатка прибыли. Практика первого этапа работы в новых условиях показала, что удельный вес сумм, которые вносятся в бюджет в качестве фиксированных платежей, мал, а взносы свободных остатков прибыли у хорошо работающих предприятий относительно велики. Очевидно, при анализе финансовых показателей необходимо обращать особое внимание на возможность расширения фиксированных платежей.

В девятой пятилетке получают дальнейшее развитие прямые связи между предприятиями-поставщиками и предприятиями-потребителями, между промышленными предприятиями и торговыми организациями, покупка сырья и материалов, инструментов, приборов и т.п. у органов системы материально-технического снабжения. Развитие прямых связей, устанавливаемых на до-

¹ Материалы XXIV съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1971. С. 68.

статочно продолжительное время, способствует поставке материалов нужных типоразмеров и хорошего качества, а это позволит снизить величину затрат на производство за счет наиболее рационального расходования материалов.

Особенности экономического анализа в связи с развитием экономической реформы получают отражение в новых учебниках и учебных пособиях¹. В мае 1969 г. в Москве состоялось Второе Всесоюзное научно-техническое совещание по проблемам совершенствования организации и методов экономического анализа в промышленности².

В организации аналитической работы особенно много изменений требует развитие автоматизированных систем управления производством, применение математических методов, электронных вычислительных машин и быстродействующих средств связи. Совершенная техника, используемая в процессе управления работой предприятий, позволяет шире использовать информацию о ходе хозяйственных процессов, осуществить комплексный анализ их деятельности.

В системе Государственного банка сосредоточиваются документально обобщенные сведения о движении общественного продукта. Эти сведения при применении передовой вычислительной техники могут быть разработаны по отраслям промышленности, что поможет выявить межотраслевые связи, оперативно получать сведения об отношениях предприятий с государственным бюджетом.

Характерной особенностью развития экономического анализа в настоящее время является достижение его **комплексности, системности, применение микро-математических методов и электронной вычислительной техники, осуществление задач полного хозяйственного расчета.**

В перспективе роль и значение анализа хозяйственной деятельности по мере совершенствования процессов управления будут возрастать. Развитие анализа и повышение его оперативности — важное средство в ускорении строительства коммунизма, в углублении борьбы за наиболее полное и целесообразное использование ресурсов социалистических предприятий.

¹ См., например: Курс анализа хозяйственной деятельности / Под ред. М. И. Баканова и С. К. Татура. — М.: Финансы, 1967; *Шеремет А. Д.* Анализ экономики промышленных предприятий. — М.: Высшая школа, 1967; *Дембинский Н. В.* и др. Экономический анализ деятельности промышленных предприятий. — Минск, 1968; Экономический анализ деятельности промышленных предприятий / Под ред. Переслегина В. И. — М.: Мысль, 1970; *Ораевская Г. А., Ламыкие И. А.* Анализ хозяйственной деятельности сельскохозяйственных предприятий. — М.: Экономика, 1970.

² См.: Организация и методы экономического анализа в промышленности. — М.: Экономика, 1972.

Тигран Сергеевич Хачатуров

Тигран Сергеевич Хачатуров (1906–1989) — советский экономист. Окончил статистическое отделение факультета общественных наук Московского университета (1926). Доктор экономических наук (1940). Профессор (1971), организатор и заведующий кафедрой экономики природопользования (1978–1989), заведующий лабораторией экономического прогнозирования (1976–1979) экономического факультета. Лауреат Ломоносовской премии (1980). В Московском университете читал курс «Политическая экономия капитализма»; спецкурсы, посвященные вопросам экономики размещения производительных сил. Директор ВНИИ железнодорожного транспорта (1945–1949). Директор Института комплексных транспортных проблем АН СССР (1954–1959). Академик АН СССР (1966). Член Президиума АН СССР (1967–1971). Главный редактор журнала «Вопросы экономики» (1966–1989). Награжден орденами Октябрьской Революции (1975), Трудового Красного Знамени (1942, 1945, 1966, 1971), Красной Звезды (1945) и другими наградами. Область научных интересов: теория социалистического воспроизводства, проблемы экономического планирования и прогнозирования, экономическая эффективность капитальных вложений, экономика капитального строительства, экономика транспорта, размещение производительных сил, экономика СССР. Занимался проблемами, связанными с экономикой железнодорожного транспорта. Особую актуальность имеют его исследования экономических вопросов экологии, проведенный им анализ зависимости между повышением эффективности общественного производства и интенсификацией использования природных ресурсов, ограниченность которых проявляется все сильнее по мере развития народного хозяйства. Возглавил ряд прикладных исследовательских работ по снижению отрицательных последствий производственной деятельности московских предприятий.

ЭКОНОМИКА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ: ВВЕДЕНИЕ

Вопросы взаимоотношений общества и природы и использования природных ресурсов становятся все более актуальными и настоятельными. И это понятно. По мере того как развивается производство, изымаются богатства природы, растет стоимость добываемого сырья, увеличивается количество отходов, выбрасываемых в окружающую среду. Однако было бы неверно искать решение вопроса об истощении ресурсов и загрязнении среды в приостановке роста или даже сокращении объемов производства, как это предлагают некоторые зарубежные деятели. Подобные предложения идут вразрез со всем ходом развития человеческого общества, с ходом истории и практически невыполнимы.

Автор отвергает пессимистическую оценку перспектив развития общества исходя из ограниченности ресурсов и загрязнения среды. Главным фактором дальнейшего общественного развития являются неисчерпаемые творческие силы самого общества и тех его членов, которые руководствуются стремлением к наиболее полному удовлетворению потребностей народа, повышению его материального и культурного уровня. Что касается ресурсов планеты, то

они еще далеко не полностью изучены и раскрыты. Нам известно только то, что находится на поверхности Земли и в непосредственной близости от нее, а внутри Земли глубже 12 км сооруженной на Кольском полуострове скважины еще никто не заглядывал.

Правильные взаимоотношения природы и общества состоят не в том, чтобы затормозить использование природных ресурсов для нужд производства, т.е. остановить процесс развития производства, а, следовательно, и общества. Необходимо рациональное природопользование, при котором общество ставит перед собой задачу с максимальной бережливостью и экономией относиться к природным ресурсам, забирать у природы не более того, что нужно в качестве сырья для развития производства. Надо, во-первых, не переступать тех границ изъятия возобновимых природных ресурсов, за которыми теряется способность природы к самовосстановлению, во-вторых, комплексно использовать все элементы добытых ресурсов, в особенности невозобновимых, в-третьих, свести к минимуму отходы и отбросы и тем самым уменьшить загрязнение среды.

Рациональное природопользование немислимо вне эффективного хозяйствования, составной частью которого оно является. Оно должно исходить из интересов и народного хозяйства, и отдельных предприятий. Нужны стимулы соблюдения установленных норм использования природных ресурсов и ограничения отходов, хотя это может вести за собой нежелательное увеличение капитальных и текущих производственных затрат, а значит, и снижение прибыли и фондов поощрения. Эффективность мер рационального природопользования полностью дает себя знать в масштабе экономического района или даже всей страны. Затраты, требующиеся для проведения указанных мер, приносят выгоду нередко не тому предприятию, которое затраты произвело, чтобы, например, сократить загрязнение воздуха или воды, а другим предприятиям, организациям и лицам, которые этим воздухом или водой пользуются.

Далее, во многих случаях основная масса эффекта достигается не сразу, а в перспективе, когда мероприятия по более экономному применению ресурсов или уменьшению загрязнения среды начинают приносить все больший эффект, способствуя продлению срока пользования ресурсом или предотвращая выбытие имеющихся благ.

Потребность производства в ресурсах тем меньше, чем разумнее с ними обращаются, и не только в производстве, но и в потреблении. Чтобы сократить потребность в добыче новых количеств природных ресурсов, нужно полнее осуществлять рационализацию общественного производства.

Совершенствование всего процесса производства, направленное на радикальное снижение затрат сырья, топлива, энергии, рабочей силы на единицу выпускаемой продукции, позволит добиться возможно большей экономии природных материалов. Сокращение их расхода зависит не только от улучшения процессов добычи сырья, увеличения отдачи недр, комплексной утилизации добываемого сырья, очистки и обезвреживания отходов, т.е. того, что обычно связывается с понятием природопользования и охраны окружающей среды. Громадное значение имеют рационализация всех отраслей производства, ликвидация дефицита, излишков и потерь, интенсификация и ограничение потреб-

ности в сырье, материалах, рабочей силе, повышение нагрузки оборудования. Для этого требуются применение современных достижений научно-технического прогресса, передовой технологии, организации производства и труда, совершенствование структуры производства исходя из объективных экономических законов социализма, из интересов как общества в целом, так и каждого его члена в отдельности.

Иногда высказывается мнение, что понимание борьбы за экономное использование природных ресурсов на основе интенсификации всего процесса общественного производства весьма широко. Действительно, это так. Для того чтобы наилучшим образом решить задачу удовлетворения потребностей общества в условиях ограниченности природных богатств, нужно осуществить перестройку производства в целом. В известной мере в этом заключается то новое, что предлагается в самой постановке вопроса об экономике природопользования. Подобная постановка вопроса оправдывает и приведение конкретного материала, характеризующего различные виды природных ресурсов, их использование в народном хозяйстве СССР и ряда других стран.

Одна из особенностей книги состоит в том, что в ней вся проблематика природных ресурсов рассматривается в экономическом освещении. Эта сторона охраны природы в большей части вышедшей литературы получила слабое отражение. Поставленных же вопросов без рассмотрения экономического механизма не решить. Экономический механизм включает и планирование, и управление, и стоимостные оценки, и расчеты абсолютной и сравнительной экономической эффективности проводимых мероприятий. Лишь путем экономического анализа можно сделать обоснованные выводы о действительной эффективности природоохранных мероприятий, об охране самих природных ресурсов, о месте методов планирования и управления ими и экономического стимулирования в решении задач рационального природопользования, а также о развитии их современных форм. Экономический анализ необходим и для правильного решения поставленных в книге вопросов создания и внедрения малоотходного и безотходного производства, т.е. начальной стадии превращения общественного производства в замкнутую систему. Это же относится и к вопросам влияния современного научно-технического прогресса на экологию природопользования.

В связи со сказанным большое значение имеют экономические расчеты по природопользованию и охране среды от загрязнения. Экономические расчеты — важный материал для принятия плановых решений по поводу рационального использования природных ресурсов и охраны среды в интересах всего общества. Для их проведения требуется прежде всего достаточно детальная информация об имеющихся природных ресурсах по их видам. Эта информация должна состоять из данных о наличии ресурсов, их количестве и качестве, размещении по территории, доступности для использования. Помимо данных об имеющихся ресурсах важны и предположительные данные о возможных, хотя и не измеренных, ресурсах, например, о возможном наличии полезных ископаемых, еще неиспользуемых энергетических источниках и т.д. Все эти данные имеют значение не только сами по себе, но и в сопоставлении с потребностями производства — существующими и перспективными.

Для экономических расчетов нужны не только натуральные, физические данные о количестве и качестве природных ресурсов, но и стоимостные. Важны прежде всего стоимостные оценки природных ресурсов в самих месторождениях или в других их источниках (земли, леса, воды и т.д.). Их правильная оценка — дело непростое. Природные ресурсы в их естественном состоянии, когда к ним еще не прикоснулась рука человека, не имеют трудовой стоимости. Автор рассматривает способ их косвенной оценки, исходя из дифференциальной ренты и других показателей. Следует отметить, что в современной экономике величина оценки природных ресурсов в ряде случаев имеет чрезвычайно большое значение. Стоимость природных ресурсов дает возможность экономического сопоставления их с другими средствами производства и целесообразного их сочетания. Известно, какое огромное влияние на экономику многих стран оказало повышение цен на нефть в первой половине 70-х годов. Это повышение стало результатом соглашения стран, вошедших в состав ОПЕК (организация стран, экспортирующих нефть). Основой установления высоких цен явилась монопольная собственность на месторождения нефти, запасы которой в мире ограничены и могут полностью истощиться в течение ближайших десятилетий. Значительное повышение цен на нефть, а позднее и их понижение опережали сдвиги в оценке других энергетических источников, подняли значение угля, газа, атомной энергии, привели к изменениям в экономической политике ряда стран. Растут цены и на другие виды ископаемых ресурсов, также становящихся дефицитными, например, на серебро, свинец, олово, молибден.

Наряду с оценкой самих ресурсов для экономических расчетов нужно иметь данные и по затратам на их использование, т.е. добычу, транспортирование и применение. Эти затраты также имеют тенденцию к росту. В первую очередь используются (и истощаются) высококачественные и наиболее близко расположенные по отношению к центрам потребления ресурсы, а затем уже менее выгодно расположенные или менее качественные. Вместе с этим растут затраты по эксплуатации ресурсов, а также себестоимость производимой продукции.

В целом совершенствование природопользования приобретает все большее значение. При условии рационализации производства на всех его стадиях — от добычи до переработки и получения готового продукта, а также на стадии потребления — возможно достичь действительно экономного использования того или иного природного ресурса и тем самым в максимальной мере продлить сроки его существования.

Другой областью экономических расчетов являются определение ущерба, наносимого загрязнением окружающей среды, и затрат, необходимых для его ликвидации. Само загрязнение среды количественно может быть выявлено по содержанию вредных веществ в воздухе, воде, почве, в растениях и животных. С этой целью работают службы слежения (мониторинга), в задачу которых входит анализ проб воздуха, воды и других видов природных ресурсов и определение количества содержащихся в них вредных веществ. Однако получаемый материал пока еще недостаточно централизуется и систематизируется.

Данные о загрязнении окружающей среды служат основой для разработки материалов о величине социального и экономического ущерба. Прежде всего нужно указать на ущерб, наносимый здоровью населения. Он выражается в уве-

личении заболеваемости дыхательных путей, легких, сердца, сосудов, учащении случаев злокачественных опухолей (под влиянием действия канцерогенных веществ) и т.д. Наносят ущерб здоровью неудовлетворительные условия труда, шум, загазованность, запыленность в производственных помещениях и в местах проживания населения, неблагоприятные условия жилья и отдыха, переполнение и нерегулярность работы транспорта. К социальному ущербу относятся также ухудшение условий среды и ландшафтов в местах отдыха, их перенаселенность.

Многие виды социального ущерба не могут быть непосредственно выражены экономическими, стоимостными показателями или могут быть выражены ими лишь частично. Например, невозможно определить экономически прямой ущерб, наносимый здоровью людей или приводящий к сокращению продолжительности жизни. Но можно подсчитать затраты, связанные с заболеваемостью населения — расходы на лечение, на оплату больничных листов, потери продукции в результате невыходов на работу. Можно определить ущерб от загрязнения вредными веществами, наносимый сельскому хозяйству, лесному хозяйству, рыбному промыслу, выражающийся в сокращении урожайности и ухудшении качества сельскохозяйственной продукции, сокращении прироста древесины, истреблении полезной растительности и животных в лесу, сокращении рыбного стада и ухудшении его качества и т.д. Загрязнение среды наносит ущерб зданиям, сооружениям, оборудованию — в результате коррозии ускоряется их износ, сокращаются сроки службы, увеличиваются все виды ремонта. Вследствие загрязнения растут затраты на обеспечение населения чистой водой, на вывозку и переработку мусора, на очистку улиц, ремонт зданий и т.д.

Все эти виды материального ущерба должны быть подсчитаны. Для этого мало знать масштабы выпуска в окружающую среду загрязняющих веществ промышленностью, транспортом, населением и т.д. Нужны также данные о том, куда эти загрязняющие вещества поступают, насколько велико количество их «получателей», какое количество благ ими поражается. Очевидно, ущерб, наносимый одним и тем же количеством загрязняющих веществ, будет различным в зависимости от того, где они выпускаются — в пустынной или густонаселенной, экономически развитой местности. Поэтому ущерб может быть оценен по данным, во-первых, о величине выпуска загрязняющих веществ и степени их концентрации в воздухе, воде, почве и, во-вторых, о воздействии их на количество или объемы «получателей» этих загрязнений в данной местности. Иначе говоря, необходимо определение удельного ущерба, наносимого единицей загрязняющих веществ (при различной степени их концентрации), в расчете на душу населения, гектар сельскохозяйственных и лесных угодий, единицу основных фондов, водных ресурсов и т.д.

Определение величин загрязнения и удельного ущерба не входит в задачу книги. Однако важно подчеркнуть, что сам объем удельного ущерба может увеличиваться непропорционально степени концентрации загрязняющего вещества. Иначе говоря, ущерб может расти быстрее роста концентрации загрязняющего вещества. Этим экономический расчет, связанный с загрязнением, не ограничивается. Важно знать не только то, какой ущерб нанесен загрязнением, но и какие затраты необходимо осуществлять для устранения его

последствий. Величины затрат неодинаковы. Устранение загрязнения может стоить по-разному в зависимости от того, какие методы используются, идет ли речь, например, об очистке выбрасываемой пыли и газов либо сточных вод от вредных веществ или о предотвращении выбросов путем изменения технологии производства.

Имеет значение форма исчисления экономических потерь — в виде потери фондов, продукции или же в виде увеличения текущих затрат. Потери фондов — это, например, сокращение численности рыбы в водоеме или деревьев в лесу. Потери продукции определяются исходя из снижения урожайности сельскохозяйственной продукции, уловов рыбы и т.п. Расходы, вызванные заболеваемостью населения, относятся к текущим затратам или потерям продукции. Экономические потери могут происходить в разное время. Если в результате загрязнения воды вредными веществами пропадает рыба в водоеме, то эту потерю можно оценить деньгами. Затем, по прошествии известного времени, производится очистка водоема, в нем разводится рыба, и численность ее достигает прежнего объема. Спрашивается, можно ли к прямой потере от сокращения рыбного стада прибавить еще затраты по зарыблению водоема, произведенные спустя известное время? Такой прием явился бы двойным счетом — прямая потеря уже была сосчитана. Разведение же рыб в том или ином водоеме является созданием новых фондов, и затраты на эту цель должны быть учтены отдельно.

Затраты на устранение ущерба (очистка и т.д.) или его предотвращение, как и затраты на рациональное природопользование, для каждого данного предприятия могут быть нежелательными, увеличивающими себестоимость продукции. Необходимо разработать и ввести в действие такие экономические меры, которые стимулировали бы предприятия заботиться об охране природы и были бы ему выгодны. Это в решающей степени зависит от уровня и темпов социально-экономического развития страны.

Гавриил Харитонович Попов

Гавриил Харитонович Попов (г.р. 1936) — советский и российский экономист и политик, декан экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова с 1977 по 1980 г. Родился в Москве, школу окончил в Новочеркасске Ростовской области. С 1954 г. Попов обучался на экономическом факультете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, который он окончил в 1959 г. с отличием по специальности «экономист, преподаватель политической экономии». После окончания университета Попов продолжил обучение в аспирантуре на кафедре бухгалтерского учета и анализа хозяйственной деятельности; в 1963 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Применение информационных машин в экономике». На протяжении многих дальнейших лет — вплоть до 1988 г. — Попов работал на экономическом факультете МГУ. В 1970 г. защитил докторскую диссертацию «Методологические проблемы теории управления общественным производством» и стал самым молодым в стране доктором экономических наук. В 1971 г. Попов получил звание профессора. В 1971–1988 гг. был заведующим кафедрой управления экономического факультета МГУ, в 1977–1980 гг. — одновременно его деканом. В декабре 1982 г. Попов стал членом президиума и руководителем секции «Управление общественным производством» Научно-экономического общества, которое в 1987 г. было преобразовано во Всесоюзное экономическое общество. В 1988–1991 гг. был главным редактором журнала «Вопросы экономики». В 1970-е и 1980-е гг. Попов привлекался к разработке планов реформы советской экономики. В 1989 г. — народный депутат СССР, сопредседатель Межрегиональной депутатской группы (до 1991 г.). В 1990 г. избран председателем Совета народных депутатов Москвы, а в 1991-м — первым мэром Москвы (проработал в этой должности до июня 1992 г.). С 1992 по 2015 г. Попов являлся президентом Международного университета в Москве. Г. Х. Попов — автор более 300 научных публикаций, в том числе многих монографий.

В предыдущих статьях я затрагивал ряд проблем коренной перестройки управления — индивидуальную трудовую деятельность (№ 9) и жилищный вопрос (№ 10). Но, безусловно, центральная проблема перестройки — замена административно-командного механизма управления экономическим.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ¹

I. Тест на отношение к перестройке

В документах июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС «Основные положения коренной перестройки управления экономикой» и принятом седьмой сессией Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва «Законе о государственном предприятии (объединении)» есть слова, которые можно без преувеличения назвать историческими: «Контрольные цифры... не должны носить

¹ Текст статьи впервые был опубликован в журнале «Наука и жизнь» в 1987 г. (Попов Г. Х. Экономический механизм управления // Наука и жизнь. 1987. № 11. С. 56–66). В настоящем издании статья воспроизводится полностью, рисунки оригинала сохранены.

директивный характер...» В этом положении — вся суть, весь смысл нынешней перестройки, это — ее символ, ее узел.

В каждую историческую эпоху есть свой ключевой вопрос. Он — как замковый камень в арке. Он — если говорить словами великого предтечи кибернетики и теории систем, автора всеобщей организационной науки А. А. Богданова — узловое звено всей цепи. В первой половине XIX века в России таким был вопрос об отношении к крепостному праву. В революциях 1905 года и 1917 года — вопрос о земле. А сегодня, в период перестройки, ключевой вопрос — о контрольных цифрах.

Что такое контрольные цифры? Порой те, кто хотел бы затуманить суть дела и исказить перестройку, называют контрольными цифрами директивные указания центра. Верно, что контрольные цифры — директивные указания. Но неверно обратное, что директивные указания центра — это и есть контрольные цифры. Контрольные цифры — один из видов централизованных указаний.

В чем их особенность? Во-первых, это директивное задание центра по объемам производства различных видов продукции. Во-вторых, это задание составлено так, чтобы запрограммировать весь объем производимой предприятием продукции. В-третьих, это задание, которое носит обязательный характер. Стимулы могут его дополнять, но по сути это — административно обязательное задание. Оно — основа административных методов управления; его упразднение — исходная база для перехода к экономическим методам. Если оно есть — нет самой основы для разговора об экономических методах.

Бернард Шоу любил цитировать самого себя. Иногда, видимо, это полезно. Поэтому хочу привести цитаты из моей книги «Эффективное управление», выпущенной издательством «Экономика» перед XXVII съездом КПСС, в 1985 году. Прежде всего об экономической и административной системах хозяйственного руководства: «Базисный вопрос двух систем управления — вопрос об основе централизованных плановых директив. В обеих системах они безусловно необходимы. Без превалирования централизма нет социалистического управления, не будет реализована суть общественной собственности. Но на этапе строительства социализма непосредственной основой обязательности централизованных заданий является сама директива, подкрепленная силой государственной власти. В системе управления экономикой развитого социализма превалирующей основой обязательности каждого из централизованных заданий становятся экономические факторы, а административное их обеспечение становится вспомогательным». И дальше в развитие этого тезиса: «Коренным вопросом перехода от нынешней системы управления к новой является вопрос о замене имеющего административную силу задания центра централизованным заказом, обязательность которого определена его экономической выгодностью для исполнителя. В этом заключены все проблемы новой системы: и полный хозрасчет основного звена, и полная заинтересованность работника, и экономический расчет центра».

Ученому-экономисту, если он занят теорией, а не прикладными вопросами, далеко не всегда приходится увидеть начало практической реализации положений, которые он сформулировал в ходе анализа. Когда я писал книгу «Эффективное управление», то был уверен в объективной неизбежности пере-

хода к системе экономического управления. Но, честно говоря, не думал, что этот переход начнется скоро. Даже уверенности в том, что удастся опубликовать книгу, у меня не было.

Но прогрессивные начала социализма оказались исключительно мощными и жизненными. И уже к апрелю 1985 года в руководстве партии, в ее Политбюро, сформировались силы, поставившие перестройку в повестку дня, выдвинувшие ее концепцию и практическую программу реализации. Стало очевидно, что логика перестройки рано или поздно подведет нас к центральной проблеме — проблеме контрольных цифр.

Если вы хотите определить отношение хозяйственного руководителя к перестройке, не надо задавать вопрос о его взгляде не полный хозрасчет или на оптовую торговлю. И то, и другое система хозяйствования, основанная на административных методах, способна «переварить». Иногда она даже сама прибегала к полному хозрасчету, чтобы снять с себя и переложить на трудовые коллективы экономическую ответственность за свои действия.

Так было, например, в сталинские времена с колхозами, работавшими на полном хозрасчете и самоокупаемости. Самофинансирование тоже было — но в основном на бумаге, так как нечем было финансировать развитие.

А вот вопрос о контрольных цифрах принципиальный. И если хозяйственник или партийный работник говорит, что без контрольных цифр нельзя обойтись, — то чем бы они ни аргументировали свою позицию и сколько бы они ни клялись в верности курсу партии — по существу, на деле они против перестройки. Вернее сказать, против коренной перестройки управления, против превращения экономических методов в главные.

2. Главная опора административного управления

В административной системе основой всего процесса управления было административно обязательное директивное задание центра по объемам производства: «делай то-то, столько-то, поставь туда-то, по такой-то цене». Контрольные цифры были основой в работе всех органов хозяйственного управления. Госплан и другие экономические ведомства их вырабатывали. Министерства доводили до предприятий. Затем все органы обеспечивали их выполнение.

Вся жизнь предприятий также была связана с этими заданиями. По ним оценивали их работу, за их выполнение и перевыполнение платили премии. И весь фонд зарплаты зависел от этих цифр. Зависели от них и выделяемые предприятию фонды материальных ресурсов, денежные фонды.

Но контрольные цифры были основой не только хозяйственной жизни. Весь механизм социалистического общества был «завязан» на этот узел механизма управления. Партийные органы и организации строили вокруг контрольных цифр свою работу. Сначала мобилизовывали трудящихся на принятие более высоких «встречных» обязательств. Затем организовывали работу по их перевыполнению. Контрольные цифры, задания по объемам производства были в центре внимания и профсоюзов, и комсомола, и всех органов местной власти... Это был стержень экономической и соответственно всей политической и социальной жизни нашего общества.

Почему же теперь пришлось отказаться от их обязательности? Теоретических соображений можно привести много, но я ограничусь несколькими примерами.

Мы производим обуви больше, чем США. Между тем хорошей обуви не хватает. Магазины завалены не пользующейся спросом обувью, на которую истрачена и кожа, и красители, и труд. А Министерство легкой промышленности часто критикуют за... невыполнение на несколько миллиардов рублей плановых директивных заданий по объемам производства. Но спрашивается, что было бы, если бы это министерство все же произвело бы недоданную продукцию? Конечно, контрольные цифры были бы выполнены. Конечно, объем производства «покрыл» бы фонд выплаченных денег. Но этот успех был бы чисто бумажной операцией: применительно к обуви он означал бы следующее. Положим, из стальных-то миллиардов рублей уже произведенной обуви не куплено столько-то. Спрашивается: что изменит новая порция обуви? При отсутствии гарантий, что она соответствует спросу, что ее купят? Выполнение контрольной цифры означало бы дополнительный рост запасов обуви на полках в магазинах.

И другого итога при этом централизованном руководстве на основе контрольных цифр ожидать нельзя. Ибо в директивных заданиях спрос населения может быть представлен только обобщенно, укрупненно и, к сожалению, нередко извращенно в силу или незнания спроса, или попыток выдать представления администраторов за спрос населения. Ясно, что, если думать о выпуске обуви, которая должна понравиться потребителю и которую он будет покупать, надо иметь не контрольные цифры сверху, а нечто прямо противоположное — заказ потребителя или представляющей его интересы торговли. Между тем как упор на контрольные цифры (данные об их выполнении, показатели роста объемов) скрывает реальную картину, ведет к затовариванию, к дефициту... и в конечном счете к недовольству покупателей, предпочитающих импортную обувь и, чего греха таить, нередко импортируемые с ней идеалы — и потребления, и поведения.

Но, может быть, такое бессилие контрольных цифр относится только к легкой промышленности и возникает в силу непредсказуемых капризов моды и покупателей? Нет.

Вот второй пример. Мы производим стали больше всех в мире. Тем не менее металла в стране не хватает. Как бы ни оценивать этот факт, какие бы процессы за ним ни стояли, ясно одно: многолетняя борьба за выполнение и перевыполнение заданий по производству стали сделала нас первыми в мире, но не решила вопроса обеспечения заводов нужными видами металла. Упор на контрольные цифры и здесь завел нас в своего рода тупик.

Когда вообще нет, например, обуви и металла, вполне можно требовать роста объемов. Логичны и контрольные цифры объемов производства. Но по мере изменения ситуации значение этого рычага меняется.

У руководства, деятельность которого базируется на контрольных цифрах, есть своего рода логика поведения. Положим, дали совхозу задание по производству молока. Задание не выполнено. Что делать? Решаем дополнить задание по молоку заданием по числу коров, которые должен иметь совхоз. Так будет надежнее. Проходит год, коровы есть, но молока опять мало. Проводим совещания, проверки и выясняем, что было мало кормов. Значит, надо дать задание

и по молоку, и по поголовью, и по объему производства кормов. Затем — по площадям посевов под кормовые, чтобы усилить гарантии. Затем уточним — на столько-то гектаров нужно засеять самой выгодной культурой — рапсом или кукурузой. И кончается эта эскалация непрерывными звонками из РАПО, раз-носами, указаниями.

Логика контрольных цифр выводит текущее управление на оперативное, текущее руководство сверху — на мелочную опеку. В ход хозяйственной жизни постоянно вмешиваются инстанции, работники которых не отвечают своей личной зарплатой за итоги хозяйственной деятельности. И если вначале в основе заданий по молоку еще и лежали какие-то экономические расчеты, то в конце мы зачастую, кроме волонтаризма и бюрократизма, ничего не обнаружим.

3. Преходящий механизм

Почему же так долго были живучи контрольные цифры? Причин тут много, но главная состоит в следующем. Мы взяли власть в стране, экономика которой позволяла совершить социалистическую революцию, но эта экономика не могла быть готовой базой социалистического общества. Экономические предпосылки для революции и экономическая база социализма — вещи разные. В их разрыве — главная экономическая особенность нашей революции. Поэтому социалистическому государству или надо было самоупраздниться, или начать строить свой экономический базис, опираясь на силу своей власти. Партия и народ выбрали второй путь.

Но в условиях, когда социалистическая экономика создавалась административными усилиями центра, было неизбежно преобладание всеохватывающих директивных заданий этого центра. С годами возникла своего рода мощнейшая инерция, определявшая интерес к контрольным цифрам. Нам запланировали, например, в этой пятилетке перестройку конвейера. В следующей надо в план включить реконструкцию заготовительных цехов, в этой пятилетке нам не дали того-то, но обещали выделить в следующей. Следовательно, надо думать о том, как вовремя попасть в контрольные цифры.

Для строительства новой экономики приходилось напрягать все силы, мобилизовывать все ресурсы. Отсюда работа на пределе. Отсюда неизбежны дефициты. И все, что произведено, разбирается потребителем. Поэтому даже грубые ошибки в директивных заданиях погашались этой тотальной «расхваткой». Наконец, неизбежно ограниченные фонды потребления создавали и в сфере потребления ту же ситуацию: «брали» все, что поступает на прилавок. И ограниченность метода контрольных цифр скрывалась, маскировалась.

С каждой пятилеткой рос и укреплялся живой носитель контрольных цифр — административный аппарат управления. Наряду с потомственными сталеварами или врачами у нас появились потомственные работники центральных или местных органов. Это и стало со временем главной опорой отжившей системы.

По мере того как социализм обретал свою экономическую базу, он все больше усиливал внимание к своей главной цели: заботе о всех членах общества, хозяевах всей экономики. И все более обострялся конфликт между сутью

социалистической экономики и исторически преходящим механизмом управления, созданным для строительства этой экономики. Этот конфликт сам по себе обострился до предела современной научно-технической революцией. И угроза, возникающая в связи с более быстрым освоением ее достижений капитализмом.

Леса вполне естественны во время строительства здания. Но чтобы увидеть здание, не говоря уже о том, чтобы нормально в нем жить, леса надо убирать.

4. Экономические рычаги перестройки

Чем же заменить контрольные цифры административно обязательных заданий по объемам производства, если ясно, что они уже не могут обеспечить эффективного управления?

Недавно я получил своеобразное анонимное послание. Так как это ксерокопия, его, видимо, послали многим. Поэтому полагаю, что имею право ответить публично. На многих страницах этого документа, составленного, судя по тексту, твердокаменными политэкономами, сохранившими свои идеалы в обильно поливаемых государственной зарплатой оранжереях вузов, НИИ или редакций, и кибернетиками-автоматиками, вскормленными на безответственной трате денег в почтовых ящиках, авторы сначала милостиво соглашались с отрицательной оценкой существующего механизма. Но затем они начинают «громить» закон стоимости и рынок. Восхваляя централизм трестов и транснациональных монополий, они забыли, что эти организации — итог усилий именно рынка, а не специалистов по системному проектированию. В конце концов в качестве выхода преподносится «великое» открытие: чтобы избежать всех бед, Госплан должен все руководство осуществлять с помощью показателей рабочего времени, другими словами, осуществить то, о чем писали классики.

Но при этом в духе экономического романтизма вовсе обойден вопрос о том, что классики считали такое прямое управление атрибутом полного коммунизма — когда труд станет первой жизненной потребностью, когда распределение будет идти по потребностям, когда исчезнет поработощающее человека разделение труда. При всех этих условиях тогда можно будет руководить исключительно с помощью показателей рабочего времени.

А если надо стимулировать по результатам труда? Если, следовательно, надо соизмерять затраты времени различных работников и затраты, воплощенные в изделиях?

Закон стоимости был величайшим открытием человеческой цивилизации, позволяющим определять затраты времени косвенно, пока невозможно прямое соизмерение затрат труда через всеобщий эквивалент — через время.

Если в современных условиях отказаться от стоимостного механизма, то от соизмерения все равно отказаться будет нельзя, ибо надо распределять по результатам труда. Следовательно, остается два варианта. Первый: определение затрат времени производит центр, устанавливая нормативы перевода времени инженера во время экономиста или рабочего. Тогда вместо объективного распределения по итогам труда возникает дележ созданного продукта по воле работников аппарата управления. Нетрудно понять, к чему это приведет — к перерождению социалистического строя в общество, в котором командуют бюрократы.

Все попытки сегодня обойтись без закона стоимости и напрямую соизмерять качественно разные виды труда ведут к появлению аппарата чиновников или к вождям, способным давать, а скорее, навязать сверху нормы такого соизмерения.

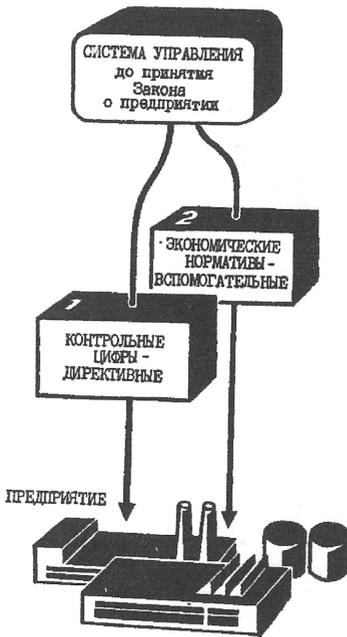

Схема механизма управления предприятием до принятия Закона о предприятии.

Второй вариант: отказаться от попытки определения затрат труда и распределения по труду. А стимулы искать в области моральных мотивов или административного принуждения — что реальнее и будет.

Поэтому остается единственно правильный путь — заменить административно обязательные контрольные цифры объемами производства экономическими рычагами. В документах июньского Пленума ЦК КПСС выдвинуты две группы рычагов: экономические нормативы и государственный заказ.

Экономические нормативы определяют общие правила хозяйственной жизни. Их составляет Госплан, затем корректируют министерства и территориальные органы. Нормативы выступают первым рычагом реализации долгосрочных планов экономического и социального развития и своего рода ограничителем этих планов, так как будут препятствовать появлению прожектерских устремлений.

А государственные заказы позволяют центру решать задачи, которые либо трудноразрешимы, либо могут быть эффективнее решены именно на уровне центра. При

этом госзаказ должен быть выгоден и привлекателен для исполнителя именно экономически, в силу своей рентабельности. Он гарантирован материальными и другими ресурсами. Его дополняют лимиты на снабжение.

Нужны ли этой системе контрольные цифры? Нужны, но, как точно выразился М. С. Горбачев, как ориентирующие показатели. Везде в мире пользуются спросом информационные прогнозы, напоминающие наши контрольные цифры. Было бы нелепо, если бы и наши предприятия не интересовались расчетами Госплана и характеризующими их контрольными цифрами. Но эти контрольные цифры будут чем-то вроде прогноза погоды. Хочешь — считайся с ним, хочешь — нет. Да сам вопрос о том, как реагировать, — в твоей компетенции.

5. Сложный диалектический путь

Ослабляется ли централизм от перехода к экономическим методам, отказу от обязательности контрольных цифр?

Общий правильный ответ известен; не только не ослабнет, но, напротив, укрепитя. В своей книге «Эффективное управление» я обращал внимание на это: «Перед нами характерный пример диалектики. Централизм сам себя ограничивает. Но не ради идеи ограничения как таковой, а ради подлинных интересов централизованного управления».

Сегодня этот общий ответ надо конкретизировать. Сказать — централизм сократится, усилится — это уже недостаточно. Нужны уточнения. Какой централизм сохранится? Какой усилится? Существующий? Кто конкретно сохранится из носителей централизма? Нынешние органы и кадры?

И, отвечая на эти вопросы, надо понять, что общее усиление централизма — это итог, результат. Но к нему ведет сложный диалектический путь. На этом пути ослабнет централизм административный и начнется подлинный кризис централизма бюрократического. На этом пути возникнет конфликт с теми реальными носителями существующего централизма, которые не смогут или не захотят измениться, коренным образом перестроиться.

Поэтому конечное усиление централизма будет итогом исключительно болезненной, гораздо более болезненной, чем на уровне предприятий и объединений, перестройки и нынешних органов управления, и нынешних кадров. Не следует упрощать задачу. Далеко не все люди, умеющие рассчитывать и «спускать» контрольные цифры, организовывать «раскрутку» встречных планов и их выполнение, окажутся способными находить экономические нормативы и госзаказы. Сознывая это и думая о себе, они не раз и не два будут пытаться вернуть нас к контрольным цифрам, к той системе, при которой сами смогут остаться «на коне».

Конец обязательности объемных контрольных цифр еще автоматически не означает конца административных методов. Не следует недооценивать их живучести. Не только в силу общественной инерции, но и потому, что есть лица, лично заинтересованные в этой живучести. И администрирование попытается сохраниться, «вживаясь» в кожу и поры и экономических нормативов, и госзаказов. Ему будет трудно, но оно попытается.

А нам всем надо будет учиться своевременно выявлять эти попытки. Управление — это всегда волевое действие. В этом смысле нет разницы между экономическими и административными методами. И те, и другие — методы управления, методы реализации наших волевых установок. Разница в другом. При адми-

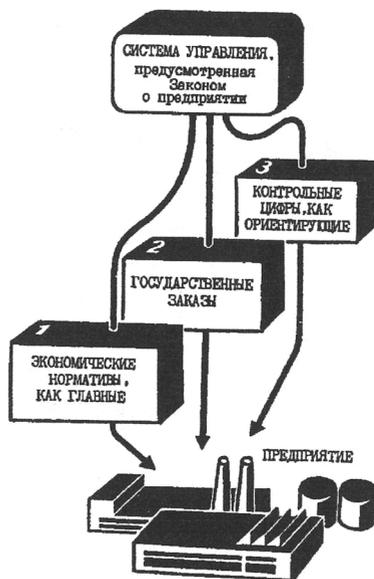

Схема механизма управления предприятием после принятия Закона о предприятии.

нистративных методах руководство связано в своих решениях только нехваткой ресурсов и страдает от пассивного поведения подчиненных. А при экономических методах руководство уже ограничено и тем, что надо считаться с законом стоимости, и тем, что надо учитывать интересы исполнителей и стимулировать их, и вообще всей системой объективных экономических законов. Поэтому экономические методы — методы более объективного руководства, методы, более активно преодолевающие и ограничивающие опасности волюнтаризма и бюрократизма, заложенные в любом управлении, пока оно осуществляется людьми. Вот почему надо реально оценивать то, какие проблемы мы решаем с помощью перехода к экономическим методам, а какие надо решать в других областях — например, на путях демократизации и гласности.

Такие проблемы (это далеко не все) встают уже при анализе самого текста принятых документов. А сколько проблем встанет при реализации этих решений? На порядок, на два больше. Я пишу обо всем этом не только для того, чтобы пугать, а с тем, чтобы показать, что основная борьба за экономические методы еще впереди. И чтобы трудности, которые будут возникать, не пугали нас, чтобы мы не рассчитывали на немедленный успех и при его отсутствии не впадали в панику. Борьба будет исключительно долгой и сложной, тяжелой. Но это уже особая тема.

Сделан исключительной важности первый шаг. Впервые официально провозглашено, что социалистическое плановое хозяйство может развиваться без обязательных контрольных цифр.

Опыт прошлого учит нас не впадать в «буйный либеральный восторг» по поводу первых шагов, а точнее — только провозглашенных намерений делать эти шаги. Надо быть трезвыми. До сих пор я ведь говорил о конечной схеме, об идее, заложенной в принятых решениях. На практике все обстоит сложнее.

Экономические нормативы сейчас пытаются рассчитывать в свете заданий плана. Пока они инструменты реализации плана, и игнорируется их вторая, но не менее важная функция — инструментов формирования плана, усиления его обоснованности, его реальности.

Госзаказ пока что становится обязательным как элемент административной обязательности, а не в силу экономической выгоды. Более того, реальна опасность заменить все нынешние директивные задания. Читал я уже о госзаказах... на сенную муку. Поэтому нужна первая линия борьбы за перестройку — усиление экономической природы госзаказа.

Цена носит обязательный характер, ее устанавливают сверху. А при такой цене и оптовая торговля, и рынок могут оказаться сферой влияния не закона стоимости, а тех идей, которыми руководствовались авторы цен. Упомянуты в документах и договорные цены, но их роль четко пока не узаконена. Поэтому вторая линия борьбы за перестройку — развитие такого ценообразования, при котором за ценой стояла бы стоимость, а не мнение о ней каких-то инстанций.

6. Проблема социалистического рынка

В докладе М. С. Горбачева на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС в качестве одного из звеньев механизма торможения социально-экономического раз-

вития названо предубеждение против товарно-денежных отношений и закона стоимости, а то и их прямое противопоставление социализму как чего-то чужеродного. На совещании в ЦК КПСС по вопросам коренной перестройки управления («Правда», 13 июня 1987 г.) тоже шла речь о социалистическом рынке.

Естественно, что проблема социалистического рынка привлекает внимание советских авторов. В «Московских новостях» опубликованы статьи Льва Воскресенского и академика Олега Богомолова. В журнале «Новый мир» — профессора Николая Шмелева и члена-корреспондента АН СССР Николая Петракова, в журнале «Знамя» — две статьи Анатолия Стреляного, в еженедельнике «Аргументы и факты» — члена-корреспондента АН СССР Станислава Шаталина и другие.

На мой взгляд, главная особенность современного этапа развития необходимость перенести вопрос о социалистическом рынке в практическую плоскость. Без рынка и его механизмов нельзя использовать товарно-денежные отношения и закон стоимости.

Какой рынок у нас есть в настоящее время? Прежде всего это плановый рынок как звено централизованного механизма управления. Тут продают и покупают запланированную зафондированную продукцию по установленным же сверху ценам. По существу, закон стоимости тут не используется, тут испытывают его удары, сталкиваясь с трудностями в научно-техническом прогрессе, с необеспеченной зарплатой и т.д.

Продолжение этого рынка — сфера государственной розничной торговли. Это не столько рынок, сколько система распределения. Здесь не столько продают, сколько «дают», не торгуют, а «выбрасывают». Но у потребителя есть право не покупать, и поэтому тут игнорирование закона стоимости особенно наглядно выступает в виде дефицита и затоваривания.

Есть, далее, рынок прямых связей предприятий — оптовая торговля, она детализирует общие плановые задания и использует централизованные цены. Главное — ублажить и уговорить поставщика, так как право отказа никого, кроме покупателя, не наказывает, а ценой обычно не интересуются.

В последние годы развивается рынок сверхплановой продукции и рынок новинок. Но он ничтожно мал, ибо сверхплановое через год может стать частью скорректированного плана, а изменение цены идет по отношению к установленной твердой величине. К тому же этот рынок случаен: то он есть, то его нет.

Есть еще один рынок — кооперации и индивидуальной трудовой деятельности. Сейчас он в основном продовольственный, но вскоре на нем будут и другие предметы. Здесь цена отражает не только стоимость, но и различные административные ограничения (на продажу тех или иных товаров, на величину цен и т.п.), все структурные диспропорции нашей экономики, все ошибки при установлении государственных цен.

И, наконец, есть еще рынок «второй (теневой) экономики», когда в продаже есть все и все оценено. Садовые участки и обувь, билеты на спектакли и лекарства, программы для компьютеров и белье, очередь в ЖСК и помощь репетиторов, путевки и чиновники. Но и на этом рынке, как ни странно, закон стоимости тоже не действует. Современные цены скорее «выразители» масшта-

бов нашей борьбы с законом стоимости, наших успехов по созданию все новых запретов, все более строгих взысканий. Чем тяжелее кара, тем выше цена.

Как ни странно, большинство перечисленных рынков помогает развитию хозяйства. Даже рынок «второй экономики» ослабляет недовольство населения (так как хоть здесь что-то можно достать) и сглаживает просчеты административного руководства экономикой. Но в целом все они не создают условий для нормального использования стоимостных рычагов.

Между тем объективная основа экономики социализма — это не только планомерность, но и товарно-денежные отношения. Если второй компонент игнорируется, то ослабляются и способность экономики быть планомерной, и сам центризм. В нем не «работает» в должной мере противозатратный механизм. Трудно реально оценить проект ГЭС или новую технологию, так как все цены установлены нами же.

В материалах июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС намечен комплекс мер по совершенствованию рыночных отношений и, что очень важно, ценообразования. Будет развиваться оптовая торговля средствами производства, преодолены цены, не возмещающие даже затрат. В ценах найдут отражение и спрос, и эффективность товара у потребителя. Появятся разного рода гибкие цены: с верхним или нижним пределом и т.д.

И все же качественного, коренного перелома новое ценообразование еще не создаст, в основе определения цены остаются наши волевые решения. Вся пирамида экономических методов управления останется на фундаменте, определенном сверху, конечно, с учетом затрат, но далеко еще не на основе закона стоимости. Оптовая торговля даже тем, что не охвачено госзаказами, будет идти по централизованно установленным ценам. А опыт торговли овощами и фруктами на ярмарках, в котором этот механизм уже есть, пока оптимизма не внушает. Как я уже писал выше, объем госзаказов формально не ограничен, и есть опасность устранения из оптовой торговли многих видов продукции.

Есть и другой путь. В решениях июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС говорится не только о праве продавать по договорам с потребителем то, что не охвачено госзаказом, но и использовать при этом механизм договорной цены. К сожалению, эта идея (как и идея остаточного варианта хозрасчета) четких форм пока не получила.

Между тем, чтобы уйти от установленных цен, в механизме хозяйствования надо иметь рынок не только в нынешних его вариантах, но и нового типа, который опирается на содержащиеся в партийных документах идеи оптовой торговли вне госзаказа, по договорным ценам. Это должен быть рынок, на который гарантированно поступает все, что производит экономика. Это должен быть рынок, на котором цена будет установлена по соглашению, свободно. Речь идет об открытом всеобщем рынке. Как он мог бы практически выглядеть?

7. Модели открытого рынка

Вариант полного рынка. Предприятия все поставляют на рынок и продают по свободным ценам. Нет ни госзаказов, ни установленных цен.

Конечно, тут будет действовать закон стоимости. Но эта модель — своего рода централизм навыворот. Если нынешний вариант механизма управления игнорирует товарно-денежные основы нашей экономики, то модель всеобщего рынка уже игнорирует планомерность как ведущую, важнейшую черту строя, основанного на общественной собственности.

Быстрее и эффективнее в условиях научно-технической революции развились те капиталистические страны (например, Япония), которые сформировали мощный блок централизованного воздействия. Было бы непростительно не использовать те централизованные рычаги, которые заложены в нашем строе (их пытаются применять даже чуждое им по природе частное хозяйство). Поэтому я могу понять искреннее желание профессора Н. Шмелева как можно быстрее преодолеть тяжелое наследие всех бюрократических следствий односторонней ориентировки нашего механизма хозяйствования только на директивный план. Объяснимо и желание тех, кто в развитии полной рыночной самостоятельности и ответственности видит экономическую базу процесса демократизации. Но вариант всеобщего рынка, разрешая много текущих проблем, особенно сферы потребления услуг, не может стать долгосрочной базой мощного экономического рывка великой державы в конце XX века.

Уместно напомнить, что даже в период нэпа и В. И. Ленин и Н. И. Бухарин исходили из того, что в экономике должно быть два механизма: главный — плановый («командные высоты») и дополнительный — рыночный.

Попробуем рассмотреть несколько основных моделей возможных вариантов открытого рынка как второго звена механизма хозяйствования.

Секторная модель. Рынок вводится в тех секторах экономики, которые связаны с работой на потребителя (сельское хозяйство, торговля, легкая и пищевая промышленность, сфера услуг и т.д.). В этих отраслях начнут действовать рыночные регуляторы, отрасли перестроятся сами и станут рычагом для перестройки других отраслей. Эта модель гарантирована миллиардами рублей, накопленных населением, это ее «инвестиционный банк». Сразу ослабнут дефициты, касающиеся жизни и быта миллионов трудящихся. Возрастет обеспеченность зарплаты во всех отраслях. Но минусов, как представляется, у этой модели немало. Возможности идти навстречу спросу за счет своих ресурсов у «потребительских» отраслей велики, но не безграничны. А попытки получить новые машины, пластмассы, красители, материалы натолкнутся на запрограммированность «нерыночных» отраслей. Как известно, именно невозможность «отоварить» на рынке фонды технического развития, введенные в 1965 году, привела к фактической ликвидации этих фондов.

Высокие заработки в рыночных отраслях будут давить на остальные отрасли, которым надо будет как-то закрепить кадры, и они пойдут на рост ставок и окладов. В итоге рост себестоимости и цен. Стремясь бороться с напором рыночных отраслей, государство начнет увеличивать в них налоги, ограничивать величину зарплаток. Словом, устранять тот самый рынок, который само ввело. Оно должно будет в итоге отойти от секторной модели.

Региональная модель. Смысл здесь в том, чтобы в каких-то районах (регионах) страны создать зоны, полностью свободные от госзаказов. Но такой рыночный регион надо будет обнести своего рода государственной границей.

А создать такую стену, не разрушая единого государства, нельзя. Региональная модель малореальна. В свое время выносились столь же утопичные предложения «построить» в одной области коммунизм — чтобы все видели, к чему надо стремиться.

Продуктовая модель. Не секторы или регионы, а отдельные виды продукции целиком выводятся из сферы директивного руководства. Другие выводятся в тех или иных долях, а третьи остаются в сфере централизованного руководства.

На первый взгляд эта модель весьма гибкая. Если нет дефицита, то вся продукция идет на рынок. По мере устранения дефицита будет расти «рыночная» доля в прежде сугубо директивных продуктах. Но две цены — рыночная и государственная — на одну и ту же продукцию создают опасность спекуляции. Возникнет эффект, хорошо изученный в строительстве и торговле бензином, где двухуровневые цены (еще и не с рыночным разрывом) привели к тому, что сверх официальных фондов строятся тысячи личных домов, ремонтируются сотни тысяч квартир, «на ходу» тысячи личных машин. Наличие продукции с разными удельными весами «директивного» и «рыночного» сохранит «выгодные» и «невыгодные» ее виды.

Пожалуй, самый главный недостаток этой модели следующий. Если цены на один из компонентов изделий будут низкие, государственные, на другие — рыночные, а на третьи все будет зависеть от того, какую долю материалов завод получил централизованно и какую пришлось докупать на рынке, то оценка перспектив научно-технического прогресса (НТП) станет весьма спорной. В ключевую проблему ускорения НТП продуктовая модель решающих изменений не вносит.

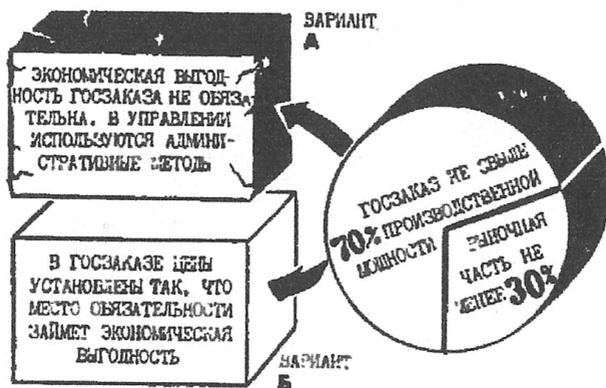
Модель единого норматива. Устанавливается минимальная рыночная доля во всех видах продукции (положим, 30%). Сектор госзаказов остается комплексным. Но появится и комплексный рынок. Оба охватят весь производственный цикл. В легкой промышленности, конечно, государственный заказ, может, и не составит 70%. Речь идет о предельном показателе: разрешить сокращать рыночную долю меньше лимита нельзя.

Важно учесть опыт реформы 1965 года. Тогда не была оговорена доля «обязательной номенклатуры», и уже через пару лет на большинстве предприятий эта номенклатура охватила весь выпуск. Известно, что сейчас колхозы имеют право до 30% плановой продукции овощей продать на рынке. Но нет обязательности. В итоге, например, в Волгоградской области были случаи, когда из возможных 30% всего 2% поступало на рынок.

Вводить резные квоты директивной и рыночной частей по разным видам продукции нельзя, так как появляются более и менее выгодные виды продукции. Но даже если принять равный для всех видов продукции предел директивной части, то и в этом случае остаются проблемы.

Так, сохраняются две «цены» на одни и те же виды продукции. Фонд оплаты труда коллектива формируется на двух разных основах: нормативной для директивной продукции и остаточной — для рыночной продукции. Соответственно сохраняются два вида хозрасчета на одном и том же предприятии: нормативный и остаточный.

Если для всех продуктов установлена единая доля госзаказа и рынка, то можно исчислить долю госзаказа не по продуктам, а в целом, по всей продукции предприятия. Это наиболее просто.

Этапы перехода к модели открытого рынка.

Этап А.

Госзаказ не может: охватить весь выпуск продукции, есть централизованные лимиты снабжения, цены установлены, и пределы экономической выгоды заданы. Госзаказ административно обязателен, но возможна оптовая торговля по установленным ценам. Рыночная часть: цены установлены, и поэтому пределы экономической выгоды заданы, возможна и договорная цена, но неясны ее условия появления.

Этап Б.

Сняты ограничения на цены рыночной части, а цена госзаказа делает его выгодным.

А как определить величину общего выпуска — базисную для определения доли госзаказа? Тут целесообразно искать более объективный показатель, а не только объем производства. На наш взгляд, базой для определения величины госзаказа должна стать оценка возможностей предприятия по имеющимся у него основным производственным фондам. И тогда госзаказ будет устанавливаться на пять лет, ориентируясь в пределе на 70% этих фондов.

Если фонды растут в течение пятилетки за счет централизованных вложений — будет меняться и госзаказ. Если же они растут за счет средств предприятия, госзаказ будет прежним до конца пятилетки. Для реализации этой модели необходима переоценка всех фондов (желательно по мировым ценам).

Нужен и особый механизм стимулирования для обеспечения выполнения госзаказа в первую очередь. Было бы неправильным разрешить «компенсировать» срыв госзаказа «рыночными деньгами» предприятия. Тут нарушается комплексность уже директивного сектора экономики. Нужен более тонкий механизм. Например, премии из рыночного фонда стимулирования не выплачиваются, пока не выполнен госзаказ.

8. Механизм в действии

Я назвал цифры 70% и 30% для директивной и рыночной частей. 30% — с одной стороны, немало, это больше того, что в целом мы делали в 1960 году. С другой стороны, 30% — это то, чем мы сегодня как минимум реально не управляем, оставляя детализацию заданий нижестоящим звеньям. А они проводят волевою детализацию, менее эффективную, чем рыночная. Можно принять эти цифры за исходные и уточнить их с учетом опыта. Главное в том, что 30% уже создают рынок как самостоятельную, саморазвивающуюся подсистему социалистической экономики и тем самым превращают рынок в объективно действующий фактор ее развития.

Как он будет развиваться и как действовать? Попробуем «проиграть» весь процесс.

Скорее всего, возникнет сначала своего рода «скачка» цен. Говоря словами Карла Маркса, период «случайных форм» стоимости. Затем наступит этап неразвитого рынка, когда цены на одни и те же изделия будут еще разными, а предприятия начнут искать свой «профиль», свой «сектор» на рынке. Эти две стадии займут год-два.

В результате создадутся условия для третьего этапа — развитого социалистического рынка, на одну-две пятилетки. Цены спроса приблизятся к общественно необходимым затратам.

Рыночные цены усилят интерес предприятий ко всему научно-техническому прогрессу, а не только к включенному в директивный план. Произойдет сразу ускорение всего процесса интенсификации.

Экономическое соревнование определит не только производство продукции, но и области вложения собственных накоплений заводов. В итоге — сдвиг из сферы затоваривания в сферу дефицита, что усилит сбалансированность всей экономики, особенно в сфере потребления. Зарплата будет «отоварена», и это увеличит интерес к материальным стимулам. Полностью исчезнет «вторая (теневая) экономика».

Соревнование на рынке — фактор объективный. Те предприятия, у которых незначительна доля госзаказов, могут понести столь ощутимые потери, что окажутся под угрозой закрытия.

Рыночный сектор сделает наглядными неэффективные участки директивного сектора. Повысив цены на дефицитные изделия, рынок будет усиливать их экономное использование. А появление на рынке изделий, более дешевых, чем в госзаказах, заставит их «сжаться» до действительно необходимого минимума. Рынок станет серьезным противозатратным фактором.

Цены рынка будут влиять на весь процесс ценообразования, выступая своего рода «барометром». Появится возможность больше ориентировать все цены на цены мирового рынка. Возрастет потребность в переходе к конвертируемой валюте. Создание рыночного сектора облегчит создание совместных предприятий — советских и иностранных. На предприятиях разовьется дух предприимчивости, произойдет перегруппировка руководящих кадров благодаря самоуправлению. Все это скажется на всей деятельности предприятия.

Чем социалистический рынок принципиально отличается от капиталистического рынка?

Во-первых, справедливо отмечают, что при социализме нет такого товара, как рабочая сила. Замечу, что в истории известны рынки, где закон стоимости действовал в течение столетий, но рабочая сила не становилась товаром. Например, так было долгие столетия при феодализме или рабстве, хотя работника продавали и покупали. Поэтому надо уточнить формулировку: на социалистическом рынке нет товара «рабочая сила», так как есть общественная собственность.

Во-вторых, основные пропорции общественного производства, стоимость в социалистическом рынке формируются не только рынком, но и централизованными капиталовложениями. Общество задает каркас величин стоимости, а рынок их дорегулирует, уточняет, конкретизирует.

Следует еще раз подчеркнуть, что рынок свободной торговли средствами производства и договорных цен будет одной из моделей. Сохранятся и рынок внутри сектора госзаказов, и оптовая торговля в этом секторе, сохранится ряд других рынков. Но именно этот рынок договорных цен станет тем звеном, которое окажет преобразующее влияние на всю систему товарно-денежных отношений в направлении укрепления ее объективных основ.

Общий итог: прямой директивный централизм устойчиво ограничит себя. И не просто ограничит, но будет иметь конкурента. И общий темп экономического роста увеличится.

9. Организация управления в условиях рынка

Формирование экономического механизма внутри каждого государственного предприятия (он включает главный прямо централизованный управляемый блок и дополняющий — рыночный блок) в перспективе потребует перестройки организационной структуры управления.

Нельзя сосредоточить руководство «двухкладным» предприятием в руках директивных органов, отвечающих только за централизованно управляемую часть экономики. Это означало бы в конечном счете постепенное подавление рынка. Поэтому целесообразно разделить в народном хозяйстве функцию руководства предприятием в целом и функцию руководства непосредственно централизованно управляемой частью производства. Это первая идея.

Вторая идея. Надо учесть, что свободная рыночная ориентация предприятий (не менее чем в размере 30% основных производственных фондов) делает неприемлемым их подчинение каким-либо органам отраслевого типа. Это опять-таки сковывает — явно или неявно — ориентацию предприятий на рынок. Поэтому органы общего руководства предприятиями должны быть межотраслевого профиля, общими по характеру.

Третья идея. При общем 30% минимуме рыночной части на практике доля рыночной части на многих предприятиях будет значительно выше. А на предприятиях сферы услуг, мелких предприятиях местной промышленности и других вообще может не оказаться никаких госзаказов, и они целиком будут ориентированы на местный спрос и рынок. Зачем в таком случае выводить линию подчинения этих предприятий не верхние этажи управления?

С учетом этих трех соображений новая структура управления могла бы выглядеть так.

Нынешние центральные органы планирования и снабжения должны руководить только директивной частью. Они составляют директивные планы производства и снабжения и формируют госзаказы отраслевым и республиканским органам, а те размещают их на предприятиях, им прямо не подчиненных, в пределах лимита госзаказа.

Предприятия же подчиняются новым органам — Советам народного хозяйства (СНХ) трех уровней: союзного, республиканского и областного, районного.

На первый уровень можно вывести 200—300 предприятий (численность занятых — не менее 20 тысяч человек). На второй — по 200—300 предприятий (не менее 500 человек). На третий — все остальные. В результате примерно одна пятая часть экономики будет подчинена союзному СНХ, две пятых — республиканским и областным, и две пятых — районным Советам народного хозяйства.

При распределении предприятий по уровням скажется и отраслевая принадлежность. Предприятия тяжелой промышленности будут, например, тяготеть к союзному и республиканскому уровню. Предприятия строительства, транспорта, сельского хозяйства, часть легкой промышленности — к уровню республик и областей, предприятия торговли, быта, сферы услуг, общественного питания, кооперативного и индивидуального труда и т.д. — к уровню районных СНХ.

СНХ будут внутри иметь функциональные, отраслевые и инфраструктурные подразделения.

Главная функция Советов народного хозяйства (СНХ) — отвечать за экономику в целом. Они будут устанавливать экономические нормативы для предприятий. Для этого СНХ будут разрабатывать планы общего экономического развития (соотношение накопления и потребления, соотношение директивной и рыночной частей и т.д.). Они станут своего рода арбитром при конфликтах отраслевых органов, размещающих госзаказы, с предприятиями. Но прямо за выполнение директивных заданий СНХ не отвечают: экономически ответственны сами предприятия.

Отраслевые министерства в союзных республиках упраздняются. Отраслевые союзные министерства в перспективе превращаются в подразделения Бюро Совета Министров (не больше десяти): оборонное, важнейших научно-технических программ, машиностроения, капитального строительства; энергетики, добывающих и сырьевых отраслей; АПК; производства продуктов личного потребления; транспорта и связи; внешнеэкономических связей. Эти Бюро будут отвечать за директивную часть подведомственных отраслей, за централизованный НТП и т.д.

Большинство нынешних функциональных органов — типа Госкомцен, Госкомтруда и т.д. — войдут в состав Советов народных хозяйств. Упразднение отраслевых министерств и множества функциональных органов позволит для создания СНХ воспользоваться освободившимися кадрами, без роста аппарата управления существенно повысится уровень оплаты работников новых органов.

Учитывая, что СНХ отвечают за экономику в целом, максимально усилятся самостоятельность, самоуправление трудовых коллективов, а также заинтересованность и ответственность предприятий за рост эффективности, за НТП, за удовлетворение спроса.

Для успешной работы территориальных и районных СНХ было бы целесообразно уточнить границы областей и районов, приблизив к границам реально сложившихся промышленных и агропромышленных узлов, территориально-производственных комплексов, экономических районов.

Важное звено — ликвидация крепостного права банков на предприятии. Предприятие должно само выбирать тот банк, кредит которого дешевле. Надо развивать механизмы, облегчающие структурные сдвиги в экономике, — акции, например, и т.п. инструменты.

С созданием рыночного сектора меняется взгляд на роль крупных и мелких предприятий. Раньше удобству директивного руководства из центра отвечали крупные предприятия, объединения, особенно тяготеющие к монопольному положению, хозяйственные организации. Для развития отношения рыночного соревнования надо разукрупнить формальные объединения расположенных за тысячи километров предприятий и пойти на развитие и средних, и мелких предприятий.

В компенсацию за упразднение административных объединений надо предусмотреть возможности создания сети добровольных временных союзов хозрасчетных предприятий для решения тех или иных задач (НТП, организация технического сервиса, защиты окружающей среды, создания социальных объектов, транспортных узлов и т.д.). Инициаторами таких союзов могли бы быть и сами предприятия, и СНХ, и Бюро Совета Министров СССР.

10. Размышления о будущем

Возникает естественный вопрос. А можно ли предвидеть хотя бы в общих чертах дальнейшее развитие механизма хозяйствования?

На наш взгляд, можно и для сектора госзаказов, и для рыночного сектора.

Сектор госзаказов будет развиваться в направлении ослабления директивности в силу роста экономической привлекательности для исполнителей. В итоге вместо директивного централизма будет усиливаться централизм экономический.

Экономическая теория позволяет предвидеть и развитие рынка. Он перейдет к этапу, который в свое время Джейн Робинсон назвала «несовершенной конкуренцией», а Эдвард Чемберлин — «олигополией»,

С одной стороны, в ходе рыночного соревнования будут расти размеры объединений и предприятий. Эти крупные хозяйственные единицы будут стремиться к большему регулированию рынка и к уничтожению разрыва цен госзаказов и цен рынка. Крупные объединения будут в состоянии так «давить» на госзаказы и так защищать свои права, что на деле большинство госзаказов будут иметь цену, делающую их экономически выгодными объединениям.

Рынок несовершенной конкуренции, рынок ограниченного монополизма более подготовлен к сращиванию с сектором прямого централизма. На этом рынке нет ни свободных цен экономического соревнования, ни директивных цен. Начнет формироваться единая для двух секторов цена с тенденцией к большой рентабельности для госзаказов. На самом рынке во взаимоотношениях объединений будет расти централизм олигопольного типа.

Таким образом, социалистический рынок, ограничив директивный централизм, в перспективе вновь возвратит нас к централизму, но качественно новому. Рынок ограничит созданный административно и поддерживаемый административно централизм и планомерность. Под воздействием рынка произойдут «преобразования» внутри директивного сектора (там придется перестроиться на основе критериев экономичности), и на самом рынке усилится тенденция к централизму. В итоге возникает единый централизм нового типа — экономический, выверенный в ходе рыночного соревнования и победивший в этом соревновании. Уменьшение спроса экономики на административные рычаги власти окажет грандиозное влияние на всю общественную систему социалистического строя.

Итак, двухсекторную модель, включающую директивный централизм госзаказов и рынок оптовой торговли и договорных цен, заменит новая модель. В ней окончательно будут преодолены и рынок, и деньги. И главным станет в условиях изобилия и изменения характера труда и самого человека не материальное стимулирование, а труд как первая жизненная потребность. Приближение к коммунистической перспективе.

Таким образом, путь к будущему оказывается — как и ожидали марксисты — не механическим движением от планомерности административной к планомерности негосударственной, а диалектическим процессом «отрицания» уже отработавших механизмов, появления противоречий, развития противоположностей, синтеза в высших формах позитивных элементов всех преодолеваемых организмов.

Вот почему, анализируя наши сегодняшние проблемы, целесообразно обсудить проблемы развития рынка в ходе перестройки. Формирование социалистического рынка как дополняющего основной госзаказный сектор звена механизма хозяйствования повысит отдачу от всех предпринимаемых сейчас мер по перестройке системы прямого централизованного управления, усилит возможность реального использования резервов товарно-денежных отношений и закона стоимости, в том числе и в секторе госзаказов, М. С. Горбачев в докладе «О задачах партии по коренной перестройке управления экономикой» на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС подчеркивал: «В соответствии с научным пониманием социализма в его экономическую систему органически входят товарно-денежные отношения. Их умелое использование через цены и финансово-кредитные рычаги, планомерное овладение и управление рынком с учетом его законов, укрепление и повышение авторитета рубля способствуют созданию эффективного антизатратного механизма, укреплению социализма на деле».

Ефрем Залманович Майминас

Ефрем Залманович Майминас (1932–2000) — советский и российский экономист. Родился в литовском городе Каунасе. В 1953 г. окончил экономический факультет Вильнюсского государственного университета по специальности «политическая экономия». В 1958 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию. В 1960 г. по инициативе Майминаса и при поддержке ректора И. Кубилюса, академиков В. С. Немчинова и А. И. Берга, создана Лаборатория экономических исследований Вильнюсского университета. Со 2 августа 1965 г. работал доцентом кафедры математических методов анализа экономики (ММАЭ) экономического факультета МГУ. Создал и долгие годы вел профилирующий для специальности курс «Экономическая кибернетика». Став штатным сотрудником Академии наук, передал курс своему ученику В. Л. Тамбовцеву и стал читать новый спецкурс — «Актуальные проблемы теории и практики экономической политики». В 1967 г. защитил в МГУ докторскую диссертацию «Процессы планирования в экономике (Информационный аспект)». В 1968–1988 г. организовал на экономическом ф-те МГУ и руководил научным семинаром «Процессы принятия решений», который проходил каждую неделю в течение 20 лет. С 1970 по 1985 г. — по совместительству заведующий лабораторией систем принятия решений в ЦЭМИ АН СССР. В 1990-е гг. занимался изучением институциональных процессов на новом этапе развития России, эти годы были также посвящены развитию теории социально-экономического генотипа, основы которой были заложены в ранних работах Майминаса и наиболее полно сформулированы в статье «Социально-экономический генотип общества», опубликованной в 1989 г.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ГЕНОТИП ОБЩЕСТВА¹

Анализ прошлого, решение задач перестройки, прогноз общественно-экономического развития нашей страны требуют рассмотрения ряда теоретических проблем. Одна из них — соотношение функционирования и развития экономики и роль человека в этих процессах.

Разумеется, в каждом цикле воспроизводства происходят какие-либо структурные изменения; по-своему складывается взаимодействие внешних и внутренних факторов. Однако в традиционных обществах изменения накапливались медленно и постепенно приводили к качественным сдвигам, которые обуславливали развитие этих обществ. И технологическая, и социально-экономическая динамика пусть неравномерно, но резко ускорилась с конца XVIII в., особенно в нашем столетии. Характерной ее чертой становится пробуждение народных масс, все более активно и осознанно участвующих в историческом процессе (ранее они приходили в движение лишь в бурные периоды революций и религиозных войн).

¹ Текст публикуется по: Майминас Е. З. Социально-экономический генотип общества // Постигание. — М.: Прогресс, 1989. С. 93–113.

Возросла роль субъективного человеческого фактора, общественного сознания и общественных институтов в функционировании и развитии экономики. Они могут и стабилизировать (даже тормозить) общественно-экономические процессы, и стимулировать вызревающие преобразования. Поэтому понятно своего рода «очеловечивание» экономической теории, оправдан ее интерес к социологии и социальной психологии¹.

В свете сказанного рассмотрим, как встроен в общественное сознание и закреплён в общественных институтах механизм социального наследования и социальных изменений.

Определение социально-экономического генотипа²

Социально-экономический генотип (СЭГ) — это информационный механизм, обеспечивающий воспроизведение структуры, принципов функционирования, процессов регламентации и обучения (отбора, запоминания и передачи позитивного опыта) в данной общественно-экономической системе.

Аналогия СЭГ с биологическим генотипом весьма условна, поскольку прямая биологизация общественных явлений и процессов социального наследования неправомерна. Чем выше уровень благосостояния и развития общества, тем относительно меньшую роль играют биологические детерминанты человеческого поведения (до тех пор, пока не ощущается экологическая угроза). Генотип в биологических системах изменяется в результате мутаций генов. Благоприятные мутации выделяются путем естественного отбора, в результате которого неприспособленные виды (популяции) гибнут, а приспособленные — выживают. В обществе процессы изменений и адаптации протекают иначе.

СЭГ — специфически социальный механизм. Он фиксируется в многообразных информационных формах: от теоретических положений и программных концепций, правовых актов и административных инструкций до программ обучения и учебных пособий, неписаных традиций и правил хозяйствования.

¹ Опираясь на марксистские представления об отношениях людей в общественном производстве, Т. И. Заславская и Р. В. Рывкина включают охарактеризованный выше круг вопросов в предмет экономической социологии (см. Известия СО АН СССР. 1984. № 1). В западной литературе с первым изложением экономической социологии выступил Н. Смелсер, хотя там ее корни уходят в историческую школу и институционализм; особо отметим работы М. Вебера, И. Шумпетера, Г. Мюрдаля, К. Боулдинга.

² Впервые это понятие введено в моем докладе на международном семинаре в Берлине в апреле 1965 г. (см. *Oekonomische Modelle. (Planung und Leitung der Volkswirtschaft)*. Heft 11. Berlin. Verlag Die Wirtschaft, 1967). Оно подробно раскрыто в моих работах: *Процессы планирования в экономике: информационный аспект.* — Вильнюс: Минтис, 1967, и М.: Экономика, 1971; *Управление хозяйственным механизмом и экономическая кибернетика // Экономика и математические методы.* 1976. Т. XII. Вып. 4; *О формировании хозяйственных механизмов // Экономика и математические методы.* 1982. Т. XVIII. Вып. 3. На их основе подготовлен и настоящий текст. Независимо, но позже и в ином контексте использовал понятие социального генотипа К. Боулдинг (см.: *Boulding K. E. Economics as a Science.* — N.Y.: Mcgraw-Hill, 1970, и *Ecodynamics; A Mew Theory of Societal Evolution.* — Beverly Hills, London. Sage Publ., 1978).

В совокупности эта многослойная социальная память общества образует как бы «информационную матрицу», по которой воспроизводится определенная система управления, способ функционирования данной общественно-экономической системы. Объективной основой СЭГ служит процесс воспроизводства общественных и прежде всего экономических отношений этой системы. Главное содержание СЭГ образует информация, выражающая качественные черты того или иного общественно-экономического строя. В классовом обществе она прежде всего отражает и закрепляет интересы класса, господствующего в экономике, политике, а следовательно, в обычных условиях — и в идеологии.

Носителем СЭГ является общество, члены которого как представители определенной общественной группы усваивают эту информацию в процессе социализации личности. Импринтинг СЭГ осуществляется путем обучения, воспитания, принуждения и других форм социального воздействия. Лишь затем — «фенотипически» — СЭГ проявляется в структуре и элементах соответствующего хозяйственного механизма, в сознании и действиях людей, особенно в тех или иных стереотипах их социально-экономического мышления и поведения.

Частично СЭГ жестко регламентирует линии поведения воспроизводимой системы — в виде «безусловного рефлекса» на внешнее воздействие. Частично же СЭГ закладывает способность и стимулы к индивидуальному обучению этой системы в процессе ее адаптации.

В социально-экономических системах в известной мере возможно предвидение результатов намечаемых изменений. Рамки предвидения расширяются в процессе познания общественных процессов. Оно осуществляется в основном тремя способами: путем экстраполяции анализа «истории» системы; оценкой результатов «экспериментальных», пробных познающих воздействий, не способных разрушить систему; за счет сравнительного анализа разных систем. Это — предвидящий (априорный) отбор. Сознательно производятся также последующий (апостериорный) отбор и закрепление результатов, полученных в качестве ответа среды на управляющие воздействия методом «проб и ошибок».

Таким образом, оба вида отбора — априорный, роль которого возрастает с развитием общества и общественных наук, и апостериорный — существенно отличаются от естественного биологического отбора, осуществляемого только по пробам и ошибкам длительной стихийной эволюцией. Это несравненно более быстрый, более целенаправленный и менее расточительный процесс.

Существуют информационные комплексы (органы научно-технической информации, патентная система, университеты и академии, общественные организации, пропаганда, наконец, государственные институты), обеспечивающие передачу отобранных результатов другим элементам системы и другим системам. Следовательно, в отличие от биологических систем социальное наследование не ограничивается рамками популяции. Однако возможности восприятия и использования эволютивной информации другими социальными системами далеко не беспредельны, а в существенной степени объективно обусловлены уровнем и особенностями их собственного развития. Это хорошо показал Г. Мюрдаль на примере стран Южной Азии.

Степень селективности отбора зависит от четкости критериев, от возможности сопоставить варианты поведения и их результаты. Она, как и конкрет-

ные формы отбора и распространения улучшений, обусловлена прежде всего типом общественно-хозяйственного регулирования.

В целом строение СЭГ и его место в комплексе общественных отношений и институтов упрощенно представлены изображенной на рис. 1 схемой, в которую включены лишь важнейшие блоки и связи. В последующем изложении со ссылкой (в скобках) на буквенные и цифровые обозначения будет раскрыто их содержание.

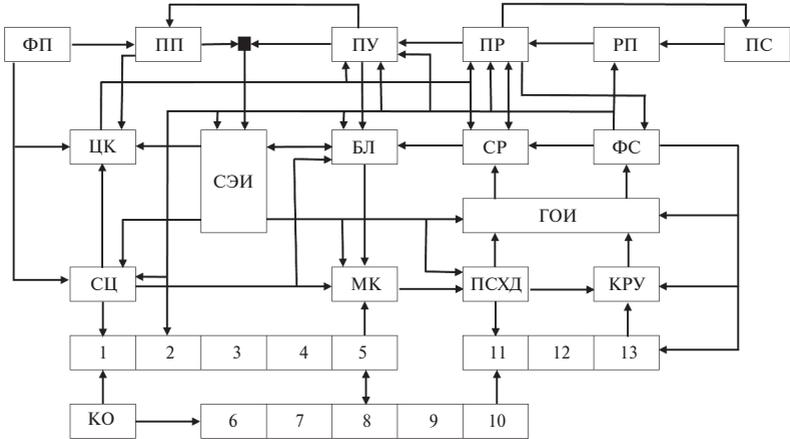

Рис. 1. Строение СЭГ и его место в комплексе общественных отношений

Общая структура СЭГ и его характеристики по-разному проявляются в историческом развитии. Конкретный внутренне взаимосвязанный комплекс этих характеристик со своими качественными значениями, как будет показано далее, образует «профиль» СЭГ в данном обществе.

Ядро СЭГ

Производство независимо от его общественной формы есть «процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой»¹. На рис. 1 крайние пункты этого процесса обозначены как функциональные потребности (ФП) людей и природная среда (ПС). Функциональные потребности в питании, одежде, жилье, охране здоровья, информации и т.п. извечны. Но в зависимости от технологического уровня производства (ПР) меняется список продуктов и услуг (ПУ), обеспечивающих эти функциональные потребности. Тем самым формируются реальные предметные потребности (ПП) в мясе, молоке, хлебе, овощах, конкретном гардеробе, квартирах, лекарствах, услугах лечебных учреждений и библиотек, книгах и газетах и т.д. Они и по объему, и по структуре исторически изменчивы.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23. С. 188.

В каждый определенный момент существует разрыв между уровнем предметных потребностей и возможностями производства в обеспечении их рядом продуктов и услуг. Он обусловлен не только опережающим ростом предметных потребностей и относительной ограниченностью наличного ресурсного потенциала (РП). Социальные корни этого разрыва уходят в способ распределения (СР) продуктов и услуг, зависящий от форм собственности на средства и результаты производства (ФС).

Социально-экономические интересы (СЭИ) выражают необходимость, значимость и настоятельность удовлетворения потребностей. Интересы осознаются как обобщенное опережающее требование к способам удовлетворения потребностей. Это уже не только сами продукты и услуги, но и условия их получения: формы собственности и распределения средств и результатов производства, ресурсного потенциала. Именно поэтому «экономические отношения каждого данного общества проявляются прежде всего, как интересы»¹.

Социально-экономические интересы образуют исходное звено СЭГ, как бы воспроизводя в нем информацию об общественно-экономических отношениях конкретного строя. Тем самым они увязывают объективные общественные процессы с субъективной деятельностью и сознанием людей. Преломляясь через интересы, условия и способы удовлетворения материальных и духовных потребностей, трактуются людьми как блага (БЛ). Воздействие интересов на все стороны общественной и хозяйственной деятельности многообразно и прежде всего проявляется в содержании и структуре ее целевого комплекса (ЦК), в объективно обусловленных, но сознательно формулируемых субъектами управления целях развития и изменений соответствующих звеньев производства и распределения благ, хозяйственных и общественных институтов и организаций.

Интересы оказывают влияние и на систему ценностей (СЦ), которая играет существенную роль в оценке благ, формировании и ранжировании целей. Если интересы связывают СЭГ с социально-экономическими структурами, то система ценностей укореняет его в культуре данного общества (КО). Речь идет прежде всего о многовековых культурных традициях (включая нравственные, религиозные и другие идеологические факторы) в их исторически сложившемся национально-этническом своеобразии. Разумеется, «качок современной цивилизации» до известной степени нивелирует это своеобразие, но не учитывать его огромного воздействия на систему ценностей и СЭГ в целом нельзя.

Система ценностей в концентрированном виде отражает общественное сознание различных классов, социальных и этнических групп. Она включает целый ряд аксиологических шкал со своими понятиями и градациями ценностей: материально-экономических (полезность благ, материальное благосостояние, богатство), социальных (социальные права и гарантии, равенство), политических (гражданские права и свободы, власть, мир), социально-психологических (самовыражение, престиж), нравственных (добро, справедливость, патриотизм, интернационализм), эстетических (красота), познавательных (истина), эколо-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 18. С. 271.

гических и др. Их сложное сплетение дает человеку общую ценностную ориентацию в осознании им действительности, в его жизнедеятельности.

В разных обществах у различных групп в зависимости от их социально-экономического положения, под воздействием тех или иных культурных традиций значения соответствующих ценностей могут резко различаться, не говоря уже о содержательной трактовке самих аксиологических оценок.

Система ценностей не только дифференцирована в рамках социальной структуры, но и динамична. Так, многие культурные традиции и ценности рушились и видоизменялись под западным влиянием в дворянской среде послепетровской России¹, но надолго сохранялись в крестьянской общине; по-иному они проявлялись на русском Севере и среди казаков; огромное воздействие на них оказало развитие капитализма, а затем — революция и особенно массовая коллективизация. Вместе с тем есть и интегрирующие долговременные ценности, символизирующие целостность и историческую преемственность данного общества.

Социально-экономические интересы и системы ценностей влияют на другие компоненты СЭГ, в первую очередь на мотивационный комплекс (МК) хозяйственной и общественной деятельности. Содержание и соотношения этих мотивов у каждого человека обусловлены структурой социальных ролей, в совокупности определяющих его позицию в обществе, масштабом и характером соответствующих социальных общностей. Мотивы, переплетаясь, образуют целостные мотивации, которые ориентируют поведение человека в разных сферах его жизнедеятельности: в труде, потреблении и семье, в малых группах и общественных организациях, в политических структурах и т.п. В трудовой и социальной мотивациях особое значение имеют внутренние мотивы (например, чувство хозяина, мотив власти), внешние мотивы-стимулы (например, материальная заинтересованность в заработной плате, выполнение приказов начальника), оправдательные мотивы (например, стремление прикрыть частный или локальный интерес общегосударственными соображениями). Существенную роль играют также коллективные мотивы типа «мы и они» по отношению к разным социальным общностям (например, трудовым коллективам, этносам, государствам). Эти мотивы могут порождать соревнование либо подражательное поведение, а в иных случаях — противостояние и неприятие, «образ врага».

Социально-экономические интересы, система ценностей и тесно связанный с ними мотивационный комплекс образуют внутреннее ядро СЭГ, которое органически сопряжено с целым рядом социально-психологических характеристик, выражающих разные стороны общественного сознания и общественных отношений. Наиболее очевидно влияние в экономике следующих характеристик с их крупными градациями (цифры в скобках соответствуют рис. 1):

- отношение к труду (высшая ценность, дело чести; средство существования; отрицательная ценность; проклятие) — (1);
- отношение к потреблению (самодовлеющая ценность, «вещизм», накопительство; «выборочное» накопительство, в том числе престижное

¹ *Ключевский В. О.* Западное влияние в России после Петра. — См. в кн.: *Ключевский В. О.* Неопубликованные произведения. — М.: Наука, 1983.

- потребление; средство гармоничного развития личности; средство поддержания жизнедеятельности; отрицательная ценность, аскетизм) — (2);
- отношение к распределению (дифференциация по статусу: собственности, положения, рождения и т.п.; рвачество; дифференциация по труду; по нуждаемости; по потребности; уравнительность) — (3);
- отношение к обществу, степень и формы «включенности» в общественные отношения (индивидуализм; патриархально-родовые, территориально-общинные, племенные; сословно-кастовые; национальные; социально-классовые; коллективистские и непосредственно общественные формы) — (4);
- степень и формы идейной убежденности (научное мировоззрение, религиозная, национальная и другие формы идеологии) — (5).

Эта группа социально-психологических характеристик наиболее сильно зависит от уровня экономического развития и сложившихся социально-экономических отношений данного общества, особенно от его классовой структуры, положения отдельных социальных групп в общественном производстве.

Более опосредованно воздействует на хозяйственную деятельность и общественную активность людей другая группа социально-психологических характеристик, отражающих преимущественно сложившийся у них тип культуры. В частности, это:

- высокая или низкая степень трудовой мобильности (профессиональной, квалификационной, территориальной) — (6);
- преобладающий способ поведения (он может основываться на выборе рациональной программы хозяйственной деятельности в зависимости от объективных условий или, напротив, на следовании традиции, даже если эти условия изменились) — (7);
- характер работы (систематичность или «авральность»; расчетливость или склонность к риску) — (8);
- ориентация во времени (динамическая, обращенная в будущее, которая может быть либо деятельной, либо рефлектирующей, «мечтательной»; обращенная в повседневность, к сиюминутным интересам и делам; обращенная в прошлое) — (9);
- степень конформизма и восприимчивости к внешним воздействиям, которая очень тесно связана с формами отношения к обществу — (10).

Как интересы, ценности, мотивы, образующие ядро СЭГ, так и его социально-психологическая «оболочка» конкретизируют формы общественно-экономического сознания. В более определенном и явном виде они выступают в парадигме хозяйствования и социального действия.

Парадигма хозяйствования и социального действия

Если нормы поведения и управления задаются индивиду или конкретному управляющему блоку как бы извне, то парадигма хозяйствования и социального действия (ПХСД) (см. рис. 1) обычно усваивается этим индивидом или блоком, непосредственно выражая комплекс его интересов и мотиваций. Эта парадигма является главным предметом социального обучения личности.

На каждом историческом этапе она представляла по-своему — от религиозных проповедей до развернутых экономических, социальных, правовых теорий и программ социально-экономической политики, «технологических» правил и даже обыденных представлений о хозяйственном и социальном поведении. Так закреплялись в сознании господствующие в данном обществе формы хозяйствования и социальной активности или готовилась почва для их изменения.

Ведь как только осознавалось тем или иным социальным слоем или классом ущемление его интересов, недовольство сразу же сопровождалось апелляцией к политическим, социальным, экономическим, нравственным идеалам. В при-сущем данной эпохе и обществу виде эти идеалы выражали в парадигме соответствующую, облаченную в идеологические одежды ценностную ориентацию. И там же черпала свои аргументы противоборствующая сторона. А на другом полюсе парадигмы ценности и мотивации представлены обычаями и правилами поведения «на каждый день». Они диктуют заземленный производственный, домашний, семейно-родственный распорядок, ритуалы, формы общения и т.п.

В макромасштабе общественно-хозяйственная парадигма связана с решением двух сопряженных, но далеко не идентичных задач: обеспечением стабильности функционирования социально-экономической системы и повышением ее эффективности на базе различных нововведений. Последние неизбежно ведут к структурным сдвигам, которые могут и нарушить сложившееся стабильное равновесие в системе. Соотношение значимости этих задач, не говоря уже о содержании и способах их решения, изменяется на различных этапах развития, зависит от конкретно-исторических условий той или иной страны.

Комплекс представлений о функционировании и развитии социально-экономической системы фокусируется в определенных установках управления (11 на рис. 1). Управленческая установка является чрезвычайно важной социально-психологической характеристикой, выражающей преимущественную ориентацию системы и субъектов управления в поле выбора альтернатив действия. Складываясь и изменяясь в конкретных условиях, она вместе с тем несет на себе отпечаток того или иного типа культуры, концентрированно отражает особенности данной психообщественной инфраструктуры.

Прежде всего выделим два класса установок управления — традиционные и рационалистические¹. Установка на следование традиции жестко предписывает в каждой ситуации однозначную программу поведения. В отличие от нее рационалистические установки и программы поведения позволяют выбирать способ действия из множества возможных в конкретной ситуации, что характерно для современных систем управления, несмотря на сохранение некоторых элементов традиционных программ.

Различаются три типа рационалистических установок: собственно рациональность, эффективность и адаптивность².

¹ См.: *Левада Ю. А.* Сознание и управление в общественных процессах // Вопросы философии. 1966. № 5.

² См.: *Ackoff R. L.* Concept of Corporate Planning. — N. Y., Wiley, 1970; *Kornal T. Rush Versus Harmonic Growth.* — Amsterdam-London, North-Holland Publ. Co., 1972.

Рациональность предполагает удовлетворение некоторых ограничений, по-роговых или качественных требований, позволяющих отличить «нерациональное» от «рационального». В самом общем смысле это требование выживания системы и, следовательно, наиболее универсальная, слабая форма управленческой ориентации. Для общественных систем со сложной структурой «выживание» в первую очередь означает сохранение данного качественного структурного типа, который может быть реализован весьма широким спектром конкретных допустимых структур. (Традиционная же установка закрепляет единственную структуру.) Но каждая из них должна обеспечить определенную стабильность системы, сбалансированность ее элементов и подструктур, несмотря на внешние возмущения.

Эффективность обычно связана с поиском и выбором в множестве допустимых структур «наилучшей» по заданным критериям структуры и обеспечением ее функционирования. (Лишь в частном случае, при наличии единственного критерия оценки альтернатив и других известных условиях, речь может идти об оптимизации в строгом смысле слова.) По существу, в рамках этой установки остается и задача построения наилучшей структуры, реализующей заданные функции системы. Например, когда разрабатывается перспективный план, конструируется сегодняшний образ будущей системы. Далее проектируется некая динамическая структура, которая должна обеспечить поэтапную реализацию этого образа на определенном временном интервале. Однако в перспективе непредвидимое ныне развитие социального и научно-технического прогресса может существенно видоизменить сегодняшний образ будущей системы, модифицировать и сами критерии оценки ее структур. Управляемые параметры, установленные в исходном плане, вывели бы систему именно в эту, относительно «устаревшую» целевую область.

Адекватной изменению целей и условий функционирования системы является установка адаптивности. Она направлена на создание такого механизма управления, который бы обеспечил развитие управляемого объекта, изменение его структуры в соответствии с динамикой условий функционирования. Более совершенна та система, которая успешно (скорее с меньшими издержками и т.п.) адаптируется к более широкому диапазону условий. Это зависит и от «правильного» соотношения между жестким регулированием и самообучением. В качестве упрощенного технологического примера сопоставим жестко структурированную автоматическую линию с узкоспециализированным оборудованием (рациональность), станки с программным управлением (эффективность) и самообучающихся роботов (адаптация).

Формирование эффективной структуры объекта, так же, как и критериев ее оценки, становится «естественным» продуктом деятельности самой системы управления. Эта деятельность начинается с прогнозирования условий функционирования объекта, что позволяет своевременно и согласованно определять и изменять как цели, так и способы их эффективной реализации.

Рациональность и эффективность остаются исходными требованиями. Они синтезируются установкой адаптивности, согласующей стабильность и отбор наилучших нововведений в социально-экономическом развитии. Именно такой синтез порождает понятие «гибкости», приспособляемости системы. Но эта

установка, в отличие от установок рациональности и эффективности, непосредственно ориентирована на деятельность системы управления, а не объекта управления. Тем самым впервые во главу угла ставится метауправление — создание и совершенствование эффективного управляющего механизма, способного обеспечить успешное функционирование социально-экономической системы в широком и априорно не заданном диапазоне условий.

Изменение системы ценностей, парадигмы и установок управления происходит относительно медленно, захватывая целые исторические эпохи. Как правило, оно ускоряется и выступает в наиболее явном виде в периоды революционных преобразований социально-экономического строя. Но этот же процесс, пусть не в полном объеме, инициируется и установкой адаптивности.

На практике мы сталкиваемся со сложным сочетанием различных установок в разных процессах принятия управленческих решений, причем в отдельных случаях они могут вступать в противоречие друг с другом (примером могут служить квазиэффективные хозяйственные решения, приводящие к экологическому ущербу).

В разных обществах и на разных исторических этапах уделяется неодинаковое внимание тем или иным сторонам общественной и хозяйственной жизни. В парадигме фиксируется круг и соотношение «управляемых факторов» (12 на рис. 1). Это — технико-технологические, экономические, социальные, организационно-политические, воспитательно-пропагандистские факторы управления. По этому признаку часто (с упрощением) выделяют «технологические» и «идеологические» общества. В первых предпочтение отдается технологическому развитию, во-вторых — жесткому соблюдению идеологических канонов.

Наконец, важной компонентой парадигмы является обоснование того или иного типа взаимодействий (вертикальных и горизонтальных) в хозяйственном механизме, экономической и политической структуре (13), например, тоталитаризм, либерализм, анархизм и т.п. В классовых обществах это один из острейших узловых вопросов политической и идеологической борьбы, поскольку в нем наиболее четко представлены формы классового господства или политические устремления отдельных классов.

Контуры регулирования и управления

Завершающее звено СЭГ образует комплекс норм, оценок и стимулов общественно-хозяйственной деятельности — экономических, правовых, административных, моральных, которые уже непосредственно устанавливают порядок и правила функционирования данной социально-экономической системы. В СЭГ на основе утвердившейся парадигмы этот комплекс представлен в сравнительно обобщенном виде контуров регулирования и управления (КРУ на рис. 1). В совокупности они детерминируют некое общественно-хозяйственное устройство. Здесь определяются характер, линии воздействия, соотношение и взаимосвязь отдельных видов норм, оценок и стимулов, т.е. формируется «регламентирующая» исходная база конкретного социального и хозяйственного механизма. В нем самом все эти факторы выступают уже в качестве конкретно и явно установленных параметров с соответствующими экономическими сти-

мулами и штрафами, правовыми санкциями, административными поощрениями и наказаниями, моральной поддержкой и осуждением. Такую настройку комплекса норм, оценок и стимулов в социальном и хозяйственном механизме осуществляет государство и другие общественные институты (ГОИ).

Контуры регулирования и управления воздействуют на каждого члена и каждую ячейку общества (будь то физическое или юридическое лицо, семья, малая группа, неформальное движение и т.п.) посредством тех или иных предписаний — норм. Они различаются по способу, степени избирательности, применимости и гибкости воздействия на объект.

По степени избирательности условно можно выделить нормы универсального (У), группового (Г) и индивидуализированного (И) воздействий. Объектом последних могут быть как физические, так и юридические лица, например, хозяйственные организации, а также их структурные подразделения. Важно, что предписания или инструкции носят здесь «адресный» характер и направлены конкретному Иванову, конкретному предприятию, конкретному отделу данного министерства. В отличие от этого нормы группового воздействия «Г» направлены на определенную группу объектов, например, на все предприятия, подведомственные данному министерству; на договорные отношения между предприятиями; на налоговые отчисления от их прибыли и т.п. С точки зрения применимости различаются нормы многократного (Мн) и разового (Р) действия. Многие авторы исключают разовые предписания (команды) из понятия норм.

По гибкости выделим нормы императивные (Им), предписывающие вполне определенные действия, и диспозитивные (Д), определяющие рамки дискреционного, т.е. свободно выбираемого, поведения. Императивные нормы работают по принципу «разрешено только то, что прямо предписано», а диспозитивные — по принципу «разрешено все, что прямо не запрещено». Следовательно, императивные задают те или иные линии поведения, запрещая все остальные, а диспозитивные — зону поведения, предусматривающую свободный выбор из определенного множества допустимых линий поведения. Вполне очевидна их непосредственная связь соответственно с программами жесткого регулирования, обеспечивающими прежде всего стабильность объекта, и программами адаптации объекта к изменяющимся условиям.

Способ воздействия определяет четыре типа контуров управления; правового регулирования (П), административно-организационный (А), морально-воспитательного воздействия (М) и экономический (Э). «Экономический» контур здесь характеризуется способом, а не сферой действия, ибо экономические процессы регулируются всеми контурами. Преобладающее соотношение каждого из них с перечисленными выше характеристиками норм представлено на рис. 2.

Контур «П» и действующий на его основе контур «А» опираются на принудительную силу власти, обеспечивающей обязательность исполнения соответствующих предписаний и санкции за их нарушение. В условиях частного предпринимательства все предписания персоналу руководством отдельных фирм заведомо относятся к «А» в отличие от государственных правовых норм, в том числе норм административного права. В государственной системе управления социалистическим народным хозяйством оба контура пока различаются ско-

нарушения в запретной зоне санкции могут быть дифференцированы. Но в допустимой (с точки зрения государства или администрации) зоне дискреционного поведения или при соблюдении установленной линии поведения нормы «П» и, как правило, «А» не предусматривают специальных положительных стимулов, кроме возможности продолжать отвечающую нормам деятельность.

Контур «Э» формируется как в вертикальных, так и в горизонтальных связях регулирования и управления, и его нормы воспринимаются и усваиваются каждым хозяйствующим субъектом. Они дают возможность сопоставить и сравнить оценки альтернатив действия в дискреционной зоне. Нормы «Э» обеспечивают стимулы и, следовательно, как бы направляют выбор самим субъектом конкретной, наилучшей альтернативы, стимулируют в ряде случаев также соблюдение императивно предписанной другими контурами линии поведения. В известном смысле аналогичный характер имеет и контур «М» с его моральными стимулами к нравственным ценностям и соблюдению нравственных норм. Однако в нем большую роль играют плохо поддающиеся обобщению и квантификации субъективные факторы. Поэтому, за исключением экстремальных ситуаций, нормы «М» способны выделить не единственную альтернативу, а пучок предпочтительных альтернатив.

Научно-технический прогресс, динамизм и усложнение социальных процессов резко увеличивают число возможных альтернатив поведения членов и ячеек общества. В этих условиях особое значение приобретает правильное соотношение императивных и диспозитивных норм в контурах регулирования и управления, а также оценочно-направляющее действие контура «Э» для отбора эффективных линий поведения; становится актуальным формирование более дифференцированных способов нравственной оценки и морального стимулирования.

Практически в любом процессе принятия решений все нормы и стимулы действуют совместно. Поэтому согласование нормативных контуров является одной из главных задач метауправления. Необходима такая их совместная настройка, чтобы они не только не противодействовали друг другу, но в целом обеспечивали наиболее эффективное, соответствующее общественным целям функционирование и развитие социально-экономической системы.

«Профили» СЭГ и формирование хозяйственных механизмов

Итак, мы рассмотрели общую схему СЭГ, которая наглядно показывает, что общественно-экономические отношения в преобладающей степени детерминируют его характер в целом, содержание и соотношение отдельных компонент. Основным проводником их воздействия служат социально-экономические интересы. Культурно-исторические факторы, национально-этнические особенности главным образом влияют на системы ценностей и многие социально-психологические характеристики СЭГ, а уже через них — на другие его звенья. Однако можно проследить их долговременный «остаточный» отпечаток после изменения общественно-экономических отношений в блоках мотивационного комплекса, парадигмы хозяйствования и социального действия, контуров регулирования и управления. В свою очередь последние два звена СЭГ

оказывают наиболее сильное воздействие на хозяйственный механизм, а через него — и обратное влияние на развитие общественного производства. Но и в данном случае нетрудно заметить непосредственную связь системы ценностей, мотивов и других компонент с развитием общественного производства, прежде всего их роль в ориентации хозяйственных решений и деятельности отдельных индивидов.

Социально-экономические отношения, выражающие качественные особенности данной общественной формации, и фундаментальные вековые линии ее культуры формируют своего рода «доминантные аллели» соответствующего вида СЭГ и хозяйственного механизма. Остальные структурообразующие факторы, если продолжить биологическую аналогию, являются «рецессивными». При известных условиях они могут проявляться в тех или иных звеньях хозяйственного механизма, обладая инерционностью и относительной самостоятельностью развития.

Под влиянием всей совокупности этих факторов складываются вполне определенные «профили» СЭГ. Каждому из них присуще свое сцепление конкретных значений или градаций компонент генотипа. Если в системе ценностей, например, преобладающее значение имеет богатство, то с ним скорее будет связан индивидуализм, чем коллективизм; установка эффективности, чем традиционализм (кроме «старого» Востока); престижное потребление, чем аскетизм (кроме протестантской этики), и т.д. Напротив, если высоко ценится социальная защищенность, то она влечет тенденцию к уравнительности, кастовость или коллективизм (в зависимости от типа культуры), традиционализм или в лучшем случае рациональность, конформизм и т.п.

В каждом обществе есть свой доминантный «профиль» СЭГ, выражающий прежде всего интересы господствующего класса и, соответственно, господствующую идеологию. Вместе с тем существуют порой отклоняющиеся или даже противостоящие ему частные «профили», в которых закреплены специфические интересы и ценности отдельных социальных слоев и групп. Их инкорпорирование в данное общество в нормальных условиях функционирования последнего — непростая задача. В условиях же революционной ломки старого общества происходит смена самого доминантного «профиля». Его место занимает один из прежних частных «профилей», в котором обычно сохраняются и какие-то существенные, хоть и видоизмененные черты прошлой доминанты.

Следовательно, каждый «профиль» СЭГ есть не произвольная мозаика, а некая целостность. Любому хозяйственному механизму как способу функционирования и развития данной экономической системы отвечает свой доминантный «профиль» СЭГ. Этим же определяются возможности и пределы генерирования и отбора возможных вариантов хозяйственного механизма, так же, как и передачи информации социального наследования за рамки данной «популяции», т.е. исторической последовательности сменяющих друг друга конкретных систем.

В указанных пределах реальный выбор (точнее — формирование) того или иного варианта хозяйственного механизма зависит от конкретных условий страны: уровня ее технологического и экономического развития, материального и культурного качества жизни населения, социально-политических факторов и т.п.

В то же время сближение этих условий, процессы экономической интеграции, растущая общность характера решаемых задач хозяйственной и социальной политики стран с однотипной социально-экономической структурой позволяют им более широко учитывать соответствующий зарубежный опыт, ведут к взаимной стыковке и частичному подобию компонент СЭГ, особенно в хозяйственной сфере. Образуется своего рода механизм переноса тех или иных черт СЭГ из общего «генофонда», в частности через деятельность международных экономических организаций, транснациональных корпораций, смешанных предприятий и т.п. Известную роль в этих процессах играет и необходимость совместного решения стоящих перед человечеством глобальных проблем.

В той степени, в какой проявляется общность технологических структур и задач научно-технического прогресса, удастся заимствовать соответствующий опыт иной по типу общественно-экономической системы. Однако и здесь, помимо подготовленности чисто ресурсных и технологических предпосылок, существенные ограничения накладывают сложившиеся социально-экономические условия и прежде всего СЭГ. Система как таковая остается инвариантной относительно подобного переноса, поскольку она абсорбирует соответствующие нововведения, приспособляя их к своим специфическим чертам. Изменение самой системы связано со сменой типа общественно-экономических отношений.

В рамках данного строя любые меры по развитию хозяйственного механизма должны быть внутренне согласованы с его качественными основами, учитывать взаимодействие всех его элементов и характеристик. Сопоставительная оценка положительных и отрицательных последствий, общественных эффектов и «платы» при реализации альтернативных вариантов хозяйственного механизма способствует выбору наиболее предпочтительного из них.

Без анализа СЭГ и происходящих в нем изменений такая оценка будет заведомо неполной, причем это касается не только социальных, но и чисто экономических результатов и затрат, связанных с реализацией мер по перестройке хозяйственного механизма. Иначе не понять причинно-следственных связей, скажем, дифференциации или выравнивания доходов с системой ценностей, с одной стороны, с хозяйственной мотивацией и эффективностью производства — с другой. Не раскрыв в СЭГ факторов, определяющих стиль экономического мышления, не удастся проследить, как на масштаб и темпы хозяйственных перестроек влияют мотивации и ценности, сила привычки. Изучение структуры власти и интересов отдельных социальных групп в данном варианте хозяйственного механизма покажет, как в рамках СЭГ оценивается действие и следствия каждого варианта, причем одна группа может рассматривать их как положительный эффект, другая — как те или иные затраты либо социальные потери. Выявится и их соответствие общегосударственным интересам.

Роль СЭГ в формировании хозяйственных механизмов состоит в том, что он стимулирует или тормозит этот процесс, генерирует множество вариантов и в известном смысле предопределяет им оценку и выбор.

При изучении СЭГ прежде всего необходимо детализировать его компонентные блоки, разработать шкальные (количественные, балльные, ранговые и т.п.) оценки их характеристик, обеспечить получение данных для этих оценок,

а затем перейти к выявлению связей между блоками и их характеристиками. Исходным пунктом могут послужить социологические обследования и анализ «фенотипического» образа СЭГ у отдельных более или менее однородных категорий населения¹.

Дальнейшие комплексные исследования с привлечением инструментария экономических наук, социологии, социальной психологии, этнографии, социально-экономического моделирования позволили бы более конкретно определить взаимозависимости между компонентами СЭГ, его доминантным и частными «профилями», выявить лаги этих взаимодействий. Разумеется, конкретные значения оценок по каждой характеристике, сила и направление их связей и лагов будут неодинаковыми для разных лиц в рамках одной группы — и тем более для разных групп. Поэтому любой частный «профиль» реально предстает как бы размытым и может трактоваться скорее в вероятностном, чем в детерминистском смысле. Тем не менее их исследование поможет установить, как воздействия на одни характеристики сказываются на изменении других.

Ретроспективный и сравнительный анализ «профилей» СЭГ покажет тенденции их динамики. Ведь отдельные его звенья изменяются с неодинаковой скоростью, обладают различной степенью устойчивости к внешним воздействиям. Возможные темпы изменения тех или иных характеристик СЭГ сильно варьируют и по категориям населения (так же, кстати, как и их представление о желательности подобных сдвигов).

Сдвиги в СЭГ и социально-экономическое развитие

Изменяясь в ходе социально-экономического развития, СЭГ в свою очередь оказывает на него существенное влияние. Наиболее подвижными являются технологические структуры общества. В тех или иных его звеньях постоянно зарождается и разворачивается инновационный процесс. Возникающие центры обновления захватывают сопряженные технологические сферы, что приводит к формированию нового технологического уклада. В свою очередь это вызывает изменения в организации производства, обмена, потребления благ, в институциональных структурах хозяйственного механизма. С новой технологией и организацией меняется характер труда и быта, появляются новые профессиональные группы, преобразуется жизнь многих региональных общностей. И во все стадии и звенья описанного процесса активно включен всеми своими компонентами СЭГ.

Проблема стимулирования и ориентации научно-технического и социально-экономического прогресса особенно актуальна на современном этапе как в развитых, так и в развивающихся странах мира. Стало понятно, что сегодня даже само развитие науки и технологии, не говоря о массовой реализации его результатов, — это не частное дело ученых, изобретателей и новато-

¹ См., например: *Римашевская Н. М., Овсянников А. А.* Потребительское поведение населения: теория и результаты моделирования. В кн: Экономика и математические методы. — М.: Наука, 1981. Т. XVII. Вып. 6; Социально-экономическое развитие сибирского села. — Новосибирск: Наука, 1987.

ров, а сложнейший социально-экономический процесс — стержень динамики всего общества. Каждая страна, опираясь на свой опыт, ищет наиболее адекватные сложившимся в ней условиям и особенностям формы этого процесса. Прежде всего речь идет о возможностях и способах его общегосударственной и локальной организации, финансирования, поддержки частной инициативы, технического оснащения и подготовки кадров, передачи и использования отечественной и зарубежной информации. Но в конечном счете дело упирается в учет, видоизменение и приспособление к вызову будущего системы ценностей, мотиваций, общественно-хозяйственной парадигмы и контуров регулирования, т.е. доминантного «профиля» СЭГ.

Здесь мы сильно отстаем. Показательны данные 1984 г. об удельном весе (в %) трех стран в общем количестве охраняемых документов, т.е. в мировом фонде изобретений и открытий по некоторым отраслям¹:

	Япония	США	СССР
Электротехника, электроника, связь	67,8	11,2	6,5
Приборостроение и вычислительная техника	64,2	12,3	9,1
Химическая промышленность	51,8	20,2	6,8
Механическая обработка материалов	52,5	14,5	13,0
Преобразование энергии	56,6	14,3	8,8
Горное дело	17,1	21,9	38,4
Сельское и лесное хозяйство	37,2	16,9	18,5
Пищевая промышленность	53,1	16,2	6,2
Производство предметов ширпотреба	36,5	22,5	1,3

Развителен рывок Японии в лидеры научно-технического прогресса за последние десятилетия. И не последнюю роль в этом сыграли восприимчивость японцев к зарубежному опыту, их трудолюбие, самоидентификация с интересами фирмы и нации, умелое использование традиционных патерналистских форм и группового поведения, к которому удалось привить творческий дух инноваций и готовность к проникновению на внешние рынки. Последние две характеристики являются для японцев сравнительно новыми, но их органичному синтезу с традициями способствовала пластичность японской культуры. Вместе с тем о общественном сознании страны произошли существенные сдвиги в сторону потребительства, частного интереса и либерализма. Так, в 1940 г. доля опрошенных, желавших вести праведную жизнь, или служить обществу, предав забвению собственные интересы, составила 56%, а в 1978 г. — только 18%; напротив, доля лиц, желающих жить собственными интересами, не беспокоясь ни о чем, или упорно работать, чтобы разбогатеть, увеличилась с 35 до 75%².

¹ Данные приведены по докладу: Яковец Ю.В., Симаков В.В. Научные основы и методы сквозного планирования научно-технического прогресса. АНХ при СМ СССР, Госплан СССР. — М., 1987. С. 21.

² См.: Рамзес В.Б. Личное потребление в Японии. — М.: Наука, 1985. С. 82–69.

В США (и Великобритании) обеспокоенные наметившимся отставанием политики и бизнесмены чаще внимают призывам Чикагской школы экономистов возродить ценности, мотивации и формы «чистого капитализма» — частную инициативу и условия жесткой конкуренции, — ослабить социальные подпорки и т.п.; вместе с тем они уповают и на щедро финансируемый государством военно-промышленный комплекс как на «локомотив» НТП.

Наше технологическое отставание обусловлено рядом взаимосвязанных факторов. Мы надолго задержались на экстенсивном пути экономического развития, на который реально ориентированы административно-командная система управления и присущий ей «профиль» СЭГ. Приведенные выше данные свидетельствуют об особенно большом разрыве в интеллектуальном потенциале лидирующих отраслей современного НТП (по сравнению с традиционными отраслями). В итоге пока ведущим является не информационно-научоемкий и автоматизированный, а машинный тип технологии. На многих операциях и в некоторых секторах (услуги, управление, индивидуальная трудовая деятельность, подсобное и домашнее хозяйство) сохранились мануфактурная и даже ремесленная и «домашняя» технологии. По последним опубликованным данным, в 1985 г. ручным трудом в народном хозяйстве было занято около 50 млн человек (общее количество рабочих, служащих и колхозников составило 130,3 млн человек)¹, вместе с тем, как показал представительный социологический опрос, половина трудящихся и половина руководителей не видят необходимости в том, чтобы пополнять свои знания; более 40% опрошенных не относят к числу неперменных условий жизненного успеха способности человека, а около половины — добросовестное отношение к труду².

В свете сказанного очевидно неотложность крупных структурных сдвигов в экономике, создания качественно иных условий для развития науки и техники, радикальной реформы хозяйственного механизма. Осуществление этих мер и тем более решение проблем более дальней перспективы будут во многом зависеть от сдвигов в СЭГ. Необходимо скоординировать и привести в действие все влияющие на него факторы — экономические, политические, нравственные, идеологические. Как и другим странам, нам придется искать, испытывать и отбирать такие формы социально-экономического развития, которые учитывают сложившиеся конкретно-исторические условия, в том числе СЭГ, и вместе с тем — реальные возможности их целенаправленного изменения.

Речь идет прежде всего о создании условий, способствующих сдвигам в СЭГ. В его ядре — это преодоление отчуждения от общественной собственности, реальное повышение заинтересованности в труде и его результатах, ценности человеческих способностей и творчества, инициативы, познания и нравственных

¹ См.: Народное хозяйство СССР в 1985 г., Стат. ежегодник / ЦСУ СССР. — М.: Финансы и статистика, 1986. С. 56; Народное хозяйство СССР за 70 лет, Юбилейный стат. ежегодник / Госкомстат СССР. — М.: Финансы и статистика, 1967. С. 411.

² Данные опроса около 25 тыс. человек — рабочих, колхозников, представителей интеллигенции, служащих, проведенного АОН при ЦК КПСС, привели Л. Пономарев и В. Шинкаренко в своей статье: Догматизм. Корни и крона // Известия. 9–10 июня 1988 г. 163, 164.

качеств, создание полноценной хозяйской и трудовой мотивации. Новый облик должна приобрести парадигма хозяйствования и социального действия — с установками эффективности и адаптации (вместо рациональности и традиционализма), признанием многообразия хозяйственных форм, демократизацией общественной жизни и плюрализмом мнений. Нужна согласованная переналадка контуров регулирования и управления с иным соотношением и содержанием норм, оценок и стимулов. Главное, эти сдвиги не могут ограничиться какими-либо управляющими и социальными группами, а должны охватить самые широкие слои населения, стать преобладающими в нашем обществе. Тогда и упрочится новое социально-экономическое мышление.

А. М. Пахалов¹,

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

**«ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.
СЕРИЯ 6. ЭКОНОМИКА»:
НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ
(дайджест публикаций журнала за 1991–2016 гг.)**

Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова был основан в конце 1941 г. Спустя пять лет – в 1946 году – в составе журнала «Вестник Московского университета» была открыта «серия экономики, философии, права». В 1966 году у экономистов появилась собственная серия «Вестника», впоследствии получившая номер 6. В предлагаемом дайджесте рассказывается о наиболее цитируемых публикациях и основных направлениях исследований в новейшей истории журнала, отправной точкой которой можно считать 1991 г. За прошедшие с этого момента 25 лет журнал менялся вместе с развитием факультета, университета и российской экономической науки, однако неизменно оставался одним из самых авторитетных научных изданий в области экономики и управления.

**«MOSCOW UNIVERSITY
ECONOMICS BULLETIN»:
CONTEMPORARY HISTORY
(review of journal publications 1991–2016)**

Lomonosov Moscow State University Faculty of Economics was founded in 1941. Five years later, in 1946, the university started to publish scientific journal «Mocow University Economics, Philosophy and Law Bulletin». Since 1966 economists have their own journal «Moscow University Economics Bulletin». This paper reviews the most cited publications and the main directions of research in the modern history of the journal, from 1991. During last 25 years, the journal was changing with the development of the faculty, the university and the Russian economic science. However it always remains one of the most influential scientific journals in the field of economics and management.

В начале и середине 1990-х гг. в России осуществлялся переход от плановой к рыночной экономике. Происходящие преобразования находили свое отражение и в исследованиях российских экономистов: основную часть публикаций журнала в те годы составляли статьи по различным аспектам **функционирования**

¹ Пахалов Александр Михайлович, инженер лаборатории институционального анализа экономического факультета, директор по развитию Центра исследований сетевой экономики; тел: +7 (495) 939-28-82; e-mail: apahalov@econ.msu.ru

переходной экономики. Авторы статей исследовали как фундаментальные, общетеоретические и стратегические вопросы смены экономических систем [Бузгалин, 1993; Осипов, 1995; Кульков, 1996], так и вопросы, связанные с изменениями в отдельных сферах социально-экономической жизни. В частности, на страницах журнала рассматривались прикладные аспекты регулирования цен в условиях перехода к рынку [Кондрашева, Никифоров, 1992], обсуждались вопросы управления трудовыми ресурсами и раскрытия трудового потенциала в рыночных условиях [Колосова, Моисеенко, 1992; Деленян, Московский, 1995]. Отдельное внимание уделялась сферам, наиболее остро ощутившим на себе негативное влияние кризисных процессов переходного периода. Авторами журнала были проанализированы наиболее острые вопросы демографического развития России в переходных условиях [Кваша, 1995], предложены основные элементы социально-демографической политики по поддержке молодых семей [Елизаров, 1992], а также меры государственной стратегической промышленной политики и стимулирования научно-технического прогресса [Нехамкин, 1997].

Одновременно с изменениями в экономике менялось и экономическое образование: новые реалии требовали открытия новых учебных дисциплин и новых исследовательских направлений, среди которых особое место заняла теория переходной экономики. Предметом ее стали экономические системы, «отягощенные» существованием масштабного институционального рынка, роль которого в непереходных экономиках играет формализованный нормотворческий процесс [Тамбовцев, 1996]. Большое значение в переходных условиях приобрела также экономическая история: необходимо было проанализировать исторические особенности предыдущих реформ в российской и мировой истории с целью использовать лучшие традиции и избегать повторения серьезных ошибок [Худокормов, 1993].

Первый номер журнала за 1996 г. был полностью сформирован из материалов конференции «Переходная экономика: закономерности, модели, перспективы», которая состоялась на экономическом факультете МГУ в июне 1995 г. В работе конференции приняли участие более 300 ученых из 12 стран мира, ведущих вузов России и научных центров РАН, с ключевыми докладами выступили российские экономисты (А. В. Бузгалин, А. И. Колганов, В. В. Радаев, В. А. Мау и др.) и их американские коллеги (Алиса Амсен, Майкл Интрилигейтор и др.).

Проблематика переходной экономики обсуждалась и в более поздних публикациях журнала — по мнению ряда авторов, переход к рыночной системе в полной мере не был завершён даже по состоянию на начало 2010-х гг. [Черковец, 2011]. Однако в целом тематика переходной экономики отошла на второй план, и в конце 1990-х и начале 2000-х гг. в журнале сформировался комплекс взаимосвязанных тематических направлений, отражавших приоритеты научно-исследовательской деятельности экономического факультета МГУ.

1. Политическая экономия и история экономических учений

Вопросы эволюции экономической науки рассматривались в журнале с момента его основания, однако в 2000-х гг. на страницах «Вестника» была представлена наиболее широкая палитра взглядов на развитие и состояние экономической теории. В журнале были опубликованы статьи сторонников и критиков классической политической экономии, неоклассического синтеза,

классического и нового институционализма. Авторы исследовали процесс генезиса экономической науки в целом [Радаев, 2003] и неоклассической теории в частности [Дорошенко, 2000].

Многие авторы журнала обращали внимание на наличие национальной российской специфики экономической теории [Кульков, 2003], а также указывали на необходимость постановки вопроса о российской модели экономики как крупной научно-исследовательской темы и даже исследовательской программы [Пороховский, Хубиев, 2005]. Подчеркивалась также роль истории экономических учений как важного элемента экономической науки и экономического образования [Худокормов, 2005]. В статьях, опубликованных в 2014 г. к 210-летию кафедры политической экономии экономического факультета МГУ, подчеркивалась важная роль политической экономии на разных стадиях развития рыночной экономики, в том числе и в XXI в. [Пороховский, 2014].

2. Новая институциональная экономика и институциональный анализ

Первой публикацией журнала, полностью посвященной новой институциональной экономической теории, стала статья А. Е. Шаститко «Неоинституционализм», опубликованная в 1997 г. [Шаститко, 1997]. В этой работе была представлена краткая история развития, предпосылки возникновения и методологические особенности новой институциональной экономической теории, предложено ее сравнение с традиционным институционализмом и неоклассической теорией. В дальнейшем институциональные исследования, публикуемые на страницах журнала, носили преимущественно прикладной характер. Сотрудники созданной на экономическом факультете в 2001 г. кафедры прикладной институциональной экономики, а также их коллеги из других вузов исследовали институциональные факторы создания механизмов преодоления административных барьеров в развитии предпринимательства [Дегтярев, Маликов, 2003], институциональные альтернативы обеспечения качества продукции и точного исполнения контрактов [Шульга и др., 2014], экономическое значение и состояние социального капитала в мире и России [Иванов и др., 2014].

3. Экономика труда и социальной сферы

Вопросы развития общественного сектора и социальной сферы обсуждались на страницах журнала с конца 1990-х гг. [Ахинов, 1998]. В 2005 г. в журнале была опубликована статья профессора экономического факультета С. Н. Бобылева, написанная на основе «Докладов о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации» за 2000–2004 гг., подготовленных при поддержке Программы развития ООН. Главным редактором этих докладов являлся С. Н. Бобылев, и в своей статье для «Вестника» он рассмотрел инструментальные подходы к измерению человеческого фактора в экономическом развитии России на основе докладов и документов ООН и Всемирного банка [Бобылев, 2005].

Одним из важных элементов развития человеческого потенциала является реформа системы образования, подразумевающая, в частности, переход к двухступенчатому высшему образованию по системе «бакалавр-магистр». Экономический факультет МГУ первым в России полностью перешел на такую систему подготовки студентов, а основные преимущества новой системы были суммированы в 2006 г. в статье В. П. Колесова [Колесов, 2006], занимавшего на тот момент пост декана, а ныне — президента факультета. Наряду с про-

блемами системы образования в журнале публиковались статьи и по другим актуальным вопросам экономики труда и социальной сферы — в частности, таким как предоставление услуг в сфере здравоохранения, культуры и спорта [Восколович, 2012], управление персоналом и разработка программ адаптации для сотрудников коммерческих организаций [Разумова, Федорова, 2009], социально-трудовые отношения в условиях формирования сетевой экономики [Колосова, Медведева, 2016].

4. Демография и экономика народонаселения

Демографическая наука развивается в стенах экономического факультета МГУ уже около полувека. В 1967 г. на факультете была создана кафедра народонаселения, а в 1968 г. Центр по изучению проблем народонаселения. Основателем и первым руководителем этих подразделений был заслуженный деятель науки РСФСР профессор Дмитрий Игнатьевич Валентей. С 1990-х гг. факультетские демографы активно включились в изучение и обсуждение актуальных проблем, связанных с социально-демографической политикой [Елизаров, 1992], формированием населения крупных городов [Донец и др., 1997], миграцией населения [Ионцев, Алешковский, 2007; Варшавская, Чудиновских, 2014]. Сотрудники факультета принимали непосредственное участие в разработке ряда стратегий и иных программных документов в сфере демографии и семейной политики, публикуя результаты своей работы в журнале [Калабихина, 2015]. Наряду с исследованием демографических проблем сотрудники факультета опубликовали в журнале ряд методических публикаций, посвященных преподаванию демографии в вузах [Калмыкова, 2015].

5. Отраслевая и региональная экономика

Рубрика «Отраслевая и региональная экономика» (до 2003 г. — «Проблемы отраслевой, межотраслевой и региональной экономики») существует в журнале на протяжении всей его новейшей истории и присутствует в большинстве номеров. Среди опубликованных материалов — статьи, посвященные развитию железнодорожного транспорта [Лapidус, 2000], туризма [Джанджугазова, 2005; Александрова, 2015] и топливно-энергетического сектора [Марьин, Карасев, 2015]. Особое место в журнале занимают публикации по вопросам развития аграрной экономики — сельского хозяйства и продовольственной сферы [Емельянов, 2004; Белова, 2001]. Одной из наиболее цитируемых статей, опубликованных в журнале за последние 15 лет, является работа С. В. Киселева и Р. А. Ромашкина, посвященная определению рисков аграрно-продовольственного сектора России в условиях вступления в ВТО и поиску путей минимизации возможных неблагоприятных последствий такого шага [Киселев, Ромашкин, 2006].

Регионы России характеризуются значительной дифференциацией по уровню социально-экономического развития и по объему привлекаемых инвестиций, что обуславливает необходимость изучения экономических процессов не только на национальном, но и на региональном уровне. На страницах журнала неоднократно анализировались факторы, влияющие на уровень денежных доходов населения [Фетисов, 2006], инвестиционную активность [Добындо, 2008] и другие показатели состояния экономики российских регионов.

6. Математические методы анализа экономики

С течением времени все большее число авторов журнала используют в своих статьях математические, статистические и эконометрические методы. Среди опубликованных в журнале исследований значительное место занимают статьи сотрудников и аспирантов кафедры математических методов анализа экономики экономического факультета МГУ, основанной в 1962 г. академиком АН СССР В. С. Немчиновым [Грачева и др., 2011]. В частности, представлены методы анализа эффективности инвестиционных проектов [Грачева, 1999], математическое моделирование внешней торговли [Воркуев, 1998], инфляции и экономического роста [Картаев, 2015] и т.д.

7. Мировая экономика, вопросы глобализации

Последние 25 лет новейшей истории России были годами активной международной экономической и финансовой интеграции. Создавались новые международные организации и институты, вводилась в обращение единая европейская валюта, увеличивались объемы трансграничных сделок слияния и поглощений. Формирование глобальных товарных и финансовых рынков, усиление взаимосвязей между экономическими системами отдельных стран открывали новые возможности для международной торговли и инвестиций, но вместе с тем создавали новые риски и вызовы [Осьмова, Ляменков, 2001]. В 2000-е гг. в журнале неоднократно публиковались статьи, посвященные количественной и качественной оценке глобализации мировой экономики [Чибриков, 2006], а также деятельности международных экономических организаций в качестве регуляторов хозяйственных связей на глобальном уровне [Мазурова, 2005]. Задачи повышения инвестиционной привлекательности и международной конкурентоспособности экономики, сформулированные в России в качестве приоритетов государственной политики во второй половине 2000-х гг., также нашли свое отражение в статьях журнала — авторы анализировали детерминанты инвестиционного климата и конкурентоспособности экономики страны и предлагали комплекс мер по привлечению прямых иностранных инвестиций [Тихонова, 2005] и повышению конкурентоспособности России [Швандар, 2008].

8. Экономика природопользования, эколого-экономические исследования

Влияние экономического развития на экологию, сохранение биоразнообразия, возможности перехода к устойчивому развитию — все эти темы активно обсуждались на страницах журнала на протяжении всей его новейшей истории. За период с 1991 по 2016 г. в «Вестнике» появилось около трех десятков статей, посвященных различным проблемным вопросам экономики природопользования. Сотрудники кафедры экономики природопользования экономического факультета МГУ подготовили целый ряд статей, посвященных эколого-экономической ситуации в странах мира [Папенков, 1994] и в регионах России [Бобров, 1997]. В журнале также публиковались исследования, связанные с экономической оценкой природных ресурсов и биоразнообразия [Бобылев, Стеценко, 2000], управлением охраняемыми природными территориями [Кудрявцева и др., 2000], моделированием перехода к устойчивому развитию [Крюков, Сидоренко, 1997].

В 2015 г. в журнале появилась новая рубрика «Вопросы устойчивого развития». Первыми публикациями в ней стали совместное исследование Все-

мирного фонда дикой природы (WWF России) и МГУ, посвященное вопросам экологической ответственности нефтегазовых компаний [Шварц и др., 2015], и статья о проекте по организации раздельного сбора отходов в университетских кампусах [Кирюшин и др., 2015].

9. Финансовая экономика

Первые работы по теме функционирования финансовой системы появились на страницах журнала вскоре после российского финансово-экономического кризиса 1998 г. Авторы статей исследовали теоретические вопросы возникновения и развития финансовых кризисов [Аникин, 2001], предлагали меры оздоровления финансовой системы как на макроуровне, включающем управление денежным оборотом и регулирование банковской системы [Рыбин, 1999], так и на микроуровне, включающем подходы к корпоративному финансовому менеджменту на основе концепций управления рыночной стоимостью [Ивашковская, 1999].

С середины 2000-х гг. фокус научных интересов финансовых экономистов сместился в область прикладных корпоративных финансов – в частности, на страницах журнала были опубликованы статьи об основных тенденциях в российской практике слияния и поглощений [Ильин, Тихонов, 2005], о понятии и содержании финансовой отчетности [Соловьева, 2008], а также об использовании гибридных финансовых инструментов для финансирования растущих компаний [Никитушкина, Захаров, 2010]. Макроэкономические аспекты функционирования национальной и глобальной финансовой системы также нашли свое отражение в статьях журнала – например, в обзорной работе заведующего кафедрой финансов и кредита экономического факультета МГУ С. К. Дубинина [Дубинин, 2014].

С 2014 г. финансовые исследования публикуют в журнале в рамках специальной рубрики «Финансовая экономика», а в 2015 г. четвертый номер журнала вышел в формате тематического выпуска (приглашенный редактор – профессор М. Е. Дорошенко), содержащего результаты крупного исследовательского проекта, посвященного изучению двух наиболее актуальных тем современной финансовой теории и практики в глобальном масштабе – становлению макроэкономического регулирования и проблемам перехода к плавающему валютному курсу. Этот проект был выполнен экономическим факультетом МГУ в интересах Национального банка Казахстана [Аузан, 2015; Келимбетов, 2015].

10. Вопросы управления и экономика фирмы

Помимо статей, посвященных анализу экономики и ее отдельных отраслей на макроуровне, на страницах журнала традиционно находится место работам, посвященным управлению. Такие статьи, как правило, носят ярко выраженный прикладной характер и основаны на практическом опыте управления реальными российскими и зарубежными компаниями – от крупнейших естественных монополий [Лапидус, 2000; Герасименко, 2008] до участников франчайзинговых сетей [Устюжанин, 2009; Шахова, 2015]. Значительное внимание уделяется вопросам стратегического менеджмента и управления конкурентоспособностью компании [Черников, 2007], а также теоретическим и практическим аспектам современного маркетинга [Ребязина, Давий, 2014].

11. Междисциплинарные исследования

В 2014 г. на страницах журнала появилась новая рубрика – междисциплинарные исследования. Ее возникновение было связано с активным включением экономического факультета МГУ в прикладные исследования на стыке экономики с другими науками – в частности, с психологией, биологией, социологией и лингвистикой. Автором одной из первых статей, опубликованных в новой рубрике, стал декан экономического факультета МГУ А. А. Аузан. В его статье [Аузан, 2015] рассматривалась междисциплинарная проблема «эффекта колен» (зависимости от траектории предшествующего развития), изучением которой в разные годы занимались не только экономисты, но и социологи, историки, философы. Среди других междисциплинарных работ, опубликованных в журнале, можно выделить обзор исследований феномена сетей в различных науках [Баджо, Шерешева, 2014] и комплексное исследование связи языковых, этнических и культурных различий с процессами возникновения или увеличения потенциала реализации конфликтов в контексте социально-экономических измерений [Бутаева и др., 2016]. Появление в Московском университете межфакультетских магистерских программ, активная совместная работа сотрудников различных факультетов в различных научно-исследовательских проектах позволяют рассчитывать на новые интересные статьи в этой рубрике.

* * *

Многообразии направлений научных исследований, результаты которых публикуются в «Вестнике», можно проиллюстрировать на примере рейтинга наиболее цитируемых статей журнала за последние 15 лет. В первой десятке рейтинга (табл. 1) есть статьи, посвященные самым разным направлениям современной экономической науки – от аграрной экономики до исследований сетевых структур, от экономики природопользования до международной экономики.

Таблица 1

10 наиболее цитируемых статей журнала «Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика», по данным РИНЦ за период с 2002 по 2016 г.

Место	Публикация	Цит.
1	Бобылев С. Н. Развитие человеческого потенциала в России Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2005. № 1. С. 41–63.	33
	Астапов К. Л. Особенности развития экономических систем в современных условиях Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2005. № 4. С. 68–85.	
3	Стрелец И. А. Общество сетевых структур и информационный ресурс как сетевое благо Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2003. № 5. С. 3–18.	24

Место	Публикация	Цит.
4–5	Савон Д. Ю. Инструментарий стимулирования процесса экологизации производственной сферы	21
	Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2009. № 6. С. 67–76.	
4–5	Городничая Е. И. Зарубежный опыт государственного стимулирования формирования кластеров	21
	Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2010. № 1. С. 15–26.	
6–8	Киселев С. В., Ромашкин Р. А. ВТО и сельское хозяйство России	20
	Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2006. № 4. С. 75–93.	
6–8	Швандар К. В. Международная конкурентоспособность: трансформация понятия, критерии оценки, практические результаты	20
	Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2008. № 2. С. 58–72.	
6–8	Дегтярев А. Н., Маликов Р. И. Институциональные факторы создания механизмов преодоления административных барьеров в развитии предпринимательства	20
	Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2003. № 6. С. 42–58.	
9–11	Баджо Р., Шерешева М. Ю. Сетевой подход в экономике и управлении: междисциплинарный характер	19
	Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2014. № 2. С. 3–21.	
9–11	Липски С. А. Управление землепользованием и развитие земельно-информационных систем	19
	Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2002. № 6. С. 81–100.	
9–11	Кондрашева Т. К. Инновационная модель для российской экономики	19
	Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2005. № 6. С. 34–53.	

Источник: Российский индекс научного цитирования Science Index. URL: http://elibrary.ru/title_items.asp?id=8511 (дата обращения: 30.08.2016).

На сегодняшний день научный журнал «Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика» остается ведущим рецензируемым изданием МГУ имени М. В. Ломоносова, публикующим статьи по теоретическим и прикладным вопросам экономики и управления. Ежегодно в шести номерах журнала публикуются порядка 50 статей, среди авторов — преподаватели и научные сотрудники экономического факультета МГУ, а также других вузов и исследовательских центров России и зарубежных стран. Публикуемые в журнале материалы в обязательном порядке проходят процедуру двойного слепого рецензирования. В последнее время интерес читателей и авторов к журналу заметно возрастает, что связано прежде всего с ростом его импакт-фактора (см. рис. 1)

и его вхождением в списки ведущих российских научных изданий. В частности, с сентября 2015 г. журнал входит в обновленный список рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, утвержденный Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки РФ («Перечень ВАК»). Кроме того, с декабря 2015 г. журнал включен в совместный проект компании Thomson Reuters и Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU «1000 лучших российских журналов на платформе Web of Science» (Russian Science Citation Index).

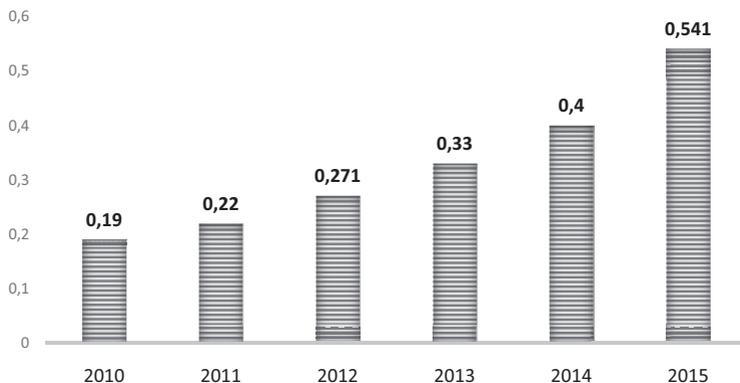

Рис. 1. Динамика двухлетнего импакт-фактора РИНЦ журнала «Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика», 2010–2015 гг.
Источник: http://elibrary.ru/title_profile.asp?id=8511 (дата обращения: 30.08.2016).

Список литературы

1. *Александрова А. Ю.* Интеграция событийных мероприятий в продвижение туристских дестинаций на принципах ко-брендинга // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 6. 2015.
2. *Аникин А. В.* О типологии финансовых кризисов // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 4. 2001.
3. *Аузан А. А.* «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития — эволюция гипотез // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 1. 2015.
4. *Аузан А. А.* Научное сотрудничество Национального банка Казахстана и экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова: первый опыт // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 4. 2015.
5. *Ахинов Г. А.* Экономика общественного сектора и основные подходы к решению социальных проблем // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 4. 1998.

6. *Баджо Р., Шерешева М. Ю.* Сетевой подход в экономике и управлении: междисциплинарный характер // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 2. 2014.
7. *Белова Е. В.* Земельная реформа в аграрном секторе экономики России: механизмы и результаты // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 6. 2001.
8. *Бобров А. Л.* Состояние и динамика социальной и эколого-экономической устойчивости России и ее регионов // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 6. 1997.
9. *Бобылев С. Н.* Развитие человеческого потенциала в России // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 1. 2005.
10. *Бобылев С. Н., Стеценко А. В.* Экономическая оценка природных ресурсов и услуг // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 1. 2000.
11. *Бузгалин А. В.* Будущее переходной экономики — экономика для человека // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 4. 1993.
12. *Бутаева К. О., Вебер Ш., Давыдов Д. В.* Язык, культура, миграция, конфликты: экономическая проекция // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 1. 2016.
13. *Варшавская Е. Я., Чудиновских О. С.* Миграционные планы выпускников региональных вузов России // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 3. 2014.
14. *Воркуев Б. Л.* Простая модель внешней торговли и ее обобщения // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 3. 1998.
15. *Восколович Н. А.* Специфика формирования доступности платных потребительских услуг // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 3. 2012.
16. *Герасименко В. В.* Направление структурного реформирования естественных монополий // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 2. 2008.
17. *Грачева М. В.* Методология проектного анализа и инновационная деятельность // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 1. 1999.
18. *Грачева М. В., Черемных Ю. Н., Шагас Н. Л., Вурос А. Д.* Кафедра математических методов анализа экономики // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 4. 2011.
19. *Дегтярев А. Н., Маликов Р. И.* Институциональные факторы создания механизмов преодоления административных барьеров в развитии предпринимательства // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 6. 2003.
20. *Деленян А. А., Московский А. И.* Кризисная экономика и формы использования трудового потенциала России // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 4. 1995.
21. *Джанджугазова Е. А.* Экономические аспекты развития туристско-рекреационного регионального комплекса // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 3. 2005.
22. *Добындо М. Н.* Инвестиционная политика регионов // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 1. 2008.

23. *Донец Е. В., Моисеенко В. М., Чудиновских О. С.* Тенденции формирования дневного населения г. Москвы // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 4. 1997.
24. *Дорошенко М. Е.* Обращаясь к истокам современной экономической теории // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 5. 2000.
25. *Дубинин С. К.* Эволюция регулирования глобального финансового рынка в период послекризисного восстановления мировой экономики // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 4. 2014.
26. *Елизаров В. В.* Экономико-демографические аспекты социальной защиты семей с детьми в связи с переходом к рынку // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 5. 1992.
27. *Емельянов А. М.* Структурные сдвиги в продовольственной сфере и качество жизни населения // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 4. 2004.
28. *Иванов В. В., Павлов П. Н., Козлов В. А., Сутырина Т. А.* Формирование социального капитала в России // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 5, 1992. № 3. 2014.
29. *Ивашковская И. В.* Стратегические подходы к финансовому управлению крупными корпорациями: международный опыт и российские задачи // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 5. 1999.
30. *Ильин М. С., Тихонов А. Г.* О некоторых тенденциях в российской практике слияний и поглощений // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 3. 2005.
31. *Ионцев В. А., Алешковский И. А.* Детерминанты внутренней миграции населения в современной России // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 2. 2006.
32. *Калабихина И. Е.* О реализации Национальной стратегии действий в интересах детей // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 6. 2015.
33. *Картаев Ф. С.* Таргетирование инфляции и экономический рост // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 3. 2015.
34. *Кваша А. Я.* Демографическое и экономическое развитие России // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 5. 1995.
35. *Келимбетов К. Н.* Современные вызовы финансовым системам развивающихся стран // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 4. 2015.
36. *Киселев С. В., Ромашкин Р. А.* ВТО и сельское хозяйство России // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 4. 2006.
37. *Колесов В. П.* Возможности и преимущества двухступенчатого высшего образования // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 1. 2006.
38. *Колосова Р. П., Медведева Т. А.* Социально-трудовые отношения в сетевой экономике // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 5. 2016.
39. *Колосова Р. П., Моисеенко В. М.* Учет и планирование трудовых ресурсов и рабочих мест в условиях рыночных отношений // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 5. 1992.

40. *Кондрашева Т. К., Никифоров А. А.* Регулирование цен в условиях перехода к рынку // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 5. 1992.
41. *Крюков М. М., Сидоренко В. Н.* Переход к устойчивому развитию экономики: системный подход и моделирование // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. № 4. 1997.
42. *Кудрявцева О. В., Никоноров С. М., Ситкина К. С.* Охраняемые природные территории в контексте устойчивого развития региона: экотуризм // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 2. 2013.
43. *Кульков В. М.* Смешанная экономика (теоретико-методологические аспекты) // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 5. 1996.
44. *Кульков В. М.* Национальный контекст экономической теории: прошлое и настоящее // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 3. 2003.
45. *Лapidус Б. М.* Стратегические подходы к управлению железнодорожным транспортом // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 1. 2000.
46. *Мазурова Е. К.* Глобализация и международные экономические организации // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 1. 2005.
47. *Марьин О. В., Карасев О. И.* Открытые инновационные сети как модель развития топливно-энергетического комплекса // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 6. 2015.
48. *Нехамкин А. Н.* Основные направления государственного регулирования научно-технического развития в условиях переходной экономики // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 1. 1997.
49. *Никитушкина И. В., Захаров С. В.* Преимущества использования гибридных финансовых инструментов на стадии роста компании // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 1. 2010.
50. *Осипов Ю. М.* Анализ социально-экономической трансформации России в свете теории переходных кризисных процессов // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 3. 1995.
51. *Осьмова М. Н., Ляменков А. К.* Устойчивое развитие человеческой цивилизации: новые проблемы и вызовы на рубеже XX–XXI вв. // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 3. 2001.
52. *Папенов К. В.* Эколого-экономическая ситуация в мире (политика, экономика, экология) // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 6. 1994.
53. *Пороховский А. А.* Цивилизационное значение политической экономии // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 4. 2014.
54. *Пороховский А. А., Хубиев К. А.* Формирование российской модели социальной рыночной экономики // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 4. 2005.
55. *Радаев В. В.* Важные условия развития экономической теории // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 3. 2003.
56. *Разумова Т. О., Федорова Е. Ф.* Особенности разработки программ адаптации для топ-менеджмента компаний // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 5. 2009.

57. *Ребязина В. А., Давий А. О.* Маркетинговые практики: теоретические подходы к определению и пониманию представителями российских компаний // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 6. 2014.
58. *Рыбин В. И.* Методологические основы реструктуризации финансовой системы России на рубеже XX–XXI вв. // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 5. 1999.
59. *Соловьева О. В.* Понятие финансового учета и финансовой отчетности // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 6. 2008.
60. *Тамбовцев В. Л.* О предмете теории переходной экономики // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 3. 1996.
61. *Тихонова В. Г.* К вопросу об эффективности прямых иностранных инвестиций в России // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 2. 2005.
62. *Устюжанин А. А.* Франчайзинг в России // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 4. 2009.
63. *Фетисов Г. Г.* Региональная дифференциация доходов населения и задачи социально-экономической политики // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 6. 2006.
64. *Худокормов А. Г.* Традиции российских реформ // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 6. 1993.
65. *Худокормов А. Г.* Существуют ли законы истории экономической мысли? // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 1. 2005.
66. *Черковец В. Н.* Тенденции, типы и виды модернизации современной российской экономики // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 2. 2011.
67. *Черников А. В.* Планирование развития конкурентоспособности предприятия // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 3. 2007.
68. *Чибриков Г. Г.* Глобализация и ее формы // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 4. 2006.
69. *Шаститко А. Е.* Неоинституционализм // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 6. 1997.
70. *Шахова М. С.* Организация франчайзинговой системы: этапы создания франшизы // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 5. 2015.
71. *Швандар К. В.* Международная конкурентоспособность: трансформация понятия, критерии оценки, практические результаты // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 2. 2008.
72. *Шварц Е. А., Книжников А. Ю., Пахалов А. М., Шерешева М. Ю.* Оценка экологической ответственности нефтегазовых компаний, действующих в России: рейтинговый подход // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 5. 2015.
73. *Шульга И. Е., Елисеев А. Н., Кузнецова Т. А.* Институциональная альтернатива обеспечения качества продукции и точного исполнения контракта // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 4. 2014.

В. В. Герасименко¹,

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

**НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА:
СТРУКТУРА, ДИНАМИКА,
ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ
(к 75-летию экономического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова)**

В декабре 2016 г. экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова празднует свое 75-летие. Многообразие направлений научных исследований факультета, значительное число выдающихся ученых, развитие университетских научных школ — все это позволяет говорить о значительном вкладе факультета в развитие экономической науки.

Ключевые слова: экономическая наука, экономический факультет, университетские научные школы, приоритеты исследований.

**RESEARCHES OF THE ECONOMIC FACULTY:
STRUCTURE, DYNAMICS, DEVELOPMENT
PRIORITIES**

In December 2016, the Economic faculty of Lomonosov MSU celebrates its 75th anniversary. The diversity of research areas of the faculty, a considerable number of eminent scholars, the development of the University scientific schools — all this allows to speak about the significant contribution of the faculty to the development of economic science.

Key words: economic science, Economic faculty. university scientific schools, research priorities.

На пороге юбилея — 75-летия экономического факультета Московского университета невольно задумываешься о значении пройденного пути в развитии экономической науки, о результатах и новых возможностях, о смысле и приоритетах. Оглядываясь на развитие факультета в течение прошедших семидесяти пяти лет, естественно задаться вопросом о научных традициях и научных школах, сложившихся за эти годы, и перспективах их развития в будущем.

Экономический факультет является не только крупнейшим учебным подразделением Московского университета, но и широко известным в нашей

¹ Герасименко Валентина Васильевна, д.э.н., профессор, замдекана по научной работе экономического факультета; e-mail: gerasimenko@econ.msu.ru

стране и за рубежом научно-исследовательским центром. В соответствии со Стратегией развития факультета до 2020 г. мы развиваемся как национально и международно признанный лидер университетского экономического образования, играющий активную роль в воспроизводстве элит России и евроазиатского пространства, важный центр фундаментальной и прикладной науки, экспертизы программ и стратегий. Деятельность экономического факультета вносит важный вклад в развитие экономической науки и направлена на теоретическую оценку как текущих, так и долговременных вызовов глобальной экономики, на подготовку сценариев и стратегий будущего развития нашей страны.

Организация научно-исследовательской работы (НИР) экономического факультета МГУ опирается на концепцию университета классического типа, к которому относится Московский государственный университет: научные исследования факультета в первую очередь направлены на развитие и совершенствование образовательного процесса, на повышение качества подготовки выпускников всех ступеней образования. Этим обусловлен фундаментальный характер большей части научно-исследовательских работ, которые в значительной степени способствуют сохранению и укреплению ведущих позиций экономического факультета МГУ в системе высшего экономического образования. Результаты фундаментальных НИР широко используются при разработке новых учебных курсов и программ, подготовке учебников и учебных пособий. Они также находят отражение в федеральных и региональных программах развития, законодательных и нормативных документах, государственной, экономической и социальной политике. Наряду с теоретическими фундаментальными исследованиями факультет проводит и поисковые работы, направленные на создание опережающего научного задела, а также отдельные прикладные разработки, способствующие развитию его деятельности.

Ежегодно на экономическом факультете проходит около 10–15 крупных конференций, некоторые из них — на регулярной основе. К числу последних относятся традиционная международная научная конференция «Ломоносовские чтения» (секция «Экономические науки»), международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (секция «Экономика»), Фестиваль науки.

Характерная черта сегодняшнего развития экономического факультета — это бурный рост масштабов и перспектив научных исследований (см. рис. 1).

Не менее впечатляющую динамику показывает рост числа грантов РГНФ, РФФИ, РНФ (см. рис. 2).

По содержанию наиболее масштабные прикладные проекты НИР осуществляются в последние годы по таким направлениям, как экономическая политика, инновационные процессы, развитие финансовой грамотности. Одновременно появляются новые направления фундаментальных исследований, среди которых необходимо особо отметить грант РНФ «Этнокультурные факторы, социальные процессы, конфликты и экономическое развитие», реализуемый научным коллективом Международной лаборатории культурного разнообразия и экономического развития под руководством ученого с мировым именем Шломо Вебера. Это направление исследований относится к числу наиболее актуальных и приоритетных [Weber, Le Breton, 2011; Бутаева и др., 2015].

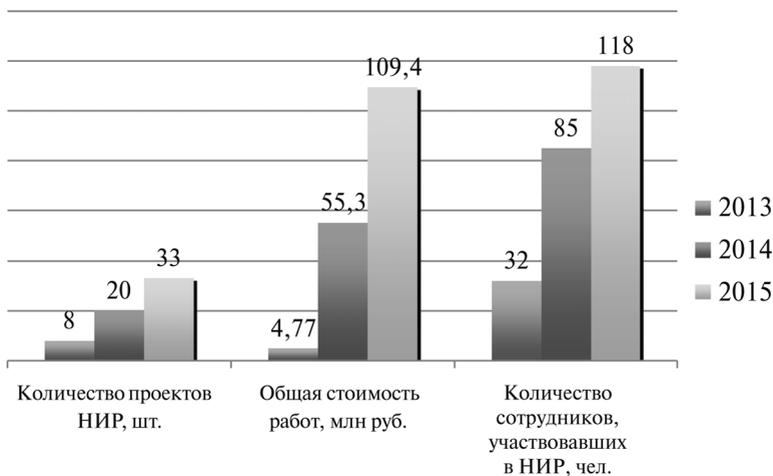

Рис. 1. Бурный рост проектов НИР на экономическом факультете

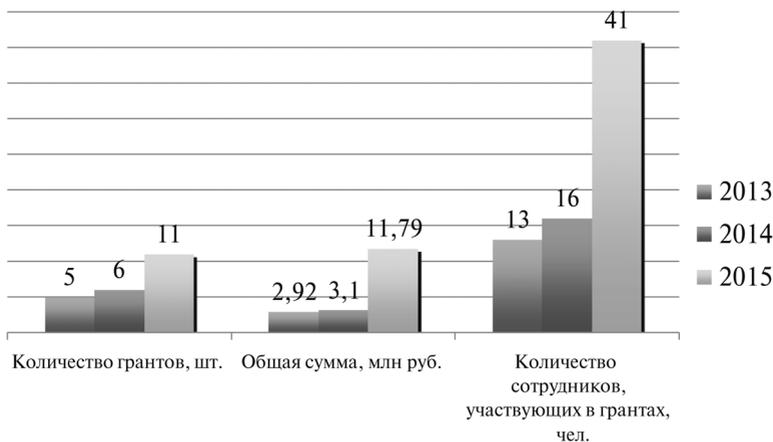

Рис. 2. Рост числа грантов (РГНФ, РФФИ, РНФ) на экономическом факультете

Важно отметить, что многие знаковые научные мероприятия и проекты осуществляются факультетом в сотрудничестве с другими научными центрами и организациями. Особо следует выделить научное взаимодействие с Российской экономической школой (РЭШ) и Новой экономической ассоциацией (НЭА). В рамках научного взаимодействия с РЭШ 9–10 октября 2015 г. на экономическом факультете состоялась международная конференция «О роли истории и разнообразия в понимании экономического развития». Научное взаимодействие с НЭА в 2015 г. ознаменовалось проведением 17–18 ноября на экономи-

ческом факультете ежегодной конференции НЭА «Стратегия экономического развития и будущее российской экономики», а в нынешнем году готовится совместное проведение Российского экономического конгресса.

Основную долю научных исследований на факультете проводят профессоры и преподаватели, а также аспиранты и студенты факультетских кафедр. Это позволяет быстро внедрять результаты исследований в учебный процесс, повышать качество образования. По традиции Московского университета кафедральные курсы и научные разработки поддерживаются сетью исследовательских подразделений факультета. К ним относятся: лаборатория сравнительного исследования социально-экономических систем, лаборатория философии хозяйства; научно-исследовательская лаборатория экономики народонаселения и демографии и лаборатория инновационного бизнеса и предпринимательства. Кроме того, при кафедрах функционируют исследовательские лаборатории: лаборатория по изучению социально-экономических проблем развивающихся стран при кафедре мировой экономики; лаборатория прикладного отраслевого анализа, лаборатория проблем инновационного развития при кафедре экономики инноваций; лаборатория институционального анализа при кафедре прикладной институциональной экономики и учебно-научная лаборатория институциональных проблем экономической модернизации при кафедре прикладной институциональной экономики. На факультете работают также свыше двадцати исследовательских центров, которые призваны оперативно формировать команды исследователей для выполнения актуальных проектов по различным научным направлениям.

Одной из целей «Стратегии развития экономического факультета до 2020 года» является возрождение и создание конкурентоспособных научных школ по разным направлениям, продуцирующих современные фундаментальные и прикладные экономические исследования. История факультета отражает основные вехи развития отечественной экономической науки. Труды таких выдающихся ученых, как К. В. Островитянов, И. Д. Удальцов, Ф. Я. Полянский, В. С. Немчинов, А. Я. Боярский, Н. А. Цаголов, С. К. Татур, Л. Я. Берри, Т. С. Хачатуров, А. И. Анчишкин, Д. И. Валентей, легли в основу ряда научных направлений и школ и дали факультету право считаться одним из крупнейших центров экономической науки [Герасименко, 2016]. За годы существования факультета благодаря трудам выдающихся ученых, работавших в его стенах, были заложены основы целого ряда научных направлений и школ, среди которых можно выделить следующие.

- **Научная школа Н. А. Цаголова (Политическая экономия)**

Школа профессора Н. А. Цаголова — научное направление политической экономии, развивавшееся в период со второй половины 50-х гг. до середины 80-х гг. на кафедре политической экономии экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова под руководством Заслуженного деятеля науки РСФСР, д.э.н., профессора Н. А. Цаголова. Основным результатом деятельности созданного им творческого коллектива был двухтомный «Курс политической экономии». Историческое и функциональное разнообразие социально-экономических систем было представлено в виде линейно-стадиального развития. В рамках школы была развита теория переходов двух видов: эволюционных и революционных, объективная необходимость которых определялась крите-

рием развития производительных сил и социально-экономического прогресса. Была создана новая теоретическая модель социализма как экономической системы. На основе оригинальной методологии в единой логической системе было изложено функциональное единство хозяйствования в рамках всего общества (макроэкономический уровень) и хозяйствования в рамках отдельных предприятий (микроэкономический уровень). В настоящее время продолжатели школы Н. А. Цаголова ведут сравнительный анализ марксистской и неоклассической методологии и теории, занимаются разработками проблем модернизации российской экономики в контексте развития производительных сил, техно-экономических, общественно-производственных и институциональных отношений, вопросами перехода от индустриального к постиндустриальному обществу и формирования социально ориентированной рыночной экономики с учетом национально-исторического опыта России.

- **Научная школа В. С. Немчинова (Математические методы анализа экономики)**

Кафедра математических методов анализа экономики экономического факультета была создана академиком В. С. Немчиновым, определившим направления научных исследований кафедры. В. С. Немчинов был одним из основоположников экономико-математического направления отечественной экономической науки. Он одним из первых поставил и решил теоретические вопросы экономической кибернетики, эконометрии, применения методов математического моделирования и вычислительной техники в экономических исследованиях, разработал модели расширенного воспроизводства, статистическую модель общественного разделения труда. Идеи В. С. Немчинова были развиты его непосредственными учениками и последователями научной школы. В настоящее время в рамках научной школы В. С. Немчинова работают пять научных семинаров, представляющие собой научные направления школы: «Инвестиционное проектирование», «Динамические модели в экономике», «Макроэкономические исследования», «Финансовая эконометрика» и «Экономика отраслевых рынков».

- **Научная школа А. И. Анчишкина (Прогнозирование экономических процессов)**

Данная школа была основана академиком АН СССР, д.э.н., профессором А. И. Анчишкиным — одним из самых выдающихся исследователей макроэкономических процессов на протяжении 60–80-х гг. прошлого столетия. Деятельность школы направлена на обоснование стратегии социально-экономического развития страны, которая органично включает в себя целый ряд структурных составляющих, таких как методы многофакторного системного обоснования динамики сводных макроэкономических показателей; балансовые методы установления связей между динамикой отраслей и многоотраслевых комплексов; методы оптимизации плановых решений; методы прогнозирования новых технологий и продуктов, идеология теории национальной инновационной системы.

- **Татуровская научная школа (Хозяйственный расчет, учет и комплексный экономический анализ)**

Школа была создана Заслуженным деятелем РСФСР, д.э.н., профессором С. К. Татуром. С 1972 по 2012 г. кафедрой руководил д.э.н., заслуженный про-

фессор МГУ, Заслуженный деятель науки РСФСР, заслуженный экономист РФ А. Д. Шерemet — продолжатель дела С. К. Татура и глава Татуровской научной школы. Особенностью исследований данной научной школы является рассмотрение проблем хозяйственного расчета, бухгалтерского учета и аудита, комплексного экономического анализа во взаимодействии, как единой системы. В 1989 г. Татуровская школа создала Ассоциацию бухгалтеров СССР, ныне Международная общественная организация «Ассоциация бухгалтеров и аудитором «Содружество». Основными целями и задачами школы являются: содействие развитию экономической науки и внедрению в практику хозяйственной деятельности предприятий новых форм и методов бухгалтерского учета, анализа и аудита, отвечающих требованиям современного уровня развития производства и управления; формирование у работников бухгалтерского учета и аудита экономического мышления, соответствующего рыночным отношениям; подготовка бухгалтеров и аудитором, в том числе профессиональных бухгалтеров, в соответствии с международными стандартами образования и Программой реформирования бухгалтерского учета и аудита в России.

- **Научная школа Т. С. Хачатурова (Экономические проблемы природопользования)**

Важным фактором в становлении на экономическом факультете научной школы в области экономики природопользования — школы академика Т. С. Хачатурова стало создание кафедры. Особенностью данной научной школы, заложенной ее основателем, можно назвать сочетание фундаментальных исследований с практикой, приложение теоретических достижений к решению наиболее острых современных проблем в области использования природных ресурсов и охраны природы. Результаты научных исследований служат постоянно обновляющейся базой для учебного процесса кафедры. Школа продолжает существовать и развиваться и в наше время. Последователи научной школы Т. С. Хачатурова работают не только в МГУ имени М. В. Ломоносова, но и во многих других учебных заведениях, научно-исследовательских учреждениях, правительственных органах и сфере бизнеса как в нашей стране, так и за рубежом.

- **Научная школа Д. И. Валентя (Системное исследование народонаселения)**

Становление научной школы Д. И. Валентя приходится на 1960–1980 гг. Этот период представлял собой особый этап в развитии исследований народонаселения в нашей стране. Именно тогда начиналось системное изучение народонаселения, развитие демографии как самостоятельной науки, а в ней — теоретической демографии как особой области демографических исследований, непосредственно связанной с экономической теорией и другими общественными науками. Систематизация и актуализация проблем населения, его воспроизводства как «проблем национальной важности», с одной стороны, и глобальных проблем — с другой, поиски и предложение ответов на вызовы времени — крупная научная заслуга Д. И. Валентя и его школы. В качестве отличительной особенности школы можно выделить анализ и объяснение закономерностей воспроизводства населения через условия и отношения его развития. Представители его школы первыми обосновали и последовательно проводят в настоящее время программно-целевой подход при проведении активной социально-демографической политики, который стал общепризнанным.

- **Научная школа философии хозяйства Ю. М. Осипова (Философское осмысление хозяйства)**

У философии хозяйства, обязанной своим возникновением не столько философии вообще, сколько политической экономии, однако не в момент ее расцвета, а в период острого кризиса — рубежа XIX и XX вв., есть конкретная дата рождения — 1912 г., когда в Московском университете была защищена С. Н. Булгаковым докторская диссертация по одноименной теме. Ясно выраженной научной школой она стала в 1990-е гг., когда потребность в философии хозяйства оказалась обусловленной не только движением абстрактной мысли, но и самой хозяйственной практикой, не всегда соответствующей теоретическим выкладкам экономической науки. Научная школа философии хозяйства реализуется в рамках деятельности экономического факультета, где функционирует с 2000 г. первая в России лаборатория философии хозяйства и Центр общественных наук. Основатель и руководитель современной школы философии хозяйства — д.э.н., профессор Ю. М. Осипов. Школа философии хозяйства занята поисками оптимального варианта развития российской хозяйственной системы, отдавая предпочтение ускоренно-инновационному варианту, предполагающему скорейший и прорывной перевод национального производства в русло системного обновления хозяйственной системы страны. Кроме того, ведется активная работа по изучению наследия отечественной экономической мысли.

В настоящее время на экономическом факультете развитие научных исследований происходит в рамках **пяти приоритетных направлений**, утвержденных Ученым советом факультета:

1. Развитие экономической теории на основе системного анализа и формирование российской модели инновационной экономики;
2. Исторические и философские аспекты экономической теории;
3. Институциональная организация экономических систем;
4. Развитие человеческого потенциала и социальная политика России;
5. Глобализация мирового хозяйства и Россия.

Внутри каждого из направлений на кафедрах и в лабораториях реализуются отдельные специальные темы. Всего на экономическом факультете в настоящее время разрабатывается 41 тема. Они охватывают широкий круг вопросов: от переосмысления концептуальных основ экономической теории до разработки прикладных исследований, направленных на решение конкретных экономических задач. Данные проблемы решаются сквозь призму идеи инновационного развития и модернизации России.

Результаты научных исследований находят отражение в научных публикациях, среди которых постоянно растет удельный вес статей в рейтинговых научных журналах с высоким импакт-фактором, в том числе в журналах так называемого «Списка МГУ» с импакт-фактором не ниже 0,2, в журналах, индексируемых в международных базах Web of Science и Scopus, а также в журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией ВАК РФ. Рост числа рейтинговых научных публикаций ученых факультета — это важный показатель эффективности научной работы (см. табл. 1).

**Рост количества научных публикаций
в высокорейтинговых научных изданиях**

Вид публикации	2014 г.	2015 г.	Прирост к 2015 г. в %
Публикации в журналах «Списка МГУ»	132	235	178,0
В том числе, статьи в журналах, индексируемых Web of Science и Scopus	13	17	130,8
Статьи в журналах ВАК	285	335	117,5

Существенным достижением и свидетельством признания научной работы факультета профессиональным сообществом стало включение журнала «Вестник Московского университета, серия «Экономика», который добился высокого импакт-фактора, в базу данных Russian Science Citation Index на платформе Web of Science. В конце 2015 г. подразделение по научным исследованиям и интеллектуальной собственности компании Thomson Reuters и научная электронная библиотека eLibrary.ru объявили о размещении базы данных лучших научных журналов России — Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science (WoS). RSCI является отдельной базой данных, не входящей в основное ядро базы Web of Science Core Collection, однако она полностью интегрирована с поисковой платформой WoS. И если российская научная платформа РИНЦ пока еще не производит качественного отбора индексируемых работ, то ключевым этапом создания базы данных RSCI стал отбор лучших журналов по всему спектру научных направлений, включая общественные науки. Поэтому включение факультетского журнала в эту базу — большое признание научных исследований и публикаций факультета.

Приоритеты развития научных исследований факультета в будущем во многом определяются структурой и содержанием процесса образования и задачами его совершенствования. Эта задача ложится, прежде всего, на плечи кафедр и лабораторий факультета, соединяющих в своей деятельности учебную и научную работу. Исходя из этого, можно с уверенностью ожидать, что в основе научного развития факультета будут и далее лежать в первую очередь исследования фундаментального теоретического характера.

Этот тезис относится прежде всего к научной работе кафедры политической экономики, лаборатории сравнительного исследования социально-экономических систем, кафедры философии и методологии экономики, лаборатории философии хозяйства и других. Приоритеты видятся в исследованиях проблематики национальных хозяйственных моделей и экономического роста, в частности, взаимосвязь натурально-вещественного и стоимостного аспектов роста, структурные аспекты роста, эффективность и моделирование экономического роста. Остается актуальной систематизация основных подходов к определению и оценке качества экономического роста: структурного, ресурсного, экологического, социального, социально-психологического. Особенности новых подходов

состоят в исследовании «ненаблюдаемых» факторов, внешне не относящихся к экономическим феноменам, таких как психологические факторы (мотивация, ожидания, доверие), социальные (принципы нерыночного взаимодействия, понимание социальной справедливости), культурные (общие ценности). Эти факторы превращаются в непосредственный предмет экономической теории, в центр теоретических обоснований общественного обмена. В условиях значительной зависимости хозяйственной модели России от внешнеэкономической конъюнктуры и, как следствие, подверженности ее внешнеэкономическим шокам встает вопрос о диверсификации структуры экспорта и стимулировании его высокотехнологичных сегментов. В то же время ослабление экспортных позиций из-за колебания мировых цен на топливо и сырье заставляет исследовать возможности проведения политики импортозамещения. Обеспечение экономической безопасности России как важная цель теоретических и практических исследований подводит к идее обоснования целенаправленной политики, учитывающей экспертные оценки предельных уровней индикаторов экономической опасности, с тем, чтобы ввести соответствующие риски в приемлемые рамки [Пороховский, 2014; Buzgalin, Kolgnaov, 2016].

Востребованные обществом и экономической наукой современные теоретические парадигмы развивает кафедра прикладной институциональной экономики — это новая институциональная теория, дискретные институциональные альтернативы, институциональные соглашения, институциональные изменения, права собственности, теория контрактов, новая институциональная теория государства. Эти концепции всегда находятся в центре научных дискуссий [Аузан, 2015].

В ключе теоретических моделей экономических процессов ведет свои исследования кафедра математических методов анализа экономики, развивая традиции учебно-научно-методологического семинара, существовавшего при В. С. Немчинове, на котором обсуждались проблемы экономико-математического моделирования, а также методология преподавания. Идеи этого семинара отчасти были заложены в основу создания тремя организациями: Университетом природы, общества и человека «Дубна», Центральным экономико-математическим институтом РАН и экономическим факультетом МГУ имени М. В. Ломоносова (в лице кафедры ММАЭ) — совместного регулярно действующего научного семинара «Методология моделирования социально-экономических процессов» [Грачева, 2015].

Исследования в области философии и методологии экономики призваны обеспечить потребности экономического факультета в развитии их методологических основ в таких сферах, как философия экономики, социодинамика, экспериментальная экономика, поведенческая экономика и другие [Тугов, 2016; Осипов, 2016]. На решение этих проблем, но в историческом аспекте, нацелены также разносторонние исследования кафедры истории народного хозяйства и экономических учений в рамках темы «Основные этапы экономической истории России и зарубежья», прежде всего по проблеме модернизации народного хозяйства России, исследуя основные факторы экономической модернизации путем анализа исторического опыта России и других стран [Худокормов, 2008].

В области прикладных научных исследований по экономике и управлению спектр тематики перспективных направлений исследований на факультете весьма широк: управление, институты управления обществом и государственная политика, финансы, социокультурная сфера, мировая экономика, инструментальные исследования и многое другое.

Одно из важнейших направлений — исследования в сфере управления, имеющие своим объектом процессы управления государством и бизнесом, развитие предпринимательства, менеджмента, маркетинга. Кафедра управления организацией заложила основы направления менеджмента на факультете, базируясь на системном подходе к анализу истории управленческой мысли [Маршев, 2013]. Сегодня полем исследований стали национальные модели подготовки кадров управления [Виханский, 2016], а также переосмысление подходов к внедрению инновационных технологий непрерывного образования [Gerasimenko, Razumova, Echenique, 2015].

На методологической базе теорий управления организацией развиваются многие другие специализированные направления исследований. Одно из них — теория маркетинга, развиваемая кафедрой маркетинга в аспекте конкурентоспособности и рыночных стратегий предпринимательства. Современная теория маркетинга создает пространство для поиска новых подходов и развития научных школ. Это пространство гораздо шире того набора инструментальных подходов к формированию рыночной политики компании, который считался парадигмой маркетинга в прошлом веке. Социальный маркетинг, «зеленый» маркетинг, маркетинг территорий, нейромаркетинг, сетевой маркетинг, маркетинг отношений — огромный спектр новых понятий и определений отражает востребованность маркетингового подхода и его применимость ко многим отраслям общественной жизни, необходимость поиска новых парадигм.

В рамках темы «Исследование сетевых форм организации экономических систем» лаборатории институционального анализа могут исследоваться сетевые взаимодействия государства, бизнеса и образовательных учреждений в рамках экосистем бизнеса и региональных инновационных систем с учетом специфики российской институциональной среды; анализ роли сетевых взаимоотношений с клиентами в создании устойчивых конкурентных преимуществ организаций; систематизация и сравнительный анализ форм сетевого взаимодействия в туризме, гостеприимстве и креативных отраслях, таких как киноиндустрия, музейная отрасль, сфера развлечений [Sheresheva, Kopiski, 2016].

Ведутся разработки проблем инновационного развития в рамках научного направления «Российская фирма в национальной инновационной системе», пионером которых стала кафедра экономики инноваций. Исследование проблем становления инновационной экосистемы России, изучение новых ролей университетов, бизнеса и государства в национальной инновационной системе, анализ трансформации механизмов взаимодействия университетов, бизнеса и государства в современных условиях и создание новых инструментов такого взаимодействия являются актуальными научными проблемами, которые могут иметь существенное теоретическое и практическое значение для развития российской экономики инновационного типа [Ивашенко, Дудин, 2016]. Особое внимание уделяется изучению роли университетов в современной инно-

вационной экосистеме и разработке новых инструментов их опережающего развития. Ведется исследование инновационной инфраструктуры и тенденций ее развития, оценка эффективности формирования основных элементов инновационной инфраструктуры в МГУ (включая построение Научно-технологической долины) и их взаимодействия с основными институтами развития (РВК, АСИ, Сколково, Сколтех и др.). Научно-методическое участие в разработке прогнозов по формированию новых технологических рынков России на горизонте 2030 г. в рамках Национальной технологической инициативы. В том же ключе инновационного менеджмента лаборатория инновационного бизнеса и предпринимательства ведет исследования в сфере управления процессом создания инновационных продуктов. Разработан управленческий подход для этапа формирования концепции инновационного продукта, который характеризуется высокой неопределенностью в процессе создания прорывных продуктов в сформировавшейся компании. Для управления созданием концепций инновационных продуктов предлагается использовать подход lean product management и практику гибкой разработки продукта [Лаптев, Шайтан, 2015].

Государственное управление и методы регулирования социальных и экономических процессов в условиях инновационной экономики исследует кафедра макроэкономической политики и стратегического управления, обосновывая стратегии и методы государственной экономической политики [Клепач, 2013]. Кафедра конкурентной и промышленной политики развивает концептуальные подходы и методики в сфере антимонопольной политики, отраслевого регулирования, государственного и корпоративного управления [Шаститко, Курдин, 2016].

Область финансовых исследований развивает кафедра финансов и кредита — актуальные проблемы развития финансовой системы России: ресурсы и инструменты развития, оценка устойчивого развития финансовых институтов. Выявляются барьеры и ограничения роста в условиях экономического и финансового кризиса российской экономики [Дубинин, Миклашевская, 2015]. Методы учета и страхования финансовых рисков, исследование текущего состояния российского страхового рынка в условиях продолжающегося кризиса, исследование особенностей развития отдельных видов страхования, анализ характерных особенностей институциональной организации современного страхового рынка в Российской Федерации в контексте сопоставления с современными мировыми тенденциями развивает кафедра управления рисками и страхования, на этой же кафедре продолжают исследования в области актуарных расчетов [Котловский, Яранцева, 2013]. Кафедра учета, анализа и аудита развивает направления организации контроля качества аудита: тенденции и перспективы перехода на международные стандарты, подходы и методы оценки достоверности отчетных показателей коммерческих организаций. Разрабатываются концептуальные основы современной учетной системы [Шеремет, Любимцева, 2015; Суйц, Хорин, 2016].

Одно из приоритетных направлений исследований — экономика труда и персонала, социальные процессы, демография и народонаселение. Научное направление кафедры экономики труда и персонала — разработка механизмов обеспечения сбалансированности между потребностями рынка труда в кадрах с высшим образованием и возможностями системы образования, механизма

оптимизации дифференциации и структуры заработной платы, разработка программы развития системы подготовки рабочих кадров в субъектах Российской Федерации, прогнозно-аналитическое исследование взаимодействия систем занятости и образования в России: структурные аспекты, оценка изменений масштабов структурных дисбалансов на российском рынке труда (по регионам, по видам экономической деятельности, по видам занятий). Выявлены особенности согласования спроса на рабочую силу с различными образовательными характеристиками и ее предложения. Проведено моделирование динамики параметров модели согласования спроса на рабочую силу и ее предложения. Перспективными направлениями научных исследований должны стать: развитие человеческого потенциала, социальная политика и достойный труд в России; занятость населения в условиях инновационного развития экономики России, ее глобализации, вступления в ВТО; оценка влияния крупных национальных проектов на социально-трудовую сферу (Сочи-2014 и др.); новые формы занятости — эволюция, институционализация, защищенность работника; рынок труда — структура, состояние, институты, факторы движения и прогнозирование в условиях растущей экономической неопределенности; рынок труда выпускников высшей школы и специалистов; социально-трудовые отношения в инновационной экономике; организация труда, нормирование и организационная культура; принципы и формы социальной защиты населения в обществе [Колосова, Разумова, 2012]. Духовно-нравственные ценности, язык, сознание и культура как основа консолидации российского общества — предмет исследований кафедры иностранных языков факультета [Кулик, 2013].

Лаборатория экономики народонаселения и демографии посвящает свои исследования мониторингу результативности Концепции демографической политики РФ на период до 2025 г., а также таким вопросам, как современные тенденции региональной и этнической дифференциации социально-демографических и миграционных процессов в России и зарубежных странах и их перспективная оценка; изучение информационной базы для наблюдения за миграционными процессами; демография современной Европы и стран СНГ, история изучения населения и историческая демография [Елизаров, 2014]. Кафедра народонаселения разрабатывает концепцию влияния возрастной структуры населения на социально-экономическое развитие в регионах России, проводится анализ влияния мер демографической и семейной политики на уровень рождаемости в развитых странах, где рождаемость выше, чем в России. Выявляются наиболее результативные меры демографической политики. В центре внимания — развитие комплексного подхода к изучению народонаселения, теоретические проблемы демографического развития; проблемы воспроизводства населения, демографическая и семейная политика; политика в интересах детей; разработка демографических федеральных и региональных программ; демографическое поведение и его детерминация; демографическая и гендерная экспертиза социально-экономических концепций, стратегий, планов и инвестиционных проектов; международная миграция населения и миграционная политика; факторы и последствия старения населения; проблемы социально-демографических групп на рынке труда; социально-демографическое развитие территорий [Калабихина, 2016].

В современном глобальном мире необходимы системные исследования широкого спектра международных экономических отношений, которые в течение долгих лет успешно и разносторонне проводит кафедра мировой экономики. В настоящее время научная работа кафедры направлена на исследование новейших тенденций и процессов развития мировой экономики и мирохозяйственных связей, среди которых приоритетными направлениями являются научные темы: «Глобализация мирового хозяйства и ее влияние на социально-экономическое развитие стран и регионов мира», «Национальные инновационные системы в зарубежных странах и России», «Партнерство государства и бизнеса в зарубежных странах» [Колесов, Осьмова, 2015]. Исследуется международное ценообразование на сельскохозяйственные и продовольственные товары, влияние изменения мировой политической ситуации, цен на нефть и последовавшей за этим девальвации рубля на состояние продовольственной безопасности в России, вопросы глобальной конкурентоспособности, формы государственно-частного партнерства (ГЧП) в мировой практике. Примыкающие к этому кругу проблем вопросы взаимодействия с ВТО, анализ состояния продовольственной безопасности и продовольственного рынка — направление исследований кафедры агроэкономики. Среди приоритетных вопросов можно отметить устойчивое развитие ресурсного потенциала аграрного сектора экономики, влияние внешнеторговых ограничений на потребление отдельных продуктов питания в России, возможности увеличения доли отечественного продовольствия в общем объеме товарных ресурсов внутреннего рынка [Киселев и др., 2015].

Научные направления, актуальность которых постоянно увеличивается, — это природопользование и устойчивое развитие, являющиеся объектом исследований кафедры экономики природопользования [Vukhareva et al., 2015; Rarpenov et al., 2015]. В центре внимания — интегрирование природопользования в процесс экономического развития, рассматривая их в непосредственной взаимосвязи и взаимозависимости. Целый ряд проблем социально-эколого-экономического характера являются предметом исследований кафедры. Это проблемы экологически устойчивой модернизации экономики России, роста ресурсоэффективности, оценки природного капитала, институциональные вопросы природопользования и другие. Значительное внимание уделяется общетеоретическим и методологическим вопросам экономики природопользования, обеспечению социально-эколого-экономического устойчивого развития, улучшению экологической ситуации на основе приоритетов развития в экономике с учетом имеющихся преимуществ, созданных в прошлом, и факторов развития России в перспективе. Новейшим научным направлением является экономика биоразнообразия.

Оценка экономической эффективности информационных систем с точки зрения инновационной экономики исследуется кафедрой экономической информатики [Лугачев, Скрипкин, 2012]. Проводится исследование изменений, происшедших в создании и использовании ИТ. Первое изменение — растущая диверсификация ИТ. Круг областей применения ИТ стремительно расширяется, что, в свою очередь, влечет за собой увеличение разнообразия самих ИТ. В результате круг решаемых задач, информационных систем (далее — ИС) и информационных ресурсов в разных областях применения ИТ столь различен, что

знание одной сферы применения ИТ лишь в малой степени помогает овладеть другой. Другое изменение — повышение зрелости аппаратного и программного обеспечения информационных систем. Двадцать лет назад большинство коммерческих программных продуктов требовали от пользователя дополнения их функциональности посредством программирования на алгоритмических языках (от так называемых «макросов» и «надстроек» в электронных таблицах до самостоятельных законченных программ). Сегодня подавляющее большинство задач может быть решено средствами, содержащимися в коммерческом ПО. Третье изменение — локальные ИС сегодня почти полностью вытеснены распределенными системами, в которых пользователи взаимодействуют друг с другом через локальные и/или глобальные сети. Поддержка таких систем самими пользователями обычно неприемлема как в силу сложности, так и в силу высоких рисков, что заставляет передавать профессионалам не только разработку, но и эксплуатацию ИС. Профессиональная поддержка, в свою очередь, предъявляет к пользователям требования в части дисциплины работы, отсутствовавшие в локальных информационных системах предшествующей эпохи. Это одно из новых направлений менеджмента, которое нуждается в дальнейшей разработке.

Современные информационные системы меняют многие подходы к статистическим изменениям и анализу данных, вносят инновационные элементы в статистические методы исследований, которые проводит кафедра статистики [Vishnevskiy, Karasev, Meissner, 2016]. В последние годы кафедра активно развивает новые направления научной деятельности — это совершенствование методологии региональной статистики в России, построение рейтинговых оценок, исследование альтернативных источников данных: big data, экспертные оценки, разработка методологии анализа качественных и количественных данных в целях стратегического прогнозирования, методология статистической оценки эффективности применения инструментов инновационной политики. Преподаватели кафедры осуществляют активную экспертную деятельность в области аналитической поддержки федеральных органов исполнительной власти и институтов развития. Новые перспективные направления научных исследований, многие из которых носят междисциплинарный характер, привлекают на кафедру студентов не только бакалавриата, но и магистратуры, которые приобретают здесь первый опыт самостоятельной научно-практической работы.

Список литературы

1. *Аузан А. А.*, 2015. О возможности перехода к экономической стратегии, основанной на специфике человеческого капитала в России // Журнал Новой экономической ассоциации. № 2(26). С. 243–248.
2. *Бутаева К. О., Вебер Ш., Давыдов Д. В.*, 2016. Язык, культура, миграция, конфликты: экономическая проекция // Вестник Московского университета. № 1. С. 3–21.
3. *Виханский О. С.*, 2016. Научение как основа стратегичности поведения // ЭКО. № 4. С. 103–116.

4. *Герасименко В. В.*, 2016. Экономическая наука и развитие университетских научных школ (по итогам научной конференции «Ломоносовские чтения-2016» // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. № 3. С. 122–140.
5. *Грачева М. В.*, 2015. Экономико-математические модели корпорации в учебном процессе // Экономическая наука современной России, Т. 2. № 69.
6. *Дубинин С. К., Миклашевская Н. А.*, 2015. Переход к свободному курсообразованию в России в рамках стратегии, направленной на достижение ценовой стабильности // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. № 4. С. 11–29.
7. *Елизаров В. В.*, 2014. Демографическое развитие России и ее регионов: общее и особенное // Уровень жизни населения регионов России. № 1. С. 57–72.
8. *Иващенко Н. П., Дудин М. Н.*, 2016. Стратегическое управление инновационным развитием предпринимательских структур в контексте экономики знаний // Экономика и предпринимательство. № 2. С. 907–914.
9. *Калабихина И. Е.*, 2016. Демография о «серебряных» потребителях в России в первой трети XXI века // Маркетинг в России и за рубежом. № 4 (114). С. 23–30.
10. *Киселев С., Строков А., Жорова М., Белугин А.*, 2015. Агропромышленный комплекс России в условиях санкций и необходимости обеспечения продовольственной безопасности // АПК: экономика, управление. № 2. С. 12–19.
11. *Клепач А. Н.*, 2013. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года (в соавторстве). — М.: Минэкономразвития России. — 328 с.
12. *Колесов В. П., Осьмова М. Н.* и др., 2015. Мировая экономика. Экономика стран и регионов. — М.: Издательство «Юрайт». — 519 с.
13. *Колосова Р. П., Разумова Т. О.*, 2012. Человеческое развитие и эффективная занятость // Уровень жизни населения регионов России. № 4. с. 116–121.
14. *Котлововский И. Б., Яранцева Е. А.*, 2013. Внутреннее моделирование страховой компании в рамках Solvency II (stress test) // Финансы. № 12. С. 32–37.
15. *Кулик Л. В.*, 2013. Понятийная система Европейского пространства высшего образования и ее языковая репрезентация // Университетский научный журнал. Humanities & Science University Journal. № 6. С. 89–95.
16. *Лаптев Г. Д., Шайтан Д. К.*, 2015. Управление созданием прорывных продуктовых инноваций в сформировавшейся компании // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. № 3. С. 76–92.
17. *Лугачев М. И., Скрипкин К. Г.*, 2012. Эффективность ИТ и институциональная среда российской фирмы: проблемы эмпирического анализа // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Т. 3. № 2.
18. *Маршев В. И.*, 2013. О состоянии и проблемах развития управленческой мысли // Проблемы теории и практики управления. № 6. С. 18–25.
19. *Осипов Ю. М.*, 2016. Неоэкономика как высшая на сегодня историческая форма экономики // Философия хозяйства. № 2. С. 293–298.

20. *Пороховский А. А.*, 2014. Цивилизационное значение политической экономики // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. № 4. С. 43–55.
21. *Суйц В. П., Хорин А. Н.*, 2016. О классификации видов аудита и аудиторских услуг // Аудит и финансовый анализ. № 1. С. 152–156.
22. *Тутов Л. А.*, 2016. Подходы к формированию современного экономического знания // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Т. 7. № 3. С. 7–17.
23. *Худокормов А. Г.*, 2008. Современная экономическая теория Запада (обзор основных тенденций) // Вопросы экономики. № 6. С. 20–43.
24. *Шаститко А. Е., Курдин А. А.*, 2016. Стимулы к процессным инновациям в дискретных структурных альтернативах конкурентной политики // Вопросы экономики. № 4. С. 56–85.
25. *Шеремет А. Д., Любимцева Е. В.*, 2015. Международный и отечественный опыт стандартизации в аналитических процедурах в аудите // Аудит и финансовый анализ. № 4. С. 167–176.
26. *Bukhareva E. N., Grunewald K., Bobylev S. N., Zamolodchikov D. G., Zimenko A. V., Bastian O.*, 2015. The current state of knowledge of ecosystems and ecosystem services in Russia. A status report, Ambio, Kungliga Vetenskapsakademien / Royal Swedish Academy of Sciences (Sweden). Vol. 44. P. 491–507.
27. *Buzgalin A., Kolganov A.*, 2016. Critical political economy: the ‘market-centric’ model of economic theory must remain in the past — notes of the Post-Soviet School of Critical Marxism, Cambridge Journal of Economics, Oxford University Press (United Kingdom). 40. № 2. P. 575–598.
28. *Gerasimenko V., Echenique V., Razumova T.*, 2015. Rethinking further professional education: search for multidisciplinary and new technological approaches. Proceedings of 9th International Technology, Education and Development Conference (INTED2015), IATED Academy Madrid, Spain. P. 3270–3276.
29. *Papenov K. V., Nikonov S. M., Zemskova O. V.*, 2015. Social, environmental, and economic problems of megacities // Studies on Russian Economic Development. 26. № 5. P. 499–503.
30. *Sheresheva M., Kopiski J.*, 2016. The main trends, challenges and success factors in the Russian hospitality and tourism market, Worldwide Hospitality and Tourism Themes. 8. № 3.
31. *Vishnevskiy K., Karasev O., Meissner D.*, 2016 Integrated roadmaps for strategic management and planning // Technological Forecasting and Social Change. № 110. P. 153–166.
32. *Weber S., Le Breton M.*, 2011 Games of Social Interactions with Local and Global Externalities, Economics Letters. № 111. P. 88–90.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Auzan A. A.*, 2015. O vozmozhnosti perehoda k jekonomicheskojstrategii,o snovannoj na specifikе chelovecheskogo kapitala v Rossii // Zhurnal Novoj jekonomicheskoj asociacii. № 2(26). S. 243–248.

2. *Butaeva K. O., Veber Sh., Davydov D. V.*, 2016. Jazyk, kul'tura, migracija, konflikty: jekonomicheskaja proekcija // Vestnik Moskovskogo universiteta. № 1. S. 3–21.
3. *Vihanskij O. S.*, 2016. Nauchenie kak osnova strategichnosti povedenija // JeKO. № 4. S. 103–116.
4. *Gerasimenko V. V.*, 2016. Jekonomicheskaja nauka i razvitie universitetskikh nauchnyh shkol (po itogam nauchnoj konferencii «Lomonosovskie chtenija-2016» // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 6: Jekonomika. № 3. S. 122–140.
5. *Gracheva M. V.*, 2015. Jekonomiko-matematicheskie modeli korporacii v uchebnom processe // Jekonomicheskaja nauka sovremennoj Rossii. T. 2. № 69.
6. *Dubinin S. K., Miklashevskaja N. A.*, 2015. Perekhod k svobodnomu kursoobrazovaniju v Rossii v ramkah strategii, napravlennoj na dostizhenie cenovoj stabil'nosti // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 6: Jekonomika. № 4. S. 11–29.
7. *Elizarov V. V.*, 2014. Demograficheskoe razvitie Rossii i ee regionov: obshee i osobennoe // Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii. № 1. S. 57–72.
8. *Ivashhenko N. P., Dudin M. N.*, 2016. Strategicheskoe upravlenie innovacionnym razvitiem predprinimatel'skikh struktur v kontekste jekonomiki znaniy // Jekonomika i predprinimatel'stvo. № 2. S. 907–914.
9. *Kalabihina I. E.*, 2016. Demografija o «serebrjanyh» potrebiteljah v Rossii v pervoj treti XXI veka // Marketing v Rossii i za rubezhom. №4 (114). S. 23–30.
10. *Kiselev S., Stokov A., Zhorova M., Belugin A.*, 2015. Agropromyshlennyj kompleks Rossii v uslovijah sankcij i neobhodimosti obespechenija prodovol'stvennoj bezopasnosti // APK: jekonomika, upravlenie. № 2. S. 12–19.
11. *Klepach A. N.*, 2013. Prognoz dolgosrochnogo social'no-jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda (v soavtorstve). — M.: Minjekonomrazvitija Rossii. — 328 s.
12. *Kolesov V. P., Os'mova M. N. i dr.*, 2015. Mirovaja jekonomika. Jekonomika stran i regionov. — M.: Izdatel'stvo «Jurajt». — 519 s.
13. *Kolosova R. P., Razumova T. O.*, 2012. Chelovecheskoe razvitie i jeffektivnaja zanjatost' // Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii. № 4. S. 116–121.
14. *Kotlobovskij I. B., Jaranceva E. A.*, 2013. Vnutrennee modelirovanie strahovoj kompanii v ramkah Solvency II (stress test) // Finansy. № 12. S. 32–37.
15. *Kulik L. V.*, 2013. Ponjatijnaja sistema Evropejskogo prostranstva vysshego obrazovanija i ee jazykovaja reprezentacija // Universitetskij nauchnyj zhurnal. Humanities & Science University Journal. № 6. S. 89–95.
16. *Laptev G. D., Shajtan D. K.*, 2015. Upravlenie sozdaniem proryvnyh produktovyh innovacij v sformirovavshejsja kompanii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 6: Jekonomika. № 3. S. 76–92.
17. *Lugachev M. I., Skripkin K. G.*, 2012. Jeffektivnost' IT i institucional'naja sreda rossijskoj firmy: problemy jempiricheskogo analiza // Nauchnye issledovanija jekonomicheskogo fakul'teta. Jelektronnyj zhurnal jekonomicheskogo fakul'teta MGU imeni M. V. Lomonosova. T. 3. № 2.
18. *Marshev V. I.*, 2013. O sostojanii i problemah razvitija upravlencheskoj mysli // Problemy teorii i praktiki upravlenija. № 6. S. 18–25.

19. Osipov Ju.M., 2016 Neojekonomika kak vysshaja na segodnja istoricheskaja forma jekonomiki // Filosofija hozjajstva. № 2. S. 293–298.
20. *Porohovskij A. A.*, 2014. Civilizacionnoe znachenie politicheskoy jekonomii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 6: Jekonomika. № 4. S. 43–55.
21. *Sujc V. P., Horin A. N.*, 2016. O klassifikacii vidov audita i auditorских uslug // Audit i finansovyj analiz. № 1. S. 152–156.
22. *Tutov L. A.*, 2016. Podhody k formirovaniju sovremennogo jekonomicheskogo znaniya // Nauchnye issledovanija jekonomicheskogo fakul'teta. Jelektronnyj zhurnal jekonomicheskogo fakul'teta MGU imeni M.V. Lomonosova. T. 7, № 3. S. 7–17.
23. *Hudokormov A. G.*, 2008. Sovremennaja jekonomicheskaja teorija Zapada (obzor osnovnyh tendencij) // Voprosy jekonomiki. № 6. S. 20–43.
24. *Shastiko A. E., Kurdin A. A.*, 2016. Stimuly k processnym innovacijam v diskretnyh strukturnyh al'ternativah konkurentnoj politiki // Voprosy jekonomiki, № 4. S. 56–85.
25. *Sheremet A. D., Ljubimceva E. V.*, 2015. Mezhdunarodnyj i otechestvennyj opyt standartizacii v analiticheskikh procedurah v audite // Audit i finansovyj analiz. № 4. S. 167–176.

Требования к статьям, принимаемым к публикации в журнале «Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика»

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не публиковавшимся ранее в других научных изданиях, соответствовать профилю и научному уровню журнала. Решение о тематическом несоответствии может быть принято редколлегией без специального рецензирования и обоснования причин.

Подача статьи осуществляется в электронном виде на адрес электронной почты редакции: econeditor@econ.msu.ru.

Оформление статьи

Статья должна быть представлена на русском языке в виде файла в формате MS Word (.doc или .docx) стандартным шрифтом Times New Roman (12 пт.) с полуторным межстрочным интервалом.

Файл с текстом статьи *не должен* содержать сведений об авторе или элементов текста, позволяющих идентифицировать авторство. Сведения об авторах отправляются отдельным файлом (см. ниже).

Объем статьи

Рекомендуемый объем статьи – от 30 тыс. до 45 тыс. знаков (с пробелами).

Структура статьи

Статья должна начинаться с названия (не более 10 слов), аннотации (100–150 слов) и ключевых слов (не более 8) на русском и английском языках. В аннотации должны быть указаны предмет и цель работы, методология, основные результаты исследования, область их применения, выводы. Несоответствие между русскоязычной и англоязычной аннотацией не допускается.

Структура основной части статьи должна строиться по принятым в международном сообществе стандартам: введение (постановка проблемы по актуальной теме, цели и задачи, четкое описание структуры статьи), основная часть (обзор релевантных научных источников, описание методологии, результаты исследования и их анализ), заключение (выводы, направления дальнейших исследований), список литературы.

Сведения об авторах

К статье необходимо *отдельным файлом* приложить сведения об авторе (авторах):

- полные фамилия, имя и отчество, основное место работы (учебы), занимаемая должность;
- полный почтовый адрес основного места работы (учебы);
- ученая степень, звание;
- контактный телефон и адрес электронной почты.

Все указанные сведения об авторе (авторах) должны быть представлены на русском и английском языках.

Список литературы

Список литературы должен содержать библиографические сведения обо всех публикациях, упоминаемых в статье, и не содержать указаний на работы, на которые в тексте нет ссылки. В списке литературы помещаются сначала публикации на русском языке (в алфавитном порядке), затем публикации на языках, основанных на латинском алфавите (также в алфавитном порядке). Дополнительно должен прилагаться список русскоязычных источников в романском алфавите (транслитерация). Программой транслитерации русского текста в латиницу можно воспользоваться на сайте <http://www.translit.ru>

Оформление ссылки

Ссылки на список литературы даются в тексте в следующем виде: [Oliver,1980], [Porter, 1994, p. 45], [Иванов, 2001, с. 20], [Porter, 1994; Иванов, 2001], [Porter, Yansen, 1991b; Иванов, 1991]. Ссылки на работы трех и более авторов даются в сокращенном виде: [Гуриев и др., 2002] или [Bevan et al., 2001]. Ссылки на статистические сборники, отчеты, сборники сведений и т.п. даются в виде: [Статистика акционерного дела..., 1898, с.20], [Статистические сведения..., 1963], [Устав..., 1992, с. 30].

Все данные должны иметь сноски на источник их получения, таблицы должны быть озаглавлены. Ответственность за использование данных, не предназначенных для открытых публикаций, несет в соответствии с законодательством РФ авторы статей.

Статьи, соответствующие указанным требованиям, регистрируются, им присваивается регистрационный номер (сообщается по электронной почте). Все статьи проходят процедуру двойного «слепого» рецензирования.

Отклоненные статьи не возвращаются авторам. В случае отказа в публикации автору статьи направляется мотивированный отказ, основанный на результатах рецензирования. По запросам авторов рукописей и экспертных советов ВАК редакция предоставляет соответствующие рецензии на статью без указания имен рецензентов.

Автор дает согласие на воспроизведение статьи на безвозмездной основе в Интернете.

Журнал является открытым – любой автор, независимо от гражданства, места работы и наличия ученой степени, имеет возможность опубликовать статью при соблюдении требований редакции.

Выплата гонорара за публикации не предусматривается. Плата за публикацию рукописей не взимается.

Адрес редколлегии: Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й учебный корпус, экономический факультет, ком. 326. **Электронная почта:** econeditor@econ.msu.ru